

10.
139
36

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга вторая.

ФЕВРАЛЬ.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, выходящій ежемѣсячно, 1-го числа, книгами, съ особыми приложеніями, принимается: 1) въ Конторѣ Сына Отечества, въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Василья Петровича Полякова, на Невскомъ-Проспектѣ, по линіи Гостиного Двора, подъ № 17, 2) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**. За пересылку къ иногороднымъ прилагается 1 руб. 50 коп. серебромъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.

1850.

802-11
280

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.**

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

Книжка первая. 1850. 1-я часть. 1-я книжка. 1-я часть. 1-я книжка. 1-я часть.

Книжка вторая.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.
1850.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ.

	Стр.
Февраль	1—4
Русская исторія.	
Посвященіе Императрицею Екатериною II, Нарвы, Ека- теринтала и Ревеля въ 1764 году	1—6
Современная лѣтопись и Политика.	
Внутреннія извѣстія	1—34
Иностранныя извѣстія	35—88
Русская Словесность.	
Сапожникъ и Сапожница. Соч. К. Масальскаго	1—4
Иностранная Словесность.	
Профессорша. Повесть Бертольда Ауэрбаха. Переводъ П. Фурманна	1—114
Науки и Художества.	
Исторія паровыхъ машинъ. Статья III. (Съ чертежами)	1—16
Критика и Библиографія.	
Январь—Февраль.—1. Подарокъ дѣтямъ. Азбука. 1849 г. — 2. Прописи для начинающихъ. К. фонъ Шеля.— 3. Deutsche Vorschriften. С. v. Scheel.— 4. Бесѣда и Слово. Е. Бенескриптова. 1849 г.— 5. Паладія. Лав- саккъ. 1850 г.— 6. Описаніе Ростовскаго Спасо-Яков- левскаго-Дмитріева Монастыря. 1849 г.— 7. Миель Славянскаго языка Шенпинга. 1849 г.—	

СЫНЪ ОТАЧЕСТВА

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИЯ ПОЛИТИКА СЛОВЕСНОСТЬ НАУКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ законное число экземпляровъ. 20-го февраля 1850 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.
Ценсоръ Н. Елачневъ.

ФЕВРАЛЬ

Редакторъ К. Масальскій.
Издатель К. Жернаковъ.

САНКЦИОНОВАНО
1850

8. Учебныя руководства. Естественная Исторія. Ботаника. В. Далл. 1849 г.—9. Жизнь Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Соч. Н. Чичагова. 1849 г.—10. Монографія родильныхъ болѣзней. Соч. Т. Гельма. 1849 г.—11. Алжирія въ новѣйшее время. М. Н. Богдановича. 1849 г.—12. Систематическое изложение узаконеній о домахъ и дворахъ. 1849 г.—13. Городской указатель или адресная книга. 1849.—14. Очерки современной жизни. Томъ VII. Соч. М. Корсини.—15. Голенькій—охъ! А за голенькимъ Богъ. Соч. М. С. Владимірова.—16. Памятная книжка, на 1850 г.—17. Стряпуха или опытная кухарка. 1850 г.—18. Хиромантія и Гороскопъ. 1850 г.—19. Глобусы, земной и небесный. Состав. В. Кротовымъ.—20. Рисунки мебели. Состав. Ленцингъ.—21. Мысли объ исторіи русскаго языка. Соч. И. Срезневскаго. 1850 г. 1—52

Слѣсь.

- Иностранная литература.—Путешествія. Еще нѣчто о Калифорніи.—Письма путешественника къ друзьямъ. Письмо Восьмое и Девятое. П. Фурманна.—Естественная Исторія. Ураганъ на островѣ Антигоа.—Составъ редакціи лондонскаго журнала.—Англійскіе гробовщики и мясники.—Поѣздка по желѣзной дорогѣ. (Разсказъ Поль-де-Кока).—Китайскіе нравы.—Странный любитель картинъ.—Бѣги меня!—Случай въ звѣриницѣ.—Терпсихора и Меркурій.—Анекдоты.—Разныя извѣстія. Первая грузинская комедія.—Интересное предложеніе для фабрикантовъ писчей бумаги.—Отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.—Картофельная болѣзнь.—Петербургскія моды.—Объявленіе о Глобусахъ.—Отъ редакціи. 1—111

Къ этой книгѣ Сына Отчества приложена парижская картинка молъ.

ФЕВРАЛЬ.

Латинское названіе Februarius происходитъ отъ глагола februare, «очищать», и значить: «мѣсяцъ очищенія», «очистительный мѣсяцъ». У древнихъ Римлянъ этотъ мѣсяцъ былъ посвященъ преимущественно божествамъ *Фебруусу* и *Фебруль*. Februus былъ древній италійскій богъ очищенія или примиренія. (*Macrob. Sat. I, 13; Fest. s. v. Februarius*). Фебруа, Februa, Februta, Februalis, Februlis, было прозваніе Юноны: такъ величалась богиня брака на праздникѣ Люперкаліяхъ, который праздновался у Римлянъ 15 февраля.

Праздникъ этотъ отправлялся въ честь бога Пана или Люперка, покровителя стадъ и хранителя ихъ отъ волковъ. Жрецы божества *Люперка*, которыхъ было сперва двѣ, а со время Цезаря три братія (*Fabiani Iuperci, Quintiliani Iuperci, Juliani Iuperci*), собирались къ Пановой пещерѣ, у подошвы горы Люперкала, приносили въ жертву бѣлаго козла или козу, изъ шкуры жертвы выкраивали себѣ фартуки и ремни, опоясывали фартуки около нагаго тѣла и взявши въ руки по священному ремню, бѣгали въ запуски по городу. Замужнія женщины спѣшили становиться на дорогѣ бѣгущихъ жрецовъ, чтобы который-нибудь изъ нихъ могъ хлестнуть ту или другую ремнемъ козьею шкурою (*amiculum Junonis*). Такое прикосновеніе, по мнѣнію римскихъ язычниковъ, очищало женщину, примиряло съ богами и дѣлало плодородною. Самый праздникъ Люперкаліи назывался иначе *Februatus dies*, т. е. «день очищенный».

Вслѣдъ за Люперкаліями наставлялъ въ Римѣ долгій праздникъ *Фебруаліи* (Februalia, Februa), прямо въ честь бога Фебрууса, патрона мѣсяца. Праздникъ длился съ 18 числа по 21, и имѣлъ цѣлью примиреніе душъ усопшихъ для предохраненія живыхъ отъ дѣйствій злыхъ духовъ въ наступающемъ году. Въ первый день праздника, верховные сановники отправлялись на Капитолійскую гору, въ храмъ Юпитера. Тамъ децемвиры, завѣдывавшіе жертвоприношеніями (decemviri sacris faciendis) раздавали народу факелы съ сѣрою и смолою. Народъ зажигалъ факелы, посыпалъ на нихъ мелко-источенную сѣру и смолу, и носилъ ихъ по домамъ, изгоняя такимъ образомъ злыхъ духовъ. (Ovid. Fast. II, 19; IV. 726; Juvenal. II, 156). Затѣмъ сожигали все, что еще оставалось факеловъ, сѣры и смолы. Золу тщательно собирали и молча кидали черезъ голову въ Тибръ или въ другую текущую воду. (Virgil Eclog. VIII, 201). Въ послѣдній день праздникъ заключался *Фераліями*, торжественной жертвою по усопшимъ. Во все продолженіе праздника Фебруаліи не бывало ни бракосочетаній, ни брачныхъ договоровъ; вообще не вершились никакія дѣла, изъ опасенія худыхъ предзнаменованій. Никакое веселье не могло прерывать времени скорби по усопшихъ.

Въ стихотворномъ календарѣ Овидія (Fast. II. 533 и слѣд.) находимъ описаніе обрядовъ и жертвоприношеній во время *Фераліи* или *Фаренталіи* (Feralia, Farentalia). Фаренталія древнихъ Римлянъ былъ праздникъ въ родѣ нашей родительской субботы. Дѣти, сродники и наследники жертвовали тѣнямъ усопшихъ: отсюда и названіе праздника (parentatio). На могилу покойника ставили горшокъ съ цвѣтами, плодами и жертвенными обрѣзками, смѣшанными съ солью. Это обязанъ былъ дѣлать каждый; но богатые люди приносили поминальные дары важнѣе и дороже уставленныхъ. Храмы въ этотъ день были заперты; огонь не зажигался ни на одномъ жертвенникѣ. По словамъ Овидія, Фаренталіи установилъ Эней въ честь своего отца. Люди суевѣрные въ тотъ же день отправляли извѣ-

стные обряды въ честь богини молчанія, *Муты* или *Фациты* (Muta, Facita), для того, чтобы уничтожить дѣйствіе злыхъ рѣчей своихъ недоброжелателей. За Фераліями, днемъ примиренія съ усопшими, слѣдовали *Харистіи* (Charistia), день примиренія съ живыми, праздникъ въ родѣ нашихъ такъ называемыхъ *проценокъ дней*, когда всѣ члены фамиліи собирались на общій пиръ, и примиряли всякія взаимныя ссоры. Судя по празднеству Фераліи, можно повѣрить *Анизію* (Anysius), который въ твореніи Johan. Lud. de mens. говоритъ, что *Фебруусъ* было древнее атрурское божество, соотвѣтствовавшее греческому Плутону или отцу Плутона. Отъ Фераліи самый Февраль назывался у Римлянъ mensis feralis.

Въ древнѣйшемъ римскомъ 10-ти мѣсячномъ году Февраль не было. Когда же Нума или Тарквиній ввелъ раздѣленіе года на 12 мѣсяцовъ, Февраль считался послѣднимъ мѣсяцомъ года, начинавшася съ Марта. Ясное свидѣтельство объ этомъ находится у Варрона въ его словарѣ: Terminalia, quod is dies anni extremus constitutus. Duodecimus enim mensis fuit Februarius, говоритъ римскій слово-толкователь. Вотъ и причина, почему прибавочные дни прилагались и прилагаются именно къ Февралю. Легче было уравнивать годъ прибавляя къ концу, чѣмъ къ началу или вставляя въ средину. Древній обычай уцѣлѣлъ и въ юліанскомъ календарѣ, хотя годъ уже начинался съ Января, и Февраль сдѣлался вторымъ мѣсяцомъ.

Любя олицетворять всѣ понятія, древніе изображали Февраль въ видѣ женщины съ необыкновеннымъ уборомъ на головѣ, въ одеждѣ, подтянутой поясомъ, съ уткою въ рукахъ. Подлѣ нея въ воздухѣ кувшинъ, изъ котораго изобильно льется вода. Въ ногахъ у фигуры по одну сторону цапля, по другую рыба. Изображеніе это находимъ на римскихъ антикахъ.

У новѣйшихъ народовъ Европы, національныя названія Феврала заимствованы отъ различныхъ явленій природы.

По церковно-славянски или, на древнемъ болгарскомъ нарѣчїи: *Сльчель*.

На древнемъ русскомъ нарѣчїи: *Лютый*.

На малороссійскомъ и галиційскомъ (русинскомъ) нарѣчїи: *Лютый, Палютый, Казибродъ* (то есть искажитель до-рогъ).

По чешски: *Unor* (т. е. упоривающій, дѣлающій норы).

По сербски: *lutu*.

По хорватски: *Wieliasa* (въляча).

По хрутански: *Swican* (свичанъ).

По польски: *lutu*.

Таково и народное шѣмецкое названіе *Hornung*, отъ слова *Horn*, рогъ, потому-что въ это время олени перемѣняютъ рога; Итальянцы сохранили первобытное названіе съ незначительнымъ измѣненіемъ, но вовсе перетолковали смыслъ его; у нихъ *Febbraio* происходитъ отъ *febbre*, лихорадокъ, которыя въ теченіе этого мѣсяца особенно свѣршпствуютъ въ Италїи.

Въ средней Европѣ средняя температура Февраля теплѣе январской вообще на $1\frac{1}{2}$ градуса, и имѣтъ весьма примѣтное вліяніе на растительность. Въ С.-Петербургѣ февральская средняя температура теплѣе январской на 1 градусъ, сколько можно судить по перечню наблюденій за 40 лѣтъ (съ 1806 по 1845 годъ), помѣщенному въ календарѣ Академіи наукъ. Именно средняя температура Января оказывается: — 7,35, а Февраля: — 6,49. Изъ того же перечня видно, что самые холодные Феврали вытерпѣлъ Петербургъ въ 1809, 1816, 1829, 1838 и 1844 годахъ, т. е. отъ — 11 до — 12 град.; а самыми теплыми радовался въ 1807, 1817, 1822, 1832, 1835, 1842 и 1843 годахъ, когда термометръ показывалъ отъ 1 до 3 град. холода. Нынѣшній петербургскій Февраль въ первой своей половинѣ очень походилъ на Мартъ другихъ годовъ.

Долгота петербургскаго дня 1 Февраля не превышаетъ 9 часовъ круглымъ счетомъ. 28 Февраля жители нашей столицы могутъ читать безъ свѣчей около $11\frac{1}{2}$ часовъ въ сутки.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ПОСѢЩЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЮ ЕКАТЕРИНОЮ II,

НАРВЫ, ЕКАТЕРИНЕНТАЛЯ И РЕВЕЛЯ

въ 1764 году.

По-полудни 22-го дня іюня, Ея Императорское Величество, осмотрѣвъ имѣющіеся въ трехъ верстахъ отъ города Нарвы, славныя на рѣкѣ Наровѣ пороги, и тамо находящіяся пыльные мельницы, соизволила пройти оттуда въ крѣпость называемую Иванъ-городъ, внутри которой встрѣчена у церкви священникомъ и діакономъ съ Животворящимъ Крестомъ; а оттуда при пушечной съ Иваногородскихъ стѣнъ пальбѣ, соизволила возвратиться въ Нарву, въ домъ комендантской, провожаема всегда множествомъ народа.

Изъ Нарвы, отправилась Ея Императорское Величество, въ путь тогежъ числа по-полудни въ половинѣ девятаго часа. — Пушечная изъ обихъ крѣпостей пальба и бѣгущій по сторонамъ Ея кареты народъ препровождали за городъ, который весь преизрадно иллюминованъ былъ. — Магистратъ и знатные сего города, проводили Ея Величество до первыя корчмы, и желая отъ искреннихъ сердець благополучнаго пути, въ

городъ возвратились; а Ея Императорское Величество, продолжала счастливо путь, въ десять по полудни прибыть изволила въ мызу Его Святѣйства господина Оберъ Готмаршала и кавалера, Графа Карла Ефимовича Сиверса, называемую Лагену, гдѣ ужинать и ночевать, также и на другой день, то есть 23-го числа, по-полудни до 7-го часа пробить благоволила.—Во все сіе время, какъ сама Ея Императорское Величество, ко всевысочайшему своему удовольствію, такъ и вся находящаяся при ней свита видѣть могла, что Его Святѣйство Графъ Сиверсъ, къ угощенію всемиловѣйшей своей Государыни, не пожалѣлъ ни изживенія, ни великолѣпія, какое только къ отдаленной отъ его хозяйства деревнѣ показать было можно. — Свое всевысочайшее къ хозяину благоволеніе изъявила Ея Императорское Величество, какъ ему самому, пробитіемъ столь долго въ его мызѣ, такъ и дому его нѣкоторыми особливими знаками милости.

23-го числа по полудни въ 7 часовъ, выѣхавъ изъ объявленныхъ мызы Лагены, продолжала Ея Императорское Величество благополучно свой путь къ Ревелю чрезъ всю ночь, не останавливаясь нигдѣ кромѣ перемѣны лошадей, даже до мызы Колкъ, принадлежащей Ландрату Графу Штейнбоку, куда прибыть изволила 24-го числа по полудни въ 11 часовъ.—Во все время похода высланные къ принятію Ея Величества даже до Нарвы Депутаты города Ревеля и Рыцарства Эстляндскаго, старались со всевозможнымъ раченіемъ дѣлать по пути такія учрежденія, которыя бы приноси всякое путешествующимъ удовольствіе соответствовали тому радостному чувству, коимъ исполнены восхищенныя прибытіемъ Ея Величества ихъ сердца.—Въ мызѣ Графа Штейнбока нѣсколько труднаго чрезъ всю ночь похода отдохнувъ Ея Императорское Величество, изволила кушать.—Столь изобиліемъ своимъ свидѣтельствовалъ, коль великимъ и неоцѣненнымъ стасіемъ почиталъ себя хозяинъ, угощая въ маленькомъ своемъ домѣ толь великую и толь милосердную свою Самодержицу. — По полудни въ исходѣ 7 часа соизволила Ея Императорское Величество изъ мызы Колкъ отправиться прямо въ Ревель.

Въ Еглеватъ, какъ-то на послѣдней отъ Ревеля почтѣ, принята Ея Величество вышеръченными Депутатами, и оттуда прямо изволила пойти въ Екатериниталь, заложенный еще Императоромъ Петромъ Великимъ, прекрасной и увеселительной домъ близъ Ревеля лежащій. — Его Святѣйство Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, Маіоръ Гвардіи Преображенскаго полку и кавалеръ Святаго Александра Невскаго, какъ главный командиръ находящагося въ Ревель гвардіи корпуса, съ эскадрономъ конной гвардіи, встрѣтилъ Ея Величество за милю отъ Екатеринитали; а на рубежахъ городской земли выѣхавшіе изъ города Ландраты и все рыцарство ожидали пѣшіе прибытія Ея Величества, и вида мимоѣдущую всеподданнѣйше принесли съ благополучнымъ прибытіемъ поздравленіе, и какъ они, и Ревельской Магистратъ съ купечествомъ и съ городскою ротою, которая подѣ командою своихъ начальниковъ и сидя на коняхъ отдала чѣсть уклоненіемъ городоваго штандарта, провожали Ея Величество верхами, на богатоубранныхъ лошадяхъ даже до Екатеринитали.

Ея Величество перешедъ изъ путеваго въ городской придворный экипажъ за 4 версты до Екатеринитали, изволила шествовать къ сему увеселительному дому, провождаема выѣхавшимъ на встрѣчу Генералитетомъ, эстляндскимъ рыцарствомъ, магистратомъ, эскадрономъ кирасиръ и карабинеровъ; а за каретою непосредственно слѣдовалъ эскадронъ конной гвардіи подѣ командою своихъ офицеровъ. И когда Ея Императорское Величество къ Екатериниталю приближалась стала, то произведена пушечная пальба, какъ со всѣхъ городовыхъ укрѣпленій, такъ и съ лежащаго на рейдѣ флота; въ городѣ между тѣмъ производился колокольной звонъ, а отъ стоящихъ при лагерѣ въ надлежащемъ отъ города разстояніи, въ строю пяти полковъ, дивизіи Его Святѣйства, господина Генерала и кавалера Графа Румянцева, который самъ при въѣздѣ въ Екатериниталь слѣдовалъ въ каретѣ за Ея Величествомъ, производилъ троекратной бѣглою огонь, городъ былъ превзрадно иллюминированъ. Такимъ-образомъ, къ неописанной радости всего ревельскаго народа, изволила Ея Императорское Величество прибыть въ Екатериниталь, въ 12 часовъ по полудни 24-го числа іюня.

На завтра, то-есть 25-го дня сего мѣсяца, по-полуночи въ 11 часовъ собрались въ Екатериниталь, всѣ знатныя обоего пола персоны, Генералитетъ и всѣхъ находящихся при Ревель полковъ штабъ и оберъ-офицеры, для принесенія всеподданнѣйшаго Ея Величеству, поздравленія. — А какъ Ея Императорское Величество изъ своихъ покоевъ въ замъ въ 12 часовъ выйти изволила, то по всеподданнѣйшему отъ Оберъ-Гофмаршала докладу, допущены на аудіенцію и всемилостивѣйше къ рукъ пожалованы.

1) Духовенство російское, предводимое соборнымъ Священникомъ, который и приветственную рѣчь, именемъ всѣхъ жителей, Ея Императорскому Величеству говорилъ.

2) Ландраты и все рыцарство подъ предводительствомъ Генераль Губернатора, Его Святлости господина Генераль Фельдмаршала Принца Голштейнъ Бека; при чемъ говорена изрядная поздравительная рѣчь Гауптманомъ рыцарства, господиномъ Ульрихомъ, которой съ серебрянымъ своимъ жезломъ предстоляя рыцарству.

3) Лютерское духовенство городское и сельское, при чемъ городовымъ главнымъ пасторомъ говорена рѣчь приветственная.

4) Магистратъ и мѣщанство.

5) Всѣ знатныя дамы.

6) Всѣ морскіе флагманы и офицеры.

9) Генералитетъ, Штабъ и оберъ-офицеры полевыхъ полковъ, представляемы Командующимъ Шефомъ, Его Сіятельствомъ Графомъ Румянцовымъ.

8) Гарнизонные штабъ и оберъ-офицеры, предводимы Оберъ-Командантомъ Генераль-Поручикомъ и кавалеромъ Фонъ Тизенгаузенемъ.

Потомъ оставлены къ столу Ея Величества знатнѣйшія дамы, Генералитетъ, такожъ и два знатныхъ Ландрата. — Первой столъ, гдѣ Ея Императорское Величество присутствовать изволила, былъ по билетамъ; а оба въ разныхъ комнатахъ приготовленные, вмѣщали шестьдесятъ персонъ.

Полудни въ семь часовъ соизволила Ея Императорское Величество пойти на шлюпкахъ, со всѣмъ штатомъ и Генералитетомъ въ военную гавань, и тамо осматривъ все ста-

рое и новое подъ дирекцію Его Сіятельства господина Генераль-Фельдмаршала графа Миниха, производимое строеніе, и показавъ всевысочайшее Свое благоволеніе, изволила обоемъ пѣшкомъ всю гавань съѣсть въ карету, и въѣхать провождаема господиномъ Генераль-Губернаторомъ, и всѣмъ Генералитетомъ въ городъ Ревель, между тѣмъ какъ изъ стоящаго на рейдѣ флота, такъ съ военной гавани и съ крѣпости производилась пушечная пальба. — Хотя въ городъ и неизвѣстно было, что Ея Императорское Величество того дня войти въ него изволить; однако жадность народа видѣть свою Самодержицу, при первомъ выстрѣлѣ изъ пушки Адмиральскаго корабля, собрала его въ толь неописанно великомъ числѣ, что съ крайнею нуждою кареты по улицамъ продираться могли; окна, кровли и крыльцы, наполнены были всякого званія народомъ, на лицахъ котораго ясно изображалась внутренняя радость восхищающая въ неподдающихъ сердца, прибытіемъ Ея Величества. — При такомъ безчисленномъ множествѣ народа свидетельствующемъ многолюдство обитателей города, шествіе Ея Величества продолжалось большею улицею мимо рынка и Ратгауза, предъ которымъ на площади нарочно къ прибытію Ея Величества построены преизрядною архитектурой, и украшенныя позлащенными статуями торжественные ворота. Такимъ образомъ проѣхавъ чрезъ городъ, соизволила Ея Величество возвратиться въ Екатериниталь.

Сооруженныя въ городъ Ревель на площади триумфальныя ворота состоятъ изъ здѣланный на подобіе креста аркады, утвержденной на Римскихъ столбахъ. Надъ главнымъ проѣздомъ злѣваны по сторонамъ два малые прохода. — Вверху на аттикѣ стоитъ Російскій орелъ, у котораго по обѣимъ сторонамъ положены разные арматуры. — Подъ онымъ видны три ангела носимые на облакахъ, изъ которыхъ каждой въ одной рукѣ держитъ по трубѣ, съ привѣщеннымъ къ оной знаменемъ, а въ другой щитъ на коемъ изображено вензелевое имя Ея Императорскаго Величества; на трехъ знаменахъ написаны слѣдующія слова:

Semper Honor Nomenque Tuum Laudesque manebunt.

то есть:

Твоя честь, Твое имя, Твоя слава, вѣчно пребудутъ.

Подъ сими же словами написано:

Augustissimae omnium Russiarum Imperatrici Catharinae
Secundae Matri Patriae incomparabili Monumentum hoc sacrum
esse voluere urbis Revaliae subditi devotissimi.

то есть:

*Всеаугустѣйшей Императрицѣ Всероссийской Екатерины
Второй, несравненной матери Отчества, сіе зданіе съ глупо-
бодайшимъ благоговѣніемъ посвящаютъ всеподданнѣйшіе го-
рода Ревеля жители.*

Надъ однимъ изъ находящихся по сторонамъ проходоу
изображенъ у фронтона городъ Ревель съ гаванью, изъ ко-
торой выходитъ корабль съ надписью:

Currit ad exteros.

то есть:

Идетъ въ чужую страну.

Внизу написаны слова: Spe comite.

то есть:

Провожаемый надеждою.

На другомъ фронтонѣ виднѣ входящій въ гавань корабль,
а на берегу маякъ, съ надписью:

Ditior ut redeat.

то есть:

Да возвратится богатые.

А въ низу написаны слова: Numine duce

то есть:

Богомъ управляемый.

Вверху стоятъ около Атики по обѣимъ сторонамъ шест-
надцать статуй.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Божіею милостию,

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ Всероссийскій, Царь Польскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всеѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Во 2-й день сего января, Любезная Наша Невѣстка, Цесарев-
на и Великая Княгиня МАРІА Александровна, Супруга Любез-
наго Нашего Сына, Наслѣдника Цесаревича, разрѣшилась отъ
бремени рожденіемъ Намъ Внука, а Ихъ Императорскимъ Вы-
сочествамъ Сына, нареченнаго АЛЕКСѢЕМЪ.

Таковое Императорскаго Нашего Дома приращеніе пріемля
новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, въ утѣшеніе Намъ
писпослапной, Мы вполнѣ удостовѣрены, что все вѣроподан-
ныя Наши вознесутъ съ Нами ко Всевышнему темляя молит-
вы, о благополучномъ возрастѣ и преусиѣніи Новорожден-
наго.

К. П. — Отд. П.

Повелѣваемъ писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, сего Любезнаго Намъ Внука, Новорожденнаго Великаго Князя, Его Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, во 2-й день сего января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча-восемь-сотъ-пятидесятое; Царствования-же Нашего въ двадцать-пятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

РЕСКРИПТЪ

Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Преосвященнѣйшій Митрополитъ Филаретъ!

Во 2-й день сего января Господь даровалъ Мнѣ сына. Присполненные благоговѣніемъ къ Московскому Первосвятителю и усердному молитвеннику земли Русской, въ обители коего Я родился и у раки коего воспріалъ святое крещеніе, Мы нарекли Его Александръ.

Поспѣшая извѣстить Ваше Преосвященство о семъ радостномъ для Насъ событіи, Я и Любезнѣйшая Супруга Моя поручаемъ новорожденнаго сына Нашего, Великаго Князя Александра Александровича, Вашимъ Святымъ молитвамъ.

Пребываю къ вамъ навсегда

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Высочества рукою написано:

«искренно-благосклонный

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ С.-Петербургѣ, января 2-го дня 1850 года.

РЕСКРИПТЪ

Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича,

данный на имя Преосвященнаго Митрополита Никанора.

Преосвященнѣйшій Митрополитъ Никаноръ!

По случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени Любезнѣйшей Супруги Моей, Государыни Цесаревны Великой Княгини Маріи Александровны, Сыномъ, Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ, препровождая при семъ къ Вашему Преосвященству, какъ Главному Попечителю Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, три тысячи рублей серебромъ, прошу Васъ приказать раздать эти деньги, чрезъ посредство оного, въ пособіе наиболѣе нуждающимся жителямъ С.-Петербурга.

Пребываю къ Вамъ навсегда

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Высочества рукою написано:

«искренно благосклонный

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ С.-Петербургѣ, января 2-го дня 1850 года.

3-го января, въ восьмомъ часу по-полудни, прибывшій въ Москву, по Высочайшему повелѣнію, Адъютантъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, Капитанъ-Лейтенантъ Князь Голыцынъ, доставилъ Московскому Военному Генералъ-Губернатору радостное извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Государыни Цесаревны Маріи Александровны, при нижеслѣдующихъ рескриптахъ:

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

Графъ Арсеній Андреевичъ! Наступленіе Нового года означеновалось новымъ радостнымъ событіемъ въ Моемъ Семей-

ствѣ. Сегодня, въ десять часовъ утра, Любезнѣйшая Невѣстка Моя, Государыня Цесаревна Марія Александровна, благополучно разрѣшилась отъ бремени Сыномъ, который нареченъ Алексѣемъ, въ честь Московскаго Чудотворца Митрополита Алексія, и въ память того, что Отецъ его, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, родился въ Москвѣ и крещенъ въ Чудодовомъ монастырѣ, подъ стѣною мощей Святителя. Посѣщая сію семейную радость Мою раздѣлится съ вами и любезно-вѣрными жителями Первопрестольной Столицы, препровождая при семъ копію съ манифеста, по сему случаю состоявшагося, для надлежащаго объявленія. Пребываю навсегда къ вамъ благосклоннымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

« П И К О Л А Й . »

С.-Петербургъ, 2-го января 1850 года.

РЕСКРИПТЪ

ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

Графъ Арсеній Андреевичъ! Сегодня утромъ Любезнѣйшая Супруга Моя благополучно разрѣшилась отъ бремени Сыномъ, Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Извѣщая о семъ Ваше Сіятельство, прошу препровождаемыхъ у сего три тысячи рублей серебромъ употребить на вспомошествованіе бѣднѣйшимъ жителямъ Первопрестольной Москвы, столь близкою Моему сердцу.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Высочества рукою написано:

« истинно благосклонный »

« А Л Е К С А Н Д Р Ъ . »

С.-Петербургъ, января 2-го дня 1850 года.

— 22 января совершено въ церкви Зимняго дворца, по Высочайше-утвержденному церемониалу святое крещеніе Высочайше-рожденнаго Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Алексѣя Александровича.

— Московскія купеческое и мѣщанское общества, припавъ съ живѣйшимъ восторгомъ радостное извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Государыни Цесаревны рожденіемъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, въ ознаменованіе сего благодатнаго событія и вѣрноподданнической приверженности къ Августѣйшему Царственному Дому, положили:

Купечество—помѣстить десять человекъ изъ спротивъ и дѣтей бѣдныхъ гражданъ въ учрежденныя обществомъ, въ память совершеннолѣтія и бракосочетанія Государя Наслѣдника Цесаревича, мѣщанскія училища, и кромѣ-того выдать выпускаемымъ изъ дѣвичьяго мѣщанскаго училища десяти воспитанницамъ общества, при выходѣ ихъ въ замужество, на приданое, каждой по двѣсти рублей серебромъ изъ общественной суммы; а мѣщанство — сложить съ самобѣднѣйшихъ, престарѣлыхъ и обремененныхъ большими семействами московскихъ мѣщанъ числящуюся на нихъ недоплатку государственныхъ податей на 20,000 руб. серебромъ.

Его Императорское Величество, прочитавъ съ удовольствіемъ всеподданнѣйшее о семъ донесеніе московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Высочайше повелѣть изволилъ: объявить купеческому и мѣщанскому обществамъ, за таковое ихъ выраженіе вѣрноподданческаго усердія, искренною Его Императорскаго Величества благодарность.

— Въ Именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, декабря во 2-й день мѣсяца 1849 года, изображено:

« По представленію Исправляющаго должность Генералъ-Губернатора Восточной Сибири, признавая полезнымъ и необходимымъ измѣнить порядокъ управленія Охотскимъ и Камчатскимъ краемъ, Повелѣваемъ:

1) Изъ частей, подвѣдомственныхъ Камчатскому припор-

скому управленію, и Гижигинскаго-Округа, состоящаго въ вѣдомствѣ Охотскаго приморскаго управленія, образовать особую область, которой именоваться Камчатскою Областью.

2) Управленіе этою областью по вѣсѣмъ вообще частямъ ввѣрить Военному Губернатору, назначаемому изъ чинновъ морскаго вѣдомства, котораго и подчинить непосредственно Генералъ-Губернатору Восточной Сибири.

3) Охотскій портъ, по неудобности оного, а также тамошнее приморское управленіе, упразднить, присоединивъ сей край, въ видѣ особаго округа, къ Якутской Области; находящійся-же въ Охотскѣ Окружный Судъ перевести въ Камчатку; и

4) Приведеніе сего въ исполненіе, на предписанныхъ особо основаніяхъ, возложить на Исправляющаго должность Генералъ-Губернатора Восточной Сибири.»

— Государь Императоръ, Высочайшимъ Указомъ, 6-го декабря, на имя Г. Военнаго Министра послѣдовавшимъ, Всемилостивѣйше повелѣть соизволимъ: Сибирскимъ линейнымъ батальонамъ, находящимся на полевомъ гарнизонномъ положеніи, впредь состоять на армейскомъ положеніи, и жалованье офицерамъ сихъ батальионовъ производить по окладамъ линейныхъ батальионовъ армейскаго положенія.

— Государь Императоръ, въ справедливомъ вниманіи къ постоянно-вѣрной и усердной службѣ Сибирскаго Линейнаго Казачьяго Войска, ознаменованной успѣшнымъ охраненіемъ пограничной Сибирской линіи на протяженіи 2,000 верстъ, Высочайшимъ Указомъ, на имя Г. Военнаго Министра Всемилостивѣйше пожаловать соизволимъ чинамъ сего войска права и преимущества, чинамъ арміи предоставленныя.

— Въ декабрѣ мѣсяцѣ обнародованъ слѣдующій Высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

Для ограниченія усилывающагося, во вредъ правтвенности и здоровью народа, непомѣрнаго употребленія горячихъ напит-

ковъ въ мѣстахъ, гдѣ существуетъ вольная онымъ продажа, указомъ Нашимъ 4-го іюня 1843 года повелѣли Мы производить, съ 1843 года, продажу сихъ напитковъ не ниже установленныхъ цѣнъ; но мѣра сія оказалась не вполне соответствующею Нашимъ ожиданіямъ.

По сему, для достиженія предположенной цѣли, столь важной въ видахъ государственнаго благосостоянія, общественной и частной пользы, Мы призывали въ Наше присутствіе мѣстныхъ Генералъ-Губернаторовъ, и по выслушаніи ихъ объясненій, признали за благо, вмѣсто впокуренной подати и пошлины съ вина, существующихъ въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Витебской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Волынской, Кіевской, Подольской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской области, ввести тамъ особый акцизный съ хлѣбнаго вина сборъ;—вслѣдствіе чего и поручили Министру Финансовъ составить о семъ сборѣ особое, настоящимъ потребностямъ соответственное Положеніе.

Утвердивъ нынѣ Положеніе сіе, Государственнымъ Совѣтомъ рассмотрѣнное, и препровождая оное, съ принадлежащими къ нему штатами, въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ:

1) Означенное Положеніе привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1851 года, закрывъ въ то же время, учрежденные для наблюденія за раздробительною продажей горячихъ напитковъ Губернскіе и Уѣздные Комитеты.

2) Должности состоящихъ нынѣ при Ревизскихъ Отдѣленіяхъ вторыхъ Ассессоровъ для завѣдыванія винными столами, упразднить, и размѣщеніе чиновниковъ, занимающихъ сіи должности, предоставить ближайшему распоряженію Министра Финансовъ, на основаніи общихъ законовъ.

3) Назначенныхъ по новымъ штатамъ чиновниковъ опредѣлить такъ благовременно, чтобы они могли вступить въ отпращивленіе своихъ обязанностей съ 1-го сентября 1850 года.

Означенное въ семъ указѣ положеніе напечатано въ № 102 Сенатскихъ Вѣдомостей 1849 года.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащія распоряженія къ приведенію сего въ дѣйствіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

Въ С.-Петербургѣ.

23-го ноября 1849 года.

— 6-го декабря прошлаго года, открыто въ Архангельскѣ Благородное Собраніе. Вотъ что напечатано объ этомъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: Заботливые, попечительные Гг. Начальники губерніи распорядились еще въ началѣ осени объ открытіи подписки для желающихъ быть членами Благороднаго Собранія;—рѣдкій успѣхъ благоприятствовалъ предпріятію:—записалось въ члены болѣе 200 лицъ,—число, по здѣшнему обществу, весьма-значительное.—Потомъ, на основаніи утвержденнаго Господнимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, 15 марта 1847 г. Устава Собранія, взрапо 8 Старшинъ, для составленія Дирекціи.

Для помѣщенія Благороднаго Собранія назначено зданіе театра, построенное съ этою двойкою цѣлю: паркетный полъ, утвержденный у главнаго входа на петляхъ, поднимается и уравнивается со сценою посредствомъ особеннаго механизма; отъ этого образуется одинъ пространный залъ.—Огромность зданія, и болѣе всего высота потолка въ залѣ, заставили опасаться холода; но благодаря заботливости мѣстнаго начальства, сдѣланы пышнѣйшимъ лѣтомъ всевозможныя исправленія, для удержанія теплоты. Комнаты, находящіяся по бокамъ залы, съ пользою и удобствомъ обращены для дамской уборной, бильярдной, буфетной, для чтенія периодическихъ изданій и газетъ; нѣсколько комнатъ опредѣлены для преферанса и ералаша.

Для открытія Благороднаго Собранія назначенъ былъ первый балъ въ Высочайшій день, 6 декабря, въ который вся необъятная Россія радостно торжествуетъ Тезоименитство Августѣйшаго своего Отца Монарха. Съ 8 часовъ

вечера, по освѣщеннымъ иллюминаціей улицамъ города пестрѣе экипажи, привозившіе на балъ многочисленныхъ посѣтителей. Многие изъ нихъ ѣхали съ недовѣрчивостію къ теплотѣ, къ удобствамъ помѣщенія... приготовленные къ тому ложными слухами,—но эти сомнѣнія разлетались мгновенно, при самомъ входѣ въ залъ: во 1-хъ, не смотря на морозъ въ 18° Р., было не только тепло, но даже жарко, такъ что еще до началія танцевъ, необходимость заставляла выпустить излишнюю теплоту,—удобство, которое трудно имѣть въ такомъ зданіи, кромѣ театра; здѣсь никогда жаръ не пашкучитъ, ибо верхніе корридоры суть резервуары, въ которые легко, безъ сквознаго вѣтра, выпускается излишняя теплота. Во 2-хъ, залъ представлялъ прекрасную панораму; вдали, на сценѣ, декорации, изображающія лѣсъ, поставленныя стѣною и освѣщенныя огромною люстрою, произвели эффектъ, которому способствовала еще легкая, красивая драпировка, раздѣляющая залу на двѣ части—и вообще хорошее освѣщеніе; наконецъ подробное разсмотрѣніе удобства и въ другихъ помѣщеніяхъ, прилегающихъ къ залѣ, обрадовало всѣхъ, и вызвало похвалы, восхищеніе и много, много словъ благодарности къ заботливости Начальника губерніи и Дирекціи Собранія.

— Въ Высочайшемъ Указѣ, данномъ въ 9-й день декабря на имя Г. Министра Финансовъ, изображено:

Господину Министру Финансовъ.

На расходы для окончанія С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги признали Мы за нужное сдѣлать новый виѣшній заемъ, который и повелѣваемъ открыть по подпискѣ на пять милліоновъ пять сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Билеты Государственной Коммиссіи Погашенія Долговъ, назначаемые для сего займа, имѣютъ быть, со внесеніемъ въ Государственную долговую книгу, выданы на предъявителя, не менѣе ста и не болѣе тысячи фунтовъ стерлинговъ каждый.

2) Билеты будутъ приносить по четыре съ половиною процента въ годъ, (начиная съ 20 декабря 1849—1-го января 1850 года.) Къ каждому билету присовокупляется двадцать

купонъ. По предъявленіи ихъ въ Лондонъ на сроки (съ 19 іюня—1 іюля и съ 20 декабря—1 января) выдаются интересы, причитающіеся за шесть истекшихъ мѣсяцевъ.

По прошествіи перваго десятилѣтія, на билеты, остающіеся въ обращеніи, имѣютъ быть выданы новые купоны.

3) На погашеніе сего займа (съ 20 декабря 1851—1 января 1852 года) назначается особый фондъ, составляющій ежегодно два процента съ нарицательнаго капитала. Сей фондъ погашенія имѣетъ быть обращаемъ на уплату въ Лондонѣ билетовъ, по нарицательной ихъ цѣнѣ. На сей конецъ билеты сего займа раздѣляются на пять сотъ пятьдесятъ разрядовъ (серій), по десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ каждомъ.

Билеты, принадлежащіе къ разрядамъ, вышедшимъ по тиражу, производимому ежегодно, должны быть, для полученія капитала, представлены вмѣстѣ въ остальныхъ купонами, т. е. съ тѣми, по которымъ сроки платежа интересовъ еще не наступили.

4) Распоряженіе объ открытіи сего займа возлагается на коммерческій домъ Нашего банкира, Барона Штиглица, который вмѣстѣ дѣйствовать въ семъ отношеніи сообразно вѣдшимъ наставленіямъ.

5) Счетъ имѣющимъ поступать суммамъ по сему займу долженъ быть вѣденъ (какъ и по прежнимъ займамъ, для сооруженія помянутой желѣзной дороги едѣланнымъ) отдѣльно отъ всѣхъ Государственныхъ доходовъ и расходовъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«И И К О Л А Й.»

С.-Петербургъ, 9-го декабря 1849 года.

— Государь Императоръ, согласно ходатайству С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, въ 10 день декабря 1849 г. Высочайше повелѣть соизволилъ: дарованныя, во 2 день марта 1847 года, воспитанникамъ Гатчинскаго Сиротскаго Института, при преобразованіи сего заведенія, права распростра-

нить и на пользующихся въ томъ Институтѣ однимъ ученіемъ дѣтей чиновниковъ вѣдомства Опекунскаго Совѣта, подъ названіемъ приходящихъ, кои согласятся принять на себя обязанности, возлагаемыя на штатныхъ воспитанниковъ, а тѣмъ, кои сего не пожелаютъ, предоставить права, присвоенныя, по воспитанію, чиновникамъ 2-го разряда, буде они кончили полный курсъ въ специальныхъ классахъ, и 3-го разряда, буде выпущены изъ особаго Отдѣленія въ канцелярскіе служители.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоудно было, во уваженіе ходатайства Опекунскаго Совѣта, изъявить Всемилостивѣйшее соизволеніе на предоставленіе правъ штатныхъ воспитанниковъ Гатчинскаго Института, кончившему нынѣ въ семъ заведеніи, съ отличнымъ успѣхомъ, полный курсъ, приходящему ученику, сыну бывшаго Законоучителя означеннаго Института, Священника Славинскаго, Павлу Славинскому, принимающему на себя все обязанности штатнаго воспитанника.

— Государь Императоръ, по представленію Г. Министра Финансовъ и по Положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить безпошлинный привозъ изъ за границы картофеля къ портамъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній, впредь до закрытія навигаціи 1850 года, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ привоза иностраннаго картофеля еще въ текущемъ году къ такимъ изъ означенныхъ портовъ, въ коихъ навигація иногда вовсе не прекращается, или же прерывается на самое короткое время, картофель тотъ могъ быть выпускаемъ безъ платежа за оный пошлины.

— По Высочайшимъ Его Императорскаго Величества повелѣніямъ, 3-го декабря 1843 и 23 мая 1847, опредѣлены были, для преподаванія фабрикантамъ способствъ къ совершенствованію ихъ заведеній, механики, первоначально въ губерніи: Владимірскую, Ярославскую, Калужскую, Тульскую, Нижегородскую, Костромскую, Тверскую и Рязанскую, а въ послѣдствіи въ Московскую губернію механикъ съ помощникомъ, съ произ-

водствомъ нѣмъ содержанія изъ Государственнаго Казначейства, по 1 января 1850 года.

Нынѣ, по полученіи отъ начальниковъ губерній свѣдѣній о дѣйствіяхъ механиковъ, и по соображеніи ихъ отзывовъ, изъ которыхъ видно, что пребываніе механиковъ въ губерніяхъ содѣйствуетъ успѣхамъ фабричной промышленности, Г-нъ Министръ Финансовъ имѣлъ счастье войти къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ полагалъ:

1) Механиковъ, состоящихъ нынѣ въ губерніяхъ: Московской, Владимірской, Ярославской, Калужской, Тульской, Нижегородской, Костромской, Тверской и Рязанской, оставить въ опытахъ впредь до усмотрѣнія.

2) Механиковъ въ другихъ губерніяхъ и помощника механика въ Москвѣ опредѣлять Министру Финансовъ по представленіямъ начальниковъ губерній, соответственно дѣйствительной надобности, не превышая опредѣленной на сеі предельной суммы.

3) Въ должность сію преимущественно помѣщать отличныхъ воспитанниковъ Технологическаго Института, а въ случаѣ недостатка ихъ, по отзыву начальства сего заведенія, вольныхъ механиковъ, по найму.

4) Механикамъ состоять: въ Москвѣ при Московскомъ Отдѣленіи Мануфактурнаго Совѣта, въ другихъ губерніяхъ при Мануфактурныхъ Комитетахъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, при Гражданскихъ Губернаторахъ, отъ коихъ должно завѣсть назначеніе и распредѣленіе ихъ занятій.—Московское Отдѣленіе и начальники губерній имѣютъ, по истеченіи каждаго полугодія, сообщать Министру Финансовъ подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ механиковъ, исполняемыхъ ими порученійхъ и успѣхахъ ихъ дѣйствій.

5) Фабрикантамъ и заводчикамъ предоставить право приглашать находящагося въ губерніи механика, для осмотра ихъ заведеній, совѣщанія касательно улучшеній, составленія плановъ и производства разныхъ построекъ.—Механики обязаны исполнять сіи порученія безъ всякаго другаго вознагражденія,

кромѣ вознагражденія за издержки на проѣздъ и содержаніе, которое должно завѣсть отъ обоюднаго согласія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы механики не простирали несоразмѣрныхъ требованій, наблюденіе за чѣмъ возлагается на непосредственное ихъ начальство. Кромѣ-того механики обязаны исполнять порученія начальниковъ губерній по осмотру и описаніямъ фабрикъ и заводовъ, освидѣтельствуванію паровыхъ машинъ и котловъ, разбору дѣлъ и споровъ по привилегіямъ, составленію описей и оцѣнокъ фабричныхъ заведеній и т. п.

6) Содержаніе производить механикамъ изъ Государственнаго Казначейства, въ слѣдующемъ размѣрѣ: механику въ Москвѣ 800 руб. сер., помощнику его 450 руб. сер. механикамъ въ губерніяхъ по 500 руб. серебромъ.

Государь Императоръ, на докладной запискѣ его, Г. Министра Финансовъ, въ 16 день декабря 1849 г. соизволилъ Собственноручно написать: «*Исполнить.*»

— 19 декабря Государь Императоръ Высочайше утвердилъ соизволилъ слѣдующее, вослѣдовавшее въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта мнѣніе по дѣлу объ арендныхъ банковыхъ мнѣніяхъ: Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ объ арендныхъ банковыхъ мнѣніяхъ, и раздѣляя вполне приводимыя Министромъ уваженія о необходимости измѣненія существующихъ постановленій относительно населенныхъ мнѣній, остающихся въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ по неявкѣ желающихъ на покупку или по недостаточности объявленной на торгахъ цѣны, непокрывающей банковаго и по выданномъ кошіямъ со свидѣтельствомъ долга, призналъ предположенныя имъ на сеі предметъ правила соответствующими цѣли. Равномѣрно, Государственный Совѣтъ согласился съ заключеніемъ Министра и касательно обращенія, на основаніи сихъ правилъ, въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, какъ бывшихъ мнѣній Голеннищева-Кутузова и Бергера, поступившихъ уже въ собственность Банка еще въ 1827 г., по силѣ дѣйствовавшего въ то время постановленія, такъ и мнѣній княгини Вол-

конской и князя Голицына, которыя хотя и находятся въ числѣ арендныхъ банковыхъ, по равномѣрно должны подлежать тому-же распорядку, по примѣру подобныхъ арендныхъ-же имѣній князя Разумовскаго и помѣщиковъ Чудовскихъ, которыя, въ числѣ до 5 т. душъ, на основаніи Высочайше-утвержденныхъ, 14 октября 1847 и 11 мая 1848 годовъ положеній Комитета Министровъ, переданы уже въ составъ имуществъ государственныхъ. Вслѣдствіе сего Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: I. Въ измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить: 1) Когда въ назначенный для торговаго срока, желающихъ купить заложенное въ Заемномъ Банкѣ населенное имѣніе не явится, или предьявленная за оное цѣна не будетъ равняться опредѣленному, по классамъ губерній, размѣру и покрывать банковаго и по выданнымъ копіямъ со свидѣтельствъ долга; въ такомъ случаѣ, на продажу того имѣнія назначается вторичный торгъ въ слѣдующемъ періодѣ (ст. 539 уст. кредит. установ. св. зак. т. XI); а Заемный Банкъ относится между-тѣмъ къ мѣстному Гражданскому Губернатору о доставленіи статистическаго тому имѣнію описанія. 2) Если и на вторичный торгъ не явится желающихъ, или предложенная цѣна, равняясь опредѣленному по классамъ губерній размѣру, не будетъ однако покрывать всего банковаго и по выданнымъ копіямъ со свидѣтельствъ долга; то Министръ Финансовъ, по соображеніи статистическаго описанія продаваемого имѣнія и по соглашенію съ Министромъ Государственныхъ Имуществъ, входитъ въ Комитетъ Министровъ съ представленіемъ, въ которомъ объясняетъ: были-ли на вторичномъ торгѣ желающіе купить имѣніе, или нѣтъ, и въ первомъ случаѣ, т. е. когда таковыя были, сколько съ утвержденіемъ продажи по предложенной цѣнѣ послѣдовало-бы для Банка ущерба, и какия выгоды представляетъ то имѣніе. Комитетъ, по усмотрѣнію обстоятельствъ, разрѣшаетъ: или утвердить продажу, хотя и съ убыткомъ для Банка, или обратитъ имѣніе окончательно въ составъ государственныхъ имуществъ, безъ права выкупа. 3) Съ обращеніемъ непроданнаго имѣнія

въ казну, все счеты съ заемщикомъ прекращаются, а документы на оное передаются въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, которому за симъ предоставляются все права, какия принадлежали Банку по залому въ немъ имѣнія, и именно: отыскивать изъятыя изъ такого залога, противозаконными дѣйствіями, земли и людей, а равно доходы, недополученные Банкомъ во-время опекунскаго за банковый долгъ управленія, и вообще производить въ пользу казны все по симъ имѣніямъ взысканія, на которыя Банкъ имѣлъ право. 4) Министрствамъ Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, по взаимному ихъ соглашенію, предоставляется опредѣлять: какая именно часть банковаго долга, соотвѣтственная дѣйствительнымъ способамъ и чистымъ доходамъ имѣнія, можетъ отнесена быть на Министерство Государственныхъ Имуществъ въ видѣ займа на 37-ми-лѣтнихъ правилахъ, и какая за тѣмъ сумма должна быть замѣнена изъ резервнаго капитала Заемнаго Банка. 5) Убытки, могущіе произойти при продажѣ или обращеніи въ казну имѣній, зачисленныхъ въ залогъ Банка за откупныя недомки, упадаютъ на счетъ Государственнаго Казначейства. II. Бывшія имѣнія Голенщикова-Кутузова, Бергера, княгини Волконской и князя Голицына обратитъ пышнѣе въ вѣдомство Министерства Государственныхъ Имуществъ, на точномъ основаніи вышеозначенныхъ правилъ, съ тѣмъ, чтобы имѣніе Бергера оставалось въ арендномъ содержаніи до истеченія срока заключенному съ помѣщицею Яхимовичевою контракту.

—Въ Высочайшемъ указѣ, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ г. Министру Императорскаго Двора, 20-го декабря, изображено: «Предназначенный указомъ Моимъ, 6-го марта 1832 года, Департаменту Удѣловъ даннымъ, Любезнѣйшему Сыну Моему, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу, и нынѣ вновь перестроенный Мраморный Дворецъ, со всеми убранствами и принадлежащимъ къ нему служебнымъ домомъ, Всемилостивѣйше жалуя въ даръ Его Императорскому Высочеству въ вѣчное и потомственное Его Высочества владѣ-

ніе; повелѣваю дворецъ сей именовать Константиновскимъ, и о сдачѣ онаго съ планами и описями сдѣлать съ вашей стороны должное распоряженіе».

— Въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 21 декабря истекшаго 1849 года, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, изображено:

«Согласно представленію Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, признавая полезнымъ и необходимымъ, съ новымъ раздѣленіемъ Закавказскаго края, пмѣнить существующій нынѣ порядокъ управленія тамъ государственными имуществами и принять оный къ порядку вновь введеннаго въ этомъ краѣ губернскаго управленія, Мы повелѣваемъ:

1.) Находящаяся нынѣ въ Закавказскомъ краѣ двѣ Палаты Государственныхъ Имуществъ: Тифлисскую и Шемахинскую, съ подвѣдомственными имъ уѣздными попечительствами, закрыть.

2.) Управленіе въ этомъ краѣ государственными имуществами образовать на точномъ основаніи препровождаемыхъ при семъ, утвержденныхъ Нами положенія и штата; и

3.) Приведеніе всего этого въ исполненіе поручить Намѣстнику Кавказскому, на основаніяхъ, ему особо указанныхъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать всѣ надлежащія по этому дѣлу распоряженія.»

— Въ войскахъ нашихъ, между многими нижними чинами, оставшимися добровольно на дальнѣйшей службѣ по окончаніи 25-ти-лѣтняго срока, и между поступившими также добровольно изъ отставки въ 1848 и 1849 годахъ, особенно замѣчательны рядовой Оренбургскаго уланскаго полка Давыдъ *Мироценко*.

Пробывъ на службѣ болѣе 36 лѣтъ, *Мироценко* пожелалъ еще продолжать оную, хотя и имѣлъ-бы онъ всегда надежный и безбѣдный пріютъ на родинѣ, по выходѣ въ отставку, происходя изъ военныхъ поселеній, пользующихся, относительно сего, особенными преимуществами.

Государь Императоръ во Всемилостивѣйшемъ вниманіи къ таковому похвальному усердію рядоваго *Мироценко*, въ 21 день

сего декабря Высочайше повелѣтъ соизволяя: наградить его четвертымъ шеврономъ изъ галуна, производить ему третій окладъ жалованья старшаго вахмистра, а *всѣмъ часовымъ въ полку отдавать ему честь*.

П Р И К А З Ъ

Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній.

Въ С. Петербургѣ, декабря 27 дня 1849 года.

25-го декабря Государь Императоръ соизволяя осчастливить Меня слѣдующимъ Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Въ постоянномъ попеченіи объ усиленіи способовъ образованія юношества и приготовленіи для войскъ офицеровъ образованныхъ, Я призналъ за благо: существующій нынѣ въ Москвѣ Александринскій Сиротскій Институтъ преобразовать въ кадетскій корпусъ, наименовавъ его Александринскимъ Сиротскимъ Кадетскимъ Корпусомъ.

Предоставляя Вашему Императорскому Высочеству совершить это преобразование, на основаніяхъ, Мною предначертанныхъ, и поручая новый Корпусъ главному Вашему начальствованію, Я увѣренъ, что ожиданія Мои оправдаются вполне тою же неусыпною дѣятельностію, съ которою Ваше Высочество постоянно подвизаетесь по всѣмъ отраслямъ утѣшительнаго для Меня и полезнаго Отечеству, высокаго служенія Вашего.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

С. Петербургъ, 25-го декабря 1849 года.

К. П. — Отд. II.

О сей Высочайшей волѣ объявляю по Военно-Учебнымъ За-
веденіямъ для общаго свѣдѣнія, а Всемилостивѣйшіи на Мое
имя рескриптъ предписываю хранить въ залѣ Совѣта о воен-
но-учебныхъ заведеніяхъ, вмѣстѣ съ Высочайшими рескрип-
тами, послѣдовавшими на имя въ Божѣ почивающаго Его Им-
ператорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

Подписаль: *Генералъ-Адъютантъ*

«АЛЕКСАНДРЪ.»

— 26 декабря, Государь Императоръ соизволяя Высочайше
утвердить слѣдующее мнѣніе Государственного Совѣта: Сту-
денты Главнаго Педагогическаго Института, окончившіе съ
успѣхомъ полный курсъ ученія, если пожелаютъ занимать-
ся воспитаніемъ въ частныхъ домахъ, причисляются къ раз-
ряду домашнихъ наставниковъ, и считаются при вступленіи
въ сіе званіе въ X классъ, чрезъ годъ успѣшнаго испра-
вленія должности наставника утверждаются въ чинъ, соот-
вѣствующемъ сему классу, а чрезъ четыре года послѣ
утвержденія въ чинъ могутъ, по удостоенію Министерства
Народнаго Просвѣщенія, быть производимы въ слѣдующій по
порядку чинъ; дальнѣйшее-же повышеніе ихъ въ чинахъ под-
чиняется общимъ правиламъ о домашнихъ наставникахъ.

— Съ 21 по 25 декабря, по Сорокскому уѣзду (въ Бессарабіи
выпало снѣгу болѣе чѣмъ на полтора аршина, и въ-слѣдствіе
этого, на нѣкоторое время сообщенія повсемѣстно прекрати-
лись; даже почта, отправленная изъ Сорокъ 24 декабря, въ
половину, 6 часа по-полудни, по тракту въ Бѣльцы, на шести
лошадяхъ въ стяжъ запряженныхъ въ сани, съ особымъ вер-
ховымъ ямщикомъ, для указанія дороги, въ продолженіе почти
достигла до селенія Околыны, на разстояніи 6 верстъ, и какъ
люди и лошади совершенно выбились изъ силъ, то почтальоновъ,
сопровождавшихъ ту почту, вытребовавъ въ этомъ селеніи на
подмогу лошадей двѣ пары воловъ, принужденъ былъ возвра-
титься въ Сороки 25 декабря, въ два часа по-полудни, и въ
то-же время, при содѣйствіи земской полиціи, на свѣжихъ

лошадяхъ отправленъ по тракту на Бѣльцы, и едва черезъ
сутки добился до первой станціи. Почта изъ Бѣльць до г. Со-
рокъ, на разстояніи 54½ верстъ, промедлила 32 часа, хотя и
была отправлена позже днемъ. Бѣдущіе почтальоны и ямщи-
ки находили много савей и даже экипажи, брошенные по до-
рогѣ.—Снѣгъ до того мягокъ, что скотъ и сани погружаются
до земли, которая при томъ покрыта льдомъ отъ дождя,
шедшаго во весь день 17 декабря. Въ настоящее время доро-
ги до нѣкоторой степени улучшились по почтовому тракту, и
температура понизилась до 8 гр. мороза по реомюру.

— 27 сего декабря, Духовникомъ, Протопресвитеромъ Бажано-
вымъ, совершено было въ С.-Петербургѣ освященіе церкви Кон-
стантиновскаго Дворца (что прежде назывался Мраморнымъ),
возобновленнаго для Его Императорскаго Высочества, Великаго
Князя Константина Николаевича; а 29 числа, Его Высочество съ
Суругою, изволяя переѣхать въ сей дворецъ, на жительство.

При входѣ, Ихъ Высочества были встрѣчены Государемъ
Императоромъ и Государынею Императрицею со святою иконою,
хлѣбомъ и солью; послѣ чего былъ отслуженъ благодарствен-
ный молебень, и весь дворецъ окропленъ святою водою.

— 28 числа декабря совершено было въ Придворномъ Соборѣ
Зимняго Дворца, передъ литургіею, святое крещеніе Его Импе-
раторскаго Высочества Князя Сергія Максимиліановича, въ при-
сутствіи: Ихъ Императорскихъ Величествъ, Ихъ Император-
скихъ Высочествъ: Государя Наслѣдника Цесаревича, Госу-
дарей Великихъ Князей, Константина Николаевича, Николая
Николаевича и Михаила Николаевича, Княжны Маріи Макс-
имиліановны, Принца Петра Ольденбургскаго, Ихъ Высочествъ,
Принца Александра Гессенскаго и Вильгельма Мекленбургъ-
Шверинскаго, знатныхъ обоого пола особъ, Дипломатическа-
го корпуса, генералитета, гвардіи, арміи и флота штабъ и
оберъ-офицеровъ.

— 29-го минувшаго декабря, въ Императорской Академіи На-
укъ происходило публичное годовое собраніе, подъ предѣла-

тельством г. Вице-Президента Академіи, Тайнаго Совѣтника князя *Михаила Александровича Дондукова-Корсакова*, въ присутствіи г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Тайнаго Совѣтника князя *Платона Александровича Ширинскаго-Шихматова* и многочисленныхъ почетныхъ посѣтителей. Засѣданіе открылось чтеніемъ отчета о занятіяхъ Втораго Отдѣленія Академіи который былъ представленъ Академикомъ, Д. С. С. *Петромъ Александровичемъ Плетневимъ*; за тѣмъ, г. Непремѣнный Секретарь Академіи, Д. С. С. *Павелъ Николаевичъ Фусъ* прочелъ Отчетъ по первому и третьему Отдѣленіямъ Академіи. Въ заключеніе, онъ провозгласилъ имена новыхъ членовъ Академіи. Въ Почетные Члены избранъ Высокопреосвященнѣйшій Иноканоръ, Митрополитъ С.-Петербургскій; въ Члены-Корреспонденты докторъ *Флейшеръ*, въ Лейпцигѣ. Сверхъ того, въ Члены-Корреспонденты пзбраны: г. *Петерсъ*, по случаю увольненія его отъ званія Помощника Астронома Главной Обсерваторіи и опредѣленія Профессоромъ Астрономіи въ Кенгсбергъ, и Силферопольскій естествоиспытатель г. *Стевень*, по случаю пятидесяти-лѣтняго юбилея его ученой дѣятельности.

— 31 декабря, въ 12 часу ночи, происходило второе испытаніе электрическаго освѣщенія съ башни Адмиралтейства. Въ этотъ разъ фонарь былъ выставленъ снаружи, такъ что можно было видѣть его форму и объемъ находившагося въ фонарѣ матеріала, сообщавшаго свѣтъ. Адмиралтейская-Площадь была болѣе нежели до половины освѣщена электрическимъ свѣтомъ, отъ одного конца бульвара до другаго, по всему фасу Адмиралтейства, лежащему противу лѣвнхъ домовъ. Свѣтъ былъ точно такой, какъ въ ясную лунную ночь. Но лучи электрическаго свѣта не простирались ни на шагъ на Невскій проспектъ и на Гороховую. Для маяковъ превосходное средство освѣщенія, если только оно можетъ быть продолжительнымъ. Видѣли освѣщеніе только тѣ изъ жителей столицы, которые случайно были въ это время на Невскомъ-Проспектѣ, въ Гороховой и на Адмиралтейской-площади.

— Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, въ-слѣдствіе переданной ему выписки изъ журналовъ Комитета Гг. Министровъ, отъ 1 и 15 ноября сего года, сообщилъ г. Министру Юстиціи, что Почетный Опекукъ Императорскаго Воспитательнаго Дома, Тайный Совѣтникъ Ланской, препроводилъ къ бывшему г. Министру Народнаго Просвѣщенія выписку изъ вскрытаго въ Опекунскомъ Совѣтѣ и законнымъ порядкомъ утверждениаго духовнаго завѣщанія Генераль-Маіора Энегольма, который назначилъ внести въ здѣшнюю Сохранную Казну, на вѣчное обращеніе, 5000 рублей серебромъ, для содержанія изъ процентовъ постоянно одного воспитанника въ Третьей С.-Петербургской Гимназіи, подъ названіемъ Пенсіонера Энегольма, преимущественно изъ дѣтей бѣдныхъ, заслуженныхъ военныхъ офицеровъ, или круглыхъ спроть, не взирая на происхожденіе, но свободнаго состоянія, съ предоставленіемъ отличнѣйшимъ изъ нихъ пользоваться сею стипендіею и въ продолженіе университетскаго курса. Генераль-Маіоръ Энегольмъ изъявилъ при этомъ желаніе, чтобы на такую стипендію испрошено было Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества созволненіе.

Вслѣдствіе сего, онъ, г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія входилъ съ представленіемъ по сему предмету въ Комитетъ Гг. Министровъ, и по положенію онаго, Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ созволить: учрежденную умершимъ Генераль-Маіоромъ Энегольмомъ стипендію для содержанія одного воспитанника въ Третьей С.-Петербургской Гимназіи, а отличнѣйшихъ изъ нихъ и въ Университетѣ, припять и употреблять согласно волѣ учредителя.

— Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, въ-слѣдствіе переданной ему выписки изъ журналовъ Комитета Гг. Министровъ, отъ 25 октября и 8 ноября сего года, сообщилъ г. Министру Юстиціи, что Екатеринославская Палата Гражданскаго Суда, въ апрѣлѣ сего года, препроводила въ Правленіе С.-Петербургскаго Университета духовное завѣщаніе умершаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Андрея Ива-

нова, который назначилъ С.-Петербургскимъ: Университету, Духовной и Медико-Хирургической Академіямъ капиталъ въ 7,143 руб. сер., съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ сего капитала выдавались ежегодно, при торжественномъ актѣ, награды отличнѣйшимъ изъ окончившихъ курсъ студентовъ, подъ названіемъ Ивановскихъ премій, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ въ Университетѣ, въ теченіе вторыхъ пяти лѣтъ въ Духовной Академіи, а въ теченіе третьяго такого же срока въ Медико-Хирургической Академіи, и за тѣмъ выдачи сіи начались бы вновь съ Университета.

Завѣщаніе это, какъ совершенное въ законной формѣ и нѣкъмъ не оспоренное, произведено Палатою въ дѣйствіе. Но какъ опредѣленные имъ награды должны быть выдаваемы при торжественныхъ актахъ, подъ названіемъ Ивановскихъ премій, то онъ, г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, счелъ долгомъ довести о семъ пожертвованіи до свѣдѣній Комитета Гг. Министровъ, по положенію котораго Государь Императоръ Высочайше соизволилъ, чтобы опредѣленные по завѣщанію Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Андрея Иванова награды отличнѣйшимъ изъ окончившихъ курсъ студентовъ С.-Петербургскихъ: Университета Духовной и Медико-Хирургической Академіи, выдавать, согласно волѣ завѣщателя, при торжественныхъ актахъ, подъ названіемъ Ивановскихъ премій.

— По причинѣ уменьшенія количества звонкой монеты и накопленія слитковъ серебристаго золота въ кассѣ Экспедиціи Кредитныхъ Билетовъ, признано за нужное перевести до 5 милліоновъ руб. сер. сею монетою изъ хранящагося въ запасной кладовой въ С.-Петербургской крѣпости фонда Экспедиціи; слитки же перемѣстить, для храненія, въ запасную кладовую.

Въ назначеній для того день (24 мѣнушаго декабря), въ присутствіи Товарища Государственнаго Контролера, Членовъ Ревизіоннаго Комитета и депутатовъ отъ биржеваго купечества и иностранныхъ гостей, произведено освидѣтель-

ствованіе назначенныхъ къ перевозкѣ капиталовъ, а именно: монеты золотой (съ 3^о/_о) 2.060,000 руб. сер., серебряной 3.000,000 руб. и 126 слитковъ серебристаго золота вѣсомъ 259 пуд. 3 фунт. 20 золот. 72 дол., на сумму 2.294,765 руб. 80¹/₄ коп. сер.; потомъ приступлено при тѣхъ же лицахъ къ самой перевозкѣ сихъ капиталовъ установленнымъ порядкомъ, подъ прикрытіемъ особо-назначеннаго, при одномъ штабъ-офицерѣ, воинскаго пѣшаго и коннаго конвоя.

По окончаніи въ тотъ же день сей перевозки, составленъ о томъ актъ, изъ котораго, между прочимъ, явствуетъ, что хранящійся въ запасной кладовой въ С.-Петербургской крѣпости фондъ Государственныхъ Кредитныхъ билетовъ, съ причисленіемъ перевезенныхъ въ оную кладовую слитковъ на 3.294,765 руб. 80¹/₄ коп. сер. и за исключеніемъ вывезеннаго изъ оной вышеозначеннаго количества золотой и серебряной монеты, составляетъ 99.763,360 руб. 99¹/₄ коп. сер.

Актъ сей, въ засѣданіи Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, бывшемъ 24 декабря, подъ предсѣдательствомъ Господина Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Генералъ-Адъютанта Свѣтлѣйшаго Князя *Александра Ивановича Чернышева*, подписанъ Членами оного и Депутатами отъ биржеваго купечества и иностранныхъ гостей.

— Г. Министръ Юстиціи имѣлъ честь предложить Правительствующему Сенату о послѣдовавшемъ по всеподданнѣйшему докладу Статсъ-Секретаря Гофмана Высочайшемъ соизволеніи на совершеніе С.-Петербургскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ въ наступившемъ къ концу года періодѣ торговъ продажи просроченныхъ мѣншій, съ соблюденіемъ прежнихъ постановленій, имѣвшихъ силу до изданія указа 8 ноября 1847 г., коимъ даровано заложенымъ крестьянамъ право себя выкупать.

* Нынѣ Статсъ-Секретарь Гофманъ увѣдомляетъ его, г. Министра Юстиціи, что вслѣдствіе ходатайства Управляющаго Московскою Сохранною Казною, дабы предотвратить излишнюю отъ приготовленія новыхъ описей утрату времени, равно

ущербъ казнѣ отъ чрезмѣрнаго между тѣмъ накопленія недопунктовъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было, Высочайше дозволить тамошнему Опекунскому Совѣту продажу въ январѣ 1850 г. нѣкоторыхъ заложенныхъ имѣній, за непсправный платежъ лежащихъ на нихъ долговъ, прозвести, по примѣру С.-Петербургскаго Совѣта, на основаніи поступившихъ уже описей тѣхъ имѣній, которыя составлены по прежней формѣ, еще до обнародованія новаго положенія о порядкѣ описи, оцѣнки и продажи имуществъ; а также руководствуясь правилами, существовавшими по этой части до изданія упомянутого выше указа 8 ноября.

—По повелѣнію Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, Командующаго Гвардейскими и Гренадерскими Корпусами, 5 сего января было совершено въ Штабѣ Его Высочества перенесеніе, для храненія въ устроенномъ для того ковчегѣ, бриллиантовой шпаги, завѣщанной Его Императорскимъ Высочествомъ, въ Божѣ почившимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ память Гвардейскому Корпусу, Всемилостивѣйше пожалованной Его Высочеству во-время войны противу Польскихъ мятежниковъ.

Для сей церемоніи, къ двумъ часамъ по-полудни были приглашены въ Штабъ всѣ Гг. Генералы Гвардейскихъ Корпусовъ и тѣ штабъ и Оберъ-Офицеры, которыя служили въ Польскую Компанію, а равно Генералы и Адъютанты, состоявшіе при почившемъ въ Божѣ Великомъ Князѣ. Они ожидали прибытія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича у парадной лѣстницы, въ нижнемъ этажѣ зданія, гдѣ хранилась, въ казенномъ ящикѣ, дарованная шпага.

По прибытіи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, шпага, въ сопровожденіи Его Высочества и приглашенныхъ лицъ, была перенесена на бархатной подушкѣ, Начальникомъ Штаба, Генералъ-Адъютантомъ Витовтовымъ, въ присутственную комнату Штаба, и при входѣ была встрѣчена Благочиннымъ Гвардейскихъ церквей, Протоі-

ереємъ Преображенскаго всей Гвардіи Собора Спасскимъ, съ крестомъ.

Во-время шествія, по парадной лѣстницѣ стояли шпалерою г. офицеры Гвардейскаго Генеральнаго Штаба, старшіе адъютанты и чиновники Штаба, а въ комнатахъ Штаба были поставлены нижніе чины, которымъ, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества, покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича, производился пенсіонъ изъ пенсіона, получаемаго Его Высочествомъ по ордену Св. Георгія 2-го класса. Изъ сихъ нижнихъ чиновъ большая часть были отставные, старые ветераны, подвизавшіеся въ Отечественную Войну 1812 года, за отличную храбрость награжденные военнымъ орденомъ и постоянною благодарствованіемъ Его Высочествомъ. Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ осчастливить ветерановъ милостивымъ привѣтствіемъ.

По прибытіи въ присутственную комнату, шпага на подушкѣ была положена на церковный столъ, и надъ нею совершена литія по Благотѣрному Великомъ Князѣ, въ Божѣ почившемъ; послѣ чего ковчегъ былъ окропленъ святою водою, и шпага со стола была положена въ опый Начальникомъ Штаба, Генералъ-Адъютантомъ Витовтовымъ. За симъ отслуженъ былъ благодарственный молебень за здравіе и благоденствіе Государя Императора и всей Августѣйшей Его Фамиліи.

По окончаніи молебствія Государь Цесаревичъ изволилъ осчастливить Гвардію, въ лицѣ присутствующихъ, незабвенными словами, что Его Императорское Высочество надѣется, что всѣ чины сохранять тѣ отличныя качества, которыми всегда ознаменовали себя на поприщѣ службы, и заключилъ выраженіе столь лестной для гвардейскихъ войскъ надежды милостивымъ преченіемъ, что Его Высочество изволилъ считать для себя счастіемъ командовать симъ отличнымъ войскомъ.

При сей церемоніи всего замѣчательнѣе были два обстоятельства: во-первыхъ, выраженіе глубокаго чувства искренней печали при воспомнаніи объ Августѣйшемъ Начальникѣ и

Благодѣтель Гвардейскаго Корпуса, неуступавшее изліанію искренней горести въ тѣ умолятельныя минуты, когда впервые возмашено было моленіе ко Господу объ упокоеніи души почившаго въ Бозѣ Великаго Князя, сопровождаемое слезами и рыданіемъ всѣхъ присутствовавшихъ; и во-вторыхъ, радостное изъясненіе чувствъ общаго восторга, при произнесеніи Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ милостивыхъ словъ, отозвавшихся въ сердцахъ всѣхъ представителей гвардіи и тронувшихъ ихъ до слезъ.

— Въ январѣ мѣсяцѣ обнародованъ слѣдующій Высочайшій указъ, Его Императорскаго Величества, данный Воспитательнаго Дома Московскому Опекунскому Совѣту:

«Желая дать образованію спроть, призрѣваемыхъ въ Гатчинскомъ и Московскомъ Александринскомъ Институтахъ, положительное направленіе, Мы въ 1847 году Повелѣли, приготовить ихъ исключительно для гражданской службы по вѣдомству Министерствъ: Юстиціи, Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Нынѣ, находя достаточнымъ для службы сей назначить воспитанниковъ одного только Гатчинскаго Института, и за тѣмъ, признавая полезнымъ Александринскому Институту опредѣлить другую цѣль, Повелѣваемъ: Заведеніе сіе, въ видахъ распространенія военнаго образованія юношества, по открывшейся въ томъ потребности, передать въ управленіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній, для преобразованія его въ Александринскій Сиротскій Кадетскій Корпусъ, съ тѣмъ, чтобы потребная на содержаніе оного сумма, сто двадцать семь тысячъ рублей серебромъ, производима была отъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, *кѣму предоставляется право избранія спроть для помѣщенія въ Корпусъ, по прежнему, изъ сыновей военныхъ и гражданскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ.*»

— 10-го января, въ 6 часовъ по-полудни, произошелъ пожаръ въ зданіи Главнаго Адмиралтейства. По прибытіи пожарныхъ

командъ на мѣсто пропсества найдено, что въ помянутомъ зданіи, надъ помѣщеніями 5-й и 6-й ротъ Учебнаго Морскаго Рабочаго Экипажа, горѣли стропила съ обрѣшетками; густой и душлимый дымъ распространился по всему протяженію чердака, и отъ этого невозможно было дѣйствовать людямъ при тушеніи пожара иначе, какъ съ верху крыши; но крыша вся покрыта была снѣгомъ, который отъ дѣйствія огня таялъ на желѣзныхъ листахъ и затруднялъ всякое движеніе людей, скользя безпрестанно подъ ногами. Не смотря однакоже на всѣ эти затрудненія, пожарныя команды дѣйствовали съ отличными успѣхомъ, бывъ одушевлены присутствіемъ Государя Императора. Пожаръ прекращенъ къ 7¹/₂ часамъ вечера. Обгорѣли 18 стропиль съ обрѣшетками, на пространствѣ 82-хъ квадратныхъ сажень, и разобрана желѣзная крыша на 104 квадратныхъ сажени. Причина пожара еще неизвѣстна.

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный на имя

ГОСПОДИНА ВОЕННАГО МИНИСТРА.

Въ вѣншее ознаменованіе признательности къ отличнымъ подвигамъ войскъ нашихъ, въ достославный походъ на усмиреніе Венгрии и Трансильваніи, признали Мы за благо установить особенную медаль, которою Повелѣваемъ украсить грудь всѣхъ храбрыхъ и неутомимыхъ участниковъ сего похода, приобрѣвшаго новую славу оружію Нашему и доблестною страпну лѣтописямъ Россіи.

Утвердивъ нынѣ медаль сію и самыя правила, на основаніи коихъ она должна подлежать выдачѣ, для пошенія на лентѣ, составленной изъ Андреевской и Владимірской, Мы поручаемъ вамъ объявленіе означенныхъ правилъ, сношенія съ Министромъ Финансовъ о заготовленіи снхъ медалей и лентъ въ

потребномъ количествѣ, и доставленіе оныхъ въ распоряженіе Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

С.-Петербургъ, 22-го января 1850 года:

П Р И К А З Ъ

ВОЕННАГО МИНИСТРА.

С.-Петербургъ, января 22-го дня 1850 года, № 4.

Высочайшимъ Указомъ, сего числа на имя мое даннымъ, Государю Императору благоудно было установитъ особую медаль, въ ознаменованіе Монаршей признательности къ войскамъ, участвовавшимъ въ походѣ противъ мятежныхъ Венгровъ.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, право на полученіе сей медали предоставляется:

1) Всѣмъ безъ изыятія генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ дѣлахъ противъ мятежныхъ Венгровъ, въ предѣлахъ Венгріи и Трансильваніи и въ другихъ мѣстахъ за границею.

2) Всѣмъ вообще генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, которые, по разнымъ случаямъ, не бывъ въ самыхъ сраженіяхъ, находились во-время войны за границею, при дѣйствовавшихъ противъ непріятеля войскахъ, для исполненія другихъ обязанностей, равно какъ и чинамъ, находившимся въ госпиталяхъ, учрежденныхъ въ предѣлахъ Венгріи и Трансильваніи.

3) Полковымъ священникамъ, исполнявшимъ обязанность

свою подъ непріятельскимъ огнемъ, и медицинскимъ чиновникамъ, подававшимъ помощь раненымъ на полѣ сраженія, а также вообще священникамъ и чинамъ медицинскаго вѣдомства, состоявшимъ при полковыхъ лазаретахъ и госпиталяхъ въ Венгріи и Трансильваніи.

4) Бывшимъ при войскахъ въ предѣлахъ Венгріи и Трансильваніи: класснымъ чиновникамъ Главнаго Штаба Арміи, Штабовъ Корпусныхъ и Дивизионныхъ, Коммисариатскаго и Провіантскаго Вѣдомствъ, Артиллерійскихъ Инженерныхъ Парковъ и Подвижныхъ Госпиталей; гражданскимъ чиновникамъ, чинамъ Фельд-егерскаго Корпуса, берейторамъ, квартирмейстрамъ, аудиторамъ, ветеринарнымъ лекарямъ и ихъ помощникамъ.

5) Волонтерамъ, если они были при войскахъ и въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ противъ мятежниковъ.

6) Всѣмъ вообще нестроевымъ нижнимъ чинамъ, какъ-то: писарямъ, фельдшерамъ, коноваламъ, разнаго рода мастеровымъ, лазаретнымъ служителямъ, цирюльникамъ и тому подобнымъ, которые, принадлежа къ составу войскъ, находились во-время войны въ предѣлахъ Венгріи и Трансильваніи, за изыятіями, ниже сего означенными.

7) Тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, имѣющихъ право на полученіе медали, которые хотя и были подъ судомъ, но впоследствии освобождены безъ наказанія, или хотя и подвергнуты такому, но въ мѣрѣ исправительной, безъ выключки изъ военнаго вѣдомства, или безъ ссылки въ арестантскія роты — равномѣрно могутъ пользоваться пошеніемъ этой медали.

О таковой Монаршей милости, объявляя по военному вѣдомству, обязываюсь присовокупить, что за симъ не должны имѣть права на полученіе сей вновь-учрежденной медали:

1) Войска, бывшія въ движеніи по случаю войны съ мятежными Венграми, но оставшіяся въ предѣлахъ Имперіи и Царства Польскаго.

2) Нестроевые нижніе чины, исправлявшіе должности пер-

ковниковъ, причетниковъ, деньщиковъ, фурлейтовъ и профосовъ, — и

3) Тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые по бытности въ кампаніи противъ Венгровъ имѣли-бы право на получение помянутой медали, но до выдачи оной впали въ преступленіе и по судебному приговору выключены изъ военнаго вѣдомства, или опредѣлены въ арестантскія роты.

Подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ*

Князь Чернышевъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Главнуправляющаго Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями, Высочайше повелѣть соизволилъ: Съ открытіемъ нынѣ движенія по нѣкоторымъ участкамъ С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, для повѣрки и учета движенія и всѣхъ по сему предмету приходовъ и расходовъ, учредить при Департаментѣ Желѣзныхъ Дорогъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій особое отдѣленіе, которое именовать *Контрольнымъ Отдѣленіемъ движенія по желѣзной дорогѣ.*

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ о сыскѣ должниковъ и ихъ имуществъ и о сложеніи со счетовъ казенныхъ взысканій по безнадежности, согласно въ главныхъ основаніяхъ съ симъ представленіемъ, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 5 декабря 1849, положила: «Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: 1) Повсемѣстныя публикаціи о сыскѣ казенныхъ должниковъ и принадлежащихъ имъ имуществъ дѣлаются по розысканіямъ податныхъ недоимокъ свыше семи рублей, а прочихъ сборовъ и начетовъ свыше тридцати рублей, и при семъ наблюдается, чтобы какъ въ сообщеніяхъ о сыскахъ, такъ и въ публикаціяхъ о томъ, были помѣщаемы всѣ свѣдѣнія, какія только имѣются въ виду о лицѣ, подвергшемся взысканію, относительно его званія, чина, должности, имени,

отчества, фамиліи, мѣстожительства и недвижимаго имущества. 2) Если, по прошествіи года со-времени публикаціи, не будетъ ни откуда получено увѣдомленій объ отысканіи должника или его имущества, и то вѣдомство, по которому числится взысканіе, не будетъ имѣть въ виду другихъ мѣръ пополненія недоимки, то взысканія, не превышающія трехъ сотъ рублей, слагаются со счета. По взысканіямъ-же свыше сей суммы каждое присутственное мѣсто, которому оно принадлежитъ, можетъ, если признаетъ годичный срокъ сыска недостаточнымъ, повторять публикацію еще нѣсколько разъ, по своему усмотрѣнію, и потомъ уже, при безуспѣшности сыска, слагать взысканіе со счетовъ, соблюдая изложенное въ примѣчаніи къ статьѣ 3795 Законовъ Гражданскихъ (Св. Зак. т. X. продолж. X-е) правило, чтобы не снимать запрещенія съ казенныхъ должниковъ, и по сложеніи взысканія, въ продолженіе десяти лѣтъ. 3) Взысканія въ податныхъ недоимкахъ на сумму ниже семи рублей, а въ прочихъ сборахъ и начетахъ ниже тридцати рублей, ни въ какомъ случаѣ не преслѣдуются публикаціоннымъ порядкомъ, а мѣры возмѣшенія оныхъ ограничиваются мѣстнымъ розысканіемъ по той губерніи, гдѣ оныя возникли. 4) Для облегченія дѣлопроизводства по мелочнымъ взысканіямъ, принадлежащимъ собственно Государственному Казначейству, и не превышающимъ, по податнымъ недоимкамъ, семи рублей, а по прочимъ сборамъ и начетамъ, тридцати рублей, предоставляется Казеннымъ Палатамъ, по полученіи надлежащаго удостовѣренія отъ мѣстнаго Губернскаго Правленія о невозможности произвести сіи взысканія, и когда къ возмѣщенію оныхъ сами Палаты не имѣютъ въ виду средствъ, слагать таковыя взысканія, не испрашивая на то разрѣшенія высшаго начальства. По взысканіямъ-же, принадлежащимъ не Государственному Казначейству, а другимъ вѣдомствамъ, и потому по Казеннымъ Палатамъ не числящимся, право сложенія податныхъ взысканій принадлежитъ тому мѣсту или лицу, коему такое высшимъ начальствомъ тѣхъ вѣдомствъ разрѣшено будетъ. 5) Денежныя взысканія, опредѣляемая, на основаніи Уложенія о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ, не

слагаются, какъ-бы ни была мала сумма взыскапія, если только мѣсто пребыванія подлежащаго взыскапію извѣстно, и въ отношеніи несостоятельныхъ къ платежу подобныхъ взыскапіи соблюдаются въ точности правила означеннаго Уложенія, по коимъ сіи лица подвергаются временному тюремному заключенію для употребленія въ общественныя и другія работы.»

— Департаментъ Высшей Торговли объявилъ купечеству, что Австрійское Правительство нынѣ отмѣнило разрѣшенный временно, въ маѣ 1849 года, беспошлинный ввозъ въ австрійскія владѣнія изъ Россіи, Царства Польскаго и Молдавіи: скота и всякаго рода зерноваго хлѣба.

— Въ 1849 году отправлено изъ Вологды въ С.-Петербургъ всѣхъ товаровъ на 428,154 руб. 50 коп. сереб.; грузъ этотъ помѣстился въ 77-ми каюкахъ и одной полулодкѣ. Сплавъ судовъ производится въ теченіе почти всей навигаціи, начиная съ того времени, какъ Кубенское озеро очистится отъ льда и дастъ свободный путь купеческимъ судамъ въ каналъ герцога Александра Виртембергскаго. Товары, отпущенные къ С.-Петербургу, принадлежали 13-ти купеческимъ домамъ; изъ нихъ Коммерціи Совѣтникъ, Почетный Гражданинъ Н. И. Скулябшвъ, одинъ отправилъ, въ настоящемъ году для Петербурга разныхъ товаровъ на 288,281 р. сер.

— Цѣнность отпуски за границу отъ одесскаго порта въ 1849 году простиралась до 19.177,626 руб. серебомъ (пшеницы отпущено 1.565,277⁵/₁₀₀ четв.), а привоза изъ-за границы до 10.373,360 руб. серб. Судовъ въ приходѣ изъ-за границы было 911, а въ отходѣ за границу 909.

— 31-го декабря одесскій рейдъ покрылся льдомъ, и судоходство прекратилось.

— Саратовской губерніи Николаевскаго уѣзда, на рѣкѣ Чагрѣ при казенномъ селѣ Берцовая-Лука, дозволено учредить торговую пристань, подъ названіемъ Берцово-Луцкой торговой пристани.

ИЗВѢСТІЕ СЪ КАВКАЗА.

18-го декабря.

Столь успѣшно начатая экспедиція въ землю Галашевцевъ ознаменована новымъ подвигомъ войскъ пашихъ.

Узнавъ, что часть Галашевскихъ ауловъ выдала намъ аманатовъ, и желая предупредить покорность остальныхъ. Шамилъ направилъ къ нимъ сильное сборище, подъ предводительствомъ Акпскаго и Шатаевскихъ пашовъ.

Для уничтоженія этихъ замысловъ, Генералъ-Маіоръ Ильпскій двинулъ вверхъ по Ассѣ, къ аулу Цоко-Юрту, колонну изъ 3-хъ батальоновъ пѣхоты, семи сотенъ кавалеріи, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и пѣшей ракетной командѣ, подъ начальствомъ Полковника Слѣпцова.

Непріятель, въ числѣ до 3-хъ тысячъ человекъ, занялъ позицію на правомъ берегу рѣки вышеупомянутаго аула.

12-го декабря, на разсвѣтѣ, Полковникъ Слѣпцовъ, оставивъ пѣхоту нѣсколько назадъ, съ одною кавалеріею проскакалъ это разстояніе, обошелъ горцевъ съ фронта, безвредно отъ ихъ выстрѣловъ, пользуясь крутымъ уступомъ берега Ассы, и стремительно атаковалъ лѣвый ихъ флангъ. Не давъ имъ опомниться, Сунженскіе козаки, а съ ними и остальная кавалерія и милиція (и даже вновь покорившіеся Галашевцы) опрокинули передовую отрядъ и главный резервъ непріятеля, который, на пути отступленія, занялъ другую позицію у аула Коргой-Юрта. Но здѣсь дружная и молодецкая атака казаковъ рѣшила дѣло; сборище было сбито и обращено въ совершенное бѣгство. Живо преслѣдуемые кавалеріею нашею, и обѣятыя паническимъ страхомъ, горцы искали спасенія въ лѣсахъ и балкахъ, бросая лошадей и оружіе. Преслѣдованіе продолжалось почти до аула Датыха, въ самыхъ верховьяхъ Бумутскаго Ущелья, и прекращено было только по совершенному изнуренію коней.

Въ этомъ кавалерійскомъ дѣлѣ, одномъ изъ самыхъ блестящихъ въ исторіи нашихъ кавказскихъ экспедицій, Полковникъ Слѣпцовъ, который давно уже сдѣлался грозою непо-

корных Чеченцевъ, показавъ образецъ смѣлаго, но искуснаго и хорошо разсчитаннаго употребленія кавалеріи, а казаки, въ особенности перваго Сунженскаго полка, покрыли себя новою славою. Въ рукахъ нашихъ остались два значка; тридцать плѣнныхъ, болѣе трехъ сотъ изрубленныхъ тѣлъ, до трехъ сотъ лошадей съ сѣдлами, болѣе четырехъ сотъ винтовокъ и множество другаго оружія.

Съ нашей стороны только трое раненыхъ казаковъ; эта значительная потеря объясняется быстротою и неожиданностью патиска.

Пѣхота, подъ командою Полковника Верескина, прибыла на поле сраженія уже послѣ пораженія непріятели, но она прикрыла обратное движеніе колонны, которое было совершено въ примѣрномъ порядкѣ.

Послѣдствіемъ этого дѣла было то, что остальные Галашевы сѣхатъ изъявить покорность, и самый упорный въ непокорности аулъ Адель-Гирея выдалъ аманатовъ безъ всякаго сопротивленія. Конечно, къ тому содѣйствовала и вырубка просѣки, открывшей намъ доступъ въ ихъ ущелье, со стороны Сунженской линіи.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

(Съ 20 Декабря 1849 по 20 Января 1850 года.)
(1 Января 1850 по 1-е Февраля 1850 года.)

Франція.

2-го числа.—Засѣданіе Законодательнаго Собранія. Собраніе принимаетъ самое грустное направленіе: оно раздѣляется на двѣ противныя партіи, совершенно равновѣсныя. Въ понедѣльникъ, 31 декабря, добавочныя статьи г. Рансе о лаплатскомъ вопросѣ были приняты во вниманіе большинствомъ 3 голосовъ: 315 противъ 312. Сегодня силы обѣихъ партій обозначились яснѣе: министерство требовало неотлагательнаго рассмотрѣнія одного вопроса, и это было отринуто 312 голосами противъ 312. Дѣло шло о знаменитомъ законѣ касательно первоначальныхъ учителей: легитимисты отвергаютъ этотъ законъ, опасаясь, что по принятіи его, пренія о законѣ всеобщаго обученія будутъ отложены на неопредѣленное время. Для полученія неотлагательности, министръ народнаго просвѣщенія *Паріе* сдѣлалъ сегодня всѣ уступки, какія только у него въ этомъ отношеніи требовались, чтобы обезпечить большинству будущее рассмотрѣніе главнаго закона. Но этого не было достаточно для склоненія самой многочисленной части партіи легитимистовъ въ пользу закона. Это доказываетъ, что легитимисты, отвергая этотъ законъ, не хотѣли дать настоящему правительству силы и вліянія, которыя неизбежно связаны съ неограниченною властью надъ преподавателями.

Нынѣшнее рѣшеніе Законодательнаго Собранія доказываетъ, какая судьба ожидаетъ проектъ закона о дозволеніи префектамъ смѣнять меровъ, если только правительство будетъ настаивать на немъ послѣ нынѣшняго пораженія. Какъ бы то ни было, но Франція съ грустію должна смотреть на эти двѣ равныя партіи въ Собраніи. Президентъ Законодательнаго Собранія, *Дюпенъ*, произнесъ по этому случаю замѣчательныя слова. Когда, послѣ подачи голосовъ, оказалось, что за проектъ правительства только 312 голосовъ, и противъ 312, въ Собраніи раздался смѣхъ. *Дюпенъ* сказалъ:

«Не чему смѣяться, когда единственное собраніе такимъ образомъ разделяется на двѣ равныя партіи. Размыслите!»

Послѣ вторичной повѣрки голосовъ оказалось, что въ пользу разсмотрѣнія закона подано было 308, а противъ него 307 голосовъ, слѣдственно, оно принято.

Разныя извѣстія. Вчера говорили о примиреніи комиссіи по дѣламъ Ла-Платы съ министерствомъ. *Г. Дарю* объявилъ вчера, вопреки ожиданіямъ, что она совсѣмъ не желаетъ войны. Министръ и комиссія условились между собою помимо палаты. Замѣтили, что *г. Тьеръ* былъ очень безпокоенъ, и охотно бы поговорилъ, если бы у него не болѣлъ языкъ.

— Вчера генералу *Шангарнь* поднесена почетная шпага. На клинкъ ея надпись: «*Защитнику порядка, генералу Шангарнь*», и на противоположной сторонѣ «*16 апрѣля 1848, 28 января, 13 юня 1849 года.*» Рукоятка представляетъ генія порядка, попирающаго гидру анархіи. Оба брѣвляца, находящіеся на эфесѣ, подарены: одинъ княгиней *Матильдою Демидовою*, а другой Президентомъ Республики. Говорятъ, что генералу предлагали маршальскій жезлъ, но что онъ отказался отъ него.

— Разнесся слухъ, что сдѣлано было покушеніе на жизнь *г. Ларошжаклена*. Газета *Еvénement* говоритъ, что недавно хотѣли убить не *г. Ларошжаклена*, а одного изъ племянниковъ Императора Наполеона. Разбойники напали на его карету, и опасно ранили кучера, котораго хотѣлъ защищать своего господина.

— Полиція арестовала вчера зачинщика баденскаго возстанія, известнаго бѣглеца *Фридриха Далля*. Его повезутъ подъ конвоемъ, сегодня или завтра, во внутренность страны.

— Будущей весною въ Ажиръ будетъ предпринятъ походъ, для того, чтобы вопль покорить Кабилловъ, кото-

рые играютъ первыя роли во всѣхъ возстаніяхъ въ Сѣверной Африкѣ.

3-го.—*Законодательное Собраніе.* Сегодняшнее засѣданіе было столь же шумно, какъ не интересно. Президентъ хотѣлъ измѣнить объявленный вчера результатъ собранія голосовъ касательно безотлагательности закона о первоначальныхъ учителяхъ, по случаю неправоностей, найденныхъ секретарями послѣ засѣданія. Лѣвая сторона и часть правой сильно противились этому. Многіе представители входили даже на трибуну, и утверждали, что они не сдѣлали приписываемыхъ имъ ошибокъ. Послѣ споровъ и волненій, которые продолжались болѣе трехъ часовъ, все еще не могли рѣшить, долженъ ли имѣть какое-нибудь значеніе результатъ вчерашняго собранія голосовъ или не долженъ. Представители обѣихъ партій переходили отъ одной скамьи къ другой, набирали голоса, въ томъ предположеніи, что будетъ снова баллотировка. Наконецъ большинствомъ 371 гол. противъ 348 рѣшено считать вчерашнюю баллотировку несостоявшеюся. Вслѣдъ за тѣмъ вступлено снова къ собранію голосовъ для рѣшенія вопроса о безотлагательности проекта *г. Паріе*, и 329 гол. противъ 303 рѣшено, что проектъ закона не терпитъ отлагательства. Хотя и при этомъ собраніи голосовъ оказались неправоности, потому-что голоса подавали 629 человекъ, а въ контрольной урнѣ нашлось только 623 шара, однако президентъ, не смотря на то, объявилъ, что проектъ закона не терпитъ отлагательства, и за тѣмъ засѣданіе было закрыто.

— Морской министръ далъ приказаніе вооружить три военныхъ судна, для усиленія эскадры на берегахъ Ла-Платы.

— Увѣрлютъ, что число депутатовъ, явившихся въ Новый-годъ въ Елисейскій дворецъ, не превосходило пятидесяти.

— Дивизионный генералъ *Геронимъ (Жеромъ) Бонапарте*, губернаторъ Инвалиднаго-дома, съ которымъ племянникъ его (Президентъ) совершенно помирился, возведенъ въ званіе французскаго маршала. — Возведеніе это подвергается большому толкамъ и критикамъ. Газеты лѣвой стороны оуждали это производство съ самаго начала, а легитимистскія одобряли только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ это же званіе было дано генералу *Удино* за взятіе Рима. — Въ газетѣ *Siècle* говорятъ объ этомъ: «Законъ о производствахъ въ

арміи, отъ 17 апрѣля 1832 года, содержать въ 23-й статьѣ слѣдующее:

«Ни одинъ офицеръ, уволенный отъ службы, не можетъ считаться въ спискахъ арміи.»

А какъ генералъ *Иеронимъ Бонапарте* находится въ отставку, или, по крайней мѣрѣ, никогда съ 1815 г. не поминался ни въ одномъ спискѣ состоящихъ на действительной службѣ, то декретъ, возводящій его въ званіе Французскаго маршала, не имѣетъ законной силы. Если Президентъ Республики полагаетъ, что дядя его имѣетъ право на величайшую военную награду, то долженъ предложить Собранію специальный законъ, посредствомъ котораго, не въ примѣръ другимъ, можно было бы произвести его. Всякая другая мѣра незаконна и противна Уложенію.

— Званіе маршала было отменено декретомъ 21 февраля 1793 г. Сенатъ, 28 февраля XII г., возстановилъ его. Императорскимъ декретомъ отъ 29 февраля XII года, наименовано 14 маршаловъ. Кроме того четыре сенатора получили титулъ маршаловъ. Во время Имперіи пожалованы въ маршалы только 6 генераловъ. Бурбоны назначили еще 9 маршаловъ. Июльская династія пожаловала въ это званіе 10 человекъ. Теперь во Франціи всего 6 маршаловъ:

Сультъ, родившійся въ 1769 г., пожалованъ въ маршалы въ 1804 г.

Жераръ, — 1773, — 1830.

Себастьянъ, — 1775, — 1840.

Рейль, — 1775, — 1847.

Додъ — 1776, — 1847.

Иеронимъ Бонапарте, — 1784, — 1850.

4-го. — Законодательное Собраніе. Г. Дюпенъ снова избранъ въ президенты большинствомъ 288 гол. Въ пользу *Оддона Барро* было 146 гол., а въ пользу г. *Мишеля* (изъ Буржа) 115 гол. Въ вице-президенты назначены гг. *Дарю*, *Баррошъ* и *Бенуа д'Ази*. Г. *Бедо* не получилъ абсолютнаго большинства, и потому четвертый вице-президентъ будетъ избранъ завтра. Въ секретари назначены: г. *Арио* (изъ Аррьежскаго департамента), *Лаказъ*, *Пепенъ*, *Шапо*, *Бераръ* и *Гекеренъ*. Затѣмъ палата перешла къ разсмотрѣнію вопроса о Монтевидео. Г. *Дарю* предлагалъ замѣнить прибавленіе г. *Рансе* слѣдующимъ:

«Собраніе требуетъ, чтобы исполнительная власть под-

держала наши переговоры достаточными силами, чтобы обезпечить ихъ успѣхъ и помочь нашимъ согражданамъ.»

Г. *Лагранжъ* сдѣлалъ новое предложеніе, касательно непомплованныхъ июльскихъ писурентовъ и обвиненныхъ за июльскіе дни въ 1849 г., и требовалъ, чтобы оно было немедленно разсмотрѣно.

Послѣ него министръ иностранныхъ дѣлъ требовалъ, чтобы Собраніе предоставило правительству принять нужныя мѣры для защиты жизни и имущества Французовъ, живущихъ въ Ла-Платѣ, возвращеніе которыхъ можно обезпечить, если они того пожелаютъ. Правительство намѣрено отправить туда уполномоченнаго.

— Говорятъ, будто *Принцъ Жуанвилльскій* уже нѣсколько дней живетъ въ Парижѣ.

5-го. — Законодательное Собраніе. Собраніе занималось выборомъ четвертаго вице-президента; генералъ *Бедо* получилъ наибольшее число голосовъ, но ему недоставало одного голоса, и потому должно было приступить къ новой баллотировкѣ. Вице-президентъ *Барошъ* объявилъ, что г. *Дюпенъ* подавалъ просьбу объ увольненіи его отъ должности президента Собраніи, потому-что былъ избранъ въ это званіе незначительнымъ большинствомъ голосовъ; 7 числа будутъ произведены новые выборы. — Затѣмъ было продолженіе првнія о Монтевидео. Г. *Тьеръ* объявилъ, что взглядъ его на этотъ вопросъ несогласенъ со взглядомъ министерства и правительства. Онъ старался доказать, что эта война не произведетъ никакого столкновения съ Англійей и Сѣверной Америкой. Франція должна стремиться къ низверженію *Розаса*, ради своей торговли, ради своихъ соотечественниковъ, ради чести своей, ради справедливости. Англичане и Американцы завладѣли всей торговлею углемъ и хлопчатой бумагой, французскіе подданные были преданы смерти, пролитая кровь требуетъ мщенія. Онъ доказывалъ, что Монтевидео не долженъ зависѣть отъ *Розаса*, и что Франція, вслѣдствіе договоровъ своихъ съ Бразиліей, должна дѣйствовать энергически. Онъ заключилъ свою рѣчь замѣчаніемъ, что война будетъ незначительная. Рѣчь его заслужила всеобщее одобреніе.

7-го Законодательное Собраніе. — Всякій день кажется, что не должно уже удивляться происшествіямъ во Франціи, и всякій день подаетъ однакоже новый случай къ изумленію. Замѣшательство и противорѣчіе — вотъ теперешнее положе-

ние дьль. Вопросъ о Ла-Платъ рѣшенъ, по это не рѣшеніе, а сохраненіе нынѣшняго состоянія дьль, — *statu quo*. Это продолженіе переговоровъ, начатыхъ уже два года тому назадъ. Это отерочка вопроса, который надобно же когда-нибудь рѣшить. — Г. *Дюпенъ* избранъ опять въ президенты собранія 377 гол. изъ 596-ти. Генералъ *Беддъ* былъ наконецъ выбранъ четвертымъ вице-президентомъ.

— Въ газетѣ *l'Univers* сообщенъ циркуляръ Папы къ духовенству Италіи, противу преступныхъ идей послѣднихъ годовъ, и въ особенности противу распространенія злонамеренныхъ книгъ, которыми подкапываютъ католицизмъ.

— Сегодня вышелъ новый журналъ: *Le Napoléon*, который будетъ, говорить, официальнымъ органомъ Президента. Онъ будетъ выходить разъ въ недѣлю, съ виньеткою, которая изображаетъ триумфальныя ворота Звезды. Въ этомъ первомъ номерѣ, подъ рубрикою «*Смѣсь*» напечатано сообщеніе, что *Людвигъ Бонапартъ* при нынѣшнихъ обстоятельствахъ также мало думаетъ о всепрошеніи, какъ прежде желалъ объявить амнистію, въ годовщину своего избранія въ Президенты. Въ заключеніи сказано: «Мы живемъ теперь въ періодъ прощенія; періодъ милости еще на наступилъ.»

8-го. *Законодательное Собраніе*. — Разсматриваемъ былъ проектъ Г. *Парьё* касательно назначенія и отставленія первоначальныхъ учителей. По закону, послѣдніе, до обнародованія органическаго закона, должны находиться въ совершенной зависимости отъ префектовъ. Г. *Лавернь* говорилъ противъ этого проекта. Докладчикъ вошелъ на кафедру, и жаловался, что первоначальные учителя проповѣдуютъ социализмъ, вмѣсто того, чтобы учить дѣтей. Г. *Паскаль Дюпрэ* защищалъ ихъ противъ этого обвиненія, и старался доказать, что законъ имѣетъ цѣль политическую. Хотятъ удалить учителей, имѣющихъ демократическія мнѣнія, и передать обученіе въ руки духовныхъ. Ораторъ замѣтилъ, въ продолженіи своей рѣчи, что такъ называемые красные, не что иное, какъ республиканцы; такъ называемые же бѣлые республиканцы всегда руководствовались однимъ эгоизмомъ и продавали свое отечество иностранцамъ. Ораторъ замѣтилъ въ заключеніи, что Наполеонъ былъ избранъ 3 миліонами голосовъ въ Консулы на всю жизнь, только съ помощію школьныхъ учителей. — Слѣдуетъ ли перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей закона, рѣ-

шено утвердительно большинствомъ 552 гол. противъ 208.

— Въ послѣднемъ номерѣ газеты Акбаръ сообщаютъ, что Г. *Леонъ Рошъ* не нашелъ въ Танжерѣ приѣма, приличнаго его званію. *Сиди-бу-Селамъ* далъ приказаніе, чтобъ ни одинъ мароканскій чиновникъ, ни одинъ капитанъ корабля не были при высадкѣ его на берегъ.

— Гарибальди все еще находится въ Танжерѣ, въ домѣ сардинскаго консула.

9-го. — *Законодательное Собраніе*. — Приступили къ разсмотрѣнію первой статьи проекта закона о первоначальныхъ преподавателяхъ, касательно зависимости ихъ отъ префектовъ. Она утверждена. Въ 3-ой статьѣ сказано:

«Префектъ имѣетъ право порицать учителя, дѣлать ему выговоръ, удалить его отъ должности на время и вовсе. Но отставленный учитель имѣетъ право подать апелляцію министру.»

Большинство, слѣдуя желаніямъ правительства, отвергло все предложенныя измѣненія къ закону, но внезапно приняло одно изъ нихъ, предложенное г. *Саллономъ* къ статьѣ 3-ей, и заключавшееся въ томъ, чтобъ префекты не имѣли права смѣнять учителей, не испросивши предварительно согласія окружнаго комитета. Принятіе этого предложенія, противуположнаго общему духу проекта закона, произвело въ собраніи такой шумъ, что президентъ принужденъ былъ закрыть засѣданіе.

— Г. *Густавъ де-Бомбъ*, бывшій посланникомъ въ Вѣнѣ и г. *Ламорисьеръ*, бывшій посланникомъ въ С.-Петербургѣ, возвратились въ Парижъ.

— Г. *Гизо* читалъ въ засѣданіи Академіи исторической отрывокъ о возстановленіи дома *Стуартовъ*.

— 10-го. — *Законодательное Собраніе*. — Коммиссія принимаетъ два прибавленія къ проекту закона касательно учителей:

«Послѣднихъ можно удалять отъ должности только на шесть мѣсяцовъ; удаленіе это будетъ продолжаться и во время апелліаціи къ министру;

«Тотъ, до кого касается такое временное удаленіе, не получаетъ жалованья.»

Министръ *Парьё* согласился съ коммиссіею. Вся 4-ая статья принята большинствомъ 378 гол., противъ 213. — Пятая статья, послѣ долгихъ преній также принята: 338 противъ 255.

— Треть стамъ польскимъ выходцамъ, которые находятся въ Парижѣ, объявлено, что они впредь не будутъ получать пособія, которое до-сихъ-поръ выдавалось имъ ежемесячно.

— Г. *Ротшильдъ* разсылаетъ, по порядку, въ разные округи, значительное число билетовъ, по которымъ можно получать хлѣбъ; такъ вчера онъ доставилъ въ благотворительный комитетъ 6-го округа 600 такихъ билетовъ; по каждому изъ нихъ отпускается 4 фунта хлѣба.

11-го. *Законодательное Собрание*. — Продолженіе преній о первоначальныхъ учителяхъ.

«6-й §. Окружные комитеты удерживаютъ за собою право отставлять учителей, съ утвержденія однакожь Президента.

Принять безъ преній.

«7-й §. Постановленія закона отъ 22 июня 1833 г. остаются въ своей силѣ во всемъ, что не противно настоящему закону».

Также принять.

Наконецъ собраніе перешло къ разсмотрѣнію предложенія о перенесеніи засѣданій въ прежнюю залу Палаты Депутатовъ. Г. *Месвѣ* предлагалъ построить новую временную залу, употребивъ на нее матеріалы старой залы.

— Комиссія, снаряженная для разсмотрѣнія предложенія Г. *Беттинга де Ланкастеля* объ опредѣленіи числа и обязанностей министровъ, выслушала вчера мнѣніе г. *Эмиля Жирардена*, котораго она просила объяснить ей свои идеи о преобразованіи управленія. Г. *Жирарденъ* подробно объяснилъ свою систему, которая состоитъ въ томъ, чтобы министровъ было только двое, а остальными частями управленія заведывали директоры, которые занимались бы единственно своею частію, и не терли времени въ политическихъ преніяхъ собранія.

— Г. *Тьеръ* охрипъ совершенно послѣ своей рѣчи и споровъ о ла-платскихъ дѣлахъ. Не смотря на это, онъ присутствуетъ въ засѣданіяхъ Собранія, и сидитъ на скамьѣ комиссіи, разсматривающей законъ о первоначальномъ обученіи.

— Вице-Президентъ Республики *Булѣ де-ла-Мертъ* пожертвовалъ 35 тысячъ франковъ своего содержанія, съ 1 апрѣля 1849 до 1 января 1850 года, въ пользу воспитанниковъ разныхъ первоначальныхъ школъ.

— Говорятъ, что въ предмѣстьяхъ Парижа подписываются теперь рѣшенія, составленные членами одного известнаго комитета, о назначеніи *Людвика Наполеона* пожизненнымъ Президентомъ Республики.

12-го. — *Законодательное Собрание*. — Вчерашнія пренія продолжаютъ теперь рѣшенія, составленные членами одного известнаго комитета, о назначеніи *Людвика Наполеона* пожизненнымъ Президентомъ Республики.

12-го. — *Законодательное Собрание*. — Вчерашнія пренія продолжаютъ теперь рѣшенія, составленные членами одного известнаго комитета, о назначеніи *Людвика Наполеона* пожизненнымъ Президентомъ Республики.

— Газеты «*Napoléon*» расходится 50 тысячъ экземпляровъ; въ Парижѣ весьма мало; изъ чего заключаютъ, что она отправляется наиболѣе въ департаменты.

— Префектъ полиціи пригласилъ всѣхъ книгопродавцевъ сдѣлать пожертвованія для составленія библіотеки въ пользу заключенныхъ въ тюрьмахъ.

— Министръ Юстиціи представилъ на разсмотрѣніе комиссіи, составленной изъ важнейшихъ юрисконсультовъ, какъ-то: г. *Дюпена*, *Порталиса*, *Барта*, *барона Тролона* и другихъ, слѣдующій вопросъ: трактатомъ, заключеннымъ въ Фонтенбло, назначены были фамилии *Бонапарте*, изъ которыхъ суммы изъ французскаго казначейства, которыя съ процентами простираются нынѣ свыше двадцати милліоновъ. Реставрація, почтя условія этого трактата нарушенными на правъ и на дѣль, вслѣдствіе высадки *Наполеона* въ *Канюль*, не исполнила его. Послѣ Польской революціи государственный советъ представилъ мнѣніе, благопріятное требованіямъ семейства Императора *Наполеона*, но правительство *Людвика-Филиппа* не почло нужнымъ исполнить эти требованія. Комиссія, которой было передано разсмотрѣніе этого вопроса, намѣрена, какъ говорятъ, рѣшить его въ томъ же смыслѣ, какъ и государственный советъ въ 1841 году, и правительство желаетъ представить проектъ закона

о уплатѣ суммъ, должныхъ Франціею наследникамъ Императора *Наполеона*.

13-го — Журналъ «*Napoléon*» смѣется надъ слухами, будто Президентъ Республики написалъ для пробнаго нумера нѣсколько статей. *Г. Александръ Дюма* объявилъ, что онъ не принималъ участія въ изданіи этого журнала.

«Я вѣрю въ Бога, — говоритъ онъ при этомъ случаѣ, — не смотря на ученіе *г. Прудона*, я вѣрю въ Республику, несмотря на *г. Молэ*, я вѣрю въ честь Франціи, не смотря на союзъ съ Австріей, на осаду Рима и на поступки съ *Монтевидео*.»

14-го. — *Законодательное Собраніе*. — Сегодня начались пренія объ устройствѣ народнаго образованія. Президентъ убеждалъ палату быть спокойнѣе и внимательнѣе при разсмотрѣніи такого важнаго закона. *Г. Бартеlemi Сентъ-Илеръ* говорилъ противъ закона. Вообще онъ расположенъ въ пользу свободнаго обученія, но утверждаетъ, что отецъ семейства долженъ уступать государству въ своихъ правахъ. — При нынѣшнемъ расположеніи партій, нельзя предвидѣть, что выйдетъ изъ этихъ преній.

15-го. — *Законодательное Собраніе*. — Величайшій упрекъ, какой можно сдѣлать нынѣшнему проекту закона о народномъ образованіи, состоитъ въ томъ, что законъ этотъ неопредѣлительнъ, двусмысленъ, и ставитъ народное образованіе подъ такое управленіе, которое не удовлетворитъ ни искреннихъ приверженцевъ свободнаго обученія, т. е. допущенія духовенства, ни ревнителей университета, и на которое, слѣдственно, будутъ нападать все, лишь только возвращеніе спокойствія утишитъ чувства, подъ вліяніемъ которыхъ законъ былъ принятъ. Но до-тѣхъ-поръ надобно будетъ повиноваться этому неопредѣлительному закону. Сравнительно съ нынѣшнимъ своимъ положеніемъ, духовенство выиграетъ при утвержденіи этого закона. Оно будетъ имѣть больше вліянія на обученіе, нежели теперь. Но что выиграетъ государство? Оно проиграетъ, потому-что вліяніе его уменьшится на столько, сколько оно предоставитъ духовенству. Этотъ важный вопросъ занималъ сегодня все засѣданіе Законодательнаго Собранія, и будетъ занимать его еще нѣсколько дней. Первая часть этого засѣданія была довольно тиха. *Г. Бартеlemi Сентъ-Илеръ* кончилъ начатую вчера рѣчь противу проекта, а *Лангскій епископъ, г. Паризі,* отвѣчалъ въ пользу закона. Но рѣчь *г. Виктора Гюго*, за-

навшая вторую половину засѣданія, возбудила сильную бурю. Ораторъ-поэтъ сильно защищалъ свободу обученія подъ надзоромъ правительства, и возбудилъ громкія восклицанія съ правой стороны сильными нападами своими на католическое духовенство. Кажется, что онъ этою рѣчью кончилъ начатое прежнею о римскомъ вопросѣ, т. е. совершенно отделился отъ правой стороны собранія, и сблизился съ лѣвой. Впрочемъ въ концѣ рѣчи, *Викторъ Гюго* постарался явственно обозначить черту, которая будетъ всегда отдѣлять его отъ *монтаньяровъ*.

— Изъ Корсики пишутъ, что тамъ очень холодная зима. Апельсинныя деревья сильно пострадали, и много погибло лимонныхъ деревьевъ.

— *Г. Карлье*, парижскій префектъ, запретилъ впускать, во-время послѣдняго маскарада, масокъ съ красными головными уборами.

— Въ обществѣ, образовавшемся для противодѣйствія социалистамъ, считается теперь до 150 членовъ большинства.

16-го. — *Законодательное Собраніе*. — *Г. Леонъ Фоше* спросилъ у бюджетной комиссіи, представитъ ли она, по объщанію своему, донесеніе до 20-го января. Докладчикъ комиссіи, *г. Берриэ*, отвѣчалъ, что она прилежно трудилась, имѣла ежедневныя совѣщанія съ министрами, и спѣшитъ представить свое донесеніе. Послѣ сего *г. Мужуай* произнесъ рѣчь о законѣ народнаго образованія. Онъ обвинилъ *Виктора Гюго* въ томъ, что онъ изъ этого вопроса сдѣлалъ политическую мелодраму; онъ нападалъ на церковь, а не на духовенство, и выискалъ устарѣлые предрассудки, между-тѣмъ какъ духовенству Франція обязана наукою и литературою.

— Рѣчь *Виктора Гюго* надѣлала много шума. Иные журналы, а именно оппозиціонныя, провозглашаютъ, что это одна изъ превосходнѣйшихъ рѣчей, какія только когда-нибудь были произнесены на французской трибунѣ. Журналы легитимистскіе и католическіе осуждаютъ не только сущность, но и самую форму этой рѣчи. Журналы бонапартистскіе, какъ напримѣръ *le Constitutionnel*, признаютъ, что *Викторъ Гюго* зашелъ слишкомъ далеко, но извиняютъ его тѣмъ, что члены правой стороны безпрерывно прерывали его и тѣмъ заставляли говорить то, чего бы онъ, въ спокойномъ расположеніи духа, никогда не сказалъ. Другой органъ Президента Республики, *le Crédit*, хвалитъ *Виктора*

Гюго без всякихъ ограниченій; изъ чего можно заключить, что въ Элизе не слишкомъ досаждаютъ на его выходку.

17-го. — *Зак. Соб.* — Сегодня носились слухи въ корридорахъ Собранія и залъ конференцій, что законъ о преподаваніи, три дня сряду волновавшій собраніе, подвергается теперь большой опасности, и очень можетъ статься, что онъ будетъ отвергнутъ. При началъ казалось, однакожь, что въ его пользу образовалось значительное большинство; что противъ него возставала только Гора, часть лѣвой стороны и нѣсколько членовъ крайней правой. Теперь все измѣнилось. Пренія принесли плоды; но любопытнѣе всего то, что закону не столько повредили нападавшіе на него, сколько тѣ, которые его защищали. Рѣчь епископа Ланграскаго, г. *Паризи*, нанесла ему довольно тяжель ударъ. Г. *Монталамбергъ*, говорившій въ смыслъ г. *Паризи*, произвелъ тѣ же самыя послѣдствія. Закону, какъ кажется, не суждено уже подняться, и всѣ приверженцы свободы преподаванія тому радуются. Какъ бы то ни было, а эти пренія занимаютъ всѣ журналы, и поглотивши все общественное вниманіе Франціи.

18-го. — *Зак. Соб.* — Двѣ рѣчи были произнесены: одна г. *Тьеромъ*, другая г-мъ *Кремельемъ*. Послѣдній, разумѣется, возставалъ противъ закона о преподаваніи. Г. *Тьеръ* говорилъ, по обыкновенію своему, краснорѣчиво, но уменьшалъ въ рѣчи своей значеніе вопроса, и сказалъ, что все дѣло только въ томъ, чтобы уничтожить лежавшее на семинаріяхъ запрещеніе обучать свѣтскихъ лицъ. Чтѣ же касается до допущенія епископовъ въ академическіе совѣты, то г. *Тьеръ* объявлялъ, что это вопросъ, не имѣющій важности. Впрочемъ, подобно г. *Монталамберу*, защищавшему проектъ закона противъ католиковъ, которые отвергаютъ его, потому что хотятъ неограниченной свободы преподаванія, г. *Тьеръ* защищалъ законъ противъ университетской партіи. Г. *Монталамбергъ* старался доказать, что въ законъ преобладаетъ и должна преобладать церковь, а г. *Тьеръ* приписывалъ это преобладаніе свѣтской власти. Это разногласіе двухъ защитниковъ проекта очень невыгодно для закона.

Рѣчь г. *Тьера* произвела много шума, и доказала неосновательность слуховъ о томъ, будто бы г. *Тьеръ* намѣревался сблизиться съ лѣвой стороной и дѣйствовать вмѣстѣ съ ней противъ закона о преподаваніи. Изложивъ законъ съ необыкновенною ясностію, г. *Тьеръ* краснорѣчиво заклиналъ

всѣхъ своихъ противниковъ, принадлежащихъ къ разнымъ партіямъ, соединиться съ нимъ. Гора прервала г. *Тьера* среди одного изъ самыхъ блистательныхъ ораторскихъ порывовъ; онъ обратился тогда къ ней, и заклиналъ прерывавшихъ его доказать государству, что его представители умѣютъ уважать другъ друга среди самыхъ страстныхъ преній, и спорить, не обижая другъ-друга. Онъ умолялъ ихъ во имя достоинства Франціи, во имя представительнаго правительства, предмета ихъ общей преданности, подверженнаго въ настоящее время страшнымъ угрозамъ и великимъ опасностямъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что г. *Тьеръ* хотѣлъ намекнуть этими словами на слухи о государственномъ переворотѣ, но вѣроятнѣе, что онъ намекалъ на другія опасности.

— Получены извѣстія изъ Ла-Платы. *Розасъ*, подавъ просьбу объ увольненіи его отъ должности президента Аржентинской Республики, разыгралъ вновь комедію, повторяющуюся у него ежегодно. Онъ болѣе прежняго настаивалъ на необходимости выхода въ отставку, а тѣ, которыхъ онъ называетъ представителями народа, долѣе обыкновеннаго, разумѣется, упраснивали его остаться. *Розасъ* согласился, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ одинъ будетъ пользоваться исполнительною властію. Онъ готовится къ сильному нападению на Парагвайскую Республику, чтобы потомъ обратиться всѣ свои силы противъ Монтевидео.

19-го. — *Зак. Соб.* — Засѣданіе было довольно безцвѣтно. Правительство, не принимавшее до-сихъ-поръ участія въ преніяхъ, объявило себя въ пользу закона, чрезъ посредство министра просвѣщенія г. *Парьё*. Впрочемъ объясненія г. *Парьё* были довольно кратки; онъ говорилъ, что объясненія подробнѣе въ слѣдующемъ засѣданіи.

— Въ Гардскомъ департаментѣ происходили выборы, и республиканская партія одержала верхъ. Благодаря разногласію противниковъ ея, представившихъ двухъ кандидатовъ, выбранъ былъ г. *Фаванъ*, кандидатъ республиканскій.

— 20-го Говорятъ, что Французы будутъ занимать только Чивита-Веккію, если Папа рѣшится возвратиться въ Римъ, а гарнизонъ этого города будетъ составленъ изъ Испанцевъ и Неаполитанцевъ.

21-го. — *Зак. Соб.* — Засѣданіе было довольно шумно; на очереди состоялъ законъ о переселеніи въ Алжирію июнь-

ских инсургентовъ, находящихся еще на понтоняхъ. Этотъ вопросъ не разъ уже возбуждалъ въ Собраніи страшныя бури. Сегодня онъ произвелъ точно такія же послѣдствія. Правая и лѣвая сторона осыпала одна другую колкостями, угрозами, даже бранью. Г. *Сотера* предложилъ подчинить общему праву мятежниковъ, посланныхъ безъ суда, то есть освободить ихъ и потомъ предать суду. Это предложеніе было отринуто 382 гол. протовъ 205.

— Сегодня совершено было во многихъ церквахъ Парижа поминовеніе по королѣ *Людвигу XVI*. Знаменитѣйшіе легитимисты были при службѣ въ часовнѣ, воздвигнутой надъ могилою несчастнаго короля и его супруги.

— Жители многихъ частей Парижа жаловались, что посаженные въ чаду революціи деревья свободы препятствуютъ на улицахъ провзду, и обезображиваютъ ихъ. Префектъ полиціи приказалъ срубить все деревья, которыя или высохли, или посажены не у мѣста.

22-го. — *Зак. Соб.* — Первая половина засѣданія была занята парламентскимъ посидинкомъ г. *Леона Фосе* съ г. *Жюлемъ Фавромъ*. Первый доказалъ, что у него есть дарованіе, есть смѣлость; но къ чему все это привело его?

«Теперь ужъ поздно, отвѣчалъ ему г. *Фавръ*, нападать на временное правительство; вы бы должны были напасть на него 4-го мая, когда Собраніе рѣшило благодарить его оффиціально.»

Споръ этотъ ни на сколько не подвигалъ преній. За тѣмъ, г. *Тестеленъ*, членъ лѣвой стороны, упрекалъ г. *Адриена де Кердреля*, члена легитимистской партіи, въ томъ, что онъ, не съ трибуны, а въ частномъ разговорѣ, грозилъ Президенту Республики гнѣвомъ большинства, если онъ еще разъ помилуетъ ссыльныхъ. Законъ о переселеніи въ Алжирію іонскихъ инсургентовъ будетъ, вѣроятно, принятъ, но это нанесетъ новый, чувствительный ударъ популярности большинства.

— *Людвигъ-Филиппъ*, продолжающій жить въ Кларемонтѣ, въ совершенномъ здоровьи, писалъ недавно къ *Гизо* письмо, въ которомъ высказалъ свою любовь къ Франціи.

23-го. — *Законодательное Собраніе*. — На очереди состояло предложеніе о переселеніи въ Алжирію іонскихъ инсургентовъ. Первый говорилъ г. *Лагранжъ*, и просилъ, чтобы провзвести перекличку членовъ, что и было исполнено. За тѣмъ г. *Лагранжъ* сказалъ, что онъ требуетъ не снисхож-

денія, не человеколюбія, а справедливости. Онъ напомнилъ о томъ, что законъ объ іонскихъ инсургентахъ былъ изданъ въ такое время, когда царствовали страхъ и жажда мщенія. Эти два чувства никогда не могутъ быть добрыми совѣтниками. Этотъ законъ изгналъ 5,000 человекъ, изъ которыхъ 1,500 до-сихъ-поръ еще томятся въ изгнаніи, подъ предлогомъ, что они несправимы; а между-тѣмъ, они виновны только въ томъ, что не хотѣли кричать: *да здравствуетъ реакція!* а остались вѣрными республикѣ. Ораторъ, котораго прервала, на этихъ словахъ, правая сторона, изъяснилъ желаніе, чтобы надъ іонскими инсургентами учредили особенную комиссію, для изслѣдованія ихъ дѣла. Г. *Лагранжъ* утѣрялъ, что четвертая часть осужденныхъ къ ссылке будетъ признана невинною. Послѣ г. *Лагранжа* на трибуну вошелъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Онъ сказалъ, что скорѣе можно упрекнуть правительство въ снисходительности, нежели въ томъ, въ чемъ обвиняетъ его г. *Лагранжъ*. Правительство постоянно пользовалось своимъ правомъ миловать, какъ скоро обстоятельства это дозволяли. Впрочемъ, до-сихъ-поръ онъ не можетъ пожаловаться на поведеніе помилованныхъ имъ іонскихъ инсургентовъ. Предложенный теперь декретъ объ оставшихся 468 инсургентахъ, вовсе не такъ ужасенъ, какъ говорилъ г. *Лагранжъ*.

Эти люди, заключилъ г. *Фердинандъ Барро*, будутъ переселены въ Алжиръ, который есть также часть Франціи, и съ ними будетъ поступлено, по возможности, хорошо. Послѣ г. *Фердинанда Барро* говорилъ г. *Жюль Фавръ*. Онъ сказалъ, что цѣлый годъ изслѣдывалъ причины іонскаго возстанія, и можетъ сказать съ достовѣрностію, что очень ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что это возстаніе произошло вслѣдствіе заговора. За тѣмъ онъ старался доказать, что іонское возстаніе было естественнымъ послѣдствіемъ февральской революціи. Если бы не преувеличили вину іонскихъ инсургентовъ, то декретъ о нихъ никогда бы не состоялся; 1,700 гражданъ были осуждены на галеры одними военными судами, безъ всякихъ формальностей. Одинъ членъ правой стороны прервалъ г. *Фавра*, сказавъ: Судите враговъ вашихъ снисходительно; я бы не желалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ подвергнуться вашему суду! (*Волненіе*) За тѣмъ г. *Фавръ* перешелъ къ самому закону. Онъ спросилъ, чѣмъ можно оправдать стро-

гость закона? На десять лѣтъ ссылкой этихъ людей въ Алжирь, съ твердымъ намѣреніемъ продолжить этотъ срокъ на неопредѣленное время, какъ скоро они произнесутъ хоть малѣйшую жалобу. Одинъ только страхъ могъ побудить Собраніе на такую ужасную мѣру; одинъ только страхъ могъ породить законъ о ссылкѣ. Онъ заключилъ свою рѣчь просьбой дать осужденнымъ на ссылку судей, и внести хотя сколько-нибудь утѣшенія въ жилища ихъ вдовъ и сиротъ. За тѣмъ г. *Баро* сказалъ нѣсколько словъ въ пользу закона, послѣ чего потребовали заключенія общихъ преній. Левая сторона требовала публичнаго подаванія голосовъ; но президентъ не обратилъ вниманія на это требованіе, и перешелъ къ преніямъ объ отдельныхъ статьяхъ закона. Нѣсколько ораторовъ устремилось къ трибунѣ. Г. *Жюль Фавръ* былъ приглашенъ къ порядку, вслѣдствія чего онъ воскликнулъ: «Напрасно меньшинство надвѣялось на умѣренность большинства!» Въ залѣ поднялся страшный шумъ. Президентъ оправдывался въ томъ, что не допустилъ до публичнаго подаванія голосовъ, и потомъ Собраніе перешло къ преніямъ объ отдельныхъ статьяхъ закона. Начались пренія о 1-й статьѣ, въ которой говорится, что все инсургенты, находящіеся теперь въ Бель-Иль, должны быть переселены въ Алжирію. Собраніе отвергло одно предложенное къ этой статьѣ измѣненіе, и за тѣмъ засѣданіе было закрыто.

— *Коссидьеръ*, завелъ въ Лондонъ винную торговлю, и намѣренъ открыть винный погребокъ въ Нью-Йоркѣ.

24-го.—*Законодательное Собраніе*.—Пренія продолжаютъ. Г. *Ламорисьѣра* защищалъ свое прибавленіе, въ которомъ требовалъ, чтобы никто не имѣлъ права освобождать переселенцевъ безъ согласія Собранія. Законъ этотъ имѣть политической, даже революціонный характеръ. (*Шумъ*). «Вы, сказалъ онъ, теперь политическіе судьи. (*Шумъ*). Учредительное Собраніе издало свой декретъ вслѣдствіе войны, и вы должны теперь рѣшить участь военно-пленныхъ.»

Президентъ: Ораторъ лучше всѣхъ долженъ знать это дѣло: онъ самъ участвовалъ въ немъ. (*Смѣхъ*).

Г. *Ламорисьѣра*: Безъ сомнѣнія этотъ законъ есть законъ политической, но не смотря на то, переселенцевъ судили (*ропотъ съ лева*) и притомъ судили съ большою умѣренностью. (*Крики съ лева*).

Г. *Фердинандъ Барро*, министръ внутреннихъ дѣлъ: Безъ сомнѣнія переселенцы суть политическіе приговоренные, но прибавленіе г. *Ламорисьѣра* бесполезно. Г. *Кавеньякъ* объявляя помилowanія безъ согласія Собранія; Президенту Республики непременно должно быть предоставлено то же самое право. Впрочемъ, такъ какъ правительство согласно съ прибавленіемъ комиссіи, и для помилowanія необходимо испрашивать согласіе государственнаго совѣта, то можно обойтись и безъ согласія Собранія.

Съ лева: Не оскорбляйте, по-крайней-мѣрѣ, Національнаго Собранія!

Г. *Фердинандъ Барро*. Такого намѣренія я не имѣю; я только говорю противъ прибавленія г. *Ламорисьѣра*. (*Одобреніе*).

Сильное большинство отвергло прибавленіе.

Статьи 5, 6, 7, 8, 9 и 10, касательно переселенія, приняты безъ дальнѣйшихъ споровъ. Г. *Шверъ Леру* возставалъ противъ статьи 11, по которой жены и дѣти переселенцевъ могутъ быть перевезены къ нимъ на счетъ государства и принять участіе въ ихъ работахъ, потому-что она касается только до законныхъ женъ. Собраніе приняло 11, 12, 13 и, наконецъ, послѣднюю, 14 статью.

— Замѣтивъ, что во всѣхъ церквахъ, въ которыхъ служили третьяго дня панихиду по Людовикъ XVI, было много блузниковъ.

— *Князь Кашино*, бывший Президентъ римскаго Републиканскаго Собранія, представилъ Національному Собранію слѣдующую просьбу:

«Въ качествѣ французскаго гражданина, я требую, чтобы мнѣ дозволенъ былъ въѣздъ во Францію, такъ же, какъ братьямъ моимъ, *Пьерру*, *Антуану*, *Людовику*, *Люціану Бонапарте*, дядѣ моему *Геролиму* и сыну его, и моему двоюродному брату *Людовику-Наполеону Бонапарте*».

25-го.—*Законодательное Собраніе*.—Утверждено нѣтълько проектовъ законовъ, имѣвшихъ мѣстный интересъ.

— Въ Тулонѣ начались приготовленія къ экспедиціи въ Ла-Плату, если только можно назвать экспедиціею отправленіе отряда въ 1,500 человекъ. Морскіе офицеры очень недовольны. Правительство надѣется, что дружественныя отношенія, въ которыхъ находится съ *Розасомъ* адмиралъ *Лепредуръ*, побудятъ диктатора на уступки.

26-го.—*Законодательное Собрание*.—Г. Тьеръ представил доклад Коммиссии, о средствах устроить общественное призрѣніе. Продолженіе вчерашнихъ преній.

— Библиотека, учрежденная для тюремъ, получила огромное количество книгъ, особенно духовнаго содержанія.

28-го.—*Законодательное Собрание*. Если въ умахъ Французовъ и нѣтъ спокойствія, то, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе три дня оно заметно въ дѣлахъ. Сегодня тоже не случилось ничего особеннаго. Законодательное Собрание въ совершенномъ спокойствіи утвердило проектъ о распусcenіи подвижной гвардіи. Остальные батальоны будутъ распусценены съ наградой трехмѣсячнымъ жалованьемъ, и время служенія въ этой гвардіи будетъ считаться службою. Подъ конецъ засѣданія министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ проектъ закона объ окончаніи гробницы Наполеона.

— Рѣчь Виктора Гюгô напечатана въ числѣ 60 тысячъ экземпляровъ.

— Французское правительство, какъ увѣряютъ, получило по телеграфу извѣстіе, что англійскій кабинетъ вновь требуетъ у греческаго правительства уплаты тѣхъ суммъ, которыя Англія заплатила по греческому займу, сълланному подъ ручательствомъ трехъ державъ, Россіи, Англіи и Франціи. Чтобы поддержать эти требованія, дано приказаніе англійскому флоту двинуться въ Пирей. Греческое Правительство прибѣгло подъ покровительство французскаго посла. Известно, что два года тому Англія требовала уже уплаты недоимокъ, и что знаменитый Женевецъ-Филеллинъ Эйнаръ долженъ былъ сперва поручиться за уплату, а потомъ и пропозвѣсть ее.

29-го.—*Законодательное Собрание*.—Членовъ такъ мало, что принуждены начать тайное собраніе голосовъ для того, чтобы опредѣлить число присутствующихъ. На очереди состояло продолженіе разсмотрѣнія проекта закона, касательно договоровъ между хозяевами и работниками шелковыхъ фабрикъ. Въ статьи, за исключеніемъ десятой, приняты.

30-го.—*Законодательное Собрание*.—На очереди состояли пренія о конскомъ заводѣ въ Сентъ-Клу. Предметъ важный для кавалеріи. Положено назначить правительству требуемый имъ кредитъ въ 100 тысячъ фран., и весь законъ принять 500 головъ противъ 96.

31-го.—*Законодательное Собрание*.—Разсмотрѣніе разныхъ мѣстныхъ проектовъ закона. Президентъ прочелъ письмо министра юстиціи, въ которомъ онъ, излагая рѣшеніе версальскаго верховнаго суда, которымъ многіе депутаты приговорены къ разнымъ наказаніямъ, требуетъ, чтобы Собраніе объявило этихъ представителей лишившимся своего званія. Письмо передано особой коммиссией. Г. Молé требовалъ, чтобы на вторникъ было назначено разсмотрѣніе закона о походномъ обученіи, а чтобы въ понедѣльникъ собраніе совѣщалось о доходахъ бывшаго королевскаго дома. Собраніе приняло это предложеніе.

Англія.

1-го числа.—Англичане заняли островъ Тигръ и другіе пункты по Гондурасскому и Сан-Сальвадорскому берегу, въ возмездіе за насильственные дѣйствія тамошнихъ правительствъ противу англійскихъ подданныхъ, за которыя не хотѣли дать ни удовлетворенія, ни вознагражденія.

— 27-го декабря скончался г. Лагоръ, самый дѣятельный защитникъ реніи. Онъ былъ редакторомъ газеты «*Irish Felon*», которая начала выходить чрезъ нѣсколько недѣль послѣ ссылки Джона Митчелла.

— Между британскимъ и португальскимъ правительствами возникъ споръ по случаю отказа португальскихъ начальствъ выдать одному англійскому подданому, г. Крофту, наследство, доставшееся ему въ Португаліи.

3-го.—Издано королевское предписаніе, о назначеніи коммисіи для устройства предполагаемой въ 1851 г. всемірной выставки. Премій будетъ не менше, какъ на 20 т. ф. стерл.

— Джонъ о'Коннелъ отказался отъ званія члена Парламента; онъ объясняетъ этотъ поступокъ разстройствомъ и недостаточностію своего состоянія.

4-го.—Въ Times напечатано слѣдующее разсужденіе о нынѣшнемъ состояніи Европы:

«Истекшій годъ былъ свидѣтелемъ освобожденія Европы военною силою отъ опасностей, угрожавшихъ порядку и обществу. Нынѣ должно довершить въ миръ дѣло восстановленія порядка, начатое войною. Для успѣшнаго хода всеоб-

щихъ дѣлѣ сила правительствъ по возможности должна соединиться съ силами народовъ. Въ Англіи и въ Россіи это соединеніе существуетъ. При этомъ тѣсномъ соединеніи утверждается миръ внутри, сила извнѣ; безъ него нѣтъ ни мира, ни силы. Во Франціи, насильственныя крайности безначалія и возмущенія подавлены правительствомъ Людовика Наполеона. Нашли возможность остановить зло, и изъ обломковъ большаго королевства сколотили плоть; но малѣйшая перемѣна вѣтра можетъ все измѣнить; никто не можетъ быть увѣренъ въ прочности фантастическаго зданія, построеннаго на развалинахъ, безъ истиннаго согласія и желанія націи. Въ Германіи нравственное состояніе народа еще болѣе раздроблено, нежели во Франціи, и радикальное излеченіе еще затруднительнѣе. Въ Виртембергѣ, Баденѣ и Саксоніи господствуетъ величайшій духъ сопротивленія; только сильная и могущественная администрація германской національности можетъ возвратитъ массы народа къ покорству, преданности и закону. Австрійское министерство, которое почитаютъ реакціоннымъ, по причинѣ сопротивленія его возмущеніямъ въ Италіи и Венгріи, напротивъ того расположено къ дарованію льготъ и преобразованій. Австрійское правительство намѣрено употребитъ все свои силы къ упроченію своего существованія и къ успокоенію народа. При всемъ томъ, скажемъ: трудъ австрійскаго министерства огроменъ, а результатъ загадоченъ. Въ Италіи тѣ же попытки, съ нѣкоторою вѣроятностію успѣха въ Пиемонтѣ. Въ Римѣ, могутъ быть еще произведены итальянскихъ городовъ долго будетъ зависть отъ присутствія иностранныхъ войскъ. Такимъ-образомъ, непосредственная цѣль болѣе части правительствъ Европы состоитъ теперь въ томъ, чтобъ воспользоваться промежутками спокойствія, приобретеннаго военными успѣхами, и по возможности утвердитъ узаконенія, могущія дать миръ и спокойствіе всемъ сословіямъ общества. Результатъ этого болѣею частью будетъ зависть отъ поведенія народовъ. Кажется, что такъ какъ 1848 г. былъ годомъ возмущеній, а 1849-й годомъ подавленія волненій, такъ 1850-й назначенъ для составленія и издаванія законовъ, соответствующихъ всеобщимъ желаніямъ.»

6-го. — Корабли *Entreprise* и *Investigator*, назначенные въ экспедицію къ сѣверному полюсу, совершенно исправлены, вооружены и находятся теперь въ Вульвичѣ, въ ожиданіи

запасовъ. Они будутъ снабжены значительнымъ количествомъ пороха, для разрыва льда.

8-го. — Подписанъ протоколъ договора, въслѣдствіе котораго Данія уступаетъ Англіи свои владѣнія на Золотомъ-берегу, въ Африкѣ.

— У королевы, въ Виндзорскомъ замкѣ, происходило заведеніе тайнаго совѣта. Рѣшено созвать Парламентъ 31-го января.

9-го. — Герцогъ *Веллингтонъ*, которому уже скоро минетъ 81 годъ, еще очень здоровъ и свѣжъ. Онъ началъ новый годъ охотою, при чемъ проѣхалъ верхомъ отъ 10 до 12 англ. миль.

10-го. — Сегодня утромъ на палубахъ *Entreprise* и *Investigator* было большое движеніе. На этихъ корабляхъ запасено все, что необходимо подъ тѣми широтами, куда они идутъ; на нихъ есть ящики съ подарками для Эскимосовъ, порохъ, сахаръ, чай, ромъ, короче—все припасы, необходимыя экипажу, которому придется бороться со стужею. Первымъ командуеъ капитанъ *Коллинсонъ*, вторымъ—коммодоръ *Макъ-Кларъ*. Оба корабля вышли изъ Вульвича, буксируемые двумя пароходами; при отплытіи ихъ музыка играла національныя пѣсни. Толпа, тѣснившаяся на берегу, провожала громкими криками храбрыхъ моряковъ, отиравшихъ отыскивать капитана *Франклина*.

11-го. — Принцъ *Альбертъ* председательствовалъ въ первомъ собраніи королевской комиссіи для устройства всемірной выставки. Собраніе происходило въ новомъ дворцѣ въ Вестминстерѣ.

12-го. — По письмамъ изъ Нью-Йорка полагаютъ и надѣются, что переговоры между спромъ *Бульверомъ* и правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ окончатся миролюбивымъ согласіемъ по дѣлу Никарагуи и остр. Тигра.

14-го. — Корабль *Геральдъ* прибылъ въ Мазатланъ 13-го декабря, проникнувъ до 73° 10' широты для отысканія *Джона-Франклина*. Военный корабль *Пловскъ* остался зимовать въ Беринговомъ проливѣ, и послалъ шлюбки свои для развѣдыванія по рѣкѣ Макензи. Командиръ *Геральда* полагаетъ, что *Франклинъ* еще живъ.

15-го. — Митинги протекціонистовъ и приверженцевъ свободной торговли все еще продолжаются. Въ Стафордѣ, въ время беспорядковъ, которые производятъ тамошніе митинги протекціонистовъ, ранены опасно 100 человекъ; между-

прочимъ лорды *Тальботъ*, *Ньюпортъ*, *Левисгамъ*, и членъ Парламента г. *Алдерлей*. Одинъ изъ фермеровъ лорда *Левисгама* такъ сильно отбился, махал около себя бичемъ, что подъ его серебрянымъ набадашиномъ пало 20 человекъ; такимъ образомъ онъ проложилъ лорду дорогу черезъ большую часть пьяный народъ, который при каждомъ удачномъ ударѣ фермера, радостно кричалъ:

«Вотъ кровный Англичанинъ!»

17-го.—Распорядительная коммиссія всемирной выставки объявила публикѣ, что національная подписка для покрытія издержекъ, открывается съ сего дня. Первою подписалась *Королева* на 1000 ф. ст., вторымъ принцъ *Альбертъ* на 500 ф. ст.

— Въ Англіи также начинаются холода, такъ что море и рѣки замерзаютъ, что здѣсь рѣдко случается.

20-го.—Прибыла ежемѣсячная почта изъ Китая и Остѣ-Индіи; получены извѣстія изъ Пекина отъ 13 октября, изъ Кантона и Макао отъ 29, изъ Гонгъ-Конга отъ 30 ноября, изъ Бомбей отъ 17 декабря. Истребленіе морскихъ разбойниковъ въ Китаѣ составляетъ предметъ важнѣйшій и любопытнѣйшій по своимъ подробностямъ. Послѣ двухъ значительныхъ сраженій, въ которыхъ разбойничій флотъ потерпѣлъ значительныя потери, несколько англійскихъ военныхъ кораблей пустились отыскивать значительную дивизию, обратившуюся въ бѣгство вдоль юго-западныхъ береговъ Китая. Послѣ преслѣдованія по неизвѣстнымъ и слѣдственно самымъ опаснымъ морямъ Кокхинны, англійскіе корабли наконецъ догнали этотъ флотъ въ Тонкинскомъ заливѣ, и совершенно его истребили, не оставивъ ни одного судна изъ этого морскаго ополченія, самаго огромнаго, какое когда-либо видѣли въ китайскихъ моряхъ. Истреблено 58 джонокъ большаго размѣра; взято или брошено въ море болѣе 1,000 пушекъ. Убиты 1,700 пиратовъ; а около 1,500 загнаны на берегъ, гдѣ Тонкинцы съѣдали имъ пріемъ, какого они заслуживали за прежнія свои вторженія въ эту мирную страну.

Императорскій комиссаръ *Синъ* все еще не выдаетъ голы и руки губернатора *Амарала*, доколь три китайскіе солдата, содержащіеся въ тюрьмѣ въ Макао, не будутъ освобождены. Жители же Макао имѣли удовольствіе нанести новыя оскорбленія португальскому намѣстнику въ Кантонѣ, въ ожиданіи прибытія изъ Лиссабона новаго губернатора,

инструкцій, кораблей, солдатъ и въ особенности пѣстровъ, чтобы образумить Небесную Имперію.

— Изъ Остѣ-Индіи получены извѣстія:

На сверо-западной границѣ англійскихъ владѣній небольшою горной владѣтель, *Раджа Сиккимскій*, задержалъ двухъ Англичанъ, доктора Камбеля и доктора Гокера, отправившихся въ учное путешествіе на Гималайскій хребетъ. Раджа получилъ большую часть своихъ владѣній отъ англійскаго правительства, во-время командованія лорда *Мойры*. Причины поступка раджи достоверно неизвѣстны. Путешественники находятся въ заключеніи около двухъ недѣль. Войска двинулись къ Даржелпунгу, чтобы устранишь раджу. По причинѣ сильнаго снѣга, нельзя предпринять дѣйствительной экспедиціи противъ *Сиккима*. Полагаютъ, что бывшая Лагорская княжна главная виновница этого насильственнаго поступка.

— Въ 1849 году, новыхъ лній желѣзныхъ дорогъ въ Великобританіи открыто на 937 миль, а именно: въ Англіи на 750 м., въ Шотландіи на 73½, въ Ирландіи на 114. Во всемъ соединенномъ государствѣ желѣзныя дороги простираются на 5,950 миль. Сборъ съ нихъ возвысился въ 1849 г. до 11, 683,800 ф. ст. Капиталъ, истраченный до-сихъ-поръ на построеніе и содержаніе этихъ желѣзныхъ дорогъ, простирается до 191 м. ф. ст., что, среднимъ числомъ, составляетъ 1,324½ ф. ст., на милію.

25-го.—Г. *Кобденъ* продолжаетъ свое путешествіе по Англіи; недавно былъ онъ въ Шеффилдѣ, гдѣ созывалъ митингъ, на который явилось до 2 т. человекъ, въ числѣ которыхъ были важнѣйшіе либералы города и его окрестностей. Свобода торговли, финансовая реформа, парламентская реформа и колониальный вопросъ, были главными предметами преній. Особенно много говорилъ *Кобденъ* о парламентской реформѣ.

— Англійскій военный корабль *Геральдъ*, который искалъ *Франклина* и проникъ въ арктическія страны чрезъ Беринговъ проливъ, открылъ, 17 августа, (подъ 73° с. ш. и 170° з. д., отъ Гривича), группу острововъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ видѣлъ твердую землю, покрытую горами, нѣвыщими до 1,400 футовъ высоты. Кромѣ *льковъ* (утокъ), не видали на этихъ островахъ никакихъ живыхъ существъ.

26-го.—Французъ, г. *Обѣ*, прибылъ изъ Гавра въ Рио-

Жансейро; ему порученъ надзоръ за колонизаціею нѣмецкихъ эмигрантовъ, которые поселятся на земляхъ, принадлежащихъ принцу *Жуанвилскому* въ Санта-Катарина, въ Бразиліи. Принцъ приготовилъ большую часть своихъ владѣній для пріятія переселенцовъ, которые будутъ отправлены домою Шрёдера, въ Гамбургъ, пользующимся большимъ уваженіемъ и довѣріемъ.

— Число пожаровъ, бывшихъ въ Лондонѣ въ прошедшемъ году, простирается до 835-ти, причемъ сгорѣло около 500 домовъ. Хотя это число значительнѣе, нежели въ предъидущемъ году, но потеря имущества не такъ важна. Людей погибло всего 25.

28-го. — Принцъ *Жуанвилскій* отправился съ супругою въ Португалію.

— Англійскій флотъ Средиземнаго моря зашелъ въ Пирей, съ намѣреніемъ требовать удовлетворенія за взыскательство греческихъ подданныхъ въ событія, случившіяся недавно на іоническихъ островахъ.

— Офицеры арктическаго комитета представили министру записку, въ которой изложили все, что сдѣлано и что еще остается сдѣлать для спасенія *Франклина*, и просили, чтобъ она была переведена на русскій языкъ, и разослана вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири и въ русскіяхъ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ, съ предписаніемъ Россійскаго Посланника въ Лондонъ, именемъ Государя Императора, чтобы все подданные исполняли пункты, изложенные въ инструкціи. Россійскій Посланникъ Баронъ *Бруновъ* увѣрилъ англійское правительство, что сдѣлаетъ все возможное для содѣйствія мѣрамъ, принятымъ адмиралтействомъ съ цѣлію отысканія экспедиціи Сира *Джона-Франклина*.

30-го. — Въ Виндзоръ было собраніе тайнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ Королевы, въ которомъ окончательно утверждена тронная рѣчь, и положено, что завтра откроетъ парламентъ не сама Королева, а королевская комиссія.

(О первомъ засѣданіи парламента и содержаніи тронной рѣчи сообщимъ въ слѣдующей книжкѣ.)

П р у с с і я.

4-го января. — Возобновились засѣданія палатъ. Президентъ первой палаты объявилъ, что депутатъ *Телме* (содержащійся подъ стражею) отказался отъ своего званія.

— Полемика, возникшая между Австріею и Пруссіею, по поводу германскаго вопроса, совершенно прекращена новою нотою австрійскаго правительства, написанною въ совершенномъ примирительномъ духѣ.

6-го. — Въ Берлинской газетѣ *Neue Preussische Zeitung* мы нашли слѣдующую любопытную статью:

«Въ прошедшемъ году произошли слѣдующія перемѣны въ владѣтельныхъ домахъ Европы: 1) Скончались: *Вильгельмъ II*, Король Нидерландскій; *Карль Альбертъ*, Король Сардинскій (4 мѣсяца спустя послѣ отрженія отъ престола); вдовствующая Королева Сардинская; вдовствующая Королева англійская; вдовствующая Княгиня *Марія Анна* Лихтенштейнская; вдовствующая княгиня *Георietta* Рейсъ — Шлейцкая; Эрцгерцогъ *Фердинандъ Эсте*; Принцъ *Вальдемаръ* прусскій; принцесса *Марія Христина* Тосканская (11½ лѣтъ отъ роду); *Марія Елисавета*, Герцогиня Баварская, вдовствующая Княгиня Ваграмская; Принцесса *Анна Беатриче* Моденская (9-и мѣсяцовъ отъ роду); Принцъ *Вильгельмъ* Шварбургъ-Рудольфштатскій; принцъ *Николай* Гольштейнъ-Глюксбургскій; Принцесса *Клементина* Рейцъ-Кестерцкая, супруга *Геориха LXXIV*, урожденная графиня Рейхенбахъ; Ландграфъ *Эристъ Копштаинъ* Гессенъ-Филиппстальскій; Принцесса *Августа* Вальдекская; графъ *Карль* Вальдекъ-Берггеймскій. Изъ числа кардиналовъ умерли трое: Остини, Мещофанти и Гицци. 2) Родились: у Герцога *Макса* Баварскаго сынъ; дочери — у короля Неаполитанскаго, у наследнаго Принца Ганноверскаго, у В. Герцога Саксенъ-Веймарскаго, у Эрцъ-Герцога *Альбрехта* Австрійскаго и у Эрцъ-Герцога Фердинанда д'Эсте. — Бракомъ сочетались: В. Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій съ Принцессою *Августинию* Рейцъ-Кестрицкою, и сестра его *Луиза* Мекленбургъ-Шверинская съ Принцемъ *Гуго-Виндизгрецемъ*, наследный Принцъ Саксенъ-Мейнингенскій обрученъ съ Принцессою *Шарлоттою* Прусскою.

— Вчера снова начались засѣданія административнаго совѣта, которыя прекращались по случаю праздниковъ. Объявлено было о присоединеніи княжества Гогенцоллернскаго къ союзу 26 мая, такъ что выборы въ члены Эрфуртскаго парламента могутъ быть тамъ произведены еще въ время.

8-го. — Пруссія выдала дому *Ротшильда*, для передачи баварскому правительству, только половину денегъ, причитающихся послѣднему съ доходовъ таможеннаго союза, а

остальные 300 т. талеровъ удержаны за расходы пфальцской кампаніи. Баварія протестовала.

12-го.—Въ Берлинѣ полученъ составленный союзнымъ посредническимъ судомъ въ Эрфуртѣ планъ образованія имперскаго посредническаго суда. Онъ будетъ состоять изъ президента и 12 имперскихъ судей. Коммиссія государей назначаетъ 6 изъ этихъ судей, каждая изъ палатъ по 3.—Преступленіями измѣны и противъ Величества будетъ завѣдывать особый судъ, состоящій изъ нѣсколькихъ членовъ посредническаго трибунала и присяжныхъ. Дѣлопроизводство будетъ изустное и публичное.

15.—Планы для устройства засѣданій Эрфуртскаго сейма въ Августинскомъ монастырѣ окончательно приняты. Въ хорѣ церкви, назначенномъ для первой палаты, устроены будутъ 164 мѣста, а въ срединѣ церкви для второй 341. Слѣдственно достаточно будетъ мѣста для представителей всѣхъ германскихъ державъ, кромѣ Австріи. Работы вскорѣ начнутся, и, вероятно, окончатся къ 15 марта, потому что къ этому числу полагаютъ, административный совѣтъ назначить открытіе имперскаго сейма.

17-го.—Срокъ перемирія между Пруссією и Данією кончился; оно не возобновлено, да и не объявлено о томъ, что его не намѣреваются возобновлять.

18-го.—Вслѣдствіе договоровъ, заключенныхъ Пруссією съ разными мелкими германскими владѣніями, земли этихъ владѣній будутъ охраняться впродъ одними прусскими войсками, а національныя войска войдутъ въ составъ прусской арміи. Не говоря уже о княжествахъ Гогенцолернскихъ, которыя окончательно присоединены къ Пруссіи, многія другія государства, какъ-то Мекленбургъ, Брауншвейгъ, и нѣкоторые ганзейскіе города будутъ впродъ, на основаніи упомянутыхъ договоровъ, охраняться одними прусскими войсками и не будутъ имѣть національныхъ войскъ. Газета *Indépendance Belge* говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Намъ кажется, что послѣдствія такого положенія дѣлъ очевидны: оно приближается къ цѣли, къ которой Пруссія давно уже стремится, т. е. къ *медиатизаціи* мелкихъ германскихъ государей. Надо сознаться, что Пруссія очень искусно преслѣдуетъ эту цѣль. Дѣйствуя съ постепенностью и осторожностью, она уже мало-по-малу медиатизировала, *de facto*, если можно такъ выразиться, всѣ интересы, сопряженные съ этимъ вопросомъ: коммерческіе интересы по-

средствомъ таможеннаго союза, (*Zollverein*) интересы политическіе посредствомъ собирающагося въ Эрфуртѣ парламента, интересы военные посредствомъ включенія національныхъ войскъ въ составъ прусской арміи. Чего не достаетъ еще для полноты медиатизаціи, чтобы она была не только *de facto*, но и *de jure*? Остается удовлетворить личные интересы государей Пруссіи. Не трудно удовлетворить ихъ».

— Въ Берлинѣ кризисъ все еще не кончился: это заключаютъ изъ того, что г. *фонъ Радовицъ*, представитель Пруссіи въ германской союзной коммисіи, засѣдающей въ Франкфуртѣ на Майнѣ, внезапно отозванъ отсюда по телеграфу, и на мѣсто его назначенъ генераль *Цейкеръ*.

22-го.—Въ засѣданіи правительственнаго сената, гессенскіе уполномоченные предложили назначить на 1-е марта день созванія государственнаго сейма, и немедленно объявить о томъ.—Предложеніе это, вмѣстѣ съ объясненіемъ президента, что по официальнымъ донесеніямъ постройки, нужныя для помѣщенія государственнаго сейма, не могутъ быть окончены прежде 15 марта, было передано на разсмотрѣніе конституціонной коммисіи. Во вчерашнемъ своемъ собраніи, правительственный совѣтъ, по предложенію этой коммисіи, рѣшилъ предварительно созвать 20 марта государственный сеймъ, опредѣленный договоромъ 26 мая.

— Въ *Штеттинѣ* тоже зима является во всей своей силѣ; тамъ много снѣгу, такъ что повзды желѣзной дороги, а именно изъ Позена, очень часто опаздываютъ. Холодъ постоянно съ воскресенья увеличивался, такъ что было отъ 14—18 градусовъ, а сегодня 21 градусъ.

24-го.—Изъ Берлина пишутъ, что австрійское правительство предложило Пруссіи немедленно приступить къ германскому таможенному союзу, и притомъ на такихъ условіяхъ, которыя берлинскій кабинетъ нашелъ достойными быть принятыми въ уваженіе.

25-го.—Начались конференціи о заключеніи мира съ Данією. Датскій уполномоченный, г. *Пехлинъ*, отказался отъ требованія своего, чтобы Пруссія немедленно представила свои полномочія отъ германскаго союза. Что касается до этихъ полномочій, то административный совѣтъ опредѣлилъ ихъ объемъ, равно какъ и право союзной коммисіи на составленіе полномочій.

— Генераль *Врангель* отказался отъ избранія его въ гер-

манскій сеймъ. Въ числѣ кандидатовъ находятся между прочимъ: Баронъ *Финке*, президентъ совета графъ *Бранденбургъ*, министры: *Мантейфель*, *Строта*, *Ладенбергъ*, бывший министръ *Кампгаузенъ*, гг. *Радовицъ*, *Гаернъ* и др.

26-го.—Кризисъ окончился благополучно. Вторая палата имѣла два продолжительныя засѣданія, въ которыхъ она приняла болѣе или менѣе значительнымъ большинствомъ, большую часть статей посланія. Статья VIII, касающаяся до состава первой палаты, отвергнута большинствомъ 216 противъ 96 голосовъ (14 депутатовъ не подавали голосовъ). Что касается до X статьи, въ которой дѣло идетъ объ исключительномъ судѣ, то она была принята съ прибавленіями депутатовъ *Вобана* и *Эдинга*, въ слѣдующей формѣ: Съ согласія палаты можетъ быть учреждена коммиссія присяжныхъ собственно для сужденія тѣхъ преступленій государственной измѣны и важныхъ покушеній противъ внутренней и вѣдшей безопасности государства, которыя будутъ опредѣляемы закономъ. Законъ опредѣлять также составъ этой коммисіи и въ какомъ случаѣ преступленія этого рода могутъ быть предоставлены разсмотрѣнію обыкновенныхъ судовъ.» Надо бы замѣтить, что министръ внутреннихъ дѣлъ передъ разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ статей посланія произнесъ рѣчь, въ которой объявилъ, что для того, чтобы устранить все затрудненія, правительство готово принять прибавленіе *Арима*, если его приметъ палата, а также и вслѣдствіе перемѣны, которыя только возможно принять въ статью, касающейся до политическихъ преступленій. Только статьи, касающіяся до ответственности министровъ и до *fidei comis* были просто отвергнуты.

— Выборы въ эрфуртскій парламентъ начались уже во многихъ германскихъ владѣніяхъ. Перевѣсъ до-сихъ-поръ остался на сторонѣ конституціонной партіи.

АВСТРІЯ.

1-го числа.—При дворѣ не было официальнаго приѣма. Императоръ, по окончаніи домашняго богослуженія, отправился къ родителямъ. Вѣроятно, говоритъ *Constitutionnel Blatt*, сегодня дипломатическій корпусъ будетъ представляться его величеству. До 1848 года поздравленія прини-

малъ *Меттернихъ*. Говорятъ, что рѣчь отъ лица дипломатическаго корпуса будетъ говорить графъ *Медель*.

— Той же газетѣ постоянно пишутъ изъ Галиціи, что новая организація этой коронной земли будетъ отложена до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ утверждено окончательное преобразование Венгрии.

— Императоръ повелѣлъ раздать раненымъ въ послѣдней войнѣ солдатамъ небольшіе участки разныхъ земель.

— Известный славянскій филологъ *Палацкій* обнародовалъ сильную статью въ пользу охраненія славянской народности въ Австрійской Имперіи. Она обратила на себя общее вниманіе.

— Въ Аграмской газетѣ (*Славянской Югъ*) обнародована сильная статья противу преобразованія Австріи и нынѣшняго правительства. Въ этой газетѣ, какъ и въ статьѣ *Палацкаго*, защищаютъ составленіе Австріи изъ союза разныхъ населяющихъ ее народовъ, безъ нарушенія ихъ національности, и прямо говорятъ, что все Славяне австрійскіе возстанутъ противу всякой мысли о слияніи ихъ, какъ съ Нѣмцами, такъ и съ Мадырами, и что централизація имѣетъ одну цѣль установить всеобщій Германизмъ.

2-го.—Судя по извѣстіямъ изъ Клагенфурта, Гѣргей опасно боленъ.

— Военное Министерство сдѣлало распоряженіе, чтобы въ народныхъ школахъ на военныхъ границахъ южно-славянскій языкъ былъ однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія.

— Изъ Шумлы пишутъ, что извѣстный генералъ писургентовъ г. *Клети*, который вполнѣтвѣн, отрекшись отъ вѣры, сдѣлался турецкимъ пашею, назначенъ въ губернаторы и коменданты крѣпости Шумлы.

3-го.—Изъ Праги пишутъ, что *Палацкій* отказывается отъ требованій, выраженныхъ имъ въ письмѣ, о которомъ мы уже говорили. Это удивляетъ многихъ, потому-что мнѣніе *Палацкаго* было встрѣчено благосклонно многими журналами, и имѣло многочисленныхъ приверженцевъ.

4-го.—Обнародовано письмо графа *Эдмунда Зичи*, написанное изъ Флоренціи. Графъ сообщаетъ въ немъ многія подробности о дѣйствіяхъ *Гѣргеля* и *Кошута*. Послѣ казни несчастнаго брата его, графа *Евгенія Зичи*, совершенной по приказанію *Гѣргеля*, все его имѣніе было объявлено національною собственностью, безъ всякаго суда. *Гѣргей*, являсь

въ замокъ умерщвленнаго, приказалъ выдать себѣ 21 большой брилліантъ, четыре драгоценныя перстня и знаменитую золотую цѣпь, принадлежавшую королю венгерскому Андрею II; въ чѣмъ и далъ квитанцію, которая находится въ рукахъ Эдмонда *Zichi*. Но въ національную казну отдалъ онъ одинъ брилліантъ. *Кочутъ* также велѣлъ разграбить домъ умерщвленнаго Графа *Zichi*, и награбленные вещи цѣною въ 30,000 фунт. стерл., раздѣлилъ съ другомъ своимъ *Мадрасомъ*, тогдашнимъ начальникомъ полиціи. Изъ этихъ вещей *Кочутъ* поднесъ Виддинскому пашѣ въ праздникъ Байрама, брилліантовые шпоры; но паша ихъ не принялъ. Графъ *Эдмондъ Zichi* просилъ редактора *Times* напечатать это письмо.

—Грацкая газета распространила слухъ о сумашествіи графа *Эдмонда Zichi*. Слухъ этотъ теперь опровергается въ *Monitore Toscano*. То же видно изъ письма *A. H. Делидова*, видѣвшаго графа *Zichi* у себя въ Сан-Доцато, близъ Флоренціи.

— Баронъ *Гайнау* положилъ конецъ всякъ произвольно наложеннымъ секвестрамъ, и даже пригласилъ тѣхъ, которые несправедливо подверглись имъ, подавать жалобы.

5-го.—Императоръ отдалъ повелѣніе, чтобы вся потребности для его дома, какъ напримѣръ матеріи для платьевъ и тому подобныя вещи, были закупаемы исключительно на австрійскихъ фабрикахъ.

— Сеймы коронныхъ земель соберутся осенью нынѣшняго года, и за тѣмъ государственный совѣтъ будетъ, соответственно конституціи, созванъ въ маѣ 1851 года.

— Осадное положеніе будетъ снято въ Вѣнѣ весной, т. е. въ апрѣль или маѣ, а въ Прагѣ еще раньше.

— Въ Аграмскомъ журналѣ: *Сербскія Новины* напечатано: «*Бухарестъ*, 29-го декабря. По пріѣздѣ сюда, спѣшу дать вамъ о себѣ извѣстіе. Радуюсь, смотря на живописную страну, а еще болѣе радуюсь, что нашелъ и здѣсь нашихъ братьевъ, Славянъ. Въ первый разъ я увидѣлъ великихъ и славныхъ воиновъ сѣверной страны, обитаемой великимъ славянскимъ народомъ, который сильною помощію спасъ отъ погибели южное племя Славянъ и австрійское царство. Такова была воля Великаго Царя, и она исполнилась. Радуюсь, что самъ наконецъ вижу воиновъ, которые своею неустранимостью много помогли народамъ Австрійской Имперіи. Солдаты въ высшей степени дисциплинирова-

ны, и притомъ у нихъ чисто-славянское сердце. Не могу описать вамъ ихъ кротости, и добродушія ихъ офицеровъ: видно, что это воины Великаго Царя, который желаетъ водворить въ народахъ миръ и порядокъ.»

— Съ береговъ Тиссы и южнаго Дуная постоянно приходятъ извѣстія, что разбойничьи шайки, образовавшіяся изъ остатковъ Гонведовъ и партизановъ, подлѣ начальствомъ извѣстнаго *Роса Шандора*, продолжаютъ наводить страхъ на деревни и села. Они нападаютъ иногда и на города, въ которыхъ слабыя гарнизоны, и обезоруживаютъ высылаемые противъ нихъ гарнизоны. Дороги небезопасны, и почта принуждена ходить подлѣ военнымъ прикрытіемъ. Извѣстія изъ Трансильваніи тоже неутѣшительны, потому-что эта гористая страна, покрытая пространными лѣсами, представляетъ много удобства разбойникамъ. Здѣшнія шайки состоятъ преимущественно изъ Валаховъ, которые продолжаютъ рвать и грабить, не смотря ни на какія угрозы. Особенно безжалостно обходятся они съ Сербамъ.

— Въ Аграмской газетѣ приведено слѣдующее письмо изъ Вѣны, напечатанное первоначально въ одной славянской газетѣ, издаваемой въ Прагѣ:

«Я уже нѣсколько разъ упоминалъ о томъ, что находящіяся въ Вѣнѣ уполномоченные отъ южныхъ Славянъ раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна требуетъ соединенія воеводства съ королевствами Кроаціей, Славоніей и Далмаціей, другая же противится этому соединенію южныхъ Славянъ, и желаетъ, чтобы Воеводство было провозглашено самостоятельной коронной землей. Съ горестію смотримъ мы на это несогласіе южно-славянскихъ уполномоченныхъ, особенно же на близорукость, тщеславіе и на несчастную нетерпимость тѣхъ, которые призваны были въ Вѣну изъ Сербіи для того, чтобы радѣть о благосостояніи народа, и которые, по всей вѣроятности, послужатъ Сербіи и всему южному славянству плохую службу. Во-первыхъ, они недовольны новымъ устройствомъ, даннымъ правительствомъ Воеводству; они желали бы, чтобы въ составъ его вошло болѣе Мадьяръ, Роменовъ и Нѣмцевъ, которымъ они желаютъ обезпечить равныя права. Они чуть было не возмущали этими требованіями всѣхъ не-славянскихъ обитателей Воеводства, возстановивъ ихъ противъ Сербовъ; потому-что благоразумные и благомыслящіе Сербы желаютъ толь-

ко, чтобы воеводство имело границы по языку и состояло бы из однихъ Сербовъ. За тѣмъ сербскіе уполномоченные требуютъ, чтобы не обращали никакого вниманія на рѣшенія кроатскаго сейма, касательно соединенія всехъ южныхъ Славянъ. Они говорятъ, что Сербы не могутъ соединиться съ Кроатами, потому-что послѣдніе не принадлежатъ къ православной Церкви, потому-что это соединеніе поставитъ Воеводство въ зависимость отъ католическаго духовенства; что, наконецъ Кроаты заставятъ Сербовъ принять новую письменность и уничтожить тѣмъ кирилловскую грамоту. *Теллачичъ* не можетъ быть воеводою, потому-что онъ не православный. Но грустите всего то, что они стараются распространить въ своемъ отечествѣ эти мифы, невыгодныя для южныхъ Славянъ вообще, особенно же для Сербовъ; въ этомъ помогаетъ имъ и духовенство, въ главѣ котораго стоитъ самъ Патріархъ *Райлячичъ*. Органъ этой партіи — «*Позорицкъ*».

«Кроаты же напротивъ слѣдуютъ совершенно противоположной политикѣ, которую самъ *Теллачичъ* поддерживаетъ всеми зависящими отъ него средствами. Они утверждаютъ, что на кроато-славянскомъ сеймѣ 1848 года соединеніе съ воеводствомъ было рѣшено съ согласія сербскихъ уполномоченныхъ и самаго Патріарха, принято и утверждено единогласно, и потому ни уполномоченные, ни самъ Патріархъ, а только одинъ новый соединенный сеймъ можетъ отмѣнить этотъ договоръ.»

— Мы уже говорили о письмѣ известнаго ученаго *Палацкаго*, въ которомъ онъ возставалъ противъ централизаціи въ Австріи, и говорилъ въ пользу федеративнаго устройства, съ уравненіемъ всехъ странъ, имѣющихъ войти въ составъ федераціи. Это письмо имело цѣлью дать въ Австріи преобладаніе славянскому элементу и при появленіи своемъ возбудило жаркую полемику славянскихъ и противу славянскихъ газетъ. Мы извѣщали также и о томъ, что *Палацкій* внезапно отступился отъ едва начатаго имъ дѣла, и выѣхалъ изъ Праги. Отъѣздъ *Палацкаго* возбудилъ почти столько же толковъ, сколько и самое письмо его. Никто не могъ понять, отчего этотъ уважаемый всеми ученый отказался отъ полемики, имъ самимъ возбужденной. Газета *Млойдъ* объясняетъ отступленіе его тѣмъ, что противъ него возстали его единомышленники, менѣе смѣлые, нежели онъ, и любящіе выжидать.

6-го. — Новый военный и гражданскій губернаторъ Ломбардіи, князь *Шварценбергъ*, издалъ при вступленіи своемъ въ должность, прокламацію, въ которой сказано, что австрійское правительство надѣется получить возможность примѣнить къ этой части Австріи учрежденія, дарованныя прочимъ частямъ ея. Это общіе высказано довольно темнымъ образомъ, такъ что трудно рѣшить, когда Ломбардія получитъ конституцію.

— Гражданскій и военный губернаторъ венеціанскихъ провинцій, Баронъ *Пухнеръ*, объявлялъ, что съ 1 января островъ св. Георгія объявляется округомъ вольнаго порта.

— Въ штабъ генераль-квартирмейстера составляютъ, по приказанію Императора, исторію венгерской войны.

9-го. — Прибылъ въ Вѣну Эрц-Герцогъ *Иоаннъ* и новый французскій посланникъ г. *Делакуръ*.

10-го. — Главнокомандующій австрійскою арміею, баронъ *Гайнау*, отдалъ по войскамъ своимъ слѣдующій приказъ:

«Его Величество Императоръ Россійскій соизволялъ явить новый знакъ высокаго благоволенія къ храбрымъ императорско-королевскимъ войскамъ, такъ мужественно сражавшимся подъ моимъ начальствомъ во-время счастливо оконченнаго венгерскаго похода. Его Величество благоволилъ прислать въ мое распоряженіе нѣсколько орденскихъ знаковъ, для раздачи, по моему усмотрѣнію, тѣмъ изъ храбрыхъ офицеровъ моей арміи, которые не находятся въ генеральскихъ чинахъ и не командуютъ полками. Я желаю, чтобы г.г. корпусные командиры представили мнѣ списокъ многихъ офицеровъ, не принадлежащихъ къ вышеозначенному исключенію, съ показаніемъ ихъ отличій, дабы я могъ выбрать изъ нихъ достойнѣйшихъ, и въ возданіе за ихъ храбрость и отличныя заслуги, украсить этимъ знакомъ Императорской милости и благоволенія. Я увѣренъ, что всѣ войска императорско-королевской арміи, принимавшія участіе въ достославной и усипшій венгерской войнѣ, съ гордостію и радостію услышатъ о семъ новомъ доказательствѣ Высочайшаго вниманія того великаго, рыцарскаго Монарха, который посильною и щедрою помощію противъ мятежной Венгріи такъ великодушно способствовалъ восстановленію мира.»

«Солдаты! Въѣзъте со мной, вашимъ предводителемъ въ этомъ достопамятномъ походѣ, вы будете помнить съ бла-

годарностию о дѣятельномъ и славномъ содѣйствіи Россійско-Императорской главной арміи, подъ предводительствомъ посѣдѣвшаго въ браняхъ Фельдмаршала Князя Варшавскаго, который теперь, въ Венгріи, какъ прежде во всѣхъ своихъ походахъ въ Европѣ и Азіи, пожалъ новые лавры для славныхъ знаменъ русскихъ. Какъ велика признательность Всемилостивѣйшаго Государя Императора нашего къ славному русскому Фельдмаршалу, можете вы видѣть изъ того, что ему пожалованъ большой крестъ ордена Маріи-Терезіи — самая высокая степень нашихъ военныхъ орденовъ. Непоклебимо и съ самоотверженіемъ сражалась русская армія, съ такимъ же успѣхомъ въ пользу священныхъ правъ нашего Всемилостивѣйшаго Императора, какъ и вы сами.

«Мужественной и дѣятельной помощи всѣхъ отрядовъ Россійско-Императорскаго войска, ихъ счастливымъ и согласнымъ операціямъ, обязаны вы, солдаты, болѣею частию той славы, которую вы заслужили въ глазахъ Европы, за такое безпримѣрно-быстрое низверженіе сильнаго врага, и за его совершенное уничтоженіе.»

— Какъ въ самой Вѣнѣ, такъ и въ окрестностяхъ ея, общественная безопасность ежедневно нарушается. Не проходитъ дня, чтобы не рассказывали о новыхъ воровствахъ со взломомъ.

— Въ Вѣнѣ будутъ издаваться, отъ правительства, двѣ газеты, на сербскомъ и рутенскомъ нарѣчіяхъ. Славянская юридическая терминологія будетъ напечатана въ нынѣшнемъ году. Извѣстный славянскій антикварій *Колларъ* представилъ Академіи Наукъ большое сочиненіе о славянскихъ древностяхъ, которое будетъ напечатано на счетъ Академіи.

— Въ газетѣ «Славянскій Югъ» сообщаютъ изъ Карлсруэ подробное означеніе тѣхъ Румыновъ, которые пали, были повѣшены или изрублены во-время междоусобной войны. Въ Уйвари въ одинъ день приговорены къ смерти 300 Румыновъ, 150 въ одинъ день были разстрѣляны, и при каждомъ выстрѣлѣ Мадьяры кричали Румынамъ:

«Cantati: Descerpta, te Romane!» т. е. пойте: Пробудитесь, о Румыны!

12-го. — Уже довольно давно составилось въ Прагѣ общество дамъ, имѣвшихъ цѣлю издать словарь на богемскомъ языкѣ, для разговоровъ свѣтскихъ дамъ. Дѣятельность ихъ была на время остановлена, но теперь общество снова принялось за эту работу.

— Банъ *Иеллачичъ* останется въ Вѣнѣ до-тѣхъ-порѣ, пока не будетъ окончена и утверждена организація южно-славянскихъ провинцій, которыя состоятъ подъ его начальствомъ.

14-го. — Говорятъ, что статья *Палацкаго* произвела сильное волненіе въ славянскихъ провинціяхъ австрійской монархіи. Кроаты, Сербы, Чехи, жители Галиціи, Кракова, и въ особенности Румыны, вступаются за свою независимость, и, кажется, одушевлены одинаковымъ отвращеніемъ ко всякому слянію съ германскимъ началомъ.

— Близъ Сини, въ Кроаціи, одна старуха нашла подъ развалинами стараго турецкаго замка печать боснійскаго короля *Твертака*. Печать эта мѣдная, и была, повидимому, государственною печатью. На ней мастерски вырѣзано изображеніе Св. *Георгія* на конѣ, поражающаго копьемъ дракона. Надъ головою святаго, королевская корона. Надъ ней слѣдующая надпись:

«Tartus I. D. G. Ras. Ser. Bos. Illyr. Dal. et Croat. Rex».

15-го. — Австрійскій повѣренный въ Флоренціи при тосканскомъ дворѣ Баронъ *Гугель* повѣсилъ опять императорскій гербъ надъ домомъ посольства. При этой церемоніи находились командующій австрійскимъ корпусомъ въ Тосканѣ, князь *Лихтенштейнъ* и генералъ *Коллоратъ* со всеми тосканскими начальствами.

— Переводъ рескрипта, даннаго Императоромъ Австрійскимъ, на имя *Генераль-Лейтенанта Граббе*.

«Господинъ Генераль-Лейтенантъ Граббе!

«Корпусъ войскъ, принимавшій подъ вашимъ начальствомъ столь славное участіе въ венгерской компаніи, до самаго окончанія оной, возвращается нынѣ въ Россію, куда уже предшествовали ему прочія части вспомогательнаго войска. Не могу отпустить васъ, господинъ Генераль-Лейтенантъ, не выразивъ вамъ удивленія и благодарности, внутреннихъ мнѣ строгой дисциплиной и примѣрнымъ мужествомъ, отличавшимися, во время всей войны и въ особенности при дѣйствіяхъ противъ Коморна, храбрыя войска, которыми вы такъ отлично командуете. Желая явить знакъ высокаго Моего къ вамъ уваженія, препровождаю вамъ при семъ знаки ордена Леопольда Австрійскаго Большаго Креста,

прося вась передать вашимъ солдатамъ выраженный Мною чувства, съ каковыми пребываю къ вамъ благосклоннымъ.

— На подлинномъ подписано

• ФРАНЦЪ ЮСИФЪ •

Шенбрунъ, 30 сентября 1849 года

— Сочувствіе къ манифесту *Палацкаго* было, до-сихъ-поръ, здѣсь, на югъ, довольно слабо выражено. Заисключеніемъ «Славянскаго юга», постоянно ратующаго противъ германизма и централизациі, да еще «Южно-Славянскій газетъ» ни одинъ журналъ не переломилъ копья за *Палацкаго*; такъ какъ онъ самъ неожиданно отступилъ съ поля битвы, то нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь скоро воспослѣдуетъ отступление. Сербскія газеты до-сихъ-поръ молчали объ этомъ дѣлѣ; онъ слишкомъ занятъ политическимъ рожденіемъ воеводства, и намѣреваются, повидимому, ограничиться одними практическими и нужнѣйшими жизненными вопросами. Впрочемъ, хотя вопросъ о національномъ федеративномъ государствѣ и исчезнетъ теперь съ политическаго поприща, но тамъ, гдѣ, какъ здѣсь на югъ, стремленіе къ автономіи (самоуправленію) дѣлается съ каждымъ днемъ сильнѣе, манифестъ *Палацкаго* снова всплыветъ на поверхность, какъ скоро покончатъ съ нужнѣйшими домашними дѣлами.

16-го. — *Аграмъ*. Въ воеводство готовится между разными обитающими въ немъ племенами грозное столкновеніе. Ненависть между Нѣмцами и Сербами призвѣтно возрастаетъ. Отвращеніе Румыновъ къ Сербамъ также увеличивается. Ожесточеніе Мадьяровъ, живущихъ въ этой области, Сербамъ вовсе не опасно, по причинѣ ихъ малочисленности и разъединенія.

18-го. — Изъ достовернаго источника извѣстно, что 12-го января мадьярскіе инсургенты должны быть отправлены изъ Шумлы въ Азію. Въ частномъ письмѣ изъ Систова, отъ 2-го января, уведомляютъ, что предводитель инсургентовъ *Бемъ* умеръ, повидимому вслѣдствіе отравленія. Подтвержденія этого слуха еще не получено.

— Политика Австріи въ германскомъ вопросѣ ясно обрисована. Политика эта требуетъ, чтобы прежде всего въ

Германіи былъ упроченъ порядокъ, потому-что она считаетъ его главною основою публичнаго права. Между тѣмъ Австрія сохранитъ и будетъ сохранять совершенно страдательное положеніе касательно того, что происходитъ въ Берлинѣ и Эрфуртѣ, если только не случится какого-нибудь важнаго перелома, слѣдствіемъ котораго будетъ, вѣроятно, занятіе Саксоніи австрійскими войсками.

22-го. — Въ Далмаціи происходитъ, съ нѣкотораго времени, большіе безпорядки, которымъ нѣкоторые приписываютъ политическій характеръ, другіе же просто разбойничій. Особенно безпокойно въ округѣ Бокко-ди-Каттаро. Тула посланъ отрядъ войска подъ начальствомъ полковника *Мамулы*, которому, по увѣренію газеты *Wiener-Zeitung*, дано право объявить округъ Бокко-ди-Каттаро въ осадномъ положеніи.

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ изъ Италіи вызвано довольно значительное количество войскъ, въ Ломбардіи снова началось броженіе умовъ. Впрочемъ говорятъ, что Фельдмаршалъ *Радецкий* далъ всемъ комендантамъ полномочіе судить военнымъ судомъ всякіе проступки, и потомъ уже доносить ему о томъ.

— Румынскій Епископъ Арада адресовалъ на имя сербскаго Патриарха *Райчича* объявленіе, въ которомъ онъ извѣщаетъ его, что Румынская іерархія должна быть непременно отдѣлена отъ Сербской, и Румынская церковь должна имѣть своего собственнаго главу.

25-го. Со всѣхъ сторонъ австрійской монархіи министерство коммерціи получаетъ депутаціи, адреса съ просьбами о скорѣйшемъ и тѣснѣйшемъ, по возможности, присоединеніи Австріи къ германскому таможенному союзу. Надобно замѣтить, что бѣльшая часть этихъ просьбъ получаютъ отъ промышленнаго сословія.

— Съ юга Имперіи продолжаютъ приходить не совсемъ утѣшительныя извѣстія. Воеводство объявлено въ военномъ положеніи. Видно, что безпорядки округа Бокко-ди-Каттаро находятся въ связи съ бывшей Венеціанской Республикой.

— Жунаны, сельскіе жители около Каттаро, упорствуютъ въ отказѣ платежа податей, не смотря на усилія окружнаго комиссара и греческаго викарія преодолѣть ихъ сопротивленіе. Изъ этого видно неминуемое столкновеніе. Городъ Каттаро наполненъ войсками, и на площади поставлены десять

пушекъ. По словамъ одного путешественника, открыть заговоръ Черногорцевъ противу Владыки, вслѣдствіе строгихъ приказаній его, не подавать никакой помощи Жунамамъ.

— Вслѣдствіе предписаній военного начальства, всѣ иностранцы и Венгерцы, которые не въ состояніи оправдать причинъ своего пребыванія въ Пестъ и Офенъ, должны тотчасъ же оставить эти города.

30-го. — Примасъ Венгріи пригласилъ всѣхъ епископовъ принесть присягу въ вѣрности Е. В. Императору, и просить его о помилованіи тѣхъ изъ духовныхъ лицъ, которые участвовали въ революціи, и въ то же время обѣщать, что они уволятъ изъ службы всѣхъ тѣхъ, которые добровольно держали сторону мятежниковъ.

— Изъ южныхъ провинцій продолжаютъ приходить извѣстія о безпокойномъ настроеніи духа жителей. Въ Венгріи также принуждены были обнародовать военное положеніе, для прекращенія политическихъ демонстрацій и возмутительныхъ рѣчей. Укрѣпленія Пресбурга возстановляются.

ГЕРМАНІЯ.

1-го. — Эрцгерцогъ *Іоаннъ* выехалъ изъ Франкфурта на М. и отправился, по желѣзной дорогѣ въ Дармштадтъ. Тамъ его встрѣтили на станціи желѣзной дороги Великій Герцогъ и Принцъ Карлъ.

— 25-го декабря, въ первое Рождественское утро, скончался въ Мейнингенѣ правительствующій Ландграфъ Гессенъ-Филипстальскій, *Эрнстъ Константиновичъ* (родился 8 августа 1771 г.).

— *Штутгартъ*. Первымъ дѣйствіемъ временной комиссіи былъ протестъ противу исполненія закона, утвержденнаго виртембергскою палатою 17 декабря, которымъ уничтожены права Турнъ и Таксисскаго дома по управленію виртембергскими почтами. Правительство, вслѣдствіе того, отменило этотъ законъ.

— Виртембергское правительство послѣдовало примѣру Австріи и Баваріи, сдѣлавъ представленія касательно опас-

ностей, могущихъ произойти отъ сознанія эрфуртскаго сейма.

— Газеты наполнены статьями въ пользу приступленія Виртемберга къ берлинскому союзу.

3-го. *Мюнхенъ*. Вслѣдствіе желаній, болѣе обнаруживающихся въ Виртембергѣ и даже въ Саксоніи, въ пользу берлинскаго союза, общественное мнѣніе и въ Баваріи совершенно измѣнилось въ пользу составленія этого союза, впрочемъ кромѣ Пфальца, Франконіи и даже Швабіи.

5-го. — Военныя конвенціи, заключенныя Пруссіею постепенно съ болѣею частію малыхъ германскихъ владѣній, возбудили противорѣчія со стороны Австріи, Баваріи, Виртемберга, Ганновера и Саксоніи, противу исполненія ихъ на дѣлѣ. Г. *Прокешъ* потребовалъ офіціального сообщенія ему текстовъ этихъ конвенцій; но г. *Шлейницъ* отвѣчалъ уклончиво, увѣряя только, что въ нихъ не содержится ничего такого, чтобы могло быть почтено противнымъ правамъ и обязанностямъ союза.

7-го. — *Карлсруэ*. — Наконецъ приказано взять подъ стражу и *Ицитейна*, за государственную измѣну и за участие въ расхищеніи денегъ, принадлежащихъ казнѣ. На имѣніе его наложено запрещеніе.

Дармштадтъ. — Первая Палата утвердила сегодня болѣею частью двѣнадцати голосовъ противу четырехъ приступленія Великаго Герцогства къ союзу съ Пруссіею.

11-го. — *Дрезденъ*. Правительство издало наконецъ давно ожидаемую ноту о германскомъ вопросѣ. Въ заключеніи этой ноты сказано, что саксонское правительство присоединяется къ извѣстному протесту Австріи.

18-го. — *Карлсруэ*. Осадное положеніе Бадена и дѣйствія въ немъ военныхъ судовъ продолжены еще на четыре недѣли.

20-го. — *Дрезденъ* Министерство юстиціи объявляетъ, что о совершенныхъ 5 апрѣля 1848 года преступленіяхъ въ Вальденбургѣ, окончившихся разрушеніемъ и сожженіемъ княжескаго замка и сопротивленіемъ вооруженной силѣ, произведено было судебное слѣдствіе надъ 95-ю лицами, изъ которыхъ осуждены: двое къ пожизненной работѣ въ смиренномъ домѣ первой степени, девять чело-вѣкъ къ временной такой-же работѣ первой степени, отъ четырехъ до десяти лѣтъ, одиннадцать къ временной такой-же работѣ второй степени, отъ трехъ до девяти лѣтъ, два-

цать четыре человека къ содержанію въ рабочемъ домѣ отъ четырехъ мѣсяцевъ до шести лѣтъ; двадцать девять человекъ къ тюремному заключенію. Прочіе освобождены. Десятерымъ изъ осужденныхъ облегчено наказаніе. Третьмъ-же дозволено еще разъ оправдаться.

Мюнхенъ. — Вслѣдствіе пріѣзда въ этотъ городъ курьера изъ Франкфурта, г. фонъ-деръ-Пфордтенъ имѣлъ продолжительную конференцію съ австрійскимъ посланникомъ, въ которой положено, что вѣнскій и мюнхенскій кабинеты рѣшительнѣйшимъ образомъ воспрепятствуютъ открытію эрфуртскаго сейма.

— Баварія недавно объявила, что готова согласиться на требованія Пруссіи касательно вознагражденія ея за занятія Пфальца, но хочетъ, вмѣстѣ съ баденскимъ правительствомъ, чтобы большая часть вознагражденія была заплачена прочими державами союза.

21-го. — *Дармштадтъ.* Палаты распущены.

Эрфуртъ. — Приготовленія въ Эрфуртъ къ засѣданіямъ сейма не могутъ быть окончены прежде 15-го марта, и потому административный совѣтъ рѣшилъ назначить день созванія сейма къ 20-му марту.

23-го. — *Гамбургъ.* Флотскій лейтенантъ *Яхманъ*, обвиненный въ томъ, что небрежностью своею допустилъ Датчанъ взять четыре нѣмецкія судна въ виду Свинемюнде, приговоренъ военнымъ судомъ къ содержанію въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ.

Мюнхенъ. Получено изъ Линдау извѣстіе, что тамъ взяты убійцы графа *Лихновскаго*, умерщвленнаго во Франкфуртѣ. Говорятъ, что главный виновникъ сынъ какого-то булочника изъ окрестностей Франкфурта, и что этихъ изверговъ выгнали изъ Швейцаріи и они, вѣроятно, полагая, что въ Баваріи ихъ скорѣе не узнаютъ, пришли туда.

Любекъ. «Чтобы дать понятіе, какъ мало народы сѣверной Германіи имѣютъ сочувствія къ предстоящему національному сейму въ Эрфуртѣ, и какъ мало они заботятся о выборѣ его членовъ, достаточно привести слѣдующій примѣръ: въ Любекѣ, изъ пяти тысячъ первоначальныхъ избирателей трехъ классовъ явились на выборы только двадцать одинъ.»

— Изъ Франкфурта на М. пишутъ:

«Въ то время, когда Пруссія полагала первыя основы федеративнаго государства, многіе изъ приверженцевъ гер-

манскаго единства усомнились въ искренности ея намѣреній; они полагали что проектъ федерации, составленный министерствомъ *Мантейфеля*, не вполне выражаетъ мысль прусскаго правительства. Эти сомнѣнія были частію разсѣяны энергичекою защитою федеративнаго проекта противъ вѣнскаго кабинета. Знаменитые документы, представленные недавно прусскимъ правительствомъ на рассмотрѣніе палаты, вполне обнаружили возвращеніе берлинскаго кабинета на конституціонную форму правленія, и это обстоятельство возбудило въ Германіи новую недовѣрчивость къ Пруссіи. Четыре второстепенныя королевства — Баварія, Виртембергъ, Саксонія и Ганноверъ — рѣшились воспользоваться этой минутой, чтобы приготовить Пруссіи новыя препятствія въ ея стремленіи къ образованію федеративнаго государства. Они объявляютъ теперь публично и почти официально, что у нихъ уже готовъ проектъ конституціи для германскаго государства, вполне соответствующій всевозможнымъ интересамъ Германіи и каждаго отдѣльнаго государства, интересамъ правительствъ, и народовъ. Они говорятъ, что ихъ проектъ таковъ, что даже Австрія не усомнится принять его, а вмѣстѣ съ тѣмъ общаютъ народный парламентъ и центральное правительство. Возможно ли осуществленіе всѣхъ этихъ обѣщаній? Оно невозможно, какъ то очень извѣстно самимъ составителямъ извѣстнаго проекта. Онъ составленъ Баваріею, существенно враждебной утвержденію германскаго единства, подчиненною австрійскому вліянію, имѣющею единственно въ виду сохранить, при нынѣшнихъ своихъ дѣйствіяхъ, нѣкоторое значеніе въ общихъ дѣлахъ Германіи. Баварія не можетъ достигнуть этого иначе, какъ ослабленіемъ прусскаго вліянія. Предложеніе новаго федеративнаго проекта отчасти достигается этой цѣлю, и дѣлаетъ честь баварской политикѣ; нѣкоторые государства, намѣревавшіяся приступить къ прусской федерации, оставляютъ это намѣреніе.»

28-го. — *Мюнхенъ.* Здѣсь занимаются проведеніемъ телеграфическихъ линий отсюда до Аугсбурга. По дорогѣ отъ Нюрнберга въ Гофъ не только поставлены столбы, но даже и проведены проволоки, такъ что можно ожидать, что въ мартѣ будетъ установлено сообщеніе между Мюнхеномъ и саксонскими границами. Этими телеграфами дозволено будетъ пользоваться и публикѣ.

— Е. В. король *Людвигъ* купилъ прошлою осенью по-

мѣстье, состоящее изъ огромнаго плодоваго сада, который стоитъ около 10 т. флориновъ, и предоставилъ его женскому обществу шелководства въ Баваріи.

ШВЕЦІЯ.

7-го — Адъютантъ короля, капитанъ конногвардейскаго полка графъ *Бюрнштерн*, отправился въ Гаагу. Ему поручено отвезти шведскому посланнику при нидерландскомъ дворѣ, генералу *Мансбаху*, письма короля, королевы и наследника о помолвкѣ наследнаго принца съ нидерландскою принцессою *Луизою*.

ДАНІЯ.

Въ одной французской газетѣ пишутъ:

— «Герцогства Шлезвигъ-Гольштинскія находятся въ самомъ печальномъ состояніи, и это было необходимымъ слѣдствіемъ двухъ-годичныхъ волненій, безпорядковъ, возмущеній и войны. Сама Данія истощена огромными пожертвованіями, которыя она должна была принести для поддержанія своего праваго дѣла противъ самаго насильственнаго нарушенія ея правъ. На основаніи перемирія, котораго срокъ нынѣ оканчивается, четыре тысячи Шведовъ занимаютъ северную часть Шлезвига, а прусскія войска южную. Что касается до Гольштиніи, то она находится еще совершенно во власти правленія инсургентовъ, которые имѣютъ 30,000-ю армію. Область эта обременена содержаніемъ этой огромной силы. Такое положеніе дѣлъ достойно сожалѣнія; но развѣ это значитъ, что герцогства не желаютъ мира и не хотятъ покориться? — Нѣтъ! они уже разочарованы; по-крайней-мѣрѣ большинство народонаселенія. Теперь уже известно, что всѣ тѣ, которые были увлечены въ возмущеніе, были только жалкимъ орудіемъ германскихъ бунтовщиковъ. Но благоденствіе герцогствъ не входитъ въ разсчетъ этихъ господъ. Иначе какимъ образомъ могли допустить безпорядки,

производимые инсургентами, которые обременяютъ налогами и податями несчастное Гольштинское герцогство. Если бы перемиріе и было возобновлено по истеченіи срока, то, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Гольштиніи и Шлезвигѣ, продолжится тайная и безчестная война, которая отнимаетъ у Даніи всѣ средства и угрожаетъ даже ея политическому существованію. — При этихъ событіяхъ не должны ли мы обнаружить своего сочувствія къ Даніи, хотя въ дипломатическомъ отношеніи, вспомнивъ, что эта благородная держава пожертвовала цѣлымъ королевствомъ Норвегіею, за то, что помогала Франціи въ самую печальную и несчастную ея эпоху, и осталось постояннѣйшею и вѣрнѣйшею нашею союзницею, тогда какъ всѣ другія европейскія державы вели съ нами непримиримую войну? — Дѣйствительно, мы думаемъ, что настала часъ, когда мы должны обратиться съ твердостью къ Берлинскому кабинету, чтобы остановить его на такомъ пути, который болѣе и болѣе становится опаснымъ и грознымъ. Въ этомъ важномъ и шекотливомъ вопросѣ, который уже заставилъ пролить столько крови, дѣло идетъ о нашей чести и пользѣ. О нашей чести, потому-что мы обязаны заплатить свой долгъ Даніи; о нашей пользѣ, что мы вскорѣ постараемся доказать.»

— Еще сомнительно, что сеймъ будетъ открытъ въ будущемъ мѣсяцѣ, потому что оба Бельта покрыты такими льдами, что сообщеніе Зеландіи съ Фіоніею и Югландскимъ полуостровомъ такъ затруднительно и ненадежно, что, вѣроятно, многіе члены сейма не пріѣдутъ. Еще не извѣстно, лично ли король откроетъ сеймъ.

23-го. — Въ Копенгагенѣ умеръ вчера датскій поэтъ *Адамъ Эллилегеръ*. Сегодня по этому случаю закрыты театры. Къ завшнему дню студенты приготовили траурную церемонію.

26-го. — Сегодня происходило торжественное погребеніе *Эллилегера*. За гробомъ слѣдовали многія знатныя особы и представители разныхъ классовъ и сословій. Вслѣдствіе рѣшенія государственнаго совѣта, издержки погребенія были приняты на счетъ Государства.

БЕЛЬГІЯ.

6-го. — Въ Брюсселѣ происходило погребеніе умершаго тамъ австрійскаго чрезвычайнаго посланника, фельдмаршаль-лейтенанта графа *Войны*.

— Выручка всѣхъ бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ простирается за 1849 г. не болѣе, какъ до 13 милліоновъ. Въ сравненіи съ 1848 г. выручено 8 процентами болѣе, а въ сравненіи съ 1847 г. двумя милліонами менше.

Испанія и Португалія.

1-го.—*Мадридъ*. Королева съ нѣкотораго времени не выходитъ изъ комнаты; она покоряется теперь всѣмъ предосторожностямъ, которыхъ требуетъ ея положеніе.

— Въ Мадридъ былъ такой холодъ, что ночью съ 24 на 25 декабря чуть не замерзли караульные у дворца.

— Испанскій экспедиціонный корпусъ очень страдаетъ въ Италіи, потому-что терпитъ недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ.

10-го.—Англійская эскадра возвратилась въ Таго. Португальскій повѣренный въ дѣлахъ въ Испаніи, который не давно прибылъ изъ Мадрида въ Лиссабонъ, сообщаетъ, что 30 тысячъ человекъ испанскаго войска готовы вступить въ Португалію при первомъ приглашеніи графа *Томара*.

18-го.—Получено извѣстіе, что *Донъ Мигуэль* готовится съѣхать на корабль въ Англію и прибыть въ Португалію, гдѣ онъ сдѣлается главою своихъ приверженцевъ и ревностныхъ сентябристовъ. Новость эту сообщилъ, какъ говорятъ, испанскому министру иностранныхъ дѣлъ, повѣренный въ дѣлахъ Португаліи. По полученіи этого официальнаго увѣдомленія, испанское правительство немедленно предписало всѣмъ начальствамъ на сухопутныхъ и морскихъ границахъ, какъ можно строже наблюдать за привѣзжающими, и задержать португальскаго принца, который хочетъ снова возжечь междоусобную войну въ своемъ отечествѣ.

И т а л і я.

Туринъ.—1-го.—Палата Депутатовъ окончательно образовалась. Президентъ—г. *Пинелли*. На правой сторонѣ и въ центрѣ было довольно согласія при выборахъ, но оппозиція,

кажется, разстроена въ высшей степени. При выборѣ вице-президента партія радикаловъ и охранительная партія оказались почти равными.

— Въ засѣданіи сардинской палаты депутатовъ, 31 числа, министръ внутреннихъ дѣлъ прочелъ программу министерства, касательно предполагаемыхъ имъ улучшеній. Министръ финансовъ представилъ проектъ закона о дозволеніи взимать подати и налоги до окончательнаго утвержденія бюджета, а президентъ совѣта министровъ, министръ иностранныхъ дѣлъ представилъ другой проектъ закона, о дозволеніи правительству привести въ полное исполненіе трактатъ, заключенный въ Миланѣ, 6 августа, съ Австріей.

2-го.—Министръ финансовъ представилъ бюджетъ на 1850 г., и просилъ разрѣшенія сдѣлать, въ послѣдней половинѣ года, заемъ въ 70 или 80 милліоновъ ливровъ, для покрытія расходовъ войны. Сверхъ-того должно замѣтить, что бюджетъ 1850 г. представляетъ уже дефицитъ въ 24 милліона ливровъ.

9-го.—Въ засѣданіи Палаты депутатовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ прочелъ, въ отвѣтъ на вопросы г. *Бергини*, слѣдующее объявленіе:

1) Министерству ничего неизвѣстно о тайномъ договорѣ, заключенномъ съ Австріей.

2) Политическихъ бѣглецовъ выдавать не будутъ.

3) Министерство принимаетъ на себя обязанность вступить въ сношенія съ Австріей, объ улучшеніи торговыхъ договоровъ 1834 г.

17-го.—Туринскій парламентъ состоитъ, въ настоящее время, изъ четырехъ элементовъ: изъ немногочисленной чисто-аристократической партіи, изъ конституціонно-аристократической партіи, составляющей около половины всей палаты, изъ духовной партіи, составляющей болѣе четверти Палаты, и изъ демократической, къ которой принадлежатъ все остальные члены.

— Сенатъ утвердилъ мирный договоръ съ Австріей, большинствомъ 50 голосовъ противъ 5.

— Палата депутатовъ разрѣшила министерству кредитъ въ 400 тысячъ франковъ, для покрытія расходовъ, употребленныхъ на похороны Короля *Карла Алберта*.

— Изъ Генуи пишутъ, что число итальянскихъ беглецовъ ежедневно возрастаетъ въ этомъ городѣ.

21-го. — Министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ запретить всѣ азартныя и публичныя игры. Палата рѣшила (120 противъ 7) дозволить иностранцамъ пріобрѣтать въ сардинскомъ королевствѣ имѣнія.

Флоренція. — Правительство отменило данное въ 1846 г. дозволеніе на устройство желѣзной дороги отъ Пистой до границъ Церковной области.

4-го. — По достовернымъ письмамъ изъ Тосканы, заключена конвенція, въ силу которой Австріи останутся въ Тосканѣ на неопредѣленное время, съ тѣмъ, чтобы очистить ее по первому востребованію Великаго Герцога. Говорятъ, что корпусъ ихъ будетъ состоять изъ 10 тысячъ человекъ. Тоскана будетъ только платить расходы квартированія войскъ, и чрезвычайныя военныя издержки. Во внутреннихъ дѣлахъ Австріи не будутъ принимать участія. Изъ этого распоряженія исключенъ городъ Ливорно. Въслѣдствіе этихъ условій, тосканскій сеймъ откроется въ непродолжительномъ времени.

22-го. — Умеръ известный скульпторъ *Бартолини*.

Римъ. — 1-го. — Всѣ толкуютъ о времени возвращенія Папы въ Римъ, и никто объ этомъ ничего вѣрнаго не знаетъ.

— Римскій муниципальный совѣтъ положилъ возвысить пошлины съ оконъ и дверей, съ вина, уксуса, пива, водокъ и пр., для того, чтобы покрыть издержки помѣщенія французскихъ войскъ; что, конечно не должно располагать народъ въ ихъ пользу.

2-го. — Журналъ l'Univers говоритъ, что Папа возвратится въ Римъ къ 15 января, не дожидаясь, ни заключенія предположеннаго займа, ни рѣшенія вопроса о папскомъ войскѣ.

— Сегодня ожидаютъ кардинала *Ламбрускини*, въ руки котораго перейдетъ вся власть.

— Время возвращенія Папы снова становится загадкой. Теперь говорятъ, что онъ возвратится не 15 января, а на Страстной-недѣль.

— У г. *Салми*, Иезійскаго губернатора, арестованнаго по приказанію австрійскаго комманданта и отвезеннаго въ

Анкону, нашли разныя, написанныя шифрами письма и корреспонденцію съ недовольными въ Романіи и въ чужихъ краяхъ. Между найденнымъ у него оружіемъ былъ книжка съ ядомъ, знамена, кокарды и другіе республиканскіе знаки. Его уклоненіе отъ обнаруженія австрійскихъ прокламаций дало поводъ къ обыскаю и аресту.

— Изъ Рима: «Старый годъ дарить насъ такимъ снѣгомъ, какого никто здѣсь не видалъ и не воображалъ. Черезъ это мы еще дольше не будемъ имѣть сношеній съ другими городами. Въ прошедшую ночь снѣгу выпало на цѣлый футъ, и барометръ упалъ до 3 градусова. Во-время карнавала большихъ увеселеній не будетъ, потому—что здѣсь вышли повѣлѣнія, которыя заключаютъ римскій веселый нравъ въ тѣсныя границы.»

— Папа, навѣрное, пріѣдетъ 16 января. Въ Гаэту уже отправленъ пароходъ, чтобы привезти ожитки Папы.

4-го. — Французская экспедиціонная армія состоитъ теперь не болѣе, какъ изъ 14 или 15 тысячъ человекъ. Генералъ *Бараге д'Илье* отправится съ драгунскимъ полкомъ встрѣчать Папу, въ Альбано. Папа въѣдетъ въ Римъ не Латеранскими воротами, а Сан-Лоренцо. Папа произнесетъ благословеніе *urbi et orbi*.

16-го. — Комиссія кардиналовъ колеблется сильнымъ раздоромъ. Въ ней теперь три партіи: монархическая, подъ предводительствомъ кардинала *делла-Джессиги*; полулибералы, въ главѣ ихъ кардиналъ *Антонелли*, и наконецъ рѣшительные либералы, подъ знаменами кардиналовъ *Ламбрускини* и *Бернетти*; кромѣ того оба послѣдніе не совѣсь согласны между собою. Этотъ раздоръ понятенъ: все въ замѣшательствѣ, въ хаосѣ, а потому возвращеніе Папы весьма загадочно.

— Военное Министерство издало декретъ, запрещающій солдатамъ носить бороды.

26-го. — Извѣщаютъ, что Папа возвратится въ Римъ 2 февраля.

Неаполь. — 1-го. — Происшествія въ Сициліи важнѣе, нежели какъ вообще полагали, потому—что 4 парохода и 2 маленькіе военные парохода получили приказаніе быть готовыми, чтобы перевезти на островъ войска, именно кавалерію.

— Королевским повелѣніемъ 10 декабря распущена національная гвардія въ Палермѣ, причѣмъ у нея отобраны ружья и снаряды.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Бернъ.—13-го.—Ненависть къ пригнаннымъ сюда революціе выходцамъ, непрерывно возрастаетъ: въ Бернѣ только и слышно каждый день о ссорахъ, дракахъ и другихъ печальныхъ явленіяхъ между частью здѣшняго народонаселенія, и въ особенности радикалами, и отдельными выходцами. Для показанія степени нашей образованности, можно разказать, какъ въ ночи на Новый годъ вице-президентъ верховнаго совѣта, *Фюршпрехъ-Шорцъ*, ворвался со своими сотоварищами въ здѣшній радикальный трактиръ, и выманявъ изъ комнаты одного нѣмецкаго выходца, который въ этотъ вечеръ, по-крайней-мѣрѣ, не подавалъ никакого повода къ ссорѣ, прибилъ его жестокимъ образомъ. Подобныя явленія происходятъ здѣсь часто, и о нихъ извѣщаютъ такъ изъ другихъ кантоновъ. Вы уже конечно знаете, что Нѣшательскія казармы, въ которыхъ жили 57 человекъ выходцевъ, сгорѣли съ 200 кроватей и небольшимъ ихъ имуществомъ, а какъ зданіе не было застраховано, то убытокъ, причиненный пожаромъ, простирается до 100 т. гульденовъ. Весь подозрѣваютъ, что огонь былъ подложенъ, потому что пожаръ вспыхнулъ вдругъ во многихъ мѣстахъ. Радикальныя газеты обвиняютъ въ этомъ аристократовъ. Въ Нѣшателѣ же подозрѣваютъ выходцевъ, которые уже разъ грозили, что подожгутъ казармы, для отмщенія за дурное съ ними обращеніе. Нѣшательскій городской совѣтъ, чтобы спасти ихъ отъ всеобщаго ожесточенія, и произвести съдѣвіе, отправилъ 27 изъ нихъ въ Бернъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ. Здѣшній совѣтъ правленія принялъ ихъ; но представивъ совѣту Союза, что число изгнанныхъ въ городъ увеличилось, просилъ удалить ихъ. Выходцы, проживающіе здѣсь въ казармахъ, также понудили своимъ поведеніемъ городское правленіе просить совѣтъ союза объ удаленіи ихъ. Они подали въ совѣтъ правленія просьбу объ отменѣ этого требованія, но имъ отказали, по неприличному тону ихъ просьбы. Съ 1-го февраля прекращается денежное пособіе,

оказываемое Швейцаріею выходцамъ, не слишкомъ сильно обвиненнымъ, и это подаетъ надежду, что сбудутъ съ рукъ этихъ людей. Обмамы и мошенничество изгнанныхъ ежедневно умножаются и увеличиваютъ всеобщую къ нимъ недоверчивость и ненависть. По случаю новаго налога для вспоможенія со стороны Союза *безпріютнымъ* (heimathlose) урожденцамъ Швейцаріи, открылось, что въ общинѣ Нидау (въ Бернскомъ Кантонѣ) 14 человекъ этихъ несчастныхъ, и въ томъ числѣ одинъ осмидесятилѣтній старикъ и маленький ребенокъ, провели зиму въ лѣсу. Пять шалашей изъ стараго тряпья были разбиты подъ соснами, и это было ихъ жилище. Земля, на которой они спали, была очищена отъ снѣга, и покрыта мохомъ и хворостомъ. Ваадтландская полиція выгнала ихъ въ Бернскій округъ, а бернскіе жандармы прогнали ихъ опять въ Ваадтландъ.

— *Женева* раздѣлена теперь на двѣ враждебныя партіи, по вопросу о разрушеніи укрѣпленій ея, предписаномъ верховнымъ совѣтомъ кантона, состоящимъ изъ членовъ, принадлежащихъ преимущественно къ радикальной партіи. Охранители же противятся этой мѣрѣ. Между-тѣмъ разрушеніе уже началось, и по этому случаю произошли нѣкоторые безпорядки въ городѣ. Совѣтъ Союза предписалъ женеvesкому правительству тотчасъ-же прекратить разрушеніе укрѣпленій, въ ожиданіи дальнѣйшаго рѣшенія союзнаго сейма.

22-го.—Говорятъ, что женеvesкій диктаторъ *Физи* испугался бунта, происшедшаго въ Женевѣ; онъ писалъ къ старинному своему другу *Ариодъ*, прося освободить его какъ можно скорѣе отъ работниковъ, употребленныхъ на разрушеніе укрѣпленій. Этою просьбою объясняется приказаніе, данное совѣтомъ Союза.

ГРЕЦІЯ.

— Чрезъ Триестъ получены извѣстія изъ Афинъ, отъ 23 декабря. Все греческое министерство подало въ отставку. Вездѣ обнаруживаются признаки неудовольствій и возмущеній.

— Образовалось новое министерство, подъ предсѣдательствомъ адмирала *Кріэгиса*.

Афины.—17-го.—Вчера адмиралъ *Паркеръ*, оставившій Дарданеллы, бросилъ якорь, со всею англійскою эскадрою, въ Саламинской бухтѣ, близъ Пирея, и какъ говорятъ, послалъ сказать греческому министру иностранныхъ дѣлъ, чтобъ онъ явился къ нему вмѣстѣ съ англійскимъ посланникомъ въ Афинахъ, г. *Вейзомъ*, и объявилъ ему, что греческое правительство не отвѣчало на требованія прежняго британскаго посланника въ Афинахъ, г. *Лейонса*, а именно:

1) Дать вознагражденіе Еврею Пачифико, бывшему португальскимъ консуломъ въ Греціи, и находящемуся нынѣ подъ покровительствомъ Англии, за разграбленіе дома его. Это вознагражденіе было назначено имъ самимъ въ огромную сумму 800 т. драхмъ и сверхъ того 500 ф. ст., за безчестіе.

2) Дать вознагражденіе хозяину небольшого іонійскаго судна, разбишагося или взятаго на берегахъ Греціи за нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

3) Дать вознагражденіе нѣкоторымъ іонійскимъ подданнымъ, задержаннымъ юстиціею въ Патрасской тюрьмѣ. Наконецъ.

4) и важнѣйшее—уступить ненаселенные острова, прилежащія къ Іонійскимъ островамъ, и принадлежащія съ незапамятныхъ временъ къ Пелопонесу, подъ тѣмъ предлогомъ, что по договору, заключенному некогда съ Турками, острова эти когда-то принадлежали Англии.

Ожидая рѣшительнаго отвѣта въ 24 часа, адмиралъ *Паркеръ* предоставлялъ себѣ по истеченіи ихъ предложить послѣднія условія (*ultimatum*) отъ имени англійскаго правительства. Далѣе, въ разговоръ своемъ, далъ онъ замѣтить, какія неблагопріятныя послѣдствія могутъ произойти отъ отказа Греціи и ея правительства.

Послѣ засѣданія совѣта греческихъ министровъ, посланъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ письменный отвѣтъ адмиралу *Паркеру*, что, какъ ни одно изъ этихъ требованій не найдено основательнымъ, то греческое правительство не можетъ принять ихъ. Увѣряютъ, что въ этомъ дѣлѣ иностранные посланники сильно поддерживали греческое правительство въ рѣшеніи его. Ожидаютъ послѣднихъ условій адмирала *Паркера*.

18-го.—Пишу вамъ за пять минутъ до отплытія парохода. Въ Афинахъ произойдутъ важныя событія. Послѣдніи условія были присланы вчера въ 4 часа. Греческому правительству дано 24 часа, чтобы отвѣчать на нихъ. Палата депутатовъ собралась, чтобы одобрить дѣйствія министерства, которое обѣщало сохранить выгоды Греціи, достоинство короны и благодарность, которою она обязана Англии. Англійскій посланникъ долженъ былъ отправиться сегодня въ 4 часа. Живущимъ здѣсь Англичанамъ объявлено, что они будутъ поручены покровительству другой державы. Увѣряютъ, что ко всемъ префектамъ послано секретное предписаніе на тотъ случай, если флотъ вздумаетъ овладѣть гаванями и таможенями, — сперва спасти государственную казну и вооружить жителей, для отраженія высадки.

Турція.

Бухарестъ, 21-го декабря.—День высокаго тезоименитства Его Величества Императора Всероссійскаго, Августѣйшаго Покровителя Дунайскихъ Княжествъ, былъ празднованъ здѣсь съ особенною торжественностью. Въ Серлударской церкви совершенно было торжественное богослуженіе, при которомъ присутствовали всѣ знатнѣйшіе здѣшніе сановники; по окончаніи молебствія былъ церковный парадъ и съдѣланъ салютъ изъ 101 пушечнаго выстрѣла. Его свѣтлость господарь *Стирбей* пріѣзжалъ лично, послѣ молебствія, принесть поздравленіе свое съ высокоторжественнымъ днемъ, къ г. генералъ-адъютанту *Лидерсу*. Вечеромъ у его свѣтлости былъ, по этому же случаю, блистательный балъ, на которомъ присутствовали всѣ знатнѣйшіе русскіе и турецкіе сановники, бояре, князья *Милошъ* и *Стурдза*, и почетнѣйшія лица здѣшняго общества; балъ продолжался до 4 часовъ утра.

24-го декабря.—По извѣстіямъ изъ Смирны, отъ 21 декабря, англійская эскадра, перешедшая за нѣсколько времени изъ устья Дарданеллъ въ Бешикскую бухту, передвинулась теперь, какъ слышно, на зимовку, въ Мископсиси. Французская эскадра, по прежнему, въ Вурлѣ.

— Изъ кассы Порты украдено отъ 70 до 80 т. пиастровъ и въ тотъ же день совершенно ограблена армянская церковь въ Зейтунъ-Бурну.

— По обширности и важности Багдадскаго генераль-губернаторства, заключающаго, между прочимъ, въ предѣлахъ своихъ остатки древнихъ Вавилона, Ниневии, Селевкии и Ктезифона, признано нужнымъ въ сѣверной части его учредить особенное Керкукское каймаканство, подъ главнымъ управленіемъ генераль-губернатора *Абди-Паши*.

1-го января. — Теперь въ Шумль, подъ начальствомъ полковника *Циковскаго*, находится едва 500 Поляковъ; они не терпятъ ни въ чемъ недостатка и прилежно работаютъ. Вся Мадьяры играютъ роль важныхъ господъ; впрочемъ, они и на родинѣ были всегда смертельными врагами дисциплины.

— Верховный судъ въ Константинополь приговорилъ губернатора Конии, *Гассана-Гаки-Пашу*, къ лишенію званія и къ пятилѣтней каторжной работѣ въ Токать, за то, что онъ наказалъ палками вице-губернатора Ванскаго, отчего тотъ умеръ. Самъ Султанъ приказалъ судить виновнаго.

4-го. — Въ слѣдствіе назначенія *Фуада-Эфенди*, находящагося нынѣ съ особымъ порученіемъ въ Петербургъ, Мустехаромъ великаго визиря, *Ахмету-Велику-Эфенди* поручено занять его мѣсто въ Дунайскихъ княжествахъ.

— Недавно прибылъ въ Константинополь русскій живописецъ г. *Захаровъ*, и удостоенъ былъ чести снять портретъ со старшаго сына Султана, принца *Мурада*, за который Е. В. приказалъ выдать ему 25 т. турецкихъ пиастровъ. Онъ снялъ также портреты въ миниатюрѣ съ Султана, принцессы *Фатиме-султанши* и принца *Гаида-Эфенди*.

— Директоръ султанскихъ пороховыхъ заводовъ *Дудіаръ*, взявъ подъ стражу по повелѣнію Султана. Въ счетахъ его оказалась дефицитъ въ 25 мил. левовъ.

А М Е Р И К А.

18-го декабря. — Изъ Нью-Йорка пишутъ, что вопросъ о невольничествѣ негровъ будетъ въ подробности рассмотрѣнъ конгрессомъ въ настоящемъ засѣданіи, и что эти пренія

произведутъ въ странѣ волненіе, неблагопріятное для торговли. Никто не можетъ предвидѣть, какъ будетъ рѣшенъ этотъ важный вопросъ.

— Начальствующій англійскою эскадрою въ Тихомъ-Океанѣ, контръ-адмиралъ *Горби* получилъ приказаніе отправиться со всеми военными кораблями изъ Вальпарайсо къ Никарагуа, и предоставить ихъ въ распоряженіе тамошняго британскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, для защиты выгодъ Англій противу замысловъ Американцевъ.

Нью-Йоркъ, 19-го декабря. — Народу представить новую калифорнійскую конституцію, для того, чтобы онъ ее принялъ или отвергъ. Полагаютъ, что ее примутъ единогласно. Въ конституціи положено, что оба законодательныя сословія, сенатъ и собраніе, должны начать свои засѣданія въ первый понедѣльникъ января мѣсяца. Члены собранія будутъ избираться на годъ, а члены сената на два года; ихъ можно выбирать только въ такомъ случаѣ, когда они живутъ, по-крайней-мѣрѣ, годъ въ государствѣ и 6 мѣсяцевъ въ графствѣ, которое ихъ избираетъ. Судебную власть будутъ представлять высшій судъ, окружной, графскій и мирный суды. Законъ не дозволяетъ развода; дуэли запрещены, также какъ и лоттереи. Первое засѣданіе должно-быть въ Пуэбло де-Сан-Хосе, гдѣ на время будетъ находиться и правительство. Экземпляръ конституціи отправленъ къ генералу *Релли*, правителю Калифорніи. Онъ долженъ доставить ее при первомъ случаѣ президенту Соединенныхъ Штатовъ.

— Американская почта привезла извѣстіе о прибытіи въ Нью-Йоркъ парохода «Горманнъ» съ венгерскими бѣглецами. Между ними находился бывший комендантъ Коморна, графъ *Уйгази* (*Ujhazy*).

26-го декабря. — Изъ Калифорніи получены извѣстія до 15 ноября. Золота добываютъ больше, чѣмъ когда-либо, но наступило дождливое время.

— Патеръ *Матью*, знаменитый проповѣдникъ трезвости, принять въ число членовъ американскаго сената, послѣ сильнаго пренія (33 противъ 18).

А Ф Р И К А.

— Изъ Египта сообщаютъ о любопытномъ предложеніи, сдѣланномъ египетскимъ намѣстникомъ *Аббасомъ-пашею* англійскимъ спортсменамъ: онъ приглашаетъ ихъ прислать въ

Египетъ на состязаніе съ египетскими лошадьми лучшихъ ихъ скакуновъ, предлагая назначить закладъ, по ихъ желанію, отъ 10 до 50 т. ф. ст. (отъ 60 до 300 т. руб. сер.) Бѣгъ предлагаетъ онъ устроить не круговой, а по прямой линіи, на разстояніи 11 или 12 миль (отъ 16 до 20 верстъ).

— Выстроенный недавно въ Англіи для Египетскаго паши и отправленный оттуда въ Александрію пароходъ «Пандора» погибъ въ Атлантическомъ океанѣ, отъ взрыва котла; сошедшій съ него экипажъ былъ спасенъ встрѣтившимся, къ счастью, англійскимъ судномъ «Азія», шедшимъ въ Новый-Южный-Валлисъ, и высаженъ на островъ Мадеръ.

— Между Тулономъ и Алжирскими портами происходитъ сильное движеніе, по случаю перевозки войскъ.

25-го января.—Полковникъ *Капроберъ*, которому послѣ занятія Заатши, поручено было усмирить арабскія племена на югъ Ауреса, удачно выполнилъ это порученіе. Одно мѣстечко, по имени Нара, лежащее въ 150 километрахъ отъ Бискары, держалось нѣсколько времени, но и то было занято послѣ мужественнаго сопротивленія. Французы потеряли 10 человекъ убитыми; раненныхъ всего 20 человекъ.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

САПОЖНИКЪ И САПОЖНИЦА.

Шла въ мѣшкѣ не утанишь.

Русская пословица.

Жила-была сапожница, вдова,

По имени Орина,

Въ большомъ селѣ, гдѣ душъ десятка съ два,

И вотъ какая съ ней случилася причина.

Приѣхалъ въ то село сапожникъ Агаеонъ,

Тамъ, съ дозволенія начальства, поселился,

И началъ отбивать барышъ у бабы онъ;

Не удалось: такъ онъ на хитрости пустился.

Пришелъ къ Оринѣ онъ тихомъ,

Подъ вечерокъ, съ мѣшкомъ.

Ей поклонился очень низко.

И, къ ней подскъвши очень близко,

Такъ началъ говорить: «Съ тобой, Орина, мы,
Сапожникомъ ремесломъ живемъ на бѣломъ свѣтѣ.

И нечего бояться намъ тюрьмы!

Ты у меня давно ужъ на примѣтѣ.

Чѣмъ другъ у дружки намъ доходъ перебивать,

Выйди за-мужъ за меня! Барышъ нашъ будетъ вавое,

И ты, и я, останемся въ покоѣ

И въ полномъ счастьи. — Вотъ—на! Какая статъ

Мнѣ за-мужъ за тебя! Вишь, вздумалъ съ чѣмъ придраться!

Вдовой, вдовой хочу остаться!

Вишь, по-поламъ дѣли съ нимъ барыши!

Нѣтъ, батюшка, ты этакъ не грѣши!

Многолько я въ сей жизни натерпѣлась:

Не проведешь меня,

И попадешь ты въ пламя изъ огня! —

«Да что ты, матушка, за что такъ взвѣлась?

Аль бѣлены объвѣлась?

Голубушка моя, ты не дури

И дѣло говори.

За что со мной ты вздумала ругаться?»

— Вдовой, вдовой хочу остаться!

Ты барышей не смѣи дѣлить со мной!

Вѣдь я не кто иной:

Коль это вздумаетъ, то сильно озадачу,

И дамъ тебѣ съ лихвой, (коль подерешься), слачу.

Ступай, ступай сейчасъ домой!

Не то я прогону тебя съ двора метлой. —

«Оринушка! да перестань браниться!

За что озлилась ты? Готовъ я помириться,

Лишь ты меня уважь и, грѣшнато, прости!»

«Нѣтъ, вижу я, въ тебѣ не будетъ ужъ пути!»

Вишь, вздумалъ свататься, противная ты рожа!

Да посмотри ты самъ! на что она похожа!

Поположь, помоложь ты вонъ, злодѣй!

И постыдись ты добрыхъ всѣхъ людей! —

«Оринушка! не въ могути мнѣ спорить,

И тѣмъ тебя напрасно лишь задорить.

Иду, кормилица моя, сейчасъ иду,

Чтобъ не попасть мнѣ въ пущую бѣду.

Тѣмъ споръ и кончился Орины съ Агаеономъ.

Онъ вынесъ изъ избы съ превизменнымъ поклономъ,

Потомъ сапожницу сквозь зубы она ругнула:

«Вишь, вѣдьма! Хорошо, что у тебя стаянулъ

Твое сапожное-то шило.

Шей безъ него теперь ты сапоги!

Нѣтъ, съ Агаеономъ ты тягаться не моги!

Одно лишь у тебя и было,

За новымъ же тебѣ, колдуньѣ, не пойти:

До городу, чай, триста верстъ пути!

Нѣтъ, баба! ремесло твое теперь ушло.

Свистя, идетъ домой нашъ Агафонъ,

Какъ вдругъ вогоню слышитъ онъ.

Бѣжить за нимъ пыхтя, сапожница въ догонку.

Ахти, бѣла! Шмыгнула бы хоть въ сторонуку,

Да некуда! Орина нагнала

И за воротъ сапожника взяла.

— Отдай сейчасъ мнѣ шило, ты, разбойникъ!

«Слышь, баба, я сшибу съ тебя повойникъ,

Коль неотстанешь ты. Нѣтъ шила у меня!

Вишь, дура, спрашиваетъ шила!»

Не взвидя бѣла—дня,

Источникомъ голосомъ Орива завыва.

А шило, какъ на грѣхъ, глядь, изъ мѣшка торчитъ.

— А это что, злодѣй! — сапожница кричить.

Улика ясная! Ну что тутъ дѣлать было?

Смущенный Агаоновъ Оривѣ отгадъ шило.

Она за то его хватила по щекъ,

Примолвивъ: — Шила, плуть, не утаишь въ мѣшкѣ! —

Какъ Агаоновы дѣла безчестныхъ ни скрываютъ.

Но шиломъ изъ мѣшка обличены бываютъ

Почти всегда.

Не правда ль, господа?

К. МАСАЛЬСКІЙ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОФЕССОРША.

ПОВѢСТЬ БЕРТОЛЬДА ЛУЭРБАХА.

Переводъ П. Фурманна.

ПРИШЛИ ДВА ГОСТЯ.

Сидитъ хозяинъ *Толстоногий* въ своей комнатѣ, у окошка въ садъ; локтями опирается на подоконникъ, щеку подперъ рукою; по обыкновенію своему, онъ загнулъ ноги за переднія ножки стула, какъ будто бы хотѣлъ прирости къ мѣсту; правда, если онъ гдѣ сядетъ, такъ рычагомъ его не поднимешь.

Конечно, теперь онъ ужъ не сидитъ; онъ давно уже не шевелитъ ни однимъ пальцомъ, но въ свое время пальцы его раздавали порядочные тумачи; молва шла, что гдѣ кого хозяинъ *Толстоногий* задѣнетъ по головѣ, тамъ уже не рости волосамъ: вотъ почему онъ изъ добродушія наносилъ удары въ затылокъ, тамъ не скоро добьешься до крови, а между-тѣмъ

К. П. — Отд. IV.

крѣпко больно.—Нечто хозяинъ Толстоногій былъ забіяка? Вы сами узнаете его; онъ былъ добродушенъ и кротокъ, какъ ягненокъ, но это нисколько не мѣшаетъ отгузить въ добрый часъ кого съѣдустъ; короче, хозяинъ Толстоногій былъ, смотря по обстоятельствамъ, и странный человѣкъ, и нѣтъ. Его, по настоящему, звали не Толстоногимъ, а *хозяиномъ липы*, что было въ совершенномъ порядкѣ, потому—что передъ трактиромъ его находилась настоящая, а на вывѣскѣ малеванная липа. Прозвище же—плохое дѣло, не знаемъ какъ и назвать, неприлично, говорятъ, а между—тѣмъ ничего секретнаго нѣтъ, и въ селѣ никто не церемонится; и такъ: отъ колѣнъ до сгиба ноги, по просту сказать, икры у хозяина были щедро надѣлены, и вотъ почему его звали Толстоногимъ.

Теперь мы можемъ спокойнѣе познакомиться съ нимъ; но поторопимся, потому—что скоро въ домѣ и въ цѣломъ селеніи поднимется суматоха, ради одного человѣка или двухъ.

Толстоногій сидятъ смиренно; мысли его кружатся, точно мухи, которыя жужжа летаютъ по комнатамъ. Конечно, немного мыслей у того, кто усталъ и только—что вернулся съ поля, какъ хозяинъ гостиницы, гдѣ онъ навалилъ цѣлый возъ сѣна; послѣ этого приятно перевести духъ на покое и дать волю мыслямъ, если таковыя имѣются. Онъ кивнулъ кошкѣ, которая сидѣла на окнѣ съ наружной стороны, и была чрезвычайно занята собою, потомъ оглянулся и кликнулъ:

— Лорле!

Голосъ изъ жилой комнаты отвѣчалъ:

— Что тамъ?

— Мнѣ кажется, ты какъ кошка; она мостея и лижется, точно будто бы еще гости будутъ.

— И мнѣ то же кажется, отвѣчалъ голосъ изъ комнаты.

— Поторопись; будешь готова, такъ принеси мнѣ напитокъ изъ погреба; жажда смертная!

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ опять тотъ же голосъ.

Послышался стукъ захлопнутой крышки сундука, потомъ кто—то сошелъ внизъ, опять сталъ всходить, дверь открылась, и вдругъ....

Вдругъ у самаго окна раздался выстрѣлъ; дѣвушка пронзительно вскрикнула, стаканъ со свѣжимъ, неперебродившимъ еще виномъ упалъ на полъ, а кошка прыгнула въ комнату, передъ самымъ носомъ Толстоногаго. Послѣдній вскопчилъ съ бранью, а дѣвушка скрылась за полурастворенною дверью.

Мы должны добраться до источника страннаго происшествія....

Двое молодыхъ людей идутъ черезъ горную рошу; одинъ, въ сѣромъ тирольскомъ полукафтанѣ съ зелеными тесьмами, рослый, широкоплечій, съ темнорыжею, неподстриженною бородою, въ сѣрой, остроконечной взятой шляпѣ съ широкими полями; другой въ скромной фуражкѣ, подъ которою замѣтно остроумное лицо, обрамленное чистенько подстриженными бакенбартами, малорослый, нѣсколько согнутый впередъ, и въ старомъ изношенномъ сюртукѣ. Оба идутъ молча. Старый крестьянинъ несетъ за ними два небольшие ранца, лютню, складной табуретъ и ружье. Они вышли изъ лѣса, и въ долину передъ ними тянется длинная деревня, испеченная, какъ говорится, на одинъ бокъ, потому—что домъ смотрится въ ручей, который журча и шумя стремится по скаламъ и между ними; мостикъ ведетъ черезъ ручей на противоположный холмъ, гдѣ уединенно стоить церковь.

— Вотъ, вотъ Вейссенбахъ, сказалъ рослый полнымъ, звучнымъ груднымъ голосомъ.

— *Ile terrarum mihi praeter omnes angulus ridet*, сказалъ малорослый, въ которомъ по черному изношенному сюртуку можно бы узнать ученаго.

— Отстань отъ меня со своимъ Гораціемъ, возразилъ рослый, которому принадлежалъ складной табуретъ, употребляемый живописцами.

— Охотно, сказалъ малорослый, и осмотрѣвшись, продолжалъ улыбаясь:—*Ite missa est*, не суйтесь мнѣ подъ ноги, книги, въ виду прекрасной природы; смирно! Братъ, напиши фантастическую картину, какъ конекъ автора, привязанный къ яслямъ въ каждой книгѣ, становится живымъ и убѣгаетъ съ книгой. Приятно было бы посмотреть на цѣлую библиотеку, стремящуюся скачущую съ горы; ну! ну! тирр! тирр!... Я напишу на этотъ сюжетъ фантастическую повѣсть.

— Полно врать! ничего ты не напишешь; ты вѣчно попадаешь на руки, а за дѣло все—таки не принимаешься.

— Къ сожалѣнію, ты правъ; но здѣсь я запасусь новою жизнію. Смотри, какъ мирно покоится селеніе; точно огромное водное чудовище въ полуденномъ снѣ, растянулось оно на солнышкѣ; соломенные крыши точно гигантская чешуя. Смотри, тамъ церковь! Приятно видѣть церкви на горахъ; имъ не мѣсто посреди житейскихъ мытарствъ. На этой скалѣ воздвигну я храмъ—это превосходно! Даже въ матеріальномъ отношеніи

люди должны возвышаться, возноситься къ духовному величію. Здѣсь, по сю сторону мостика, на горѣ, церковь занимает свое настоящее, ей исключительно принадлежащее мѣсто.

Послѣ короткаго молчанія онъ продолжалъ:

— Слышишь—ли ты лай собакъ и крикъ стражей капитолія? Слышишь—ли ты тамъ радостныя клики дѣтей? Добрыя дѣти! Они не предчувствуютъ, что ты грядешь увѣковѣчить юность ихъ въ картинѣ. Виргилій прекрасно выразился: *O fortunato nimium, sua si bona norint, agricolae*. Народъ точно мирная природа, онъ не сознаетъ красоты своего существованія; жизнь его растительная, такъ сказать, а мы нарушаемъ это безсознательное бытіе и пробуждаемъ въ немъ ясное мышленіе.

— Здѣсь мы отдохнемъ сказалъ живописецъ взявъ товарища за руку; стряхни съ себя школьную пыль, какъ общалъ; не думай ни о чемъ, не требуй ничего, и все дастся тебѣ.

Невыразимо кроткимъ взглядомъ отвѣчалъ малорослый на рукопожатіе живописца; послѣдній продолжалъ:

— Я долженъ описать тебѣ человѣка, у котораго мы оставимся.

— Нѣтъ, не описывай; предоставь мнѣ самому изучить его.

— И то ладно.

Когда они приблизились къ селенію, живописецъ завернулъ на дорожку, проходившую за домами. Малорослый замѣтилъ ему:

— По глубокому естественному закону, природныя пути никогда не прямы; ручей течетъ изгибами, тропинки отъ селенія къ селенію образуются извилинами, не смотря на то, что тянутся по плоскимъ равнинамъ.

— Въ отношеніи къ дорогамъ причина весьма—простая, замѣтилъ живописецъ.

Съ этими словами оба вступили въ фруктовый садъ; живописецъ взялъ у крестьянина ружье и выстрѣлилъ на воздухъ; потомъ весело вскрикнулъ, взбѣжалъ на лѣстницу и въ горницу....

Такимъ—образомъ мы опять у Толстоногого, и въ то самое время, когда кошка проскочила у него передъ носомъ, и стаканъ вина упалъ на полъ. Сжавъ кулаки стоитъ хозяинъ и браниться:

— Тысячи миллионъ кукушекъ, что это значитъ? Что тамъ, тысячи....

— Это л! вскричалъ живописецъ, дружески протягивая впередъ руку.

Кулаки хозяина опустились; онъ вскричалъ:

— Что.... что? Ей—ей, это онъ! Херъ Рейхардъ, неужели это вы? Вотъ неожиданный гость! Какими судьбами?

— Лѣто затанцило, старый дружище! возразилъ гость, тряся руку хозяина.

Послѣдній спросилъ:

— Вы выстрѣлили въ садъ?

— Не я, а моя жена, отвѣчалъ живописецъ, поднявъ ружье: ей не молчится!

— Вы все тотъ же! Но мужъ отвѣчаетъ за жену; за стрѣляніе въ селѣ положенъ штрафъ.

— Знаю, и охотно заплачу.

Рейхардъ представилъ пріятеля, Рейенмейера, помощника бібліотекаря.

— Рейенмейеръ, сказалъ Толстоногій: такая фамилія и у насъ есть.

Помощникъ возразилъ, улыбаясь:

— Можетъ—быть, дальныя родственники.

— А гдѣ ваша жена? спросилъ Рейхардъ.

— Сейчасъ будетъ; она осталась у сѣна, между—тѣмъ какъ я пошелъ впередъ. Лорле, Лорле! гдѣ ты?

— Здѣсь, отвѣчалъ голосъ снизу.

— Отопри скорѣе сѣноваль, чтобы они могли прямо вѣхать съ возомъ; какись, будетъ дождь; а потомъ ступай сюда.

— Это никакъ малютка? Узнаеть—ли она меня? сказала Рейнхардъ.

Толстоногій возразилъ, лукаво улыбаясь и грозя пальцемъ:

— Ого, сударь мой! Она ужъ не малютка, а здоровая, красивая дѣвица, которой не стыдно и въ люди показаться... но вамъ самимъ никуда нельзя показаться! Ей—ей, вы похожи на стараго жида; у васъ цѣлый лѣсъ на лицѣ, сосны и ели, почему сажень!

Помощникъ схватилъ руку хозяина, потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Вы достойный мужъ; заслуживающій уваженія.

Толстоногій отряхнулся, поднялъ плечи, насунилъ брови, и посмотрѣлъ на помощника; потомъ отвѣчалъ улыбаясь:

— Благодарю за честь, и прошу кланяться своимъ, когда увидите нашихъ.

Помощникъ не понялъ, что значили эти слова; но некогда было думать; на дворѣ послышалось хлпанье бича; Толсто-

ногий вышелъ подъ крытую галерею; гости послѣдовали за нимъ.

— Правѣе, вскричалъ хозяинъ молодому парню, сидѣвшему на одномъ пѣз-коней, впряженныхъ въ возъ съ сѣномъ; еще правѣе, а не то не вѣдешь; экой неразумный! Вотъ такъ! те-перь смѣло впередъ!

Возъ вѣхалъ благополучно. Вздохнувъ свободнѣе, всѣ вернулись въ горницу.

Помощникъ спросилъ кротко:

— Зачѣмъ вы не устраниваете ворота пошире, если въ эти вѣзжать такъ трудно?

Толстоногий, смотрѣвшій въ окно, оглянулся; потомъ опять отвернулся къ окну, и отвѣчалъ не смотря на спрашивавшаго: — Не-зачѣмъ базовать молодежи; мы такъ вѣзжали, пус-кай и другіе учатся; чтобы видѣть, что впереди, на то есть глаза, а что сзади, на то дана смѣтка. Я болѣе тридцати лѣтъ вѣзжалъ въ эти ворота, и никогда не задѣвалъ.

Потомъ онъ обратился опять въ комнату лицомъ, и спро-силъ:

— Какое ваше ремесло, господинъ *библианепарь*?

— Я сберегаю книги.

Хозяйка, сынъ, работникъ и работница вошли въ это время въ горницу. Всѣ привѣтствовали Рейнхарда, а хозяйка, указы-вая на бороду его, сказала:

— Экъ вы обросли въ два года!

— Нашъ тамбуръ-мажоръ, сказалъ Стефанъ, сынъ хозяина: тоже носилъ такую страшную бороду, но онъ чернилъ ее каж-дое утро ваксой.

— Еслибъ я была молода, такъ ни за что бы не поцѣловала васъ, сказала Бѣрбель, пожилая, дожая баба, служившая ра-ботницей въ домѣ. Мартынь, работникъ, стоявшій за нею, былъ ея сынъ. У него было свое мнѣніе, которое онъ выска-залъ слѣдующими словами:

— А я говорю, что борода у него важнѣйшая! Точно у му-жика, на большой картинѣ!

— Но куда запропастилась Лѳре? сказалъ Толстоногий. Ста-руха, принеси мнѣ напитокъ изъ погреба, и дай мнѣ кусочекъ сыра, а потомъ приготовь господину Рейнхарду его прежнюю каморку; другой баринъ можетъ спать на чердакѣ.

Толстоногий дождался наконецъ стакана вина; онъ цѣлый часъ терпѣлъ жажду, чтобы только избавиться отъ труда сой-ти въ погребъ.

Помощникъ подскѣлъ къ нему.

Рейнхардъ прошелся по деревнѣ; ребятишки бѣгали за нимъ; смѣлѣйшіе, запрятавшись за уголъ или за заборъ, кричали ему вслѣдъ:

Рыжая борода! пожаръ будетъ!

Пожаръ будетъ! рыжая борода!

Рейнхардъ вошелъ въ домъ, гдѣ жилъ цирюльникъ; ребя-тишки ждали передъ дверьми, въ надеждѣ увидѣть его обри-тымъ; но когда онъ вышелъ съ прежнею бородою, они снова стали хохотать и шумѣть.

Въ одномъ домѣ съ цирюльникомъ жилъ еще сельскій охот-никъ, которому Рейнхардъ далъ порученіе.

Охотникъ вышелъ съ колокольчикомъ, сталъ звонить по всѣмъ перекресткамъ и угламъ, и объявлялъ громкимъ голо-сомъ:

«Живопиसेцъ Рейнхардъ прибылъ опять сюда съ окаядистою рыжею бородою. Кто желаетъ видѣть его, можетъ идти въ го-стиницу Липы, тамъ мѣсто зрѣлища. Плата за входъ та, что каждый долженъ развѣвать ротъ и скалить зубы, если тако-вые у него имѣются. Кормленіе будетъ происходить въ полови-нѣ девятого. Дѣти ничего не платятъ.»

Безпрерывный смѣхъ поднялся во всей деревнѣ; ребятишки съ крикомъ и визгомъ слѣдовали за охотникомъ; ихъ трудно было заставить молчать минуту, чтобы слышать объявленіе.

Когда наступила ночь, и тяжелыя дождевыя тучи заволокли небо, сидѣлъ Рейнхардъ на каменной скамьѣ подъ липой, пе-редъ гостиницею; онъ смѣялся, вспоминая о везанной весе-лости, которою онъ наполнилъ сердца всѣхъ жителей. Вручъ онъ услышалъ по близости заглушаемое всхлипываніе; онъ всталъ и увидѣлъ дѣвушку, шедшую на сѣновалъ.

— Лѳре? произнесъ онъ вопросительно.

— Богъ помочь, отвѣчала дѣвушка, взявъ протянутую къ ней руку, не поднимая глазъ и не отнимая передника отъ лица.

— Ты, кажется.... Вы плакали; что съ вами?

— Я, я.... не плакала, возразила дѣвушка; всхлипываніе мѣ-шало ей говорить.

— Отчего вы отворачиваетесь и не смотрите на меня? Нѣчто я обидѣлъ васъ?

— Меня? нѣтъ.

— Кого же?

— Себя.

— Какъ такъ?

— Мнѣ не нравится, что вы выставляете себя на посмѣяніе цѣлой деревнѣ; это не хорошо, тѣмъ больше, что вы и насъ дурачите; этого мы отъ васъ не ожидали.

— Какъ вы выросли, Лорле; пойдемте въ горницу, чтобы я могъ хорошенько посмотреть на васъ.

— Полно вамъ и надо мною потѣшаться, вскричала дѣвушка, и однимъ прыжкомъ выскочила въ ворота на улицу.

Рейнхардъ остался на скамьѣ; закусивъ губу, смотрѣлъ онъ въ землю. То, что за минуту казалось ему шалостью, но безобидною, приняло теперь совершенно иной видъ. Онъ думалъ про-себя:

— Дитя право, шутка моя довольно дерзка, мы сами не знаемъ, сколько въ каждомъ изъ насъ высокомерія. Я поднялъ на смѣхъ всю деревню.

Помощникъ вышелъ изъ дому.

— Странный человекъ нашъ хозяинъ! сказалъ онъ: я прошелъ всевозможные экзамены, но такого еще не встрѣчалъ: хозяинъ не перестаетъ допрашивать меня, и въ каждомъ вопросѣ его заключается какъ бы недоумѣренность.

— Благодарю за честь и прощю кланяться своимъ, если увидишь нашихъ, господинъ *библиопекарь*, возразилъ Рейнхардъ смѣясь.

Собрались многие крестьяне и парни изъ села; всѣ радушно приветствовали Рейнхарда; забавная шутка, которая привлекла ихъ, получила соответственное продолженіе. Всѣ вошли въ горницу, и Рейнхардъ весь вечеръ рассказывалъ забавныя исторіи о странствіяхъ своихъ по Верхней-Италіи и Тиролю; не было конца смѣху. Какъ бы въ вознагражденіе за то, что онъ посмѣялся надъ крестьянами, онъ нарочно старался, чтобы они теперь посмѣялись надъ нимъ самимъ. Но мало-по-малу онъ такъ увлекся, участіе и вниманіе многочисленнаго общества до того подстрекнули его, что онъ нѣсколько забылся, и пустился на разныя странныя шалости.

Рейнхардъ былъ веселъ и радостенъ между людьми, но вернувшись одинъ въ свою комнату онъ приунылъ, опечалился; шумный вечеръ не оставилъ въ душѣ его ни одного нѣжнаго, уютнаго впечатлѣнія.

Лорле во весь вечеръ не показывалась въ общей горницѣ.

Поздно ночью послышалось еще шарканье старыхъ туфель по всему дому, скрипъ дверей и щелканье замковъ; то бродилъ Толстоногий, который никогда не ложился спать, не обойдя весь домъ сверху до низу.

Рано утромъ помощникъ стоялъ уже передъ кроватью Рейнхарда, и пѣлъ звучнымъ, полнымъ голосомъ, котораго въ немъ нельзя было предположить, прелестную арію Вебера изъ Прелюды:

«Die Son' erwacht.»

Рейнхардъ отбивался и ворчалъ.

— Человекъ, посвятившій себя изученію дивныхъ картинъ природы, пѣлъ помощникъ *recitando*, не смѣетъ проспать такое прекрасное утро, бумъ, бумъ!

Рейнхардъ не отвѣчалъ, а помощникъ продолжалъ:

— Какъ мы проведемъ день? Сегодня воскресенье; ночью шелъ дождь, какъ бы по заказу; на дворѣ все свѣжо, все блеститъ и искрится. Что намъ дѣлать? Нѣтъ ли гдѣ по близости какого торжества? Нѣтъ ли народнаго праздника?

— Какъ же! Не хочешь ли еще чего? проворчалъ Рейнхардъ: прикажи охотнику барабанить гдѣ-нибудь на перекресткѣ, массы соберутся—вотъ тебѣ и народъ; осѣлай глаза увеличительной театральной трубкой, брось нѣсколько монетъ въ толпу, чтобы ребятишки тормозили другъ-друга и валялись—вотъ тебѣ и народный праздникъ *ipse fecit*.

— Ты вчера вечеромъ былъ такъ веселъ, а теперь такъ угрюмъ.

— Веселъ не былъ, угрюмъ не емъ; я такой человекъ, которому слѣдовало бы быть одному, а между тѣмъ—самъ не знаю отчего—я ни одного дня не могу пробыть одинъ. Пойми меня хорошенько. Мнѣ приятно, когда ты со мною; такой вѣрный и искренній другъ, какъ ты, то же, что деньги въ шкатулкѣ; хотя онъ въ настоящую минуту и не пужны, а все приятно знать, что онъ есть, когда нужда приключится. Слѣдовательно, оставайся здѣсь до окончанія твоего отпуска, но оставилъ и меня одного съ самимъ собою.

— Я понимаю тебя. Здѣсь ты приѣмлешь лобызаніе музы, а при этомъ не слѣдуетъ быть постороннему созерцательному оку. Я буду оставлять тебя одного, и почтительно удаляться, гдѣ и когда тебѣ явится предметъ для картины; тамъ посторонній не долженъ ни указывать перстомъ, ни даже взирать дерзкимъ

окомъ. Корень, творческая сила всего живаго, покоится во мракъ, куда не проникаетъ ни взоръ, ни даже солнечный лучъ.

— Такъ, сказалъ Рейнхардъ: замѣть еще слѣдующее для себя: не требуй отъ каждаго мгновенія *чего-либо*, послѣдствій, мысли или тому подобнаго, живи, какъ живется, и все дается тебѣ. Мы засѣли теперь въ охотѣ за идеями, которая не даетъ намъ наслаждаться въ мирѣ жизни; ты болѣе другихъ; а потому позволь мнѣ повторить слова пѣвческаго проповѣдника: «Любезные слушатели, я держу проповѣдь не про васъ однихъ, а и про себя.»—Будемъ жить! жить! Лица цвѣтеть, цвѣтеть для себя, а не только для того, чтобы вы могли настоять себѣ чай изъ цвѣта ея, когда простудитесь.

— Прости мнѣ, другъ, замѣтилъ помощникъ съ робкою снисходительностію: по въ тебѣ болѣе романтизма, нежели ты думаешь; вотъ конѣкъ романтиковъ: жить безъ всякаго мышленія, въ полномъ наслажденіи незнанія.

— Не совсѣмъ согласенъ; но по мнѣ пожалуй! Если дѣтище не можетъ остаться безъ имени, то назови его какъ знаешь, хоть романтизмомъ.

Полудѣтній, Рейнхардъ подошелъ къ окну и съ наслажденіемъ вдыхалъ утренній воздухъ; вдругъ онъ отскочилъ; помощникъ послѣдно подошелъ къ окну. Хозяйская дочка шла черезъ дворъ, въ легкой утренней одеждѣ, безъ обуви. Цѣлая стая утятъ окружала ее съ крикомъ.

— Экіе ненасытные, говорила она, граціозно надувъ губки, неужели вамъ недовольно? Не прикажете ли кормить васъ каждую четверть часа? Смирно, сейчасъ принесу, надо знать терпѣніе; прочь съ дороги! Прочь, а не то наступлю.

Утята остановились, какъ будто-бы поняли слова дѣвушки, а она вошла въ житницу, и вернулась съ ячменемъ въ передникъ.

— Вотъ, сказала она, разсыпая пригоршню, вотъ вамъ на здоровье! Полно жадничать! Эка зависть! Штъ, штъ! Не толкайтесь, всѣмъ будетъ; штъ!... и она бросила другую пригоршню въ сторону: вотъ и вамъ, курицы!

Пѣтухъ стоялъ на лѣстницѣ у сѣновала, и пѣлъ во все горло.

— Не разучился еще, сказала дѣвушка, кивнувъ головою: ну, сходи скорѣе внизъ! Ты точно мужичинъ: ихъ всегда надо ждать, когда кушанье уже на столѣ.

Пѣтухъ слетѣлъ внизъ, и сталъ клевать съ апетитомъ, не переставая бесѣдовать съ курами; вѣроятно онъ сказалъ что-

либо остроумное или забавное, потому что жолтая курица, которая только что подхватила зернышко, покачала головой и потеряла зерно. Вѣжливый кавалеръ подскочилъ, поднялъ потерянное и принесъ его курицѣ, шаркнувъ ногой и ворча, вѣроятно, комплиментъ.

— Доброе утро, дѣвица, вскричалъ помощникъ. Дѣвушка не отвѣчала, но какъ козочка скрылась въ домъ; утята и куры угрюмо посмотрѣли на окно, понимая, вѣроятно, что оттуда произошла помѣха, лишившая ихъ новаго корма.

— Вотъ дѣвушка! ахъ, вотъ дѣвушка! вскричалъ помощникъ, обратившись въ комнату и поднявъ оба кулака къ потолку; два раза прошелся онъ молча по комнатѣ, потомъ остановился передъ Рейнхардомъ, и продолжалъ:

— Вотъ тебѣ вся наша премудрость! Я больше ничего не могу сказать, какъ: *вотъ дѣвушка!* Ни одно прилагательное не кажется мнѣ достаточнымъ, удовлетворительнымъ. Это законъ народной поэзіи, она придаетъ совершеннѣйшее значеніе, производя глубочайшее впечатлѣніе однимъ существительнымъ, безъ прилагательнаго; для извѣщенія моего теперешняго восторга, мое краснорѣчіе такъ же ограничено, бессильно, какъ грубый языкъ послѣдняго крестьянскаго парня.

— Какъ ты думаешь, не удовольствоваться ли намъ прилагательнымъ несравненная?

— Не шути теперь; ты непременно долженъ написать портретъ этой дѣвушки, въ сліяній ея съ неразумною природою; это будетъ идеалъ гармоніи.

— Велика новость! Никому еще не приходило въ голову написать дѣвушку въ курятникъ.

— Какъ бы то ни было, но дѣвушку эту ты непременно долженъ написать; здѣсь передъ тобою является тайна природы, здѣсь....

— Если эта тайна, такъ молчи, не разглашай! Ты бредишь съ позаранку такъ, что у меня голова кругомъ идетъ.

Друзья просидѣли нѣсколько минутъ молча; наконецъ помощникъ сказалъ, вставая:

— Ты правъ, утро подобно мирной юности, когда человѣка должно оставлять одного, чтобы онъ проснулся самъ мало-помалу, а не вслѣдствіе сильнаго толчка. Я пойду въ лѣсъ; хочешь со мною?

— Нѣтъ.

Помощникъ ушелъ, а Рейнхардъ долго просидѣлъ въ молчаніи; рѣчи и разсужденія помощника оставили въ немъ такое

ощущение, какъ будто бы онъ только что вернулся изъ утомительнаго путешествія; онъ подняли сильное волнение на мирной глади его утренняго пробужденія. Рейнхардъ былъ угрюмъ и раздраженъ; онъ легъ опять на постель и впалъ въ легкую дремоту. Колокольный звонъ разбудилъ его; то былъ первый звонъ къ обѣднѣ. Рейнхардъ сошелъ въ кухню. Бѣрбель, обходящаяся съ нимъ всегда ласково и привѣтливо, была угрюма; она сказала ему, чтобы онъ отправился поскорѣе въ горницу, что она ждетъ уже битыхъ три часа, что во все это время нужно было разводить огонь, чтобы кофе его не простылъ. Рейнхарду надоѣло встрѣчать вездѣ угрюмыя лица за вчерашнюю шутку, и онъ хотѣлъ уже отвѣчать вельщичиво, какъ вдругъ съ галереи послышалась голосъ Лорле:

— Бѣрбель, ступай сюда и посмотри, хорошо ли.

— Ступай сама сюда; тебѣ не дальше ко мнѣ, нежели мнѣ къ тебѣ; ужъ будетъ хорошо, ступай только.

Не отвѣчая ни слова, вышелъ Рейнхардъ изъ кухни, но пошелъ не въ комнату, а осторожно на галерею. Не будучи замѣченъ дѣвушкою, могъ онъ ее осмотрѣть; первый взглядъ на нее поразилъ его. Выраженіе лица ея было полно невозмутченнаго мира; нѣжное, тихое спокойствіе округляло очеркъ полныхъ, свѣжихъ щекъ; ни малѣйшая страсть, ни какое страданіе, ни чувство раскаянія не искажали еще этихъ чертъ; свѣжій, граціозный ротъ не могъ произнести злаго, нехорошаго слова; почти одинакій нѣжный румянецъ покрывалъ щеки, часть лба и подбородка; въ эту минуту, когда съ опущенными глазами молодая дѣвушка медленно, осторожно глядела манишку, лицо ея походило на лицо спящаго ребенка; она собрала манишку, подняла большіе голубые глаза, граціозно раскрыла ротикъ; Рейнхардъ невольно ступилъ шагъ впередъ.

— Доброе утро, или доброй день, сказала ему Лорле, кивнувъ головою.

— Благодарю; вы больше не сердитесь?

— Я и не сердилась; за что мнѣ сердиться? Какъ вы спали?

— Такъ—такъ.

— Отчего? Не снилось ли вамъ что? То, что приснится въ первую ночь на чужой постель, непременно сбудется.

— Мой сонъ не сбудется.

— Что такъ? Нѣчто нельзя сказать, что вамъ приснилось?

— Можно, особенно вамъ; вы приснились мнѣ.

— Ахъ, это не можетъ быть. Не насмѣхайтесь надо мною;

мнѣ было досадно, когда вы называли меня вчера малюткой; но лучше зовите такъ, только не дурачите.

— Зачѣмъ вы принимаете правду за насмѣшку? Вы приснились мнѣ.... Не хмурьтесь, во снѣ моемъ нѣтъ ничего худаго, онъ только безтолковъ. Мнѣ снилось, что я сижу съ вами на бернской каріолкѣ; вашъ бурый былъ впряженъ; на шеѣ у него былъ огромный колоколъ; быкъ, вскинувъ гриву, пересѣкалъ бурый воздухъ; не слышно было шума колесъ, а мы летѣли все далѣе и далѣе. Я хотѣлъ удержать бураго, но онъ чуть не оторвалъ мнѣ рукъ, а вы сидѣли возлѣ меня безъ малѣйшей боязни; мы все мчались далѣе, какъ вдругъ каріолка тихонько опрокинулась, и мы очутились на землѣ; въ это самое время разбудилъ меня товарищъ.

— Это чудный сонъ. Цѣлыя четыре недѣли я нигде не поѣду съ вами. Что бинъ я хотѣла сказать? Вашъ товарищъ мудреный человѣкъ; отецъ говоритъ, что онъ гордъ и высокомеренъ, а мнѣ кажется, что онъ скорѣе стыдливъ и не знаетъ обращенія.

— Вы не сердитесь на него, что онъ вспугнулъ васъ сегодня утромъ?

— Нимало; вы ужъ были одѣты?

— Не совѣмъ; вы правы, мой товарищъ не только не гордъ, но напротивъ робокъ и стыдливъ.

— Да, мнѣ такъ показалось; и именно потому, что онъ робокъ и стыдливъ, онъ наступаетъ на людей, какъ будто бы хочетъ заговорить ихъ до упаду. Это то же, что какъ я была у Врѣни, на мельницѣ,—вы знаете, что она сговорена съ нашимъ Стефаномъ? Свадьба будетъ осенью; онъ возьметъ на себя мельницу; вы будете на свадьбѣ?

— Можетъ быть, но вы хотѣли мнѣ что то рассказать?

— Правда; спасибо, что вы остановили меня, а не то я заболталась бы такъ, что и сама бы запуталась. Вотъ знаете, какъ я была на мельницѣ, такъ засидѣлась до-ночи; они хотѣли проводить меня, но я не допустила, хотя была бы радашенька. Вотъ, знаете, я пошла одна; въ дѣсу мнѣ стало такъ боязно, такъ боязно, что я принялась повистывать, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ—но съ какой стати я вамъ это рассказываю? сказала Лорле, сжавъ губы и прищуривъ глаза.

— Мы говорили о моемъ товарищѣ, и—

— Да, да; онъ тоже такъ много болтаетъ изъ робости; не такъ ли?

— Совершенно справедливо. Будьте же ласковы съ нимъ, онъ предобрѣйшій человѣкъ, и вы осчастливите его.

— Чтò могу, то сдѣлаю. Онъ не женатъ?

— Онъ къ вашимъ услугамъ, если нравится....

— Скажите это еще разъ, перебила Лорле, поднявъ утюгъ, и я обожгу вамъ бороду. Ахъ да, кстати! не брейте бороды, она вамъ къ лицу.

— Она вамъ нравится.

— Чтò нравится? Чтò тамъ нравится? произнесъ звучный женскій голосъ.

То была Бѣрбель.

— Мой товарищъ приглянулся Лорле, сказалъ Рейнхардъ.

— Не вѣрь ему, онъ насмѣшникъ, вскричала дѣвушка, а Бѣрбель возразила:

— Херъ Рейнхардъ, ступайте въ горницу и пейте вашъ кофе; мнѣ надоѣло подогрѣвать его.

— Вы приготовили манишку, чтобы идти въ церковь? спросилъ Рейнхардъ Лорле, и подучилъ въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, это манишка Бѣрбели; она пойдетъ въ церковь, я останусь дома; а вы пойдете?

— Пойду, отвѣчала Рейнхардъ, и вошелъ въ комнату.

Онъ вовсе не имѣлъ намѣренія идти въ церковь, но теперь долженъ былъ и хотѣлъ идти; долженъ—потому-что общалъ, хотѣлъ—потому-что Лорле оставалась одна дома.

Пока Рейнхардъ разсуждалъ такимъ образомъ въ горницѣ, Лорле говорила Бѣрбели:

— Подумай, онъ видѣлъ меня во снѣ.

— Кто, онъ?

— Ну, разумѣется, херъ Рейнхардъ.

Лорле съ намѣреніемъ прибавляла къ имени живописца «херъ», даже въ отсутствіе его.

— Не слушай рыжей бороды, возразила Бѣрбель.

— Борода его совсѣмъ не рыжая, сердито сказала Лорле; она темнорусая, и херъ Рейнхардъ такой же привѣтливый и простодушный, какъ и прежде; ты сама всегда хвалила его, и теперь напрасно бранишься. Обхожденіе его такъ же просто и сердечно....

— А я тебѣ говорю одно: берегись его, ты ужъ не ребенокъ.

— Разумѣется, не ребенокъ! Я сама знаю, я....

— Полно тебѣ мять мою манишку! Подавай-ка ее сюда, сказала Бѣрбель, и ушла.

Нарядившись въ воскресное платье, отправился Рейнхардъ съ Стефаномъ и Мартыномъ въ церковь.

Дорогою спросилъ Мартынь:

— Чтò вы скажете про нашу Лорле? Вотъ дѣвушка! Неправда ли?

— Да, возразилъ Рейнхардъ: Лорле точно золотистая канарейка между сѣрыми воробьями.

— Разбойникъ! А правду говоритъ, сказалъ Мартынь Стефану смѣясь.

Рейнхардъ сѣлъ у органа, возлѣ школьнаго учителя; полные, густые звуки органа производили на него чудное дѣйствіе: точно живительная струя пробѣгали они по всему существу его.

Внизу стояла Бѣрбель на колѣняхъ; умильно сжимала она свои руки и молилась за Лорле; она не могла избавиться отъ мысли, что молодой дѣвушкѣ угрожала опасность, и она молилась усерднѣе и усерднѣе; наконецъ она встала, перекрестилась, и этимъ знаменіемъ какъ бы стерла съ лица послѣдніе слѣды горести....

Звуки органа пробудили Рейнхарда, и со всѣмъ приходомъ, онъ вышелъ изъ церкви. Недалекѣ отъ церковныхъ дверей, ждала его Бѣрбель; крѣпко прижавъ молитвенникъ къ груди, сказала она Рейнхарду:

— Господь съ вами и съ нами!

Онъ поблагодарилъ ее съ изумленіемъ, но не понималъ, что только теперь она привѣтствовала его искренно, безъ смутныхъ опасеній.

Вознамѣрившись пройтись еще разъ по селу, Рейнхардъ встрѣтилъ помощника, у котораго на фуражкѣ торчала бабочка, проткнутая булавкой.

— Чтò это у тебя? спросилъ Рейнхардъ.

— Это рѣдкій экземпляръ изъ рода *papilio Machaon*; не много труда стоило мнѣ поймать эту бабочку, но я долженъ былъ поймать ее, потому-что въ коллекціи нашего обер-библіотекаря ее нѣтъ; ихъ было двѣ, онѣ слетались и разлетались; счастливыя существа бабочки! Я хотѣлъ поймать обѣ ихъ или вовсе не разлучать ихъ, но другая улетѣла; смотри, на чтò я похожъ; въ ту самую минуту, какъ я готовился схватить вторую бабочку, я погрязъ въ болотѣ.

— А булавку гдѣ досталъ?

— О, я всегда ношу ихъ съ собою; смотри, вотъ мой арсе-

налъ,—и онъ распахнулъ сюртукъ; на подкладкѣ была сложена изъ воткнутыхъ въ нее булавокъ буква Р.

— Ахъ, кстати, чтобы не забыть, продолжалъ онъ, я нашелъ слово.

— Какое слово?

— Прилагательное для дѣвушки: *нѣжно!* Это слово имѣетъ то преимущество, что оно возвратно и дѣйствительно,—она полна нѣги, и влагаетъ каждому въ душу нѣгу.... Стой! еще одно слово: *дѣвственно!* Въ этомъ словѣ заключается все: чистота, непорочность, красота, свѣжесть, молодость.... Именно, дѣвственно.

Промолчавъ мгновеніе, Рейнхардъ спросилъ:

— Ты все время былъ въ лѣсу?

— Разумѣется! О, какое непонятное ощущеніе! Я вдыхалъ всюю грудью нектаръ лѣснаго уединенія. Прежде, когда я вступалъ въ лѣсъ, мнѣ всегда казалось, будто бы онъ замыкаетъ отъ меня свою тайну, отъ меня, недостойнаго шествовать подъ сводами природной колоннады и внимать тихимъ хорамъ вѣчной природы; мнѣ всегда казалось, что только съ послѣднимъ шагомъ моимъ изъ лѣсу, въ немъ начинался сладостный, таинственный шелестъ, раздавался невыразимо чудныя мелодіи.... Но сегодня я побѣдилъ, покоришь лѣсъ. Черезъ кустарники и скалы я достигъ до источника ручья, пробивающагося между двумя базальтовыми камнями и немедленно впадающаго въ круглый бассейнъ, какъ бы нарочно приготовленный для него. Я увѣренъ, что ты не былъ еще тамъ, иначе ты написалъ бы этотъ видъ; это должна быть твоя первая картина. Томно, уныло висятъ внизъ вѣтви деревь, какъ бы тѣхась закрыть святилище, чтобы глазъ смертнаго не могъ зрѣть его.... Каждый листокъ полонъ покоя, мира; изъ каждой щели пробиваются красныя и бѣлыя цвѣтки; они лловиты, но очаровательно прекрасны!.... Я пролежалъ тамъ цѣлый часъ, и прожилъ безконечныя вѣка. Это мѣсто создано для того, чтобы погружать въ размышленія о вѣчномъ, безконечномъ. Пчелы, ободренные постоянствомъ сегодняшней погоды, отделились отъ дому, и залетѣвъ туда, жужжали надо мною. Я взобрался высоко, на горныя вершины, значительно высѣящаяся надъ церковными шпильями; я стоялъ на границахъ міра и безконечнаго духа; тамъ я ощутилъ болѣе, нежели когда-либо, что не могу умереть, что буду вѣчно жить.... Я обьездъ землю, которая покроетъ меня, и духъ мой парилъ высоко надъ міраиц. Пускай земная жизнь моя промелькнетъ

безъ радостей, пускай тѣло мое погрузится въ яму безъ звука сочувствія, я буду вѣчно жить!...

Рейнхардъ сѣлъ на край дороги, подъ яблонею, и заставилъ друга сѣсть возлѣ себя.

— Говори, говори, сказалъ онъ тихимъ голосомъ.

Другъ горестно взглянулъ на него, потомъ опустилъ глаза и продолжалъ:

— Я пролежалъ долгое время въ сладостно-грустномъ восторгѣ; я смотрѣлъ на непрерывно текущій источникъ. Съ какою эфирною ясностью вытекаетъ онъ изъ подземнаго мрака; чистый и свѣтлый вытекаетъ онъ внизъ черезъ ущеліе, но вдругъ, не достигнувъ еще спокойнаго ложа въ долину, встрѣчаетъ препятствіе.... но какое ему дѣло до него? Слѣло перепрыгиваетъ онъ черезъ мельничное колесо, и спѣшитъ къ цвѣтамъ на берегу.... Но въ городѣ его замыкаютъ плотинами, тамъ онъ долженъ красить, дубить и портиться.... онъ самъ не узнаетъ себя. Скромный источникъ, пробивающійся изъ скалы! стремись впередъ и впередъ, къ неограниченному, непобѣжденному морю, тамъ новая, тамъ вѣчная ясность и безконечная жизнь, миръ и движеніе, сосредоточенное въ самомъ себѣ.... Только теперь, братъ, когда ощущенія мои являются мнѣ въ прошедшемъ, я могу дать себѣ въ нихъ отчетъ, желаю выразить ихъ мелодическими словами; я бы хотѣлъ излить ихъ въ звучныхъ стихахъ.... Къ чему это желаніе, безпокойное стремленіе? Ты почти правъ: къ чему послѣдствіе, результатъ? Я жилъ, чего мнѣ болѣе?...

— Мнѣ давно уже знакомо твое лѣсное пребываніе, сказалъ Рейнхардъ на возвратномъ пути: я самъ часто мечталъ тамъ, но за кисть не могъ взяться; иное было бы дѣло, еслибъ я могъ изобразить ею мои мысли. Я оставилъ видопись; не смотря на то, каждый разъ, когда я прихожу сюда, мнѣ кажется, что здѣсь меня ждетъ еще что-то, особенно теперь; можетъ-быть, это дѣйствіе твоего лѣснаго убѣжища, а можетъ-быть и нѣтъ.

— А ты гдѣ былъ во время моей лѣсной прогулки?

— Я былъ въ церкви; и тебѣ бы слѣдовало быть тамъ.

— Да, да, ты правъ; мнѣ жаль, что я не подумалъ объ этомъ; я пойду послѣ обѣда.

Въ гостиницѣ произошла большая перемѣна.

Когда помощникъ сошелъ внизъ, перемѣнивъ обувь, Лорде ласково вышла къ нему навстрѣчу:

— Херъ *библианекарь*, вы хорошо дѣлаете, что не заставляете ждать себя. Но гдѣ вы были?

— Въ лѣсу; но не зовите меня *библианекаремъ*; меня зовутъ Адальбертомъ Рейнмейеромъ.

— Это имя гораздо красивѣе. Расскажите же мнѣ что нибудь, херъ Рейнмейеръ.

— Я не мастеръ рассказывать.

— Увидимъ послѣ обѣда. Вѣдь вы пойдете съ нами на мельницу? Я слышала, что вы очень хорошо поете.

— Я готовъ идти, куда вы прикажете, особенно съ вами; я и въ лѣсу думалъ о васъ.

— Не насмѣхайтесь надо мною, я этого не заслужила; да и такому барину, какъ вы, это неприлично. Надо быть вѣжливымъ и привѣтливымъ, а прочее все вздоръ. Но надѣньте вашъ воскресный сюртукъ. Неужели у васъ нѣтъ другаго?

— Нѣсколько есть, но не здѣсь.

— Нечто вы не знали, что пробудете съ нами воскресеньемъ? Ну, да не бѣда. Я пришла къ вамъ Мартына, чтобы онъ маленько почистилъ васъ.

Радостно взбѣжалъ помощникъ къ себѣ на верхъ, и досталъ изъ своего ранца собраніе народныхъ пѣсней, которое онъ взялъ съ собою для измѣненій и дополненій съ природы; радостно взбрисилъ онъ книгу до потолка и поймалъ ее.

— Здѣсь, вскричалъ онъ, лаская книгу, точно живое существо: здѣсь вы дома, а не въ пыльной библиотекѣ; сегодня вы опять оживете.

За обѣдомъ хозяева измѣнили прежнему обычаю; Рейнхарду и другу его накрыли столъ особо, за перегородкой. Рейнхардъ сказалъ хозяйну, что хочетъ обѣдать по прежнему, за семейнымъ столомъ. Старикъ покачалъ головой, не возражая ни слова, снялъ свой бѣлый шерстяной копакъ, и держа его въ рукахъ, сложенныхъ на груди, подаль знакъ къ молитвѣ.

— Бѣрбель, перенеси сюда оба прибора; мы не хотимъ ѣсть одни, вскричалъ Рейнхардъ.

Толстоногий скоро надѣлъ копакъ, посмотрѣлъ не поморщась направо и налево, потомъ произнесъ:

— Смирно.

Затѣмъ онъ промолчалъ съ минуту, какъ обыкновенно, когда произносилъ это слово, служившее какъ бы повелѣніемъ не мѣшать ему говорить; наконецъ онъ прибавилъ:

— Приборы останутся тамъ; здѣсь нѣтъ мѣста двоимъ.

Онъ поднялъ руку и черкнулъ ею въ воздухъ, что значило: конечно, не противорѣчить.

Друзья сѣли за перегородку; Лорле прислуживала имъ.

— Нечто Бѣрбель не можетъ служить? спросилъ Рейнхардъ, а помощникъ прибавилъ:

— Вамъ не слѣдуетъ прислуживать намъ.

— Ахъ ты Господи! возразила Лорле: какую вы исторію выводите изъ прислуживанія! Я рада угодить вамъ, и когда вы женитесь, херъ Рейнмейеръ, я сама приду къ вамъ въ гости; если вы угостите меня тарелкой теплаго супца, такъ и мнѣ прислужить ваша добрая жена.

— А почему вы знаете, что я хотѣлъ бы жениться?

— Это у васъ на лбу написано; я думаю, что ваша жена будетъ очень счастлива.

— Почему вы это думаете?

— Потому что вы такъ чистенько сложили сегодня утромъ ваше полотенцо.

Всѣ захохотали. Отецъ за перегородкою сказалъ:

— Такая, право, лукавая дѣвчонка! Она въ цѣлый годъ не наговорила столько, какъ со вчерашняго дня.

— Да, сказала мать, съ особеннымъ удовольствіемъ проглотивъ ложку супа и стуча по ложкѣ мужа: ты еще увидишь, что это за дѣвчонка; она разумна, какъ свѣтлый Божій день.

— Это она въ тебя пошла и въ нашу коренную, въ Бѣрбель, возразилъ Толстоногий, въ свою очередь ударивъ по ложкѣ жены и размѣявшись.

Друзья весело бесѣдовали съ Лорле, которая безпрестанно слѣдила за всѣмъ, заботилась обо всемъ, но, по странной привычкѣ, бралась за все лѣвой рукою. Помощникъ уже нѣсколько разъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ; наконецъ Лорле сказала:

— Не правда ли, вамъ въ диво, что я такая лѣвша? Я уже сама хотѣла отвыкнуть отъ того, но все забываю.

Рейнхардъ возразилъ поспѣшно:

— Это не бѣда!... Потомъ, позизивъ голосъ, чтобы не слышно было за перегородкой, онъ прибавилъ: Все, что вы дѣлаете, прекрасно. Кто можетъ доказать, что правая рука искуснѣе лѣвой? Ваша лѣвая проворнѣе иной правой, и она *миль* нравится.

При этихъ словахъ Лорле выпрямилась; особенное величіе выражалось во взглядѣ ея.

— Есть музыканты въ селѣ? спросилъ помощникъ.

— Есть цѣлая компанія.

— Они должны сыграть намъ сегодня нѣсколько танцовъ; я охотно потрачусь на это удовольствіе.

— Нельзя; староста сегодня уѣхалъ, а отъ управленія стройайше запрещено музыкантамъ играть безъ полицейскаго разрѣшенія; нечто вы не читали приказъ? Онъ виситъ въ верхней горницѣ.

— Неужели есть инструкція?

— Этого у насъ нѣтъ, возразила Лорле, но на верху стоятъ клавиорды, на нихъ....

Друзья разразилась такимъ громкимъ смѣхомъ, что едва могли усидѣть на мѣстахъ. Рейнхардъ первый удержался, потому-что замѣтилъ, какъ спокойное лицо дѣвушки внезапно отуманилось, рѣсницы на вѣкахъ задрожали и грустно-вопросительная улыбка выступила на губахъ. Удерживая дыханіе стояла Лорле, такъ крѣпко затаивъ тесемку передника вокругъ пальца, что послѣдній налился кровью; эта тѣлесная боль на мгновеніе заглушила нравственную, душевную. Съ неудовольствіемъ приказалъ Рейнхардъ другу прекратить наконецъ «глупый смѣхъ!» Сколько ни извинялся помощникъ, сколько ни старался объяснить Лорле ошибку ея, она поспѣшно убрала со стола, и осталась печальною, разстроенною; столько же разстроенною, какъ клавиорды, за которыя помощникъ сѣлъ послѣ обѣда.

Звуки, извлекаемые изъ нихъ, образовывали дикую гармонію; почти ни одна струна не имѣла настоящаго звука; Богъ вѣсть, сколько рукъ уже барабанили по этимъ клавишамъ!

— Да, размышлялъ помощникъ: когда существо доведено до разстроеннаго состоянія, тогда всякій, по злобѣ или ради шутки, считаетъ долгомъ добивать его, чтобы совершенно разстроить.... Потому его бросаютъ въ уголь, забываютъ и— поминай какъ звали!

Рейнмейеръ видѣлъ въ этомъ только образъ собственной своей жизни, онъ думалъ только о себѣ.

Утомленный утренней прогулкой и различными ощущеніями, помощникъ проспалъ послѣ обѣденную церковную службу. Ему спились впечатлѣнія, произведенныя на него лѣснымъ прибіжищемъ.

Вернувшись изъ церкви, Лорле поспѣшно отправилась съ братомъ на мельницу. Она знала, что отца трудно скоро сдвинуть съ мѣста; онъ обѣщался прийти за ними съ матерью. Лорле мечтала цѣлое утро, и не безъ маленькаго тщеславія, о томъ, какъ она пройдетъ по деревнѣ съ городскими господами. Но теперь всѣ мечты ея разлетѣлись.

Два часа спустя и послѣ долгихъ сборовъ, супруг и отправились съ гостями. Помощникъ опять повеселѣлъ и рагулялся.

— Часы ваши идутъ не вѣрно, замѣтилъ онъ хозяину: я поставилъ свои по меридіану на библиотекѣ. Вы могли бы устроить себѣ здѣсь солнечныя часы, хоть бы на поной церкви, которая теперь строится; а прогоръ, зачѣмъ вы строите новую церковь не на томъ же холмѣ, гдѣ стоитъ старая? Не долженъ ли человекъ возвышаться, или въ церковь?

— Религія и церковь не должны отдѣляться отъ жизни, а сливаться съ нею.

— Правда и то.... Ахъ! вотъ еще преждевременно цвѣтущая гензіана cruciata, вскричалъ помощникъ и перескочилъ черезъ придорожный ровъ къ цвѣтку.

Толстоногий улыбаясь посмотрѣлъ ему вслѣдъ, и сказалъ Рейнхарду:

— Странный человекъ! Не казалось ли, что онъ насильно хотѣлъ опять поставить церковь на гору, а теперь, когда я ему объяснилъ дѣло, онъ же мнѣ подкакиваетъ; у него въ головѣ какись то же, что у сосѣдняго управляющаго на спинѣ, а именно такой халатъ, который можно надѣвать на обѣ стороны. А ужасно должно быть ученъ! Какимъ наукамъ онъ учился?

— Онъ готовился сперва къ духовному званію, потомъ изучалъ языки, а теперь приставленъ къ книжнымъ шкафамъ, изъ которыхъ понабрался всего по немножку. Въ цѣломъ у него свои твердыя, непоколебимыя мнѣнія; притомъ же онъ честнѣйшая душа, я готовъ въ томъ поручиться.

— Вѣрю, вѣрю.

Помощникъ вернулся. На каждомъ шагу онъ не могъ воздержаться обращать вниманіе Рейнхарда на красоты окружавшей ихъ природы; тутъ группа деревьевъ, тамъ просѣка, узловатый сукъ; все восхищало его.

— Смотри, вскричалъ онъ, какъ солнечный свѣтъ пробивается черезъ листья и скользитъ струйками по сучьямъ!

— Оставь, пожалуйста, свои вѣчныя объясненія! вскричалъ Рейнхардъ нетерпѣливо.

Помощникъ замолчалъ, досталъ себѣ еще цвѣтокъ и сталъ анатомировать его перочиннымъ ножикомъ.

— Вы напрасно кричите на него, сказалъ Толстоногий: онъ счастливый человекъ; тамъ, гдѣ для другаго ничего нѣтъ, онъ находитъ тысячу радостей: въ солнцѣ, въ цвѣткѣ, въ букашкѣ, во всемъ.

Наконецъ они увидѣли мельницу. По дугу прогуливались рука объ руку двѣ дѣвушки и пѣли.

— Лорле! вскричала мать, и эхо повторило зовъ ея.

Врѣни остановилась, а Лорле побѣжала навстрѣчу приближавшимся. Уперевъ руки въ бока и растопыривъ ноги стояла Толстоногій; онъ только кивнулъ головою, но во всемъ существѣ его проявилась отеческая гордость. Онъ, казалось, говорилъ окружающимъ:

— Найдите мнѣ еще такую красавицу!

Рейнхарда радушно привѣтствовали на мельницѣ, также и друга его, ибо тамъ, гдѣ всѣ живутъ за одно, такъ сказать, и друзья друзей принадлежатъ къ общей семьѣ. Вокругъ стола, подъ орѣшникомъ, усѣлось общество; старшій мельникъ показалъ Рейнхарду, какъ имя его, нѣсколько лѣтъ тому вѣзанное въ корѣ, выросло вмѣстѣ съ деревомъ.

Помощникъ не спускалъ глазъ со старика, для лица котораго онъ въ послѣдствіи придумалъ особенное выраженіе, назвавъ его «перестрадавшимъ лицомъ»; то было одно изъ тѣхъ благородныхъ, продолговатыхъ лицъ, со впалыми щеками, съ выпуклыми черепомъ и скулами, большими голубыми глазами, исполненными покорности и тоски; одно изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ написана исторія долгихъ страданій....

— Да, сказалъ старикъ, грозя Рейнхарду пальцомъ: говорятъ, что онъ, лукавый, намалевалъ меня на какой-то особой картинѣ. Нечто это честно?

— Велика бѣда! вскричалъ Толстоногій смѣясь: пускай онъ малюетъ меня сколько хочетъ! Меня отъ того не убудеть.

— По рукамъ! быть по сему, вскричалъ Рейнхардъ, протянувъ руку; видя, что хозяинъ Лины не даетъ ему руки, онъ прибавилъ смѣясь: Я только пошутилъ; я нигдѣ не найду такихъ толстыхъ красокъ.

Во время общаго смѣха, мельникъ спросилъ:

— Говорите откровенно, что вы изъ меня сдѣлали?

— Ничего дурнаго. Однажды вечеромъ, въ то самое время, когда я срисовывалъ мельницу, я возвращался домой; солнце было на закатѣ; вдругъ вы открыли окно, выглянули, сняли колпакъ, и, держа его въ рукахъ, стали любоваться лицомъ заходящаго солнца.... Этотъ поступокъ произвелъ на меня глубокое, впечатлѣніе, и я срисовалъ васъ; только на картинѣ я представилъ васъ у двери, а не у окна.

— Ну, въ этомъ нѣтъ худаго, это еще доброе изображеніе, сказала хозяйка.

Мирно текло время въ дружеской бесѣдѣ; Рейнхардъ сообщил обществу по секрету, что онъ намѣренъ написать для новой церкви запрестольный образъ. Толстоногій предложилъ ему даромъ у себя харчи во все то время, пока онъ будетъ писать этотъ образъ; мельникъ то же хотѣлъ услужить ему за это чѣмъ-нибудь, но не зналъ чѣмъ.

Нѣсколько минутъ господствовало молчаніе въ мирномъ кругу. Никто не зналъ о чемъ говорить послѣ бесѣды о такихъ благихъ и святыхъ дѣлахъ. Помощникъ направилъ разговоръ на другіе предметы. Дѣвушки поставили на столъ закуску, стаканы были наполнены, но никто не прикасаясь къ нимъ, потому что мысли всѣхъ были въ церкви. Лорле всячески уклонялась отъ помощника. Онъ обратился къ Врѣни:

— Нѣтъ ли какихъ преданій о мельничномъ ручьѣ? Не купаются ли въ немъ русалки, сирены?

— Нѣтъ, никто не купается, возразила Врѣни: тамъ слишкомъ мелко.

Рейнхардъ улыбнулся; помощникъ обратился къ старику:

— Неужели нѣтъ никакихъ сказаній о ручьѣ?

— Ахъ что! Это ребячьи сказки, не про васъ, ученыхъ господъ.

— Сдѣлайте одолженіе, расскажите; вы окажете мнѣ большую услугу.

— Мало ли что рассказываютъ, о водяной вѣдьмѣ и другихъ разныхъ исторійхъ.

Никто не замѣтилъ, какъ пролетѣло время въ разныхъ разговорахъ. Дѣвушки всячески подшучивали надъ помощникомъ; онъ сочли его суетливымъ, и рассказывали ему разныя исторіи о привидѣніяхъ; особенно Лорле радовалась, что могла отплатить ему за его ученое высокомеріе, и старалась такъ настраивать его, чтобы онъ не могъ закрыть глазъ во всю ночь; она притворялась, будто-бы всему вѣритъ, чтобы тѣмъ болѣе наугать его. Помощникъ былъ внѣ себя отъ восторга; съ жадностію слушалъ онъ страшныя исторіи, восхищался наивнымъ вѣрованіямъ сельскихъ дѣвушекъ и не замѣчалъ, что онъ надъ нимъ подшучивали.

На возвратномъ пути Толстоногій сказалъ мудрое слово Рейнхарду:

— Товарищъ вашъ ученъ, а между-тѣмъ просто и прямоушень, какъ ребенокъ.

Стефанъ остался на мельницѣ, Лорле шла возлѣ матери, помощникъ провожалъ ихъ и сказалъ доргою:

— Смотри на васъ, я вижу прошедшее и будущее; вы, хозляшка, были въ свое время такъ-же милостивы, какъ Лорле; она, въ свое время, будетъ такая же свѣжая, красивая старушка, какъ вы.

Хозяйка улыбнулась; однако-жъ ей было неловко слышать прямой отзывъ о себѣ. Простые люди охотно толкуютъ о себѣ, но имъ не-любо, когда другіе описываютъ или хулятъ ихъ.

Нашъ ученый пріятель продолжалъ:

— Скажите мнѣ, отчего въ деревнѣ такъ рѣдко встрѣчаются красивые старики и, особенно, красивые старушки?

— Это очень просто; многія изъ насъ не могутъ держать работницъ, а потому женщина на четвертый или на пятый день послѣ родинъ должна уже стирать бѣлье или работать на полѣ.

— Отчего вы не найдете особыхъ женщинъ для хождения за родильницами?

— Какимъ образомъ?

Помощникъ сталъ объяснять о возможности держать такихъ женщинъ; хозяйка часто противорѣчила; она преимущественно настаивала на томъ, что многія женщины, у которыхъ хозяйство не въ порядкѣ, не захотятъ, чтобы чужія заглянули въ него; но наконецъ она согласилась съ нимъ и сказала:

— Чтò ни говори, а вы славный человекъ.

Лорле спросила:

— И дѣвушки могутъ принимать на себя эту обязанность?

— Разумѣется; каждая изъ такихъ женщинъ обязывается ухаживать за каждой родильницей двѣ недѣли, по-крайней-мѣрѣ.

Въ сумерки общество вернулось. Рейнхардъ присоединился къ толпѣ молодыхъ парней, съ пѣснями гулявшихъ по селу. Наступила уже ночь, когда онъ вернулся, скоро вѣбжалъ наверхъ и опять внизъ. Помощникъ сидѣлъ въ своей каморкѣ, на чердакѣ и записывалъ рассказанныя ему преданія; услышавъ же на улицѣ звуки лютни, онъ сошелъ внизъ.

Подъ липой сидѣлъ Рейнхардъ съ лютней и окруженный толпой крестьянъ. Онъ игралъ нѣжные аккорды; пріятный инструментъ чудно повиновался ему, и звуки, то заливаясь, то трепеща, то гремя, какъ бы выражали всѣ движения души. Слушатели были молчаливы и внимательны; игра живописца нравилась имъ несказано; не смотря на то, они не хотѣли, чтобы онъ ограничился одной игрой. Мартышъ взялся выразить общее желаніе:

— Вѣдь вы умѣете пѣть, затяните-ка веселую.

— Да, да, подтвердили всѣ присутствующіе: спойте, спойте.

Рейнхардъ спѣлъ нѣсколько коротенькихъ пѣсенокъ, которые слышались во время своихъ художническихъ странствій; звучно разносился голосъ его въ ночной тишинѣ, а переливы, точно ракеты, возносились къ звѣздному небу, выше, выше, и наконецъ исчезали.

Лорле, намѣревавшаяся уже лечь спать, подошла къ окну, и долго слушала. Произнося слова губами, но не повѣряя ихъ воздуху, сказала она:

— Право, славный человекъ! Другаго такого на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ.

Потомъ Рейнхардъ запѣлъ пѣсню:

und wann's emol schön Abend wird,
und auf der Alm schön grün,
Die Adde mit de Geisle führt,
Die Sendrin mit de Röchns;
Die Wälder werden grün von Laub,
Die Wiesen grün von Gras,
Und wenn i an mein' Sendrin denk,
No g'freut mi halt der G'spaß.

Помощникъ то же зналъ эту пѣсню, и басомъ вторилъ товарищу; при слѣдующихъ стихахъ Лорле закрыла окошечко и молча легла въ постель. Къ концу весьма наивнаго свиданія, описаннаго въ пѣснѣ, почти всѣ парни подтянули хоромъ, а одиннадцатый и двѣнадцатый стихъ всѣ повторили съ громкимъ смѣхомъ:

Der Due der seif, heut kann's nit sein,
Heut hab i goar koan Freund,
Wann i das nächstmal wieder kumm,
Heut hab i goar koan Schneid,
Er thut en frische Zucker drauf,
Das haltt im ganzen Wald;
Die Sendrin hat ihm nachigweint,
So lang sie hört den Schall.

— Эту пѣсню сложила коровница! вскричалъ помощникъ въ полномъ восторгѣ.

— Своему возлюбленному на сонъ грядущій; спокойной ночи, сказалъ Рейнхардъ, и ушелъ въ домъ.

Возвращаясь домой, парни не переставали пѣть новую пѣсню, и громко смѣялись.

— Сколько наслаждений въ одинъ день! сказалъ помощникъ своему другу въ комнатѣ. Какъ прекрасна музыка ночью! Свѣтъ соперникъ тѣни, онъ не любитъ его; темная же ночь тѣню ублаживаетъ мелодическіе звуки на своихъ мягкихъ рукахъ. Ты умѣешь жить съ народомъ; слѣдовало бы сообщить ему свѣтъ просвѣщенія въ тѣняхъ; такимъ образомъ концы сошлись бы съ концами; въ тѣни соединились бы первая и послѣдняя степень просвѣщенія.

Такъ какъ Рейнхардъ не отвѣчалъ, то говорившій продолжалъ:

— Ты прекрасно объяснилъ мнѣ сегодня законъ переселенія народовъ, виновать,—переселенія народныхъ тѣсенъ. Исслѣдователи народной поэзіи часто встрѣчаютъ совершенно локальныя тѣсени въ чужихъ странахъ, куда онѣ переселились неизвестно какимъ образомъ. Люди, подобные тебѣ, суть бабочки, переносящія плодотворную пыль съ одного цвѣтка на другой... Мы сегодня все видѣли: дочь мельника, дочь содержателя сельской гостиницы, живописца и музыканта,—недоставало только охотника, и романтизмъ нашъ былъ бы въ полномъ комплектѣ!

— Оставь свой романтизмъ, ты и безъ того уже споткнулся на немъ сегодня.

— Напиши наше сегодняшнее собраніе подъ орѣшичкомъ.

— Не ты ли обѣщала не указывать мнѣ сюжетовъ?

— Виновать; доброй ночи.

Рейнхардъ долго еще устроивалъ свою мастерскую; у него было что-то на умѣ; на другой же день онъ хотѣлъ приняться за работу.

СЪ ГОРКИ НА ГОРКУ.

Дописавъ на слѣдующее утро прерваннаго наканунѣ преданія, помощникъ пошелъ къ другу, и засталъ его передъ почти конченными эскизомъ, изображавшимъ Тирольца, тѣшняго тѣсени передъ верхнешвабскими парнями и дѣвухами.

— Вотъ мой законъ въ лицахъ, замѣтилъ помощникъ: картина твоя имѣетъ глубокое направление, тенденцію.

— Отстань отъ меня со своими тенденціями, возразилъ живописецъ. Я бы хотѣлъ создать что-либо такое, изъ чего ваша

братья не выжала бы никакой тенденціи, а между тѣмъ должна бы была согласиться, что произведеніе мое прекрасно.

— Ты правъ; символическое и типическое, заключающееся въ каждомъ художественномъ произведеніи, должно быть *самоприродно*...

— Самоприродно? Красивое слово.

— Смѣйся сколько хочешь, а я говорю правду: въ каждомъ художественномъ произведеніи есть символъ и типъ; положеніе, событіе — само по себѣ; имъ не нужна вышняя опора идеи, онѣ самостоятельны; и вслѣдствіе болѣе глубокаго созерцанія, въ нихъ должна проявиться скрытая идея, душа произведенія. Не мукѣ, подсыпаемая въ снятое молоко, а сливки, снимаемая съ цѣльнаго—вотъ тенденція! Это сокъ и сила формы. Картина твоя можетъ быть прекрасна, но спрашивается: можетъ ли музыка, *punctum saliens*, служить предметомъ живописи? Прочитай *Лаокоона* Лессинга; тамъ съ математическою точностью обозначены границы искусства. Я вижу, что твой Тиролецъ пальцами касается лютни, что ротъ его открытъ, что слѣдовательно онъ поетъ; лицо его весело, слѣдовательно, онъ поетъ веселую тѣсеню; за спиной старика молодой парень киваетъ молодой дѣвухѣ, — этимъ ты показалъ, что тѣсени любовная, но можетъ ли....

— Ты, кажется, хотѣлъ сегодня настроить клавикорды, перелбилъ его Рейнхардъ.

— Сейчасъ. Въ клавикордахъ я то же открылъ глубокой символъ: всѣ струны цѣлы, годны еще, но почти всѣ разстроены грубыми, невѣжественными руками, только нѣкоторыя, немногіе тоны, еще вѣрны, чисты. Я долженъ идти къ школьному учителю за камертономъ—опять символъ! До свиданія.

— Кланяйся отъ меня учителю, отвѣчалъ Рейнхардъ, и нѣсколько мгновений смотрѣлъ на дверь, за которою исчезъ упорный нарушитель его покоя. Обратившись опять къ мольберту, онъ задумался; онъ принялся за работу бодро и съ увѣренностью, а теперь рѣунылъ; ему тоже казалось теперь, что музыка не предметъ для живописи... Онъ вспомнилъ, что обѣщала новую картину для церкви, и пошелъ къ новому строенію, чтобы осмотрѣть мѣсто и измѣрить глазами величину; но вырвавшись изъ мастерской, уже не возвращался въ нее, а пошелъ бродить по полю. При видѣ работавшихъ крестьянъ, слѣдующая мысль мелькнула въ его душѣ:

— Какъ счастливы эти люди въ неизмѣнномъ постоянствѣ своихъ работъ! Они не знаютъ ни расположенія, ни тягостныхъ сомнѣній въ истинѣ призванія; работа ихъ тверда и неизмѣнна

как вѣчное творчество природы, которой они служатъ. Еслибъ я былъ земледѣлецъ,—я былъ бы счастливъ.

Онъ задумался. Ему казалось, что въ ясный полдень онъ сидитъ на открытомъ полѣ, на плугѣ; черезъ поле идетъ молодая женщина; въ горшкѣ, обернутомъ платкомъ, несетъ она скромный обѣдъ хлѣбопашца; лицо ея засіяло при видѣ мужа, который, заслонивъ жесткою, загорѣлою рукою глаза, смотрѣлъ на нее издали; она улыбается, и губы ея полураскрылись, какъ бы готовясь къ поцѣлюю....

— Мы съ жадностію ищемъ новыхъ наслажденій, подумалъ Рейнхардъ, со вздохомъ разогнавъ мечты: какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ могъ удовольствоваться этою ограниченою жизнью....

Но — такъ странно созданъ человекъ въ своей двойственной натурѣ — нѣсколько минутъ спустя Рейнхардъ начертилъ въ своемъ альбомѣ картину, вызванную его мечтами. Онъ начертилъ ее только на память, но и это служило уже доказательствомъ, какъ неразрывно было его художническое призваніе съ его матеріальною жизнью.—Черты молодой жены имѣли поразительное сходство съ дѣвушкою, которая была не за горами. Рейнхардъ изо всѣхъ силъ взбѣжалъ на гору, къ лѣсу, какъ бы желая убѣжать отъ самаго себя; онъ долго бродилъ, вдругъ увидѣлъ на скатѣ, на которомъ былъ вырубленъ лѣсъ, мальчика, который, опершись на посохъ, глядѣлъ внизъ, въ долину на своихъ пасшихся коровъ. Рейнхардъ подкрался къ нему тихонько, снялъ съ головы его широкую, черную шляпу и отвѣсилъ ему низкій поклонъ; мальчикъ засмѣялся и кивнулъ въ отвѣтъ на глубокой поклонъ; потомъ обратился къ живописцу свѣжее, веселое личико, обрамленное ярко-рыжими локонами.

— Только-то? бойко спросилъ мальчикъ: подавай—ка шляпу!

— Нѣтъ, я хочу срисовать тебя; стой смирно.

— Дай грошъ.

Рейнхардъ согласился, но мальчикъ не переставалъ шевелиться, требуя грошъ впередъ. Рейнхардъ долженъ былъ исполнить его требованіе. Во время работы онъ узналъ, что мальчикъ служилъ у хозяина Липы, и пасъ зѣбъ его коровъ.

— Кого ты болѣе всѣхъ любишь въ домѣ?

— Вотъ сидитъ въ шляпѣ, отвѣчалъ мальчикъ лукаво; отвѣтъ его значилъ: такъ-вотъ я тебѣ сейчасъ и скажу, держи карманъ!

— Вѣрно Бѣрбель? продолжалъ Рейнхардъ.

— Какъ бы не такъ! Извольте, я скажу вамъ правду; только,

чуртъ, не измѣнять, а не то вы заплатите шестнадцать аршинъ сыворотки штрафу.

— Говори же, кого? спросилъ Рейнхардъ, смѣясь.

— Разумѣется, Лорле. Господи Боже! Еслибъ мнѣ было болѣе тринадцати лѣтъ, такъ я непременно женился бъ на ней! Все мое имѣніе состоитъ изъ пяти гульденовъ жалованья за цѣлое лѣто, пары башмаковъ, подбитыхъ гвоздями, пары штановъ и двухъ рубахъ; но это не бѣда! Для Лорле я бы разбогатѣлъ. Вотъ дѣвушка! Когда на нее ни взглянешь, всегда кажется, что она только-что изъ шкафика, только-что изъ подъ стекла; а какъ она взглянетъ, такъ на душѣ сладко-сладко, и не знаешь, можно ли говорить съ нею или нѣтъ; а глаза у нея такіе, такіе, что смотря на нихъ, можно забыть голодъ; она мало говоритъ, а между тѣмъ кажется, что она барыня надъ цѣлымъ міромъ; а какъ скажетъ словечко — такъ-вотъ и хочется за нее въ огонь, такъ и тлѣть!

Рейнхардъ такимъ разстроеннымъ видомъ взглянулъ на мальчика, что тотъ уперъ кулаки въ бока и спросилъ бойко:

— Чего? чего вы выпучили на меня глаза?

— Ничего, ничего, продолжай.

— Чего продолжай? Если вы хотите дурачить меня, такъ вотъ вамъ вашъ грошъ, а я больше говорить не буду, не буду! вотъ не буду!

Рейнхардъ успокоилъ обидѣвшагося мальчика, подаривъ ему еще грошъ; это произвело на него хорошее дѣйствіе.

Когда Рейнхардъ, кончивъ рисунокъ, удалился, мальчикъ вскрикнулъ такъ громко, что коровы, переставъ жевать, подняли къ нему головы. Мальчикъ присѣлъ и съ безконечнымъ наслажденіемъ сталъ любоваться гербомъ и надписью на обоихъ грошахъ; потомъ досталъ кожаный мѣшечекъ, тщательно спрятанный за пазухой, и въ которомъ уже было полтора крейцера; ухмыляясь опустилъ въ него новыя деньги, и завязывая кошелекъ, сказалъ:

— Вотъ такъ, живите мирно, да наживайте дѣточекъ.

Между-тѣмъ какъ это происходило въ лѣсу, у помощника были свои приключенія въ деревнѣ. Онъ навѣстилъ школьнаго учителя, и нашелъ въ немъ истомленного человека, тяжело жаловавшагося на свое положеніе; званіе его требовало столько свѣжести и энергіи, а между-тѣмъ его давила горькая нужда, такъ что онъ самъ долженъ былъ сознаваться въ своей неспособности исполнять свой долгъ добросовѣстно. Помощникъ оставилъ ему два гульдена, предоставивъ ему употребить ихъ

по своему благоусмотрѣнiю; но онъ требовалъ настоятельно, чтобы учитель не тратилъ ихъ на покупку какой-либо книги.

Напротивъ новой церкви, на отесанныхъ камняхъ, сидѣлъ дряхлый старикъ, попросившiй у помощника милостыню. На вопросъ о его положенiи, старикъ разсказалъ, что его, по настоящему, должна содержать община, что она уже послала ему пищу въ домъ, но что онъ принималъ это пособiе только два раза, потому-что ему тяжело смотрѣть, какъ вокругъ него голодаютъ семь внучатъ, между-тѣмъ какъ онъ самъ наѣдается. Каменщики подтвердили справедливость словъ старика. Помощникъ проводилъ послѣдняго домой, и бѣдность, представившаяся глазамъ его, такъ сильно сдавила грудь, что онъ не могъ перевести духа; онъ отдалъ все, что было съ нимъ, онъ охотно отдалъ бы жизнь, чтобы только помочь бѣднякамъ.

Долго сидѣлъ онъ въ своей каморкѣ; ему было невыразимо грустно; наконецъ онъ пошелъ настраивать клавикорды.

Было уже далеко за полдень, когда Лорле вошла къ нему; она рѣшилась-было вчера дуться на «заришагося въ книгахъ», но не достало духа. Для добраго, кроткаго сердца нѣтъ бремени тягостнѣе памятованiя оказанной несправедливости или обиды. Притомъ же Лорле казалось, что она имѣетъ полное право быть привѣтливой съ ученымъ постольдцомъ.

— Посмотрите, каковъ херъ Рейнхардъ, сказала она: сколько разъ уже приходилось намъ держать для него обѣдъ на столѣ до пятого часа. Правда, онъ не брезгливъ и не разборчивъ, ему все хорошо, но намъ самимъ жаль смотрѣть, какъ вкусное кушанье переваривается или пересыхаетъ; а что станешь дѣлать? Съ огня снять нельзя. Знаете-ли, херъ Рейнмейеръ, я много думала о васъ; вы вчера выдумали такую слабую штуку и говорили такъ толково, что грѣшно оставить ее; вы задумали, вы же должны и въ ходъ пустить.

— Что такое?

— То, что для родильницъ; помните? Ступайте къ пастору, чтобы онъ устроилъ это дѣло.

— Извольте, сейчасъ пойду.

— Да, да, сказала Лорле: теперь послѣ обѣда вы навѣрное застанете пастора; вы же сами пообѣдаете съ большимъ апетитомъ, исполнивъ доброе дѣло.

Помощникъ засталъ пастора, разваливагося въ мягкомъ креслѣ, за чашкой кофе и съ трубкой въ зубахъ. Послѣ первыхъ привѣтствiй и вступленiй, помощникъ объяснилъ свое предложенiе. Пасторъ спокойно опорожнилъ чашку и изложилъ

посѣтителю, что планъ его *неудобоисполнимъ*, на томъ основанiи, что крестьянки сами по себѣ, и безъ особаго побужденiя, помогаютъ одна другой въ подобныхъ обстоятельствахъ. Помощникъ возразилъ, что это нисколько не препятствуетъ организацiи, устройству благотѣльности, и что послѣднее даже необходимо для того, чтобы люди смотрѣли на благотѣльность не какъ на произвольное дѣйствiе, а какъ на взаимный долгъ. Пасторъ всталъ и, сдѣлавъ легкое движенiе рукою, сказалъ:

— Мы не нуждаемся въ филантропическихъ мечтанiяхъ непрощенныхъ гостей.

Блѣдный какъ полотно вернулся помощникъ въ гостиницу къ Рейнхарду и не могъ проглотить ни куска. Когда Лорле спросила его объ успѣхѣ его бесѣды съ пасторомъ, онъ отвѣчалъ заносчиво:

— Я дуракъ! жалъ дрожавшiя губы и не говорилъ болѣе ни слова.

Рейнхардъ показалъ Лорле свой альбомъ, и спросилъ:

— Кто это?

— Ахъ, это Венделинъ; дайте показать Бербели.

— Нѣтъ, я не дамъ изъ-рукъ.

— Отчего? Нечто тамъ нарисовано что-нибудь такое, чего мнѣ нельзя показать?

— Можетъ-быть.

Лорле отняла руку отъ альбома.

Во время прогулки друзей, помощникъ разсказалъ все свое горе; Рейнхардъ выговаривалъ ему за его поступокъ.

— Ты какъ художникъ, возразилъ помощникъ: не можешь долго остановить взора на страданiяхъ и дзвахъ; ты идешь въ природѣ одно прекрасное.

— И буду искать до-тѣхъ-поръ, пока найду чего ищу.

Молча взбирались оба нѣсколько минутъ на-гору, имъ встрѣтился старикъ со связкой сухихъ сучьевъ на спишѣ; помощникъ остановился, смотрѣлъ вслѣдъ старику, и сказалъ:

— Самое спасительное и утѣшительное въ насъ именно-то, что мы имѣемъ общаго съ неразумными животными: инстинктъ. Безъ него мы погибли-бы въ борьбѣ съ мiромъ; но Господь, по Своей премудрости, вложилъ его во всѣ живыя существа и, преимущественно, въ человѣка. Замѣтилъ ты, какъ старикъ несетъ свою ношу, нагнувшись впередъ? Онъ не знаетъ организацiи своего тѣла, не знаетъ ни линiи равновѣсiя, ни центра тяжести; не смотря на то онъ несетъ свое бремя соответственно всѣмъ законамъ физики.

Помощникъ часто складывалъ свою тоску, свои сомнѣнія на успокоительное *можетъ-быть*, но самъ не находилъ въ томъ ни покоя, ни утѣшенія, а только мгновенный отдыхъ, позволявшій ему перевести духъ, приготовиться къ новымъ впечатлѣниямъ. Рейнхардъ прибѣгнулъ къ вѣрнѣйшему средству, способному облечить грудь его друга; посреди дѣса онъ запѣлъ мелодию Вебера: «*Witago der Sommer der ist do*». Помощникъ сталъ аккомпанировать густымъ басомъ; нѣсколько разъ повторили они любимыя строфы; такая пѣсня производитъ чудеса на опечаленную душу, мечтающую объ отдѣленіи отъ плоти; она окриляетъ духъ, и онъ свободно, вольно паритъ надъ миромъ.

— Я не знаю радостей болѣе вѣрныхъ и неизмѣнныхъ, какъ радости, которыя доставляетъ намъ природа, сказалъ помощникъ. Миѣ кажется, что даже въ любви нѣтъ того упоенія, того блаженства, которое мы ощущаемъ въ природѣ. Благодареніе природѣ, что она живетъ себѣ мирно, молчаливо, и бесѣдуетъ съ нами только тогда, когда весь духъ нашъ обращается къ ней. Бѣда, еслибъ мы были въ состояніи увлечь всю природу въ пеструю чепуху нашихъ мудствованій, теорій и диспутовъ, заставить ее прервать свое правильное бытіе, и производить эксперименты съ нашими идеями — какъ-бы мы были несчастливы! Нѣтъ, природа нѣма и дѣйствуетъ по вѣчнымъ законамъ. Мы же имѣемъ даръ слова и произволь, вотъ почему мы находимся между-собою въ вѣчной борьбѣ и противорѣчій.

— Мысли твои сегодня плачевны, какъ сума нишаго; веселись, душа! вскричалъ Рейнхардъ, шолкнулъ пальцами, и запѣлъ:

Jetzt kauf i mir fünf Leitern
 Sind's an einander auf,
 Und wann's mich unt'nimmehr g'freut
 Steig i oben hinauf.
 Heibiddâ, u. so w.

Bin kein Unterländer,
 Bin kein Oberländer,
 Bin ein lebfeischer Bue
 Wo's mi freut, Lehr i zue.

Drei 'rüber, drei 'rüber,
 Drei Federn an'm Quet;
 Sind unser drei Brüder,
 Thut keiner kein Quet.

Sind unser drei Brüder
 Und i bin der Klenet,
 Hat 'n jeder ein Mäble
 Und i han die schünst.

E schön's Häusle, e schön's Häusle,
 E schön's, e schön's Bets,
 Und e schön's e schön's Wirtschle
 Sust heirath i net.

Wenn i nunz ein Haus han
 Han i doch e schöne Mann,
 Dreih ign' rum und dreih ihn' num
 Schau ihn alleweil an.

Mein Schatz, der heist Peter,
 Ist e lustiger Bue
 Und i bin sein Schätzle,
 Bin au lusti gnuet.

«Куплю себѣ пять лѣсенокъ
 И навяжу ихъ одну на другую,
 И когда внизу будетъ невесело
 Полезу на верхъ.

Хей ди де, и т. д.

Я не изъ низменныхъ мѣстъ,
 Я не изъ горнихъ странъ,
 Я веселый парнишка
 Гдѣ хорошо, тамъ и живу.

Три съ боку, три съ другаго,
Три пера на щипленкѣ;
Насъ всего три брата,
И ни одинъ никуда не годенъ.

Насъ всего три брата,
И я изъ-нихъ меньшей,
У каждаго есть дѣвица,
А у меня самая пригожая.

Домишко красивый, домишко красивый
Пухова, пухова постелька,
И добрый красивый молодець;
А не то за мужъ не пойду.

Запасусь я домишкомъ,
Запасусь муженькомъ-молодцомъ,
Поверну такъ, поверну этакъ,
И буду любоваться имъ.

Дружка моего кличутъ Петромъ,
Онъ веселый молодець;
А я его душа-сокровище
И тожъ весела.

Такими пѣсенками, которыхъ Рейнхардъ зналъ множество, осыпалъ онъ своего друга; лишь только послѣдній начиналъ задумываться, живописецъ запѣвалъ новую, а помощникъ невольно подтягивалъ. Освѣжившись тѣлесно и духовно, воротились они домой, и не замѣтили, что люди въ селѣ поглядывали на нихъ и о чемъ-то перешептывались.

На слѣдующее утро Рейнхардъ стоялъ передъ кроватью помощника, и говорилъ ему:

— Вставай, живѣе! Мы отправимся дня на два въ горы, это освѣжить тебѣ кровь; мнѣ не работается, все опротивѣло.

Помощникъ, не колеблясь, принялъ предложеніе друга.

Они прожили дни, полные наслажденій для души и возста-навлиющіе силы тѣла; подъ свѣтлой, ясной синевой небесной,

души друзей приплы въ стройное, невозмущаемое согласіе. Предложеніе одного было любо другому; никто не спорилъ, не возражалъ, и отъ того каждый кусокъ, вкусимый ими, былъ вкусенъ, каждое пристанище доставляло имъ двойной отдыхъ. Надобно сказать, что уступчивость была на сторонѣ помощника, но она протекала не изъ снисходительности, а непосредственно изъ радостной любви. Такъ-какъ онъ никогда не могъ воздержаться отъ замѣчаній о своемъ настоящемъ положеніи, то онъ сказалъ однажды:

— Какъ чудесно, что мы съ утра до вечера вмѣстѣ. Я часто люблю оставаться наединѣ съ мирною природою, но если со мною другъ, то наслажденіе мое получаетъ новую цѣну; невольно овладѣваетъ мною ощущеніе, что я не только съ природою, но и съ человѣкомъ согласенъ и въ мирѣ.

Въ отвѣтъ Рейнхардъ крѣпко ударилъ друга по плечу; онъ охотно прижалъ бы его къ сердцу, но первая форма выраженія любви была ему пріятнѣе и казалась мужественнѣе.

Они зашли въ страну, чрезвычайно замѣчательную въ геологическомъ отношеніи. Помощникъ забылъ на время всѣ мірскія заботы, и углубился въ поиски, увѣчавшіеся успѣхомъ; онъ нашелъ нѣсколько рѣдкихъ вещей. Открывъ однажды нѣсколько окаменѣлыхъ рыбьихъ зубовъ, онъ съ восторгомъ говорилъ о томъ, что нашелъ слѣды, остатки древняго міра, слѣды, которымъ тысячи лѣтъ. Рейнхардъ охотно слушалъ его объясненіе; онъ вникалъ въ исторію образованія нашей земли. Помощникъ любилъ рассказывать въ комической формѣ. Онъ часто повторялъ, что геологія единственная наука, которой онъ посвятилъ бы себя, онъ любилъ ее болѣе другихъ, ибо: астрономія, говорилъ онъ, сняла крышу съ невѣжественнаго суевѣрія, а геологія подрывла фундаментъ его.

Карманы помощника наполнялись черезъ мѣру; онъ долженъ былъ отказаться отъ нѣсколькихъ находокъ, осчастливившихъ его; за эти лишенія онъ вознаграждалъ себя тѣмъ, что пряталъ эти рѣдкости въ необыкновенныхъ, несвойственныхъ имъ мѣстахъ, съ дѣтскою радостью восхищаясь тому, что ученый, случайно наткнувшійся на эти окаменѣлости, напишетъ нѣсколько глубокомысленныхъ томовъ о странномъ явленіи. Когда Рейнхардъ замѣтилъ ему, что онъ этимъ наноситъ вредъ наукѣ, онъ сначала оторопѣлъ, потомъ отдѣлился легкой шуткой; но съ-тѣхъ-поръ онъ оставлялъ каждую окаменѣлость, которой не могъ взять съ собою, на своемъ мѣстѣ. Пока помощникъ толковалъ явленія естественной исторіи, Рейнхардъ

слушалъ его охотно и внимательно; но когда онъ опять пу-
скался въ вопросы о челоѣчествѣ, живописецъ запѣвалъ:

— Помощникъ! помощникъ! Внемлите дрeвеса, птицы небес-
ныя, камни, внемлите, помощникъ здѣсь и хочетъ держать
для васъ проповѣдь. Слушай, если ты не перестанешь, такъ
я выучу птиць лѣсныхъ произносить твои имя!

Одно слушалъ Рейнхардъ съ особеннымъ удовольствіемъ.
Они отдыхали однажды подъ орѣшникомъ въ лѣсной чащѣ;
помощникъ сказалъ:

— Народная молва гласитъ, что однажды воронъ выронилъ
изъ клюва найденный орѣхъ; онъ упалъ въ землю, и на томъ
мѣстѣ выросло дерево. Такъ и между людьми съ грубыми
правами и сердцами часто является кроткая, возвышенная
душа.

— Красота души не вполне достаточна, она привлекательнѣе
будучи облечена въ красивое тѣло, замѣтилъ живописецъ.

— Конечно; счастливъ челоѣкъ, одаренный прекраснымъ
лицомъ; привѣтливо улыбается ему весь міръ; всѣ взоры,
обращающіеся на него, проясняются; отраженіе общаго благо-
воленія возвращается на него.

Никто не называлъ Лорле, но оба думали о ней.

Они говорили однажды о любви, и Рейнхардъ замѣтилъ:

— Мнѣ часто кажется, что все то, что поется и говорится
о любви, вздоръ, выдумка; я не могу представить себѣ того
сладостнаго безумія, которое овладѣваетъ челоѣкомъ, когда
въ сердцахъ его вспыхнетъ любовь...

Рейнхардъ говорилъ это только по воспоминанію объ оди-
нокомъ прошедшемъ; теперь онъ уже не могъ примѣнять
этихъ словъ къ себѣ, онъ повторялъ ихъ какъ бы по при-
вычкѣ; можетъ быть помощникъ угадалъ это; грустно и вы-
разительно посмотрѣлъ онъ на друга, и возразилъ:

— Дѣвушка точно пѣсня; слова сложилъ поэтъ, а музы-
кантъ приспособилъ къ нимъ мелодію, которая придаетъ сло-
вамъ болѣе значенія и смыслъ, какого не чаялъ самъ поэтъ.

Въ отвѣтъ Рейнхардъ запѣлъ пѣсню:

Сchn Schätzchen wach auf!
«Проснись, красотка-душа!»

Помощникъ нашелъ спѣлую землянику на скалѣ, и смотря
на нее, сказалъ:

— Какъ сочна и ароматна эта ягода! Сколько времени нужно

было этому растеньицу, чтобы подняться надъ землею, цвѣсти,
и наконецъ произвести плодъ, который теперь въ моихъ ру-
кахъ!

Рейнхардъ смотрѣлъ на друга блестящими глазами и ска-
залъ:

— Въ этомъ положеніи я тебя когда нибудь напишу, въ
грустномъ созерцаніи передъ свѣжимъ плодомъ.

Въ селеніяхъ, гдѣ они ночевали, помощникъ производилъ
странную суматоху между жителями; онъ отправлялся ночью
въ церковь со сторожемъ, и забывалъ весь міръ въ прекрасной
игрѣ на органѣ. Долго еще говорили въ селеніяхъ о чудномъ
ночномъ виртуозѣ, а самъ помощникъ говорилъ на возвратномъ
пути:

— Глубокой смыслъ заключается въ инструментѣ, хранящемся
въ каждомъ селѣ; только грубыя руки касаются его и оно
издаетъ грубые звуки; но явись рука искусная.... Нѣтъ, одно-
го искусства недостаточно! Нужно еще глубокое знаніе потреб-
ностей и духа народа. Я увѣренъ, что мою игру поняли не-
многіе.

Странствіе съузило союзъ друзей; поздно вечеромъ въ пят-
ницу вернулись они домой; на другой день помощникъ дол-
женъ былъ вернуться въ городъ, въ должность.

Рано утромъ онъ окончательно настроилъ клавикорды, и
сказалъ съ горестной улыбкой вошедшему къ нему Рейн-
харду:

— Я въ такомъ расположеніи, что все обращается для меня
въ символъ. Я настроилъ клавикорды, но самъ уже не буду
болѣе играть на нихъ. Après nous la danse. Послѣ насъ начнет-
ся пляска. Эти камни и пара бабочекъ—вотъ все, что я уношу
съ собою изъ селенія.

Онъ зашелъ еще разъ осѣлдомиться о бѣдномъ семействѣ;
его приняли грубо, точно будто они знали, что онъ ничего бо-
лѣе не можетъ дать.

Изъ всѣхъ знакомыхъ одна Лорле простилась съ помощни-
комъ ласково, сердечно.

Когда онъ ушелъ, она сказала Рейнхарду:

— Я не вѣрю тому, но кухарка пастора разгласила по всей
деревнѣ, что херъ Рейенмейеръ безбожникъ, что онъ порочилъ
проповѣди пастора. Мнѣ не вѣрится, у него такое доброе серд-
це, не правда ли?

Рейнхардъ съ признательностію посмотрѣлъ на Лорле.

Разлука съ другомъ опечалила его; не смотря на то, онъ теперь только чувствовалъ себя свободнымъ и извлеченнымъ отъ докучливыхъ разсуждений....

Не смотря на то, что удаленіе друга дало отдыхъ Рейнхарду, онъ на другой день часто поглядывалъ на дверь, какъ бы ожидал кого-то.

Съ новымъ жаромъ принялся онъ за окончаніе эскиза, помѣстивъ еще на картинѣ Венделина съ посохомъ въ рукѣ и стадо коровъ въ отдаленіи; отъ этого картина получила еще болѣе вечерній характеръ. Нѣкоторымъ слушателямъ Рейнхардъ взвалилъ ноши на голову; они какъ бы возвращались съ поля, и остановились послушать.

— Рейнмейеръ сказалъ бы, думалъ Рейнхардъ улыбаясь: что въ этомъ заключается то типическое или символическое, что пѣсня заставляетъ народъ забывать бремя тяжелыхъ работъ....

Кромѣ того, Рейнхардъ помѣстилъ въ углу и помощника, какъ бы записывавшаго новую пѣсню.

Съ-этихъ-поръ Рейнхардъ, вступивъ въ свои прежнія отношенія къ хозяевамъ, обѣдалъ опять за семейнымъ столомъ. Онъ часто и много говорилъ съ Дорле объ удалившемся другѣ; то обстоятельство, что они вмѣстѣ любили человека, котораго другіе забывали или порицали, придавало сношенію ихъ тайную особенность. По справкамъ оказалось, что помощникъ, въ сильномъ волненіи, въ-самомъ-дѣлѣ произнесъ нѣсколько неосторожныхъ словъ.

Дорле всегда защищала его, и жалѣла, что тѣ самые люди, которымъ онъ оказалъ добро, оклеветали его и донесли на него пастору. Она же сама не давала себѣ покоя и всячески старалась помогать по силамъ нуждавшимся.

Рейнхардъ былъ чрезвычайно прилеженъ и веселъ; веселость есть непремѣнная причина и дѣйствіе творческаго прилежанія; онъ былъ расположенъ къ шуткамъ и шалостямъ; казалось, весь домъ принадлежалъ ему одному. Нельзя хорошенько опредѣлить, что онъ дѣлалъ; но во время его отдыховъ отъ труда казалось, что домовый шалитъ въ домѣ, и заставляетъ всѣхъ смѣяться и прыгать.

Толстоногий говорилъ частенько:

— Смирно.... Не опрокиньте моего дома;—но двѣ минуты спустя онъ самъ прыгалъ и сутился самымъ забавнымъ образомъ.

Рейнхардъ мастерски подражалъ разнымъ голосамъ и крику животныхъ; однажды онъ поддѣлался подъ голосъ Дорле, какъ будто бы она звала на помощь съ сѣновала; испуганный хозинъ такъ расхотился, какъ будто бы подъ нимъ загорѣлась земля. Въ другой разъ онъ заставилъ Бѣрбель созвать весь домъ. Ей послышалось, что поросята взобрались на чердакъ; на повѣрку вышло, что это Рейнхардъ поддѣлался подъ хрюканье скромныхъ животныхъ. Никто не могъ сердиться на весельчака, только Дорле сказала ему однажды:

— Въ нашемъ домѣ вы можете шалить сколько хотите, только не при чужихъ людяхъ, а не то они не будутъ уважать васъ.

Рейнхардъ нѣсколько пресмирѣлъ, и пошалывалъ только тогда, когда искушеніе было черезъ-чуръ сильно.

Дорле часто уходила изъ дому, къ матери Венделина, разрѣшившейся отъ бремени; то былъ шестой ребенокъ ея, мальчикъ.

Рейнхардъ живо подмалевалъ свою картину, и пока краски сохли, рѣшился отдохнуть, то есть бродить съ утра до вечера по лѣсу и по полю; онъ сталъ чистить свое ружье, чтобы идти на охоту, но не дочистилъ; новая картина просилась на холстъ, и онъ съ новымъ рвеніемъ принялся за эскизъ общаго запрестольнаго образа. Онъ избралъ сюжетомъ *Бракъ въ Канѣ*, и писалъ почти постоянно съ улыбкой на лицѣ, потому-что не парилъ свои фигуры въ талары и чапмы и не полузакрывалъ лицъ ихъ длинными бородами; онъ изобразилъ простую свадьбу, посреди которой является Спаситель; Стефанъ былъ женихъ, но невеста не походила на Врони; отцы были Толстоногий и мельникъ. Во время работы Рейнхардъ безпрестанно насвистывалъ веселыя народныя свадебныя пѣсенки, и смотря однажды издали на общій эффектъ своего эскиза, говорилъ про-себя:

— Какъ бы обрадовался помощникъ, если бы видѣлъ, какъ смѣло я подставляю наше крестьянское житье-бытье іудейскому. Въ какія безконечныя разсужденія онъ бы пустился. Онъ непремѣнно сталъ бы мнѣ доказывать, что и Шекспиръ получилъ отъ того жизнь и значеніе, что превратилъ своихъ Римлянъ въ Англичанъ.

По окончании эскиза Рейнхардъ приунылъ; окончательное исполненіе картины утешало его; онъ вполне вкусилъ радость и наслажденія творчества при наброскѣ эскиза.

Высокое наслажденіе заключается въ ежедневномъ стремленіи творческой души къ новымъ образамъ, новымъ созданіямъ; но только въ постоянствѣ, въ тщательномъ исполненіи того, что пробудила минута вдохновенія, заключается истинная награда творчества, проясненная и возвышенная силою воли....

Рейнхардъ былъ вѣренъ своему призванію, не смотря на то сердце его находилось въ постоянномъ волненіи, какъ будто бы онъ искалъ чего-то, какъ будто бы долженъ былъ встрѣтить что-либо нечаянное, какъ будто бы онъ стоялъ на порогѣ призванія, двери котораго должны были внезапно раствориться передъ нимъ и явить ему чудеса. Онъ ступалъ по землѣ какъ бы по почвѣ, полной таинственныхъ зародышей; ему было невыразимо пріятно подъ открытымъ небомъ; дерево, кустъ, травка, все казалось ему какъ бы роднымъ; онъ жилъ ихъ жизнью, и не могъ насмотрѣться на бесконечно богатый міръ, раскрывавшійся передъ нимъ съ тою свѣжестью, съ какою онъ вышелъ изъ руки Творца; все было ново для него; казалось, что онъ въ первый разъ замѣчаетъ красоты природы. Онъ стоялъ однажды передъ живою изгородкою, и погрузился въ глубокое самосозерцаніе.

— Стволъ поднимается изъ земли, пускаетъ сучья; на сучьяхъ распускаются красивые зубчатые, блестящіе листья; наступаетъ зима, все отпадаетъ, умираетъ; потомъ опять зеленѣетъ.... Въ простѣйшемъ, обыкновенномъ дѣйствіи природы я вижу теперь тайну.... Что предстоитъ мнѣ самому? Природа! дѣлай изъ меня, что хочешь, только не получеловѣка, безъ яснаго сознанія самого себя.... Я готовъ повиноваться тебѣ...

Невыразимое томленіе, необъяснимое стремленіе къ чему-то, наполняло грудь Рейнхарда, и даже дома онъ просиживалъ часто цѣлые часы неподвижно, то углубляясь въ неразгаданные тайны, то заглядывая въ эти тайны взоромъ воображенія. Люди покачивали головами, смотря на него; они не узнавали его; но у каждого столько своихъ заботъ, что некогда слѣдить за чужими мыслями, особенно когда онъ такого рода, что ихъ трудно угадать. Рейнхардъ попытался освободиться отъ своихъ мечтаній; онъ пошелъ на охоту; тамъ необходимы большое присутствие духа, и вниманіе, обращенное наружу. Однажды въ полдень онъ возвращался съ ружьемъ на плечѣ и двумя куропатками въ ягдташѣ; Лорле сидѣла подъ липой съ двумя

младшими дѣтьми матери Вѣделлина. Годовалый ребенокъ стоялъ на колѣняхъ дѣвушки; она щелкала пальцами, смѣялась и играла, чтобы развеселить малютку; мальчикъ, стоявшій возлѣ, внимательно глядѣлъ на эту сцену. Лорле привѣтливо кивнула подходившему Рейнхарду, и продолжала играть съ ребенкомъ, напѣвая:

Ninete, Nanele,
Bärgle, Stroch
's Kägle ist gestorbe,
's Müsele ist froh!

Нинелѣ, Нанелѣ
Тележка, соломка,
Кочечка окогѣла,
Мышечкѣ радости!

Рейнхардъ сѣлъ на пень противъ Лорле, и сталъ смотрѣть на нее; она не обращала на то вниманія, ибо уже привыкла къ тому; она только спросила:

— Неужи херъ Рейнмейеръ не будетъ писать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Рейнхардъ.

Въ этомъ простомъ *нѣтъ* было столько нѣжной выразительности, что ее не замѣнили бы ласковѣйшія слова. Вдругъ мальчикъ сталъ плакать и кричать:

— Домой хочу!

— Останься, сказала Лорле съ кротостью: мама твоя спитъ теперь, тебѣ нельзя домой.—Показавъ на малиновку, прыгавшую передъ ними, она продолжала: Гляди, гляди! Какой у птички хорошенькій камзолчикъ; гляди, какъ она улетитъ; штъ!—Птичка улетѣла.—Видѣлъ? спросила Лорле, но мальчикъ не утѣшился, и только когда дѣвушка обѣщала рассказать ему сказочку, онъ притихъ.

Лорле отерла слезы его, и стала рассказывать ему одну изъ тѣхъ материнскихъ исторій, въ которыхъ нѣтъ ни содержанія, ни смысла, но при которыхъ выраженіе голоса и движенія выказываютъ иногда душу, полную любви. Весь разговоръ состоялъ въ томъ, что у одного мальчика была славная вишня, которую птичка хотѣла отнять, но пришла маменька и прогнала птичку.

Лорле и слушатель ея громко смѣялись; они были дѣти, которые радуются надъ собою и съ собою. Но мальчикъ непре-

мѣнно хотѣлъ знать, что послѣ случилось, и безпрестанно спрашивалъ:

— А послѣ? А послѣ?

Лорле должна была наконецъ отвѣтить:

— А послѣ? послѣ мы выпустимъ козочку и козлятъ.

Сказано, сдѣлано. Козу съ козлятами выпустили изъ конюшни; Лорле столько же радовалась прыжкамъ ихъ, какъ и дѣти, которыхъ она стерегла.

Дома Рейнхардъ приставилъ все свои картины и эскизы лицомъ къ стѣнѣ; онъ хотѣлъ имѣть передъ глазами только одну картину, таившуюся въ глубинѣ души его.

Вечеромъ онъ долго бесѣдовалъ съ Толстоногимъ, который слушалъ его тѣмъ охотнѣе, что дѣло шло о картинѣ, великодушно обѣщанной для новой церкви.

Наконецъ отецъ позвалъ дочь, и сказалъ ей:

— Лорле, херъ Рейнхардъ хочетъ изобразить тебя на обѣщанной картинѣ; хочешь?

— Въ нашу церковь? спросила Лорле, и осмотрѣлась, какъ будто бы какое-то невидимое существо парило за нею и надъ нею.

— Чего ты смотришь? спросилъ отецъ.

— Ничего; мнѣ почудилось, что кто-то за мною; я сама не знаю....

Отецъ продолжалъ:

— Съ завтрашняго дня мама остается цѣлую недѣлю дома; мы наняли работниковъ для молотбы, она можетъ присмотрѣть за ними и за вами. Хочешь?

— Хочу, отвѣчала Лорле твердымъ голосомъ; но удалившись въ свою комнату, она плакала и молилась цѣлую ночь; она сама не знала почему, но ей было такъ приятно и такъ тяжело на сердцѣ.

И Рейнхардъ былъ всю ночь въ сильномъ волненіи; когда первые лучи солнца разбудили его, онъ сказалъ вслухъ:

— *Двѣствени!* онъ правъ.

Молча вышелъ онъ изъ дому, снялъ шляпу, чтобы утренній воздухъ освѣжилъ его голову, потомъ остановился въ нѣмомъ восторгѣ и какъ-бы поклоняясь зарѣ. У подножія церковной горы встрѣтилъ онъ пономаря, который шелъ звонить къ заутрени; онъ послѣдовалъ за нимъ, взшелъ на башню, сѣлъ у окна колокольни, и сталъ смотрѣть вдаль. Внизу, въ долину, солнце боролось еще съ туманомъ, но вскорѣ солнце

одержало верхъ. Въ церкви зашумѣлъ и загудѣлъ органъ, но Рейнхардъ не трогался.... Мысли его обхватывали міры.

Когда заутрени кончилась, пономарь просилъ Рейнхарда сойти внизъ; онъ хотѣлъ запретъ церковь. Молча пошелъ молодой человѣкъ домой, и встрѣтилъ Лорле, которая также шла изъ церкви.

— Вы то же были въ церкви? спросила она съ удивленіемъ.

— Да, на верху.

Они не могли говорить; они были сильно взволнованы и какъ бы проникнуты сверхъестественною силою.

Лорле была блѣдна; встревоженная мать спросила, не больна ли она, тѣмъ болѣе, что она ничего не ѣла; Лорле не могла отвѣчать, ей казалось, что она не смѣетъ говорить.

Наконецъ она явилась передъ мольбертомъ; Рейнхардъ сказалъ ей:

— Будемъ веселы! Зачѣмъ печалиться?...

Онъ сказалъ *будемъ*, а между тѣмъ самъ не могъ; ему самому казалось, что кто-то проникнулъ въ глубину души его и крѣпко сжималъ ее.

— Скажите мнѣ, не грѣхъ ли это? спросила Лорле, стыдливо опустивъ глаза.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Рейнхардъ съ чувствомъ; этотъ простой отвѣтъ показался дѣвушка въполнѣ удовлетворительнымъ, и она опять повеселѣла.

Мать приходила и уходила, между тѣмъ какъ Лорле сидѣла неподвижно. Сначала она была смущена, и когда Рейнхардъ шутилъ, спрашивала:

— Можно мнѣ смѣяться? Можно говорить? Скажите, я не хочу, чтобы вы послѣ жаловались.

Рейнхардъ увѣрялъ, что она можетъ и смѣяться и говорить; только объ одномъ просилъ онъ ее, чтобы она не такъ часто подносила руку къ лицу, на что Лорле возразила:

— Пранда ваша; я сама уже замѣтила эту дурную привычку, и постараюсь отвыкнуть отъ нея; но мнѣ все кажется, что лицо мое чувствуетъ, гдѣ вы списываете. Это глупо, не правдали? Говорите откровенно, я не обижусь.

Рейнхардъ долженъ былъ удержаться, чтобы не обнять милую дѣвушку.

Пришла мать, остановилась въ почтительномъ разстояніи, закинувъ руки на спину, чтобы въ забытіи не прикоснуться къ сырмъ краскамъ картины, и стала удивляться, какъ дочь

ея уже похожа.—Еще разъ было условлено, чтобы никому не говорить о картинѣ до самаго дня, когда отнесутъ ее въ церковь.

Мирно, тихо проходили часы. Въ житницѣ за домомъ слышалась согласная стукотня молотильщиковъ; на улицѣ, по временамъ, раздавался плачь ребенка или стукъ проѣзжавшей телеги; потомъ опять наступало безмолвіе, тишина.

Лорле сказала однажды:

— Мнѣ кажется, что я совѣмъ не въ деревнѣ или что я сплю, и что все это мнѣ чудится. Не знаю отчего, но ни для кого другаго я не согласилась бы такъ сидѣть сложа руки.

— Добрая Лорле, возразилъ Рейнхардъ: я знаю, что вы никого на свѣтѣ не любите такъ, какъ меня. Не пугайся, продолжалъ онъ, взявъ ея руку: мнѣ извѣстна вся твоя жизнь; между тѣмъ, какъ я странствовалъ въ чужихъ краяхъ, ты думала обо мнѣ, ты печалилась о томъ, что я такъ часто дразнилъ тебя; не смотря на то, ты не разлюбила меня, и въ тотъ самый вечеръ, когда я вернулся, ты плакала, потому—что кто-то бранилъ меня за глаза.

— Господи Боже! неужели Бѣрбель все рассказала?

— Ага! такъ это Бѣрбель? Нѣтъ, никто не рассказывалъ мнѣ ничего. Изъ привязанности ко мнѣ ты была ласкова съ помощникомъ, и въ ту ночь, когда я пѣлъ веселыя пѣсни подъ липой, ты одна грустила въ своей каморкѣ о томъ, что я выставляю себя на показъ передъ цѣлымъ міромъ.

— Праведный Боже! почему вы это знаете?

— Я знаю это, потому—что люблю тебя. Любишь ли ты меня?

— Люблю, люблю, всѣмъ сердцемъ!

Они обнялись, и сердца ихъ слились въ поцѣлуй, исполненнымъ блаженства.

— Теперь, теперь, вскричалъ наконецъ Рейнхардъ, я бы желалъ умереть, умереть съ тобою.

— Нѣтъ! вскричала Лорле выпрямившись и крѣпко обнявъ Рейнхарда: нѣтъ, будемъ сперва жить, долго, долго!...

Во взорѣ ея выражалась гордая, величественная сила, готовая вступить въ борьбу съ самою смертію.

— Стало-быть ты хочешь быть вѣчно моею? спросилъ Рейнхардъ.

— Да, да будетъ воля Божія!

Рейнхарду казалось, что Лорле предавалась ему не всюю душою, не въ радостномъ порывѣ; онъ не подумалъ о томъ, что

Лорле боролась съ собою и что она смиренно покорялась этой любви, покоряясь волѣ Божіей.

— Что я сдѣлала? Что сказала? спросила она.

— Ничего, ничего.

— Могу теперь идти и рассказать маменькѣ?

— Нѣтъ, останься; мы сохранимъ еще нашу тайну про себя; это лучше, повѣрь мнѣ.

— Да, да, сказала Лорле робко, я готова на все; приказывай мнѣ всегда, что я должна дѣлать, мой добрый Рейнхардъ.

— Не называй меня болѣе Рейнхардомъ; зови меня по моему имени, Вольдемаромъ.

Лорле громко засмѣялась, и на удивленіе Рейнхарда отвѣчала: — Не сердись, но Вольдемаръ смѣшно! *Вольдемаръ*, это точно какъ—будто бы кто свалился съ лѣстницы — *полдарахъ!* Нѣтъ, позволь мнѣ звать тебя по-прежнему Рейнхардомъ! Я привыкла къ этому имени, полюбила его....

— Какъ хочешь, возразилъ Рейнхардъ съ улыбкой, скрывавшей легкую досаду.

Бездѣлица, кажется, имя человѣка, а между—тѣмъ каждый привязанъ къ нему и считаетъ его не условной кличкой, а какъ бы частицей своего существа; намъ непріятно, когда кто-либо находитъ наше имя неблагозвучнымъ. Не удивительно: не этотъ ли звукъ связываетъ насъ съ людьми, съ обществомъ, не въ немъ ли заключается сладостнѣйшее очарованіе воспоминаній дѣтства?

— Будь всегда ласковъ со мною и снисходителенъ, сказала Лорле, положивъ руку на плечо Рейнхарда, а не то я не буду знать, какъ и подступиться къ тебѣ; я знаю, что не стою тебя, ничто передъ тобою.... Да, что бишь я еще хотѣла сказать? Не говори обо мнѣ въ деревнѣ, не говори ничего; ты сказалъ Мартыну, что я канарейка, и теперь всѣ меня такъ называютъ; мнѣ все равно, пускай смѣются надо мною; но на счетъ тебя.... вѣдь никто, кромѣ меня, не знаетъ....

— Что такое?

— Какой ты славный человѣкъ, сказалъ Лорле, сжавъ губы и дергая Рейнхарда за бороду.

Кто опишетъ блаженство, проникнувшее съ этого дня въ доселѣ мирную мастерскую Рейнхарда?

Въ самой покорности дѣвушки развилось такое сокровище любви, что Рейнхардъ часто стоялъ передъ нею въ нѣмомъ, восторгѣ; она же почти обыкновенно оканчивала свою рѣчь словами:

— Ахъ, Господи! я не стою тебя.

— Нѣтъ, вскричалъ Рейнхардъ: ты въ миллионъ разъ лучше меня, лучше всѣхъ мужчинъ, лучше всѣхъ людей! Чтобы сдѣлаться достойнымъ тебя, я готовъ служить семь разъ семь лѣтъ.

— Состарись, сказала Лорле тихо улыбаясь; а Рейнхардъ продолжалъ:

— Слушай, я уже часто отчаивался о себѣ и о цѣломъ мѣрѣ, жилъ, какъ шальной, грѣшилъ даже въ минуту раскаянія.... Нѣтъ, ты не поймешь, до какой низкой степени я дошелъ.

— Я все пойму, объясни только хорошенько.

— О, ты сердечная дѣвушка! Берегись меня, у меня не было еще ни одного сердечнаго друга, котораго я бы не мучилъ, не терзалъ; одинъ Рейенмейеръ не потерялъ со мною терпѣнія. Я часто готовлю страданія тѣмъ самымъ людямъ, которыхъ желалъ-бы осчастливить. Только съ-тѣхъ-поръ, какъ я узналъ тебя, какъ принадлежу тебѣ, я бросилъ серьезный взглядъ на прежняго Вольдемара; о! онъ не достоинъ прикоснуться къ краю твоего платья. Ты можешь быть со мною счастлива; счастливые всѣхъ женщинъ на землѣ, и — безконечно несчастна....

Лорле проливала крупныя слезы, но вскорѣ осушила ихъ и сказала:

— Люби и береги себя; въ моихъ глазахъ ты гораздо лучше, нежели въ своихъ собственныхъ. Потому она прибавила повелительно:— Я не потерплю, чтобы кто-либо порочилъ моего Рейнхарда, следовательно, и ты не смѣй! Не говори мнѣ больше такихъ рѣчей, а не то я слишкомъ зачванюсь; будемъ вмѣстѣ добры и честны, авось Господь благословитъ.

— Да, съ тобою я не могу быть злымъ, сказалъ Рейнхардъ, и сложилъ руки передъ нею.

Картина живо приближалась къ окончанію; по просьбѣ самаго Рейнхарда, Лорле часто поощряла его къ работѣ.

Никто въ домѣ не зналъ о новомъ оборотѣ дѣлъ; только Врѣни сдѣлалась повѣренною влюбленныхъ, которые чаще прежняго стали ходить на мельницу. Они рѣзвились, какъ дѣти, играя въ лѣсу въ догонку и въ прятки.

— О необъятное блаженство! вскричалъ однажды Рейнхардъ, смотря на Лорле: Провидѣніе само направляетъ любовь; она проистекаетъ непосредственно изъ него; человекъ не можетъ распоряжаться ею по своей волѣ. Вотъ стоитъ существо, за-

владѣвшее всѣми способностями моего сердца; и все въ этомъ существѣ прекрасно, все совершенно!... Не будь любви, и эта красота промелькнула бы незамѣченною. Благодарю тебя, вѣчное Провидѣніе, ты дало мнѣ то, чего я не искалъ....

— Я не понимаю тебя, сказала Лорле.

— Ничего; я самъ себя не понимаю. Что за бѣда! Поди сюда, дай мнѣ молча насмотрѣться на тебя, дай мнѣ прочесть въ твоихъ глазахъ, что и во мнѣ есть еще доброе.

Картина приближалась къ окончанію; влюбленные бесѣдовали обо всемъ, только не о будущности; оба внутренно страшились ее: Рейнхардъ не угадывалъ, что ждетъ его въ ней; Лорле предчувствовала, какъ горестна будетъ разлука ея съ родительскимъ домомъ.

Драпировка картины была легко подмалевана, и Рейнхардъ хотѣлъ приступить къ окончательной отдѣлкѣ головы; онъ сказалъ это Лорле, и просилъ ее просидѣть нѣсколько времени, какъ можно смиреннѣе. Лорле кивнула молча; она уже теперь не смѣла говорить. По позиціи, данной ей Рейнхардомъ, голова ея была обращена къ-верху, глаза устремлены въ лазоревую небесную даль; тихо и мирно было въ безграничной дали; одно бѣлое облачко пересѣкало воздухъ, сливалось съ другимъ, меньшимъ; на горизонтѣ рисовались края другаго облака; объемъ его неизвѣстенъ, глубина неизмѣрима.... Подъ нимъ далеко, глубоко, лежить земля, подобно духу парить оно надъ нею....

Рейнхардъ то долго, долго засматривался на Лорле, то прилежно работалъ.

Долго господствовала тишина; дѣвушка и ребенокъ боялись даже вздохнуть.

— О чемъ ты сейчасъ думала? Лицо твое какъ бы озарилось небеснымъ свѣтомъ? спросилъ Рейнхардъ.

— Мнѣ причудилось, что я умерла, и одна-одинешенька, сказала Лорле со свѣтлымъ взоромъ; рука ея поднялась, но тотчасъ же какъ-бы безжизненно опустилась внизъ.

Рейнхардъ схватилъ руку ея; но не могъ говорить; онъ глядѣлъ на нее, какъ на сверхъестественное видѣніе.

— Теперь и я охотно бы умерла, сказала наконецъ Лорле; но Рейнхардъ возразилъ:

— А я отвѣчу, подобно тебѣ: нѣтъ! будемъ сперва жить, долго, долго жить!

— Готова? спросила Лорле вставая.

— Да.

— Такъ я уйду; теперь намъ будетъ полегче.

Рейнхардъ хотѣлъ поцѣловать ее, но она отклонилась и сказала серьезно :

— Нѣтъ, не теперь; нѣтъ, оставь, если любишь меня....

Рейнхардъ опять отдохнулъ нѣсколько дней; такъ какъ онъ провелъ нѣсколько дней въ постоянномъ напряженіи и какъ бы наединѣ съ молодою дѣвушкою, то ему было какъ-то странно, когда онъ вышелъ опять на чистое поле. Онъ рассказалъ это Лорле и она отвѣчала ему :

— Мнѣ самой кажется, какъ-будто бы я провела все это время вчужь, и только теперь вернулась издалека.

Во время своихъ прогулокъ Рейнхардъ опять встрѣтилъ Венделина; онъ былъ печаленъ; Рейнхардъ спросилъ его :

— Что съ тобою? Отчего печаленъ? Не оттого ли, что Богъ далъ тебѣ еще брата ?

— О нѣтъ, не отъ того; тятя сказалъ, гдѣ голодаютъ пятеро, тамъ и шестому нечего жаловаться.

— Что же съ тобою?

— Извольте видѣть, моя бурка (онъ указалъ на красивую корову), — моя бурка вчера продана за 53 гульдена; мясникъ изъ Г.... (онъ называлъ, уѣздный городъ) купилъ и черезъ шесть недѣль увезетъ ее. Онъ обещалъ мнѣ шесть баценовъ, но это не радуетъ меня; бурка мнѣ милѣе всѣхъ другихъ и мнѣ крѣпко жаль ее; вонъ она, ѣстъ себѣ, какъ-будто ей суждено вѣкъ жить; смотришь, придетъ мясникъ, треснетъ по головѣ, и повалится моя бурка — поминай, какъ звали!

Задумчиво посмотрѣлъ мальчикъ на Рейнхарда, потомъ про-
должалъ:

— Я радъ хоть тому, что мясникъ обсчитался.

— Какъ такъ?

— Онъ заплатилъ хозяину слишкомъ дорого за бурку, но у него свое на умѣ: онъ хочетъ подмазаться къ хозяину, чтобы тотъ выдалъ за него свою Лорле.... да обсчитался!

— Отчего? нѣчто ты думаешь, что Лорле его не стоить?

— Охъ вы! вскричалъ мальчикъ сердито: вишь, какъ смотритъ на меня! Словно козель съ бородой. Смотрите сколько хотите, я васъ не боюсь; я не Лорле, не вторился въ васъ!

— Почему ты это знаешь?

— Дуракъ я, что ли? Когда въ прошлое воскресенье Мартинъ ушелъ въ городъ, я за него чистилъ вамъ сапоги; Лорле подошла ко мнѣ, сказала, чтобы я чистилъ хорошенько; и посмотрѣла на сапоги такими глазами, что я и сказать не умѣю. Я тотчасъ смекнулъ, на чьей улицѣ праздникъ. А въ прошлую

ночь, я лежу у себя въ постелѣ и слышу, какъ мама говоритъ тятѣ, что Лорле безъ ума отъ васъ. Ладно! Когда Лорле улетѣтъ съ вами, да бурку увезутъ, такъ и я уйду далеко.

Рейнхардъ старался утѣшить, мальчика, но напрасно; онъ самъ уже утѣшился, и громко, весело распѣвалъ за удалявшимся.

Рейнхардъ увидѣлъ, что молва объ отношеніи его къ Лорле, разнеслась уже по селу и задумчиво шелъ по долину. Смеркалось; косари усердно докашивали траву, орошенную уже росой; падавшія травы наполняли воздухъ благоуханіями. Рейнхардъ часто простиралъ руки, какъ бы желая обнять весь міръ. Вдругъ на него напала глубокая тоска: въ полномъ цвѣтѣ своей свѣжей любви хотѣлъ онъ назвать Лорле своею, а между-тѣмъ будущность его была еще невѣрна.... Но отогнавъ заботу о себѣ, онъ хотѣлъ наслаждаться настоящимъ днемъ, мимолетной минутой; а можетъ ли тоска устоять противу воли влюбленного сердца подъ открытымъ небомъ? Забывъ на-время о себѣ, Рейнхардъ сталъ слѣдить за вечерними шмелями; они отправлялись за пропитаніемъ, и часто неподвижно держались въ воздухѣ, на одномъ мѣстѣ, какъ бы повиснувъ на вечернемъ солнечномъ лучѣ; потомъ вдругъ поднимались или опускались, ловили почти невидимую добычу, и снова держались спокойно на одномъ мѣстѣ.... Дневной шумъ умолкалъ болѣе и болѣе; тихій, ночной шопотъ наполнялъ воздухъ, поднимаясь съ травы и листьевъ; далѣе и далѣе уносился Рейнхардъ мыслію; ему было такъ грустно, такъ весело.... Вдругъ, по ту сторону ручья онъ услышалъ пѣніе деревенскаго парня:

Ihr Sterne am Himmel,
Ihr Tröpfle im Bach,
Berührtet mei'm Schätze
Mein Weh und mein Ach.

—
Звѣздочки небесныя,
Капельки рѣчныя,
Разскажите душѣ-дѣвицѣ
Про мою тоску-кручину.

О, вездѣ и всегда выражаются безконечное блаженство и горе любви!

Парень продолжал :

Die Sterne ins Wasser,
Die Fische im'n See,
Die Lieb geht tief abe,
Seht niemals in d'Gibb.

—
Какъ звѣздки отражаются въ водѣ,
Какъ рыбки въ водѣ;
Такъ любовь идетъ гдѣ глубже,
А не гдѣ повыше.

И вдругъ съ измѣненіемъ напѣва измѣнился и тоскливый-смысль пѣсни:

Ganget weg, ihr Bürgermädche,
Ganget weg, ihr Patschete,
Da nehm i mir e Bauerndmäde,
Das sind rechte wackere.

—
Прочь дѣвцы гордыя,
Прочь красотки чванныя,
Дайте мнѣ просту-дѣвицу,
Просту дѣвицу, добрую.

—
Когда поздно вечеромъ Рейнхардъ вернулся домой, онъ нашелъ у себя письмо изъ города; оно было отъ помощника, и слѣдующаго содержанія:

«Клейпрезидентингенъ, въ одинъ изъ канникулярныхъ дней.»

«Часто слушалъ я въ лѣсу пѣніе птицы, которая сто разъ повторяла одну и ту же мелодію, какъ будто бы я долженъ былъ понять ее; наконецъ, когда я собирался уйти, шалунья запыла съ большимъ жаромъ, какъ будто бы крича мнѣ вслѣдъ:— Ты все-таки не понялъ, что я пою; и тысячи придуть за тобою и ни одинъ не пойметъ. Мнѣ кажется, что теперь, когда я вернулся въ городъ, въ селеніи происходятъ такія вещи, которыя были бы для меня чрезвычайно поучительны. Это романтическое стремленіе новѣйшаго человѣчества къ тому, что

за нами, этотъ задній, такъ сказать, умъ, кружить голову. И я не безъ оглядки, и у меня побаивается шея.

Мы, Нѣмцы, самая солидная нація въ цѣломъ мірѣ; кто хочетъ составить себѣ карьеру, становится въ служебные ряды и хлѣбаетъ изъ общей чаши. Сужденіе Фихте о существѣ нѣмецкаго ученаго проистекаетъ черезъчуръ изъ его субъективнаго идеализма; я дѣлаю теперь выписки, чтобы указать въ біографическихъ очеркахъ, какое вліяніе опредѣленія къ должности имѣли на образование нѣмецкаго духа.

«Я нашелъ особенное названіе для нѣкоторой породы людей, они называются у меня: желѣзодныя животныя. Сегодня утромъ былъ у меня великолѣпный экземпляръ этой породы; твой покровитель, тучный, красный, благовоный Comte de Fou-lard; онъ много освѣдомлялся о тебѣ; князь вернулся изъ Ита-ліи, закупилъ тамъ множество картинъ, слышалъ лестные отзы-вы о тебѣ въ Римѣ, восхищенъ твоею лѣсною мельницею; короче, желаетъ учредить галерею и приковать, т. е. опредѣ-лить тебя къ ней. Попался, дружокъ. Явись, и дѣло устроит-ся разомъ. Я тоже подаю прошеніе объ опредѣленіи меня къ новой должности, въ тайной надеждѣ, что просьба моя будетъ оставлена безъ вниманія; вотъ уже семь лѣтъ, какъ я пасу терпѣливо книжное стадо; весь существенный доходъ мой со-стоитъ въ безпрятственномъ дѣланіи выписокъ. Мнѣ было бы пріятно, еслибъ ты принялъ предложеніе, и остался съ нами. Впрочемъ, дѣлай, какъ самъ знаешь; я не подаю тебѣ совѣ-товъ; есть охота, такъ поторопись.

«Я переѣхалъ съ сестрою на новую квартирку; она бросила наконецъ свой модный магазинъ, и услаждаетъ мою старость. Въ полдень и вечеромъ я ѣмъ супъ, и могу дожить до ста лѣтъ, если не умру ранѣе.

«Поклонись отъ меня альпійской розѣ; дай Богъ ей росу и солнечный свѣтъ, да цвѣтеть она на радость міру.

«Я пишу тебѣ это письмо на новомъ каталогѣ, составленіе котораго поручено моею премудрости; я одинѣшенекъ, мое на-чальство уѣхало на воды; китъ окуцался въ море.

Твой «Библианепаръ.»

«Даровое приложеніе: семь гульденовъ, которые ты одолжилъ мнѣ на дорогу, могутъ вернуться къ тебѣ не ранѣе 1-го октя-бря, когда я получу свое жалованье. Нужно раньше, такъ ска-жи; я гдѣ нибудь займу.

«Нашъ школьный товарищъ, Р., такъ называемое *продыравленное начало*, получилъ мѣсто въ сырой землѣ. Миръ праху его!

«У насъ было третьяго дня маленькое землетрясеніе; еслибъ ты зналъ, какая потѣха! Какъ всѣ дрожали! Въ такомъ страхѣ можешь находиться только блоха на пуделѣ, котораго трясеть лихорадка.»

Прочитавъ это письмо, Рейнхардъ объявилъ, что отправляется на другой день въ столицу, но скоро воротится. Лорле провела цѣлую ночь безъ сна; она не знала, какъ истолковать себѣ внезапный и поспѣшный отъѣздъ Рейнхарда; онъ могъ бы успокоить ее однимъ словомъ, но не думалъ о томъ. Утромъ онъ пробылъ еще минуту съ Лорле наединѣ, и сказалъ ей отрывисто:

— Если мнѣ встрѣтится счастье, согласишься ли ты раздѣлить его со мною?

— Лишь бы ты достался мнѣ весь, безъ раздѣла, отвѣчала она.

Въ домѣ Толстоногого опять наступила прежняя тишина. Хотя въ послѣднее время Рейнхардъ оставилъ прежнія шалости, но уже одно присутствіе его въ домѣ было достаточно для нарушенія обычнаго безмолвія. Теперь опять все пошло прежнимъ путемъ; объ отсутствующемъ вспоминали рѣдко, говорили рѣже того. Какъ быстро замыкается потокъ жизни за человекомъ, переступающимъ изъ одного круга въ другой. Только Лорле берегла въ глубинѣ сердца память о Рейнхардѣ, днемъ и ночью. Она всегда была добра и ласкова съ родителями и всѣми домашними, но теперь болѣе прежняго; она хотѣла помогать всѣмъ, работать за всѣхъ. Никто не зналъ, да и не хотѣлъ знать тайной причины обращенія молодой дѣвушки; она же въ глубинѣ души просила прощенія у своихъ, что уже отдѣлилась отъ нихъ и вскорѣ вовсе покинетъ; до той минуты она хотѣла служить имъ всѣми силами.

Рейнхардъ между тѣмъ усердно хлопоталъ о новой должности. Когда помощникъ изъяснилъ о томъ свое удивленіе, онъ отвѣчалъ:

— Тебѣ я могу признаться, что обрученъ съ Лорле.

— Какъ? вскричалъ помощникъ остолебѣвъ; изумленіе и горестъ выразились на лицѣ его: только одинъ человекъ могъ бы жениться на ней, пересадить ее на другую почву; и этотъ человекъ—я! я одинъ! Смѣйся, смѣйся; но я одинъ понялъ ее;

ты слишкомъ горячъ, слишкомъ пылокъ; тебѣ, по настоящему, вовсе не слѣдуетъ жениться. Нѣчто отецъ согласился?

— Нѣтъ еще.

— О, въ такомъ случаѣ есть еще надежда, что она не останется ни тебѣ, ни мнѣ, сказалъ помощникъ, лукаво улыбувшись.

Рейнхардъ не переставалъ хлопотать до-тѣхъ-поръ, пока не получилъ опредѣлительнаго акта. Проснувшись на другой день, онъ привѣтствовалъ самаго себя:

— Съ добрымъ утромъ, господинъ инспекторъ съ титуломъ профессора; какъ вы изволили почивать?... Теперь и ты при дѣлѣ.... а хорошо было бѣгать по волгѣ!

Подойдя къ зеркалу, онъ поклонился почтительно, и сказалъ:

— Мое почтеніе, господинъ профессоръ! Мое почтеніе.

Но Рейнхарда радовала та мысль, что теперь онъ смѣло можетъ идти къ Толстоногому и просить руки его дочери; онъ мысленно представлялъ себѣ радость Лорле.

Уложивъ свой манкенъ и старья шоловья драпировки, онъ опять покатилъ въ ту сторону, гдѣ жила прекраснѣйшая половина его любви.

С М И Р Н О.

Дорогой странная мысль вызвала яркую краску на щеки Рейнхарда. Онъ провелъ нѣсколько дней на коврахъ и въ кругу тонко-образованнаго міра, и невыразимая нѣга проникла въ душу его; необъяснимая сила влекла его въ центры, гдѣ умъ человѣческой игралъ блистательными фейерверками, остроуміе разсыпалось разноцвѣтными искрами; его влекло въ атмосферу полную благоуханій и утонченныхъ мелодій, прочь отъ грубой дѣйствительности, вонь изъ стѣснительныхъ, матеріальныхъ мѣщанскихъ границъ.... онъ быстро побѣдплъ это влеченіе, но вскорѣ оно овладѣло имъ въ другомъ видѣ: ему казалось, что Лорле вѣчно останется чуждою его художническихъ мыслей, что онъ самъ въ своемъ домѣ будетъ какъ чужой, посторонній.

Эти мысли волновали кровь Рейнхарда, и щеки его разгорѣлись.

Онъ задумалъ—было мало—по—малу образовывать Лорле, но отвергнувъ эту мысль, и вскричалъ почти въ слухъ:

— Нѣтъ, она должна остаться чистой дитей природы, даже посреди городской испорченности; ей не нуженъ другой міръ; мною ограничится весь міръ ея....

Въ глубинѣ души просилъ онъ у нея прощенія, что мысль его хоть на мгновеніе могла оторваться отъ нея.

Долгіе промежутки между измѣненіями рода жизни имѣютъ для человѣка воспримчиваго добрую и злую сторону; они уменьшаютъ часто пылкость и блаженство чувствованій, но въ то же время смягчаютъ и устраняютъ несогласія, противорѣчія ихъ.

Беззаботно и какъ—бы не думая о томъ, что онъ готовился къ рѣшительнѣйшему шагу въ своей жизни, ѣхалъ Рейнхардъ впередъ, безъ нетерпѣливаго, безпокойнаго стремленія къ любимой. Въ уѣздномъ городѣ оставилъ онъ свои вещи и пѣшкомъ отправился по лѣсной дорогѣ. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ деревнѣ, тѣмъ пламеннѣе вспыхивала въ немъ снова любовь; въ сильномъ волненіи побѣжалъ онъ къ дому. Бѣрбель стояла подъ—дверьми, и подала ему жесткую руку:

— Я не думала, что вы такъ скоро вернетесь, сказала она.

Рейнхардъ не могъ отвѣчать; Лорле хотѣлъ онъ сказать первое слово; онъ взбѣжалъ наверхъ; никого не было въ домѣ. Бѣрбель рассказала, что Лорле уѣхала съ родителями въ городъ, въ тотъ самый, изъ котораго пришелъ Рейнхардъ.

Трудная была задача ждать нѣсколько часовъ, съ извѣстіемъ, рѣшавшимъ участь влюбленныхъ.

Рейнхардъ тотчасъ же собрался опять въ путь, чтобы идти на встрѣчу отсутствующимъ; но пройдя около часу по лѣсной тропинкѣ, вдругъ вспомнилъ, что Лорле и родители ея воротятся по большой, проѣзжей дорогѣ; тихо вернулся онъ домой, но ожидаемые еще не возвращались. Вдругъ невыразимая боязнь сдавила сердце его; ему показалось, что онъ могъ лишиться Лорле.... Зачѣмъ побѣжала она съ родителями въ городъ?... Невольно сознавался Рейнхардъ, что собственныя сомнѣнія его были причиною этого опасенія; но оно было не продолжительно; непорочность и возвышенная душа дѣвушки служили ему порукой въ ея вѣрности. Когда стало смеркаться, онъ засвѣтилъ свѣчу, и долго—долго засмотрѣлся на свою картину; онъ какъ—бы удивлялся самому себѣ; ему казалось что другая, болѣе могущественная кисть создала произведеніе, находившееся предъ нимъ.

Взявъ лютию, Рейнхардъ сталъ играть и пѣть, но скоро пересталъ; потомъ не раздвѣваясь легъ на постель; онъ хотѣлъ непременно сегодня переговорить съ дѣвушкою и ея родителями; онъ не хотѣлъ потерять ни одной минуты своего счастья, но заснулъ и проспалъ пріѣздъ хозяевъ, вернувшихся поздно ночью.

Мать легла спать, отецъ сидѣлъ за столомъ и читалъ привезенныя съ собою газеты; не смотря на многократныя замѣчанія его, Лорле не уходила и все прибирала что—либо въ горницы; наконецъ она робко подошла къ отцу и сказала:

— Тятя, у меня есть до тебя просьба....

— Смирно.... Говори.

— Погаси свѣчу, но не уходи.

— Это зачѣмъ?

— Пожалуста; я хочу тебѣ что—то сказать, но при свѣтѣ не могу.

— Эка дурочка! Изволь. Ну, вотъ я погасилъ. Теперь говори.

Лорле положила руку на плечо отца, и дрожащимъ голосомъ сказала ему на ухо:

— Херъ Рейнхардъ любитъ меня, и мнѣ онъ любъ; онъ хочетъ жениться на мнѣ, а я хочу выйти за него и ни за кого другого въ свѣтѣ.

— Неужто? Это вы между—собою уладили?

— Да.

— Смирно.... Пои спать; завтра тоже день, и мы поговоримъ въ другой разъ.

Ни просьбы, ни мольбы не помогли; она не получила другаго отвѣта.

Когда Толстоногія сталъ обходить, по своему обыкновенію весь домъ, онъ увидѣлъ, что дверь Рейнхарда была полурастворена и ключъ торчалъ снаружи; онъ затворилъ дверь и повернулъ ключъ; Рейнхардъ былъ запертъ снаружи.

Рано утромъ отецъ разбудилъ Лорле; когда она сошла, онъ сказалъ ей:

— Пошла на мельницу, и не уходи оттуда, пока я самъ не приду за тобой.

Лорле должна была повиноваться, она знала, что возраженія ни къ чему не поведутъ; она не смѣла взойти еще разъ наверхъ, и немедленно отправилась туда, куда посылалъ ее отецъ.

Толстоногія бродилъ взадъ и впередъ; онъ не спалъ дѣлую ночь, а потому есорился со Стефаномъ и всѣми домашними.

Наконецъ онъ сѣлъ и сталъ читать въ газетѣ цѣны на хлѣбъ; не смотря на то, что онъ былъ высоки, онъ судорожно сжималъ губы и сердито постукивалъ ногой по полу. Вдругъ наверху послышалась страшная стукотня въ дверь; теперь только вспомнилъ Толстоногій, что заперъ Рейнхарда; онъ приказалъ Бѣрбели выпустить его; этимъ онъ самъ избавлялся отъ объясненій. Рейнхардъ сошелъ внизъ и бросился къ хозяину съ распростертыми объятіями; но послѣдній не трогался и держа газету обѣими руками, спросилъ сухо:

— Опять въ нашихъ краяхъ?

— И, надѣюсь, надолго! отвѣчалъ Рейнхардъ.

— Смирно.... Я говорю вамъ безъ обиняковъ, соберите свои пожитки и съ Богомъ.

— А Лорле? спросилъ Рейнхардъ дрожащимъ голосомъ.

— Съ нею я ужъ справлюсь; это мое дѣло; другимъ въ это нечего мѣшаться.

— А я не уйду изъ дому, пока сама Лорле не вышлетъ меня.

— Неужели? Это, видно, по вашему, господа городскіе! А по нашему иначе. Понялъ? сказалъ Толстоногій, вставая....

— Я не ожидалъ отъ васъ такого мужицкаго чванства, сказалъ Рейнхардъ.

Толстоногій грозно запыхтѣлъ, сжалъ кулаки и медленно о-смотрѣлъ Рейнхарда съ ногъ до головы, какъ-бы говоря:

— Знаешь-ли ты, съ кѣмъ говоришь?

Рейнхардъ покачалъ головой и сказалъ наконецъ:

— Вы всегда были разумный человѣкъ; чего же вы теперь такъ взбѣсилсь? Что я вамъ сдѣлалъ худаго?

Эти кротко произнесенныя слова произвели благодѣтельное дѣйствіе, и Толстоногій отвѣчалъ прерывавшимся голосомъ:

— Что сдѣлалъ? Нѣчто доброе дѣло украсть мое дѣтище, мою единственную дочь?

— Пускай за меня отвѣчаетъ Лорле. Гдѣ она? спросилъ Рейнхардъ.

— Видно пропала; она тамъ, гдѣ ей слѣдуетъ быть. Лорле вернется сюда только тогда, когда вы уберетесь.

Увидѣвъ непритворную горестъ, выразившуюся на лицѣ Рейнхарда, Толстоногій сказалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Извольте, я скажу гдѣ Лорле; она на мельницѣ.

— А я даю вамъ честное слово, съ живостію возразилъ Рейнхардъ: не говорить съ нею ни слова безъ вашего позволенія.

— Вѣрю, вы всегда были честный человѣкъ; теперь мнѣ пора въ поле, сказалъ Толстоногій спокойно.

Онъ ушелъ въ поле, а Рейнхардъ къ себѣ. Съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся онъ писать драпировки; онъ даже не сошелъ къ обѣду, а велѣлъ принести его на верхъ.

Бѣрбель, которой все было извѣстно, утѣшала Рейнхарда и говорила, чтобы онъ не терялъ надежды; старикъ жѣстокъ, пускай постоитъ на огнѣ—размягчится. И мать тайкомъ пришла наверхъ, но не говорила ни слова о главномъ предметѣ; только по заботливости ея о Рейнхардѣ онъ могъ замѣтить, что она была за него.

Вечеромъ Рейнхардъ разсказалъ отцу, что изъ любви къ Лорле онъ выхлопоталъ себѣ должность, и надѣется, что она будетъ съ нимъ счастлива. Толстоногій не отвѣчалъ, но поднося въ это самое время стаканъ съ виномъ ко рту, значительно посмотрѣлъ на Рейнхарда.

Когда Бѣрбель принесла утромъ кофе, она сказала Рейнхарду:

— Дай Богъ счастья!

— Что такъ?

— Вы, какісь, профессоромъ сдѣланы; старикъ до полудни толковалъ о томъ женѣ; что ни говори, а ему любо; вода начинаетъ уже кипѣть.

Старику не сидѣлось на мѣстѣ; онъ бродилъ цѣлый день по дому, ворчалъ и даже придирался къ женѣ; это съ нимъ никогда не случалось; но теперь ему хотѣлось, чтобы она уговорила, упросила его покончить дѣло добрымъ порядкомъ; но она не пикула, какъ говорится; она не хотѣла взять на себя отвѣтственности; притомъ же ей самой было больно отдать свое дѣтище на чужія руки; забота и раздумье такъ утомляли ее, что она садилась отдохнуть, то тамъ, то сямъ, гдѣ только находила свободное мѣстечко.

На третій день Толстоногій вошелъ къ Рейнхарду, сѣлъ и долго не говорилъ; наконецъ сказалъ:

— Я рѣшился. Я отрываю кусокъ отъ своего сердца, отпущая дитяtko въ дальнюю сторону; но что тутъ дѣлать? Выслушайте мое предложеніе: я отдамъ Лорле на-годъ въ монастырь; пусть она тамъ научится тому, что ей нужно знать въ городѣ; и если черезъ годъ вы не отступитесь.... ну, такъ съ Богомъ!

Рейнхардъ увѣрялъ, что Лорле не-зачѣмъ учиться; что онъ любить ее именно за простоту; старикъ улыбнулся и ушелъ.

Три дня и три ночи провела Лорле на мельницѣ-въ тяжкомъ

раздумья; она не получала вѣсточек. Стефанъ самъ ничего не знаетъ, и часто ей казалось, что она перенесена въ другой мѣръ. На четвертый день Толстоногій пришелъ за дочерью; онъ былъ угрюмъ, и Лорле послѣдовала за нимъ какъ кроткая жертва. Отецъ сердился не на нее, а на самого себя за то, что долженъ былъ наконецъ уступить.

— Любовь тебѣ еще Рейнхардъ? спросилъ онъ, когда они прошли молча порядочный конецъ.

— Я по смерти не перестану любить его, возразила Лорле.

Они пошли далѣе; никто не произносилъ болѣе слова. Толстоногій совсѣмъ не думалъ обрадовать дочь нечаянностью, это было не въ его характеръ; но она должна была молчать, пока онъ самъ не говорилъ, а онъ не хотѣлъ говорить, потому что ему было не до того, и притомъ онъ не хотѣлъ дважды произносить одного и того же.

Бѣрбель извѣстила между тѣмъ Рейнхарда, что отецъ пошелъ за дочерью; онъ поспѣшилъ имъ навстрѣчу, и когда влюбленные увидѣлись опять послѣ долгой разлуки, любовь ихъ вспыхнула съ болѣею силою, и Рейнхардъ вскричалъ;

— Батюшка, отдайте за меня Лорле, сейчасъ, здѣсь!

— Смирно.... такъ не водится; только нищѣ обручаются на большой дорогѣ, у забора; пойдѣмъ домой.

Слова эти были многозначительны; рука объ руку шли влюбленные; имъ не нужно было словъ. Подходя къ деревнѣ, Лорле нашла нужнымъ поправить передникъ; она опустила руку Рейнхарда, и уже не брала ее послѣ.

Въ горницѣ собралась вся семья; всѣ стояли, только отецъ сѣлъ, и послѣ приличнаго молчанія, началъ говорить:

— Старуха, какъ думаешь? обвинять ихъ?

— Какъ ты разсудишь, такъ тому и быть, отвѣчала жена.

— Слышишь Лорле, вотъ такъ слѣдуетъ быть женѣ; замѣтай себѣ это, сказалъ отецъ, а Лорле раскраснѣлась. Отецъ продолжалъ, вставая: Я думаю, что теперь мы покончимъ споръ, послѣ жатвы будетъ обручение, а черезъ годъ ступайте съ Богомъ подъ вѣнецъ! Хорошо ли распорядилось мое мужицкое чванство? спросилъ онъ, ударивъ Рейнхарда по плечу.

— Добрый батюшка! произнесъ послѣдній прерывающимся голосомъ.

— И вы добрый человекъ, этого отъ васъ отнять нельзя. Ну, по рукамъ.

Начались рукопожатія; Рейнхардъ крѣпко поцѣловалъ мать и еще крѣпче пожалъ руку отцу.

Каждый старался еще преодолѣть внутреннее волненіе, когда Толстоногій растопыривъ ноги и подбоченясь, всталъ передъ Рейнхардомъ и вскричалъ:

— Теперь мнѣ нужно еще сказать тебѣ слово, ты шармажики, ты растеряха этакой! Тебѣ, видно ни по чемъ ей приданое? И не спрашиваетъ, точно нищю беретъ! Наше трудовое добро ему, словно тринь-трава; не стоить вниманія! Кукушка ты! хороша хозяйиня! Я, сударь мой, не шучу, нечего смѣяться....

— Ради Бога, замолчи, вскричала мать: люди услышать, подумаютъ, что ты бранишься, пойдутъ толки...

— Лорле, сказалъ отецъ, замѣтай себѣ еще одно: когда мужъ говоритъ, жена должна молчать. Смирно.... Теперь маршъ, за работу.

Всѣ ушли; Лорле тоже хотѣла уйдти рука объ руку съ Рейнхардомъ, но отецъ мигнулъ ей и сказалъ:

— Останься еще маленько здѣсь.

Лорле осталась одна съ отцомъ въ горницѣ, и онъ сказалъ ей: — Довольна ты теперь? Нечего хныкать, будь весела; но слушай.... что бишь я хотѣлъ сказать?... Да, слушай.... позаботься о томъ, чтобы на свадьбѣ ты могла съ честію и чистою совѣстью надѣть вѣнокъ.

Лорле не упала въ объятія отца, она не скрыла лица, но прямо и гордо посмотрѣла на него, и отвѣчала твердо:

— Тятя, ты не знаешь, какъ онъ честенъ.

— Вѣрю; тѣмъ лучше, что онъ честенъ; но полагайся больше на свою собственную честность, нежели на чужую. Ну, теперь съ Богомъ, иди.

Счастливые дни наступили для жениха и невесты. Прямое, открытое отношеніе ихъ не измѣнило обращенія Рейнхарда, но Лорле чувствовала себя гораздо свободнѣе; она была въ постоянномъ восторгѣ, когда сосѣдки приходили къ ней одна за другою, поздравить ее и пожелать благополучія. Почти каждая хвалила въ Рейнхардѣ что-либо особенное, только всѣ сожалѣли, что Лорле уйдетъ въ такую даль; она же просила всѣхъ навѣщать ее въ столицѣ, останавливаться всегда у нея, и дѣлать съ нею хлѣбъ-соль.

Уже теперь стали проявляться нѣкоторыя особенности Лорле. Она ни за что не хотѣла итти съ Рейнхардомъ рука объ руку черезъ деревню, но выйдя въ поле, сама хватала руку его, прыгала и радостно цѣла. Рейнхардъ ни разу не могъ убѣдить ее итти съ нимъ гулять въ будни, до наступленія вечера; но

по окончании дневных работ она сама звала его. Находясь еще под властью деревенских обычаев, она не могла, не хотѣла отступать отъ нихъ.

Одно обстоятельство служило постоянно предметомъ споровъ между Рейнхардомъ и его будущимъ тестемъ. Рейнхардъ хотѣлъ сыграть свадьбу нынѣшнею же осенью; онъ не хотѣлъ быть долго женихомъ и томиться еще нѣсколько мѣсяцовъ; старикъ же ни за что не хотѣлъ такъ круто повернуть дѣломъ. Женщины въ домѣ знали однакожъ, что онъ уступитъ, и мать тайкомъ заказывала у ткачей полотна, и завалила работой всѣхъ швеекъ, между тѣмъ, какъ сестра помощника готовила для Лорле городское платье, по вѣрной мѣркѣ.

Не смотря на свое новое положеніе, Лорле не считала себя забавленною отъ домашнихъ работъ; она трудилась болѣе прежняго; до отъѣзда своего она хотѣла все привести въ порядокъ, точно честная и добросовѣстная служанка, которая, отходя отъ мѣста, добровольно мостъ полы и убираетъ весь домъ сверху до низу. Самъ Рейнхардъ не могъ воспротивиться тому, и долженъ былъ удовольствоваться вечерними прогулками, во время, которыхъ Лоре была полна жизни и бодрости.

— Мнѣ все кажется, сказала она однажды, будто сегодня суббота, а завтра воскресенье; проходитъ день, на другой мнѣ опять кажется то же, и такъ далѣе. Я такъ рада! Мнѣ бы хотѣлось.... я сама не знаю, что бы мнѣ хотѣлось.

Въ другой разъ они гуляли по лѣсу; вечернія мошки безпрестанно налетали Лорле въ лицо; она отгоняла ихъ нетерпѣливо, а Рейнхардъ замѣтилъ:

— На лицѣ твоемъ столько лучезарнаго свѣта, что мошки летать къ нему, какъ на свѣчу; я самъ налетѣлъ и—сгорѣлъ.

Лорле схватила сучекъ, стряхнула съ листьевъ вечернюю росу на Рейнхарда и сказала:

— Постой, дай погашу.

Красивая зубчатая травка и фиолетовые колокольчики заставили Лорле пролить первыя слезы, съ-тѣхъ-поръ, какъ она была стоворена.

Женихъ и невѣста прогуливались по лугу; первый сорвалъ травку и колокольчикъ, и сталъ показывать Лорле узорчатый видъ травки, и объяснять чудное устройство колокольчика.

— Во всемъ искусственномъ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго, сказалъ онъ въ заключеніе длиннаго объясненія.

— Что ни толкуй, а все-таки это не болѣе, какъ простая травка, возразила Лорле.

Стъ сердцемъ вскричалъ Рейнхардъ:

— Какъ ты можешь быть такъ глупа послѣ того, что я толкую тебѣ болѣе четверти часа!

Крупныя слезы выступили на глазахъ дѣвушки; Рейнхардъ старался утѣшить ее, но внутренно досадовалъ, ибо забылъ, что только тотъ, кто вдоволь насмотрѣлся на рѣдкость и пышность садовыхъ растений, невольно возвращается къ прекрасной простотѣ узорчатой травки....

Вечеръ этотъ оставилъ грустное впечатлѣніе въ душѣ Лорле; она не обвиняла Рейнхарда, но усомнилась въ самой себѣ; ей въ-самомъ-дѣлѣ казалось, что она ужасно глупа, и часто, спросивъ о чемъ-либо, она боязненно вздрагивала; не смотря на то, она не могла лгать, не могла показывать притворнаго участія и лицемернаго согласія. Но любовь все побѣждаетъ. Лорле рѣшилась внимательно слушать Рейнхарда, потому-что онъ былъ гораздо умнѣе ее. Такимъ образомъ, робость ея мало-по-малу разсыпалась, и она сдѣлалась прежнимъ веселымъ, непринужденнымъ ребенкомъ.

Однажды Рейнхардъ ужасно испугалъ ее. Въ веселомъ расположеніи духа сидѣлъ онъ вечеромъ съ отцомъ, за стаканомъ вина; Лорле нарѣзывала хлѣбъ въ супъ, и была невыразимо счастлива, что близкіе сердцу ея были такъ искренно дружны, она смотрѣла то на одного, то на другаго, и наконецъ сложила руки, какъ-будто бы то были руки добрыхъ людей, дружески бесѣдовавшихъ между собою....

Рейнхардъ былъ опять расположенъ къ разнымъ шалостямъ. Онъ шатался по комнатамъ, лепеталъ не твердымъ языкомъ невнятные слова, точь-въ-точь пьяный. Лорле знала, что онъ шутитъ; не смотря на то она всплеснула руками и вскричала съ боязнью:

— Ради Бога, Рейнхардъ, Рейнхардъ, перестань! Не шути, Богъ вѣсть что можетъ случиться!

Рейнхардъ тотчасъ пересталъ, но на Лорле эта шутка произвела глубокое впечатлѣніе; она не была ни сантиментальна, ни жеманна, она знала позорную половину жизни, и не разъ уже выгоняла буйныхъ пьяницъ изъ гостиницы; но ей казалось, что уродуя себя такимъ образомъ, Рейнхардъ унижался; съ покорностью ставила она его такъ высоко надъ собою, что не могла терпѣть и шутки, умалявшей его достоинства. Цѣлую ночь отвратительное зрѣлище носилось передъ нею, и только утромъ, когда Рейнхардъ обѣщалъ не дѣлать болѣе такихъ шутокъ, оно исчезло изъ души ея.

Это были единственные случаи, возмутившіе на время счастье влюбленных; кромѣ нихъ они вездѣ встрѣчали радости; каждая травка, каждый листикъ навѣвали на нихъ счастье.

Кто можетъ обнять радостные порывы души, обращающейся во внутрь себя? Зачѣмъ слышимъ мы отсюду горестныя вѣсти о страданіяхъ и неприяностяхъ жизни? Неужели одно страданіе живетъ въ самосознаніи? Отчего? Не должны ли радость и восторгъ быть настоящими условіями жизни? Радость и восторгъ, протекающіе изъ любви и сливающимся съ мыслію объ истинной, вѣчной жизни....

Картина была кончена и отослана въ столицу на выставку. Къ крайнему своему сожалѣнію Рейнхардъ узналъ, что помощникъ неосторожно разгласилъ, съ кого написана картина. Англичанинъ, принявшій въ Римѣ католическую вѣру, и находившійся въ то время въ столицѣ, предложилъ за картину значительную сумму денегъ; Рейнхардъ продалъ ее, ибо не хотѣлъ, чтобы въ томъ городѣ, гдѣ ему приходилось жить, былъ постоянно выставленъ портретъ жены его. Была еще другая причина. Каждое отношеніе имѣетъ свою матеріальную сторону. Рейнхарду нужны были деньги для обзаведенія. Съ грустнымъ чувствомъ сказалъ онъ навсегда прости произведенію, вылившемуся, такъ сказать, изъ глубины души его. Картина отправилась въ Англію, для украшенія частной галереи.

Помощникъ нанялъ Рейнхарду квартиру, а сестра его привела ее въ порядокъ. Съ этимъ извѣстіемъ опять приступили къ Толстоногому, чтобы заставить его ускорить свадьбу.

Несмотря на все простодушіе Толстоногого, ему было пріятно произносить передъ крестьянами: — Мой зять, профессоръ, — тѣмъ болѣе, что онъ сердечно полюбилъ Рейнхарда. Когда въ домъ приступилъ къ нему, онъ отвѣчалъ:

— Я вижу, что вы всѣ сговорились противъ меня; я теперь ничего не значу въ домѣ, шшъ быть по вашему!

Рейнхардъ тотчасъ побѣжалъ къ священнику и просилъ его огласить ихъ въ слѣдующее же воскресенье. Съ особеннымъ усердіемъ принялся онъ за окончаніе обѣщаннаго запрестольнаго образа; онъ написалъ его бойкою, смѣлаюстью кистью, выработавъ только нѣкоторыя отдѣльныя головы. Свадьба была назначена въ воскресенье, передъ освященіемъ новой церкви. Лорле желала присутствовать на послѣднемъ торжествѣ, но Рейнхарду надоѣло жить въ деревнѣ; его уже тянуло въ городъ.

УЪХАЛА ВЪ ДАЛЬНУЮ СТОРОНУШКУ.

Врѣни пришла съ мельницы и провела всю послѣднюю недѣлю у подружки; онѣ спали на одной кровати, и часто бесѣдовали долго за полночь. Лорле всячески убѣждала Врѣни беречь и любить ея родителей, когда она сама уѣдетъ.

Вечеръ, наканунѣ свадьбы, Лорле стояла съ Бѣрбелью и горько плакала; ей было жаль разстаться съ доброю женщиною, дѣлвшею ее съ издѣтства; она говорила, что не знаетъ, какъ приступить къ новому хозяйству; Бѣрбель слушала, слушала и наконецъ возразила:

— Не могу, что хочешь, а не могу! Я обѣщала ему молчать, но нѣтъ мочи. Не горюй; Рейнхардъ такъ долго просилъ меня, что я согласилась ѣхать съ вами въ городъ. Будь-же повеселѣй, я останусь у тебя до-тѣхъ-поръ, пока ты сама не отошлешь меня.

Лорле побѣжала къ Рейнхарду и обняла его съ неограниченною нѣжностію; она разогнала этимъ досаду, которую произвело въ немъ только-что полученное письмо помощника. Онъ пригласилъ его, какъ единственнаго своего друга, на свадьбу; помощникъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что ему не дали отпуска, но письмо его было исполнено горечи.

Утромъ, въ день свадьбы, Рейнхардъ видѣлъ Лорле только мимоходомъ:

— Я ощущаю высокую радость и гордость, я чувствую, такъ сказать, приближеніе великой минуты, въ моей жизни.

— Умѣрь радость, смири гордость, — то были единственные слова, сказанныя ею жениху передъ вѣчаньемъ.

Лорле непремѣнно хотѣла обвѣнчаться въ своемъ крестьянскомъ костюмѣ. Вернувшись изъ церкви, она пошла къ себѣ на верхъ, чтобы нарядиться въ городское платье. Долго лежала тамъ на колѣняхъ, и слезно молилась:

— Святый, праведный Боже! я была до-сихъ-поръ такъ счастлива по Твоей великой милости, что готова умереть хоть сейчасъ, если на то будетъ Твоя святая воля; Ты далъ мнѣ дожить до этой минуты, благодарю Тебя, Господи! Я готова нести безропотно всѣ страданія, только помоги мнѣ не уклониться отъ добра! Помогни, Боже!

Она встала и позвала Врѣни, чтобы та помогла ей одѣться;

по отложить всё шёлковые платья съ вырѣзками, она выбрала простенькое, бѣлое, закрытое по самую шею.

Всѣ съ тихою радостью глядѣли на Лорле, когда она сошла; походка ея, каждое движеніе были полны чистой дѣвственно-сти.

За обѣдомъ началось веселье; Толстоногій былъ чрезвычайно расположенъ и не переставалъ шутить. Лорле казалось, что на ней лежала отвѣтственность за каждое слово отца, и многія рѣчи казались ей неумѣстными; она поводила только вилкой по тарелкѣ, но ничего не ѣла, не смотря на всѣ приглашенія.

— Я сыта, сытѣшенька, отвѣчала она постоянно, и говорила совершенную правду.

— Оставьте ее въ покоѣ, вскричалъ наконецъ Толстоногій: не бѣда, что она не ѣсть! У меня дѣти не избалованы, они воспитаны не въ топленой конюшнѣ; имъ все понутру, а потому, профессоръ, можешь ты доѣхать съ моею Лорле хоть до Парижа, она не брезглива и не разборчива.

Послѣ этой рѣчи онъ самодовольно осматрѣлся, какъ-бы требуя похвалы за умныя слова; но такъ какъ никто не думалъ хвалить, то онъ вскричалъ, нѣсколько разгоряченный виномъ:

— За ваше здоровье, господинъ пасторъ! За благоденствіе новой церкви, чтобы она и снаружи.... Ладно, я знаю про-себя, и никому не скажу! Извольте видѣть, вотъ мой зять, не такъ-ли? Но до поры, до времени—ни гугу.

Музыка играла разныя веселья аріи, но пирушка не дошла еще до разгара, какъ вдругъ за дверьми, на дворѣ послышалось хлопанье бича. Наступило глубокое молчаніе.... Рейнхардъ и Лорле встали; всѣ послѣдовали за ними. Передъ домомъ стояла каріолка, поклажа была тщательно уложена и увязана, бурый запреженъ; Мартынъ держалъ его подъ-узды.

Переходя черезъ дворъ, Лорле постоянно глядѣла въ землю, какъ будто-бы на каждомъ шагу ее что-то задерживало. Гости стояли вокругъ каріолки; но вотъ изъ толпы вышелъ Венделинъ и всхлипывая подалъ Лорле дрозда, котораго онъ самъ поймалъ, для котораго самъ сложилъ кѣтку; онъ просилъ, чтобы она взяла его съ собою на память. На каріолкѣ не было мѣста, а потому ему обѣщали, что Бѣрбелъ возьметъ кѣтку съ собою. Молча удалился мальчикъ со своимъ дроздомъ. Толстоногій взялъ съ каріолки бичъ, и такъ крѣпко ударилъ имъ бурсаго, что тотъ поднялся на дыбы и сталъ биться; Мартынъ едва могъ удержать его.

— Замѣть, сказалъ Толстоногій Рейнхарду: отправляясь въ

дорогу, нужно всегда ударить копя, чтобы онъ зналъ, что есть, дескать, кнутъ; послѣ того часто во всю дорогу не приходится бить. Такъ и съ женой. Съ самаго начала нужно дать ей знать, кто хозяинъ; послѣ дѣло пойдетъ само-собою, не-зачѣмъ брать въ руки кнута; только не забывай держать возжи покрѣпче.... тиррр! бурка, не шали, тирр!

Толстоногій опять улыбнулся своей умной рѣчи; но сегодня у него не было удачи; никто не слушалъ его. Лорле стояла приклонивъ голову на плечо матери, и рыдала; ей казалось, что она умирать съ горя.

Мать говорила:

— Старикъ, какія ты рѣчи говоришь, на прощаньи съ дѣтисцемъ! Богъ вѣсть, увидимся-ли мы еще съ нею... Она крѣпко сжала губы и не могла продолжать.

Толстоногій встряхнулся, точно будто-бы его окатили изъ ведра холодной водой; онъ положилъ кнутъ въ тележку, и сказаль:

— Ну, ну, ну, смирно.... Лорле, не реви; слушай, что я тебѣ скажу: понадобятся тебѣ деньги.... али-то не хорошо, то не такъ, то не ладно.... знаешь? помни, что у тебя есть отецъ. А если, того.... если будетъ крошка, мальчишка аль дѣвчонка, такъ знай гдѣ кумовья.... Поняла? Ну, не реви; смерть не люблю рева; полно ревьтъ! или, ей-ей! Я не отпущу тебя....

Надвинувъ шляпу на глаза и сжавъ кулаки, онъ продолжалъ:

— Я за тебя миліона не возьму! Видитъ Богъ, ты мнѣ не въ тягость. Профессоръ, поди сюда.... если раскаяваешься, такъ подай мнѣ назадъ мою Лорле; можешь оставить ее у меня; Лорле, оставайся съ нами!

Молодая подняла глаза, улыбаясь сквозь слезы, и подала отцу руку; онъ продолжалъ:

— Профессоръ, слушай еще одно, слушай: оставайся у насъ съ женою; плюнь на свое малеванье! ты не нищій, можешь обойтись и безъ ремесла; ты будешь трактирщикомъ! Все, все отдамъ тебѣ; мы сами займемъ только одну каморку внизу; такъ, что ли? Снимай поклажу, выпрягай, оставайтесь!

— А мое искусство? мое призваніе? спросилъ Рейнхардъ.

— Этого я, братъ, не понимаю, отвѣчалъ отецъ; онъ держалъ руку дочери и кусалъ губы, чтобы скрыть выраженіе, просившееся изъ глубины сердца на лицо.

Мать отвела Рейнхарда въ сторону, и сказала:

— Берегите мою Лорле; другой такой дѣвушки вы подъ цѣлымъ Божимъ небомъ не сыщете; сердце у нея кроткое, и если ей приключится горе, то она никому не скажетъ, а спрячетъ въ сердце, хоть бы оно рвалось на мелкіе кусочки.... позаботьтесь, чтобы она не простудилась въ городской одеждѣ; она къ ней не привыкла; а гдѣ остановитесь переночевать, велите подать супцу и прикажите ей ѣсть, непременно прикажите; она сегодня ничего въ ротъ не брала.... Не забывайте вашу покойницу матушку.... Ну, Господь съ вами!

Съ Лорле мать почти ничего не говорила; она только поглаживала красивую мантилью ея, и спрашивала:

— Тепло ли тебѣ? Берегись, вечера теперь холодные, какъ разъ простудиться можно, особенно въ ѣздѣ.

Лорле кивнула утвердительно.

— Стефанъ, принеси еще бутылку стараго. За твое здоровье, профессоръ; и ты, Лорле, выпьешь съ нами.

— Да, сказала мать, вино грѣетъ.

Лорле должна была пить; слезинка упала въ стаканъ ея.

Ее посадили въ каріолку, и когда Рейнхардъ хотѣлъ вскочить туда же за нею, Толстоногій еще разъ ударилъ его по плечу, и сказалъ:

— Убирайся скорѣе, негодный, шарамыга! Дѣвку мою украли! Это были ласки, и Лорле должна была смѣяться сквозь слезы.

— Ну, пошла съ Богомъ, поѣзжай! вскричалъ Толстоногій.

Музыканты, молча смотрѣвшіе на эту сцену, заиграли теперь веселый маршъ, и каріолка тронулась.

Только тотъ, кто разлучался съ близкими сердцу, кто чувствовалъ, какъ вся душа рвалась вслѣдъ удалявшемуся, можетъ понять, каково было родителямъ, когда любимое дѣтище ихъ удалилось. Мать стояла неподвижно, а между-тѣмъ ей казалось, что земля движется подъ нею, что она стоитъ нетвердо и что сверхъ-естественная сила тянетъ ее вслѣдъ за каріолкой. Дитя, которое она носила подъ сердцемъ, которое она стерегла столько лѣтъ бдительнымъ материнскимъ окомъ въ тихія ночи и посреди дневнаго шума, оторвалось отъ нее.... Крѣпко сжимала она руку, какъ бы держала въ ней невидимую, духовную нить, связывавшую ее съ удаляшеюся.... Наконецъ она громко вскрикнула и бросилась на шею мужу. Всѣ присутствовавшіе, тронутые до глубины души, смотрѣли на родителей. Священникъ старался утѣшить опечаленныхъ; мать обратила къ

нему лицо, орошенное слезами, и отрицательно покачала головой; отецъ отвѣчалъ:

— Все это правда; да, да, но вы этого не понимаете, господинъ пасторъ; вы не знаете, что значить разстаться съ дѣтищемъ*.

Священникъ промолчалъ.

— Пойдемъ домой, старуха, сказалъ Толстоногій, взявъ жену подъ руку, чего онъ почти никогда не дѣлалъ: пойдемъ, теперь мы опять должны поближе прижаться другъ къ другу. Въ началѣ нашего супружества у насъ не было дѣтей, теперь опять скоро не будетъ ихъ; пойдемъ, попляшемъ. Музыка, плясую! да отличную!

Вернувшись въ домъ, Толстоногій старался заглушить свое горе гнѣвомъ; онъ сталъ бранить новую моду, по которой молодые должны оставлять общество векорѣ послѣ свадебнаго пира и не участвовать въ пляскахъ.

— Это то же, что люлька безъ дитяти, говорилъ онъ.

Лорле между-тѣмъ быстро и не оглядываясь удалялась съ Рейнхардомъ; она придерживалась за край каріолки; ей казалось, какъ-будто она въ первый разъ въ свою жизнь сидитъ въ ней; движеніе въ неподвижности казалось ей страшнымъ.

— Мы ѣдемъ.... сказала она Рейнхарду.

Онъ посмотрѣлъ на нее молча.

За деревней, на краю дѣроги, сидѣлъ Венделинъ со своей клѣткой. Когда молодые поровнялись съ нимъ, онъ вынулъ птицу изъ клѣтки и поднялъ ее надъ головою. Случайно ли или съ намѣреніемъ, онъ выпустилъ птицу изъ руки, и она улетѣла.... Венделинъ пошелъ домой съ пустой клѣткой.

Молча ѣхали молодые; у Лорле было множество мыслей или, лучше сказать, не было ни одной. Остановившись передъ спускомъ, чтобы затормозить, она сказала:

— Поѣзжай тихонько, Мартынъ. Сойдемъ, Рейнхардъ; пройдемся пѣшкомъ.

— Останемся лучше въ каріолкѣ; впрочемъ, какъ ты хочешь.

Рейнхардъ соскочилъ на землю, помогъ Лорле сойти, и нѣсколько времени держалъ ее на рукахъ.

— Отпусти же меня! вскричала она.

Дорѣгой Рейнхардъ сказалъ:

— Такъ точно, какъ теперь я держалъ тебя на рукахъ, такъ

* Католическіе священники, какъ извѣстно, безбрачны.

я буду носить тебя всю жизнь; я одинъ держу тебя, ты моя, моя передъ цѣлымъ міромъ, передъ всѣми.

Лорле, не поняла хорошенько, что онъ хотѣлъ сказать этими словами; она думала только, что онъ намекалъ о томъ, что онъ сильнѣе ея и что она должна покоряться ему; она охотно соглашалась съ этимъ.

— Помнишь-ли ты еще, что тебѣ приснилось? спросила она.

Рейнхардъ вовсе забылъ о томъ, что ему приснилось въ первую ночь въ деревнѣ; Лорле помнила, но увѣрила, что она не боится.

— Я не вѣрю снамъ, сказала она серьезно: мнѣ уже болѣе десяти разъ снилось, что отецъ мой умеръ, и что я шла за гробомъ его, а между-тѣмъ онъ, съ Божіею помощію, и здоровъ и веселъ; только то беспокоитъ, что онъ такъ толстѣетъ и совсѣмъ не хочетъ болѣе ходить. Каково-то онъ теперь поживаетъ? Мнѣ кажется, что я уже цѣлый вѣкъ не видалась съ нимъ.... Теперь они моютъ посуду и прибираютъ; часу до одиннадцатаго будетъ имъ работы; дай Богъ, чтобы мать Венделина не надѣлала убытку; она добрая женщина, но такая невловкая! Все валится у нея изъ рукъ. Авось Бѣрбель....

— Оставь теперь Бѣрбель и будь со мною, замѣтилъ Рейнхардъ.

— Да, да; но говори ты что-нибудь, а не то я опять заговорю вздоръ.

— Будемъ лучше молчать, намъ и такъ хорошо.

— И то ладно.

Пріѣхали въ Г., ближайшій городокъ; Рейнхардъ и Лорле ужинали въ комнаткѣ, которую имъ отвели; онъ сначала поднесъ ей ложку съ супомъ, точно ребенку, но потомъ она и сама принялась ѣсть съ аппетитомъ. Когда они откушали, Лорле сложила тарелки одну на другую, стряхнула скатерть за окно, и сложила ее по старымъ складкамъ.

— Сейчас видна дочь хозяина гостиницы, сказалъ Рейнхардъ смѣясь: оставь это, кельнеръ уберетъ.

— Позволь мнѣ, возразила Лорле: терпѣть не могу, когда послѣ стола посуда остается не убранною.

Онъ согласился съ нею и назвалъ ее своею хозяйшюкою, которая обращаетъ ему и чужой домъ въ свой. Молча и прижавшись другъ къ другу, просидѣли они нѣсколько времени; вдругъ Рейнхардъ скоро поднялся, обхватилъ колѣни жены и вскричалъ со слезами:

— Я не достоинъ тебя!

Лорле подняла, утѣшала его, потомъ сказала:

— Поѣдемъ далѣе, Рейнхардъ; ночь прекрасная, лунная; слѣлай одолженіе, поѣдемъ, Рейнхардъ.

Въ нѣмомъ восторгѣ и озаренные сребристымъ свѣтомъ луны, поѣхали молодые далѣе.

Лорле часто думала о домѣ; ей очень хотѣлось бы знать, улеглись ли всѣ спать или продолжаютъ ли еще пляски; однажды она сказала Рейнхарду:

— Замѣтилъ ли ты, какой они сыграли прекрасный вальсъ, когда мы уѣхали? Онъ все еще жужжитъ у меня въ ухахъ...!

Въ это же время мать вошла въ каморку дочери, и только тамъ, передъ одинокою постелью, выплакалась вволю; долго глядя на свѣтлую луну, потомъ молча сошла опять внизъ.

Танцы продолжались не слишкомъ долго; всѣ старались сбросить силы для будущаго воскресенья, для торжества освященія новой церкви.

Мартынь ѣхалъ съ молодыми три дня, и Лорле все казалось, что это одна прогулка, что завтра они вернутся домой, и все пойдетъ по старому.

Между-тѣмъ какъ сговоръ произвелъ на Лорле глубокое впечатлѣніе, а на Рейнхарда мимолетное, дѣйствіе самой свадьбы на молодыхъ было совершенно противное. Сговоръ поставилъ дѣвушку въ новое для нея положеніе, и одно это дѣйствіе уже связало ее съ Рейнхардомъ неразрывными узами. Послѣ свадьбы живописцу показалось, что онъ сталъ другою человѣкъ; онъ, доселѣ одинокій, былъ связанъ неразрывными узами съ другимъ существомъ; ему казалось, что вся природа измѣнила свой прежній видъ, а между-тѣмъ все было по-прежнему, только для него начиналась другая жизнь.

Одна изъ особенностей Лорле, простилавшая частію изъ строгаго порядка, заведеннаго въ домѣ отца ея, но преимущественно изъ состраданія ея къ людямъ и скоту, — была та, что ею овладѣвало лихорадочное безпокойство, лишь только она узнавала, что бурка запряжена.

— Мнѣ все кажется, будто я сама запряжена и должна ждать, отвѣчала она на замѣчанія Рейнхарда.

Чтобы отгнать ее отъ отъ такой торопливости и такого безпокойства, Рейнхардъ нарочно мѣшкалъ и медлилъ передъ каждымъ отъѣздомъ, а Лорле всякій разъ извинялась передъ Мартыномъ, что они заставили его такъ долго ждать.

На третій день они остановились въ Базелѣ, въ гостинницѣ *Трестъ-Королей*; отсюда Мартынь отправился въ обратный путь. Невыразимо тягостна была Лорле эта послѣдняя разлука съ карюлкой, съ буркой и особенно съ Мартыномъ; она сказала:

— Тысячу поклоновъ вѣдь домашнимъ; столько поклоновъ, сколько могутъ улечься на карюлку и сколько бурка светятъ.

Лорле грустила объ удалившемся, а Рейнхардъ, утѣшая ее, сказалъ:

— Будь весела, забудь все, что оставила за собою; я вынешъ тебя изъ потока обыкновенной жизни; мы одни, совершенно одни. Не думай о домѣ.

Сегодня они обѣдали въ первый разъ за общимъ столомъ; Рейнхардъ хотѣлъ развлечь жену,—это удалось ему, а между тѣмъ онъ надулся.

Молодой человѣкъ, повидимому весельчакъ, сидѣвшій за столомъ возлѣ Лорле, сказалъ ей:

— Вы, сударыня, вѣроятно, прекрасно играете на фортепiano?

— Съ чего вы это взяли?

— Дамы, хорошо играющія на фортепiano, дѣйствуютъ лѣвою рукою такъ же свободно, какъ правою.

— Нѣтъ, я не умѣю играть, но дома у насъ есть кланикорды; отецъ хотѣлъ, чтобы я училась, но у меня не хватило терпѣнія; притомъ же мнѣ стыдно было заниматься такимъ бездѣльемъ. А то, что я употребляю лѣвую руку, одна не хорошая привычка.

Молодой человѣкъ былъ очень вѣжливъ и безпрестанно заговаривалъ съ Лорле; не смотря на всѣ старанія Рейнхарда обратить вниманіе жены на себя и помѣшать разговору, незнакомецъ занималъ ее и заставлялъ громко смѣяться. Рейнхардъ былъ твердо убѣжденъ, что незнакомецъ смѣется надъ нею, хотя ничто не оправдывало его мнительности; онъ былъ взбѣшонъ тѣмъ болѣе, что долженъ былъ скрывать свой гнѣвъ. Послѣ обѣда онъ замѣтилъ Лорле, что молодой женщицѣ неприлично такъ громко смѣяться за публичнымъ столомъ, и что, вообще, не слѣдуетъ вступать въ разговоръ съ первымъ встрѣчнымъ. Съ послѣднимъ Лорле не соглашалась; она утверждала, что невѣжливо не говорить съ тѣмъ, съ кѣмъ ѣшь одну хлѣбъ-соль, изъ одного блюда; что она даже сожалѣла о прочихъ собесѣдникахъ, которые ѣли молча, словно больные на своей кро-

вати. Несмотря на то, что прежде Рейнхарду очень нравилось, что она лѣвша, она обѣщала ему оставить эту привычку.

— Ты не сердись на меня? спросилъ онъ наконецъ.

— Ахъ, Господи, за что? Ты такъ добръ со мною.

— Если и ты замѣтишь во мнѣ что нибудь дурное, не смускай! Мы будемъ исправлять другъ-друга.

— Нечего исправлять, будемъ только открытвенны, возразила Лорле.

Она не могла предписать себѣ чего-либо, а всегда дѣйствовала по прямому побужденію своего чистаго, неиспорченнаго характера; она не могла подчинить его извѣстной нормѣ, а повиновалась природнымъ внушеніямъ его; между тѣмъ, какъ Рейнхардъ, воодушевляемый благороднѣйшими намереніями, повиновался, болѣею частію, минутному расположенію духа.

Началась прогулка ихъ посреди чудесъ альпійскаго міра.

Однажды, любуясь солнечнымъ закатомъ, золотившимъ сѣвныя вершины Альповъ, Лорле спросила:

— Скажи мнѣ, Рейнхардъ, неужели на небѣ еще лучше?

— Доброе, сердечное дитя, я не могу этого знать.

— Прошу не звать меня дитей, сказала Лорле.

— Изволь, душа моя; да, на небѣ лучше; я это знаю, потому-что съ тобою я точно на небѣ!

И заходившее солнце бросило послѣдніе лучи на двухъ счастливыхъ...

Лорле внимательно слушала, когда Рейнхардъ объяснялъ ей красоты природы, и обращалъ вниманіе ея на живописнѣйшія мѣстоположенія; ей было приятно слушать, хотя она и не всегда понимала его. Иногда она прерывала его замѣчаніями о всходѣ картофеля или о томъ, что здѣсь запригали быковъ иначе, нежели у нихъ; не смотря на то, что эти замѣчанія падали, какъ холодная вода, на восторгъ или воодушевленіе Рейнхарда, онъ слушалъ ихъ терпѣливо. Еще слѣдующее произошло само собою, такъ сказать, во время путешествія: до сихъ поръ Рейнхардъ говорилъ съ Лорле на простонародномъ діалектѣ, безъ намеренія, а потому-что онъ къ тому привыкъ; но теперь этотъ діалектъ казался ему святочнымъ нарядомъ его души, грубой, будничной одеждой; онъ чувствовала, что весь міръ его размышлений не находилъ достаточныхъ выраженій въ просторѣчій; онъ не могъ высказать имъ того, что переступало за границы личнаго, матеріальнаго; а-потому онъ просилъ Лорле привыкнуть мало-по-малу къ чистому нѣмецко-

му языку; она обѣщала постараться, и съ-тѣхъ-поръ часто, не обращая вниманія на смыслъ, вслушивалась въ одни слова.— Однажды она сказала:

— Тебѣ бы слѣдовало взять умную жену, или вовсе не жениться; но нѣтъ, ни одна женщина не любила бѣ тебя такъ, какъ я!

Онъ просилъ ее вникать въ смыслъ его рѣчей; она покорялась всему, и чтобы запомнить слова, произносимыя имъ, долго твердила ихъ про себя.

Нѣкоторые обстоятельства, хотя ничтожныя по себѣ, заслуживаютъ однакожь быть замѣченными. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Лорле надѣла модную шляпу, солнце беспокоило ее гораздо болѣе, нежели прежде, когда она вовсе не носила шляпы; не смотря на то, она постоянно забывала зонтикъ; каждый разъ нужно было посылать за нимъ; кромѣ того, она то забывала его тамъ, гдѣ они садилась отдохнуть, то роняла изъ рукъ; Рейнхардъ вѣжливо поднималъ его, но и это не нравилось Лорле; она находила неприличнымъ, что онъ прислуживалъ ей, и разъ на всегда рѣшилась привязывать зонтикъ къ рукѣ.— Съ шляпою она тоже не могла сладить, также и съ шарфомъ; выйдя за-городъ, она обвязывала первую какъ косынку, а шарфъ перевязывала черезъ плечо. Она ничего не давала нести Рейнхарду; напротивъ, сама безпрестанно просила во-время прогулокъ, чтобы онъ позволилъ ей нести сюртукъ его. Еще одно: перчатки ужасно беспокоили ее; ей было неловко съ ними, — за-городомъ она поспѣшно снимала ихъ. Эти бездѣлицы часто подавали поводъ къ шуткамъ и невиннымъ насмѣшкамъ.

На Цюрихскомъ озерѣ Лорле пролила первыя супружескія слезы; причиною тому была повалъ церковь въ Вейсенбахѣ.

Съ самаго утра Лорле говорила только о томъ, что сегодня, въ воскресенье, происходитъ освещеніе новой церкви; она не обращала вниманія на окружающія ее красоты природы; нѣсколько времени Рейнхардъ слушалъ терпѣливо, потомъ попросилъ забыть на минуту свою деревню, и полюбоваться тѣмъ, что окружало ихъ; она замолчала; Рейнхардъ сѣлъ на удивительное мѣстечко на суднѣ. Когда со вѣсѣхъ сторонъ загудѣли церковныя колокола, онъ опять вернулся къ Лорле и сказалъ:

— Не правда ли, какъ это чудесно?

— Да, отвѣчала она: теперь и у насъ народъ отправляется въ церковь; Врони надѣла сегодня въ первый разъ новый чеп-

чикъ, а Венделинъ новую куртку, которую я оставила для него у Бѣрбели.

Сердито возразилъ Рейнхардъ:

— Для тебя на цѣломъ свѣтѣ ничего нѣтъ, кромѣ твоей деревни; это глупо!

Горячія слезы покатались по щекамъ Лорле, а Рейнхардъ цѣлый часъ не говорилъ съ нею, не подходилъ къ ней.

Вечеромъ Рейнхардъ осчастливилъ Лорле, объявивъ ей, что теперь они отправятся въ обратный путь. Онъ рѣшился на это въ полномъ убѣжденіи, что только въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ Лорле оживетъ; онъ самъ желалъ вкусить радости мирной домашней жизни. Много лѣтъ бродилъ онъ по міру, какъ безродный и бездомный, а потому не постигалъ вполне, какими нѣжными, но вмѣстѣ глубокими корнями жизнь сельской дѣвушки вросла въ родную почву, на которой она выросла....

До возвращенія во-своеси, Рейнхардъ долженъ былъ исполнить нѣкоторыя формальности. На послѣдней станціи передъ столицей онъ сбрилъ свою окладистую бороду, ибо оберъ-гофмейстеръ замѣтилъ, что она не прилична въ новомъ званіи Рейнхарда. Шутя, но не безъ сожалѣнія, придалъ онъ своему лицу этикетную гладь; Лорле была безутѣшна:

— Ты теперь не такъ хорошъ, какъ прежде; мнѣ все равно, но все-таки жалъ.

Она погладила рукой подбородокъ мужа, и жаловалась, что теперь, хоть гладко, а колется.

— Отецъ твой посмѣялся бѣ отъ души, еслибъ увидѣлъ меня теперь сказалъ Рейнхардъ.

Лорле смутно предчувствовала, въ какія мелочныя отношенія они вступали; но она старалась развеселить себя и Рейнхарда, и успѣла въ томъ.

МЕЖДУ ВЫСОКИМИ СТѢНАМИ.

Какъ счастлива была Лорле, когда застала въ своей новой квартирѣ Бѣрбель. Она пріѣхала ночью, не смотря на то осмотрѣла все въ подробности — здѣсь былъ новый міръ ея! Съ неописаннымъ блаженствомъ уложила она въ ту же ночь все свое приданое въ шкафы; сколько неожиданныхъ вещей прибавила къ приданому мать, — добрая мать! Отецъ, по старому обычаю, прислалъ люльку; Лорле раскраснѣлась, какъ маковъ

цвѣтъ, увидѣвъ ее; но стыдъ уступилъ мѣсто радости при видѣ изобильной провизіи и всѣхъ принадлежностей хозяйства, которыя Бѣрбель привезла съ собою; она хотѣла осмотрѣть каждый горшокъ, какъ свою неотъемлемую собственность. Рейнхардъ хотѣлъ—было сначала заставить ее итти спать, но потомъ самъ сталъ обходить съ нею комнаты, осматривать кухню, и радовался счастию своей *милой хозяйки*.

Потомъ оба просидѣли еще до глубокой ночи на диванѣ; Рейнхардъ рассказывалъ какъ онъ, единственный сынъ, рано лишился своихъ родителей, потомъ воспитывался въ гимназійи и посвятилъ себя искусству; какъ, наконецъ, онъ страствовалъ по міру, не зная тѣхъ родственныхъ связей, которыя приковываютъ человѣка къ мѣсту.

— Я не зналъ, говорилъ онъ,—что такое семейство; но теперь, благодаря Богу, желаніе мое исполнилось; правда, не безъ жертвы,—но я охотно отказываюсь отъ своего художничества, чтобы имѣть вѣрный кусокъ хлѣба, свой домъ, свое гнѣздо.

Лорле обняла его и сказала:

— А я употреблю всѣ старанія, чтобы тебѣ было хорошо дома, мой бѣдный Рейнхардъ.

Утромъ пришелъ помощникъ съ сестрою, чтобы поздравить новобрачныхъ; на другой день послѣ свадьбы онъ украсилъ всѣ двери новой квартиры вѣнками и гирляндами, но такъ какъ молодые не пріѣзжали, а цвѣты завяли, то онъ снялъ ихъ.

— Это можно угодить съ духомъ нашего времени, сказалъ онъ: онъ слишкомъ рано готовить вѣнки для новой жизни; цвѣты завянутъ и засохнутъ и подъ конецъ новый міръ въѣдетъ въ простыя, неукрашенные ворота....

Леопольдина, сестра помощника, добрая отъ природы дѣвица, но ожесточенная лѣтами и горестями, позаботилась обо всемъ съ истинно—сестринскою заботливостію; правда, она была хлопотунья по характеру, но въ этомъ случаѣ она дѣйствовала и по привязанности. Молодые благодарили ее многократно; она обошла съ Лорле всю квартиру, показывала ей каждый шкафчикъ, объясняла, какъ выдвигать ящики, въ которую сторону поворачивать ключъ, все. Лорле охотно принимала совѣты, не смотря на то, она нѣсколько разъ должна была отвѣчать:

— Это я сама знаю.

Она говорила это по своей душевной простотѣ, не зная еще общественной лжи, которая требуетъ, чтобы мы притворялись

невѣждами въ угрожденіе другимъ и чтобы польстить ихъ самолюбію; она хотѣла избавить *добрую* отъ напраснаго труда терять лишнія слова; но Леопольдина видѣла въ этихъ словахъ мужицкое чванство, не принимающее ни отъ кого совѣтовъ; сознание собственного достоинства не позволяло ей обижаться грубостію крестьянки; она не лишала ее своего сострадательнаго благоволенія, тѣмъ болѣе, что ей было истинно жаль, что это простое дитя связало свою судьбу съ судьбою человѣка такого неукротимаго и вспыльчиваго характера.

Помощникъ былъ въ странномъ расположеніи духа; шутя, распѣвая, прохаживался онъ по всѣмъ комнатамъ, и пускался на разныя шалости, какъ будто бы хотѣлъ подражать прежнимъ манерамъ Рейнхарда; далеко было еще до полудня, а между тѣмъ онъ требовалъ, чтобы Рейнхардъ выпилъ съ нимъ бутылку добраго вина, не смотря на замѣчанія сестры, напомилавшей, что ему вино вредно на тощакъ. Черты старой дѣвы приняли злобное выраженіе, когда братъ не послушался ее; Лорле замѣтила это и испугалась; Леопольдина же не говорила болѣе ни слова.

Когда братъ и сестра ушли, Лорле показалось, что все въ квартиркѣ было разстроено, что даже мебель была не на прежнемъ мѣстѣ, и не въ прежнемъ порядкѣ; но мало-по-малу она успокоилась и забыла минутное разстройство.

—Какъ тебѣ показалась Леопольдина? спросилъ Рейнхардъ.

— Была вино, теперь укусъ, возразила Лорле.

Рейнхардъ старался подать ей другое мнѣніе, но въ первый разъ замѣтилъ необъяснимую рѣзкость сужденія, которой онъ никогда не предполагалъ въ кроткой Лорле. Онъ не подумалъ о томъ, что есть любовь къ ближнимъ, которая судитъ строго и безъ снисхожденія, но которая, вопреки сознанию недостатковъ, остается неизмѣнною и полною благоволенія; онъ не подумалъ и о томъ, что сердце прямое, не испорченное, часто принимаетъ впечатлѣніе настоящей минуты за рѣшительный приговоръ.

Сунъ стоялъ наконецъ на столѣ; Лорле молча помолилась; Рейнхардъ не молился; она помолилась вторично и за него.

Они сѣли, и Рейнхардъ спросилъ:

— Лорле, это наши собственные тарелки?

— Разумѣется; чьи же иначе?

— Важно! Стало быть, если я разобью тарелку, такъ не обязанъ платить за нее; хозяинъ на счетъ не поставитъ. Это мое, все мое!

И схватив тарелку, онъ радостно бросилъ ее на полъ.

— Дюжину разрознилъ, сказала Лорле.

— У меня въ дюжинѣ всего десять, вскричалъ Рейнхардъ, и швырнувъ другую тарелку, сталъ прыгать съ Лорле вокругъ стола.

— Какой ты бѣшеный, сказала она, подбирая осколки: покой, я схожу за другими тарелками.

— Незачѣмъ! будемъ ѣсть изъ миски.

— И то ладно.

Бѣрбель прибѣжала, услышавъ битие тарелокъ.

Лорле сказала ей:

— Намъ сегодня не нужно суповыхъ тарелокъ; мы будемъ ѣсть изъ миски, точно дома.

Рейнхардъ не представлялъ своей жены никому, и зачѣмъ? въ немъ самомъ заключался весь мѣръ ея. Онъ представлялся начальникамъ, покровителямъ и знакомымъ; когда его поздравляли со вступленіемъ въ бракъ, онъ благодарилъ отрывисто и заговаривалъ о другомъ.

Учрежденіе картинной галереи не было рѣшено, хотя къ ней были уже опредѣлены чиновникъ; правительство намѣревалось созвать зимой всѣхъ депутатовъ на чрезвычайное засѣданіе, къ которому министръ финансовъ готовилъ проектъ о выдачѣ значительныхъ суммъ для постройки дворца наследнику, вступавшему въ супружество; въ тоже время хотѣли подсунуть депутатамъ и проектъ объ учрежденіи картинной галереи; новый законъ объ орошеніи полей долженъ былъ придать засѣданію видъ общепользующей цѣли.

Между тѣмъ, какъ Рейнхардъ своими визитами болѣе и болѣе знакомился съ адресъ-календаремъ, Лорле все еще не могла привыкнуть къ городской жизни. Когда все было убрано и прибрано такъ, что рѣшительно нечего было прибавить, Бѣрбель садилась въ комнату къ Лорле. Не малаго труда стоило послѣдней уговорить добрую старуху, которая находилась уже болѣе тридцати лѣтъ въ услуженіи и имѣла свои мнѣнія, свои взгляды на жизнь, свои правила, отъ которыхъ неохотно отступала. Часто говорила она Лорле:

— Господа—господа; а служба—служба.

Только окончивъ работу, садилась она иногда въ комнату къ мадамъ, но подалше отъ окна, чтобы не видно было сосѣдямъ изъ противоположныхъ оконъ. Всякій разъ, когда Рейнхардъ, у котораго былъ свой ключъ, возвращался неожиданно, она поспѣшно вставала, чтобы уйти въ кухню; почти

насилно нужно было удерживать ее. Не смотря на многократныя приглашенія не церемониться, она постоянно оставалась въ границахъ должнаго почтенія; она какъ бы гордилась своею подчиненностью, и часто говорила про-себя:

— Гдѣ кому быть, тамъ ему и мѣсто; не ладно сидѣть сегодня за столомъ, а завтра стоять за дверью.

Рейнхарду поведение ея казалось мужицкою чинностью, а потому онъ не сталъ болѣе терять лишнихъ словъ съ Бѣрбелью. За то въ отсутствіе его Лорле постоянно бесѣдовала съ нею. Квартира ихъ была въ третьемъ этажѣ новаго дома, построеннаго въ предмѣстьи.

— Ахъ, Боже мой! жаловалась однажды Лорле: мы живемъ такъ высоко, что страхъ беретъ, когда подумаю, что можетъ случиться пожаръ; и тебя мнѣ жаль: тяжело таскать на такую вышину воду! И ни виду, ни воздуха. Голова кружится, какъ посмотришь внизъ; и смотрѣть то нечего; только и видно, что донышки на шляпахъ. Хитрый народъ городскіе, они строятся не въ ширину, а въ вышину; въ воздухъ, видишь, за мѣсто не платятъ, и пахатной земли больше остается. Но я не дамъ покоя Рейнхарду, пока онъ не купитъ своего дома, гдѣ мы будемъ одни, а не такъ какъ здѣсь Поглядни, только на-лѣво видны открытое поле и зелень, но и тамъ ужъ строится новый домъ, такъ что на будущій годъ ничего не будетъ видно.

Бѣрбель, которая нѣкогда, до рожденія Лорле, полгода служила въ городѣ, могла объяснять нѣкоторыя особенности своей мадамъ. Лорле очень хотѣлось знать, что за люди живутъ съ ними въ одномъ домѣ, какое у нихъ хозяйство, чѣмъ они живутъ, и другія подробности. Бѣрбель отвѣчала, что такъ водится въ городѣ; у каждаго замкнутыя двери, свои дѣла, до которыхъ сосѣду дѣла нѣтъ. Но это не удовлетворило Лорле, и она продолжала:

— Я бы хотѣла только знать, чѣмъ живетъ веревочникъ, что противъ насъ; со вчерашняго утра онъ ничего не продалъ; проходя мимо, я часто вижу, какъ вся семья сидитъ сложа руки въ маленькой лавчонкѣ; никто не покупаетъ у нихъ, чѣмъ же они живутъ? Что они будутъ сегодня ѣсть, они, и еще многіе другіе, которые бѣгаютъ по улицамъ, точно въ воскресный или праздничный день.

— Голубушка моя, какъ знать, чего не знаешь? У насъ известно, что у каждаго въ горшкѣ и на столѣ; здѣсь не то; ты видишь, что люди эти живутъ же, не умираютъ; такъ не зачѣмъ и тревожиться.

Такъ утѣшала Бѣрбель.

Въ противоположномъ домѣ молодая дѣвушка почти цѣлый день играла на фортепiano и пѣла; только изрѣдка музыка умолкала, и хорошенькая головка въ локонахъ выглядывала изъ окна, и зѣвала, то въ одну, то въ другую сторону.

— Хорошая будетъ хозяйка, замѣтила однажды Лорле: что она дѣлаетъ въ воскресенье, коли всю недѣлю забавляется музыкой? Какъ это ей не прискуचितъ! И стыда, право, никакого нѣтъ; поетъ при открытыхъ окнахъ, такъ, что на всю улицу слышно; не понимаю, чего смотрятъ родители!

Воротившись домой, Рейнхардъ былъ всегда ласковъ и любезенъ. Чѣмъ глубже заглядывалъ онъ въ свою новую жизнь, чѣмъ болѣе знакомился съ мелочными требованиями свѣта, отъ которыхъ голова шла кругомъ, тѣмъ болѣе привязывался онъ къ мирному спокойствію, господствовавшему въ домашнемъ кругу его. Иногда онъ грустилъ, задумывался, и отвѣчалъ на заботливые распросы Лорле:

— Милое дитя, ты не должна знать и не узнаешь, что дѣлается въ свѣтѣ, въ которомъ мнѣ привелось жить. Не спрашивай меня о причинѣ моей задумчивости; у меня многое на умѣ. Будь весела и радуйся, что многого не знаешь!

— Чего мнѣ не нужно знать, о томъ я никогда не буду больше спрашивать, возразила Лорле.

Во-время прогулокъ по городу и загородомъ, помощникъ обыкновенно сопровождалъ молодыхъ. Лорле все еще не могла привыкнуть, приглядѣться къ чуждому для нея міру.

— Не знаю отъ чего, сказала она однажды: но мнѣ кажется, что въ городѣ люди совсѣмъ не такъ веселы, какъ у насъ; никто, кромѣ ребятишекъ, не свиститъ и не поетъ на улицѣ; всѣ идутъ точно нѣмые.

Помощникъ отдавалъ ей полную справедливость, и сказалъ:

— Здѣсь люди воображаютъ, что имъ не до пѣсенъ, потому-что у нихъ много мыслей въ головѣ! Но это вздоръ!

Рейнхардъ же, напротивъ, старался объяснить Лорле, что такая непринужденность невозможна въ городѣ; онъ пускался въ длинныя разсужденія о томъ, что такая воздержность или принужденность не только не имѣетъ вреднаго вліянія, но даже подкрѣпляетъ истинно здоровое существо. Помощникъ вставлялъ въ эти разсужденія колкія, рѣзкія возраженія, которыя вели къ скрытому неудовольствію между друзьями, отъ котораго Лорле первая должна была терпѣть. Когда Рейнхардъ старался внушить женѣ уваженіе къ просвѣщенію, поощрять

ее къ удивленію и подражанію такимъ вещамъ, о которыхъ она доселѣ не имѣла никакого понятія, тогда помощникъ опровергалъ всѣ доводы его, потому-что въ немъ болѣе и болѣе развивалось мнѣніе, которое онъ, будучи не въ духѣ, высказывалъ слѣдующимъ образомъ:

— Мы, со всѣмъ нашимъ просвѣщеніемъ, забрели въ глухой переулокъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Лорле, находившаяся обыкновенно между спорившими, извлекала мало пользы изъ подобныхъ диспутовъ.

— Она замѣтила однажды:

— Мнѣ кажется, что и собаки лаютъ менѣе въ городѣ, нежели у насъ въ деревнѣ; это, вѣроятно, оттого, что онѣ болѣе привыкли къ людямъ.

Помощникъ засмѣялся и сказалъ:

— Во всемъ, что говорить твоя жена, много глубоко-символическаго.

Лорле, которая была теперь смѣлѣе и не становилась въ туникъ отъ страннаго или иностраннаго слова, возразила:

— Говорите проще, когда говорите обо мнѣ.

Помощникъ объяснилъ какой глубокой смыслъ заключался въ ея наивномъ замѣчаніи, и въ ѣдкихъ, рѣзкихъ словахъ высказалъ все свое презрѣніе къ этой жизни. Лорле пожалала плечами, и сказала, что она не считала его такимъ злымъ.

Когда она жаловалась однажды, что домъ, строившійся противъ нихъ, скроетъ отъ нихъ видъ въ чистое, открытое поле, помощникъ опять нашелъ глубокой смыслъ въ ея словахъ. Лорле очень хорошо понимала его, но ей было досадно, что онъ перетолковывалъ всѣ слова и придавалъ имъ другой смыслъ. Однажды, послѣ продолжительнаго дождя, они вмѣстѣ пошли гулять.

— Какъ это хорошо въ городѣ, сказала Лорле, что вездѣ проложены чистыя дороги для пѣшиходовъ; у насъ послѣ дождя десятеро топчутъ грязь, и только одиннадцатый идетъ по сухой тропинкѣ, которую они протоптали.

Въ этотъ разъ помощникъ воздержался отъ перетолковыванія. Видно глубокой смыслъ не совсѣмъ поправился ему!...

Принявшись за работу, Рейнхардъ вдвойнѣ ощутилъ блаженство домашней жизни. Трудъ привязываетъ насъ даже къ чужимъ, одинокимъ мѣстамъ; свой же семейный уголокъ получаетъ при немъ высокую цѣну. Въ небольшой комнаткѣ, обращенной къ сѣверу и въ которой Рейнхардъ устроилъ временную мастерскую, онъ приступилъ къ окончанію картины: Но-

вая пьеса, которую онъ началъ еще въ деревнѣ. Лорле часто сидѣла съ нимъ, потому что онъ сказалъ ей:

— Прощу тебя, приходи часто ко мнѣ, когда я работаю; при тебѣ мнѣ работается легче и веселѣе. Хотя я съ тобой и не разговариваю, хотя, повидимому, и не нуждаюсь въ тебѣ, однакожь твое присутствіе для меня точно пріятная музыка.... работа идетъ легче и лучше.

Однажды, по окончаніи дневной работы, онъ сказалъ:

— Не вляжи, не шей, не дѣлай ничего, ничего, когда ты со мною; мнѣ все кажется, что съ работой въ рукахъ ты не одна, не исключительно со мной; мнѣ кажется, что съ нами еще кто-то, что ты принадлежишь мнѣ только вполнину....

— Понимаю, понимаю! Нечего столько объяснять, возразила Лорле, и отложила вѣзанье: но руки не слушаются, имъ нужна работа; дай же хоть потормозить тебя.

Она схватила его обѣими руками за голову, покачала, потомъ крѣпко поцаловала.

Любовь согрѣвала и развлекала ихъ въ холодные, темные зимніе вечера.

Не было недостатка и въ шалостяхъ. Лорле была въ высшей степени одержима женскою страстью къ стиркѣ, къ мытью; полы были теперь ея полями, она не могла пахать ихъ, но за то безпрестанно мыла. Рейнхардъ совѣтовалъ ей умѣрить свою страсть къ чистотѣ, но тщетно. Однажды онъ неожиданно вернулся домой, и не могъ войти ни въ одну комнату; вездѣ полы были еще сыры; громко смѣясь, схватилъ онъ Лорле за руку и пустился танцовать съ нею по всѣмъ комнатамъ.

Желая познакомить жену и съ внѣшнею, общественною жизнію, Рейнхардъ повелъ ее однажды на концертъ. Помощникъ не переставалъ разговаривать съ нею. Послѣ симфоніи Бѣтховена онъ спросилъ:

— Скажите мнѣ откровенно, не пріятнѣе-ли бы вамъ было усаживать хорошенькій вальсъ?

— Пріятнѣе.

Помощникъ обратился къ Рейнхарду съ торжествующимъ видомъ, и сказалъ:

— У тебя чудесная, единственная жена; у нея достаетъ еще духа признаться откровенно, что Бѣтховенъ надобѣдаетъ ей!

Рейнхардъ прикусилъ губы; дома же онъ сказалъ спокойно женѣ:

— Не слушай помощника, онъ только сбиваетъ тебя; онъ умный мальчикъ, но книгъ объѣлся. Никогда не суди о томъ,

чего не вполне понимаешь. Есть пріятная музыка, по которой движется наше тѣло, но есть и другая, которая отдѣляетъ душу отъ всего мірскаго, пробуждаетъ въ немъ радость и печаль, возноситъ высоко, высоко!... Я не могу хорошенько объяснить тебѣ этого, но ты сама поймешь со временемъ, а до-тѣхъ-подъ храни должное уваженіе къ произведеніямъ необыкновенныхъ, великихъ людей.

Лорле дала слово быть впередъ осторожнѣе.

На послѣднемъ зимнемъ концертѣ, помощникъ спросилъ ее по окончаніи одной пьесы, о чемъ она думала.

— Обо всемъ, и сама не знаю о чемъ, отвѣчала она. Когда флейты, трубы и скрипки разговариваютъ между собою, зовутъ одна другую, и потому сливаются въ одинъ общій голосъ, тогда мнѣ кажется, будто-бы не одному человѣку данъ даръ слова; а мыслямъ во время музыки такъ хорошо, такъ пріятно; онѣ танцуютъ взадъ и впередъ, кружатся, и весело, радостно имъ.

Помощникъ отвернулся и проворчалъ сквозь зубы:

— Увы! и она уже начинаетъ просвѣщаться!

Въ театрѣ, куда Рейнхардъ водилъ ее нѣсколько разъ, Лорле не находила никакого удовольствія; комедіи и водевилы казались ей ужасно глупыми; отъ пьесъ съ запутанными интригами у нея кружилась голова; онѣ беспокоили ее точно вихрь, который дуетъ со всѣхъ сторонъ такъ, что не знаешь, куда и укрыться отъ него. Но двухъ пьесъ она не могла забыть. Одна изъ нихъ была «Фенелла». Съ невыразимымъ состраданіемъ вспоминала она о бѣдной пѣмой, которая одна молчала, между-тѣмъ какъ всѣ другіе пѣли; она сожалѣла о бѣдной обманутой тѣмъ болѣе, что она была нѣма; она была очень довольна тѣмъ, что, пошумѣвъ и подравшись, рыбаки встали на колѣни и молились. — «Вильгельмъ Телль» Шиллера радовалъ ее песканно. Во все представленіе она не произносила ни одного слова, и только по временамъ тихо касалась руки Рейнхарда, какъ-бы прося его не шумѣть, чтобы не разбудить кого то или чѣго-то. На возвратномъ пути она сказала:

— Я увѣрена, что отецъ мой въ молодости охотно пожертвовалъ бы жизнію за отечество....

Рейнхардъ просилъ ее не говорить ни съ кѣмъ, кромѣ его, о подобныхъ вещахъ.

Лорле не смотрѣла на свѣтъ, какъ на давно существующій; прошедшее ей было такъ далеко отъ настоящаго, что все ка-

залось ей новымъ и какъ бы созданнымъ для нея; она все настраивала на свой ладъ.

Рейнхардъ пересталъ однакожь вскорѣ знакомить Лдрле со сферами искусствъ и просвѣщенія; она и не жалѣла о томъ; было—такъ хорошо, а нѣтъ—такъ еще лучше. Рейнхардъ самъ вступилъ въ совершенно новыя для него отношенія, въ кругъ такъ называемаго *салта*, въ которомъ все не принадлежащее къ нему по праву, считается едва заслуживающимъ вниманія; но при недостаткѣ развлеченій высшее общество приняло Рейнхарда снисходительно. Сначала онъ считалъ посѣщеніе *салтоновъ*—маленькая столица приняла это названіе въ свой этикетный лексиконъ—неразлучнымъ со своею новою должностію; ему не приходило въ голову пожалѣть о Лдрле, которая одна сидѣла дома; съ нимъ были еще многіе въ салонахъ, которые, вступивъ въ неровный бракъ съ мѣщанкою, а не только крестьянкою, должны были слыть холостяками.

Сначала Рейнхарду казалось, что онъ вступаетъ съ чистаго, открытаго воздуха въ душную горницу; тѣ, которые находятся въ ней, не знаютъ, какъ въ ней спертъ воздухъ, но входящему онъ сжимаетъ грудь; но вскорѣ онъ привыкъ къ *салту*, какъ-будто бы родился въ немъ. Два обстоятельства значительно способствовали тому. Депутаты были созваны. Принцъ часто говорилъ съ Рейнхардомъ объ устройствѣ въ бель-этажѣ новаго дворца галерей, украшенной прекраснѣйшими видами всей страны; Рейнхардъ долженъ былъ напечатать эти виды *al fresco*; во Фризѣ онъ же долженъ былъ изобразить сцены изъ крестьянской жизни и разные народныя костюмы. Рейнхардъ напередъ радовался исполненію этихъ работъ, которыми цѣль жизни художника могла быть достигнута. Онъ оставилъ на время свою картину *Новая пѣсня*, и сталъ сочинять эскизы, которые представлялъ принцу и которые сдѣлались предметомъ общихъ разговоровъ. Между-тѣмъ засѣданія депутатовъ шли своимъ порядкомъ, и оказалось, что по недостатку въ деньгахъ нельзя было приняться ни за постройку дворца, ни за учрежденіе галерей. Большинство депутатовъ предложило однакожь завести галерею въ покояхъ стараго дворца, и утвердило опредѣленіе и жалованье Рейнхарда.

Глубокое негодованіе овладѣло Рейнхардомъ; онъ убѣдился въ томъ, что сила народнаго представленія убійственна для искусствъ, которыя могутъ процвѣтать только подъ монархическимъ правленіемъ. До-сихъ-поръ Рейнхардъ жилъ безъ особенныхъ политическихъ мнѣній и привязанностей, но тѣмъ

сплѣтѣ развились они теперь въ немъ. Эта причина и еще другая, сблизили его болѣе прежняго съ высшимъ кругомъ.

Молодая графиня Матильда фонъ-Фельзенекъ, съ блескомъ вступившая недавно въ свѣтъ, особенно привязалась къ Рейнхарду; она выросла въ уединеніи, въ отцовскомъ замкѣ, ибо отецъ ея, женившись на дочери окружнаго чиновника, жилъ цѣлыя двадцать лѣтъ въ удаленіи отъ свѣта; только послѣ смерти жены, люди простили ему неровный бракъ, и ласково приняли дочь его, тѣмъ болѣе, что она была прекрасна собою и наследница богатаго имѣнія; всѣ надѣялись, что она заглядитъ проступокъ отца блистательнымъ бракомъ. Графиня Матильда, глубоко пропикнутая мыслию о судьбѣ своей матери, думала, что се терпятъ только по снисходительности, что на нее смотрятъ какъ на дочь мѣщанки, а потому чувствовала невольное влеченіе къ Рейнхарду, такое же влеченіе, какое мы чувствуемъ въ чужой сторонѣ къ соотечественнику; ей съ перваго взгляда понравилось свободное, не принужденное обращеніе Рейнхарда, который, не оскорбляя ни одной изъ общественныхъ формъ, обращался со всѣми съ едва замѣтною прозією, особенно съ графомъ де-Фуларомъ, поклонявшимся этикету. Должно сказать, что Рейнхардъ питалъ нѣкоторое почтеніе къ условной, искусственной жизни свѣта только до-тѣхъ-поръ, пока не познакомился, не сблизился съ нимъ; понявъ же всю суетность, ея, онъ подчинился опять внушеніямъ своей прямой природы.

Однажды вечеромъ, когда гости усѣлись за маленькими столами, около которыхъ суежилась и прислуживала толпа слугъ съ баснословнымъ проворствомъ, графъ де-Фуларъ сказалъ Рейнхарду:

— Графиня фонъ-Фельзенекъ весьма остроумно выразилась о рисункахъ, представленныхъ вами сегодня; она сказала: художники равняются полу-богамъ не только по своей творческой силѣ, которую увеличиваютъ сокровища міра, но и по терпѣнію, съ которымъ должны выслушивать умныя и нелѣпыя сужденія о себѣ.

Рейнхардъ невольно обратился къ молодой дѣвицѣ, сидѣвшей за другимъ столомъ.

— Если вамъ угодно познакомиться съ моею кузинной, то я съ удовольствіемъ представлю васъ, сказала подтянутый гвардейскій офицеръ, сидѣвшій возлѣ Рейнхарда.

Предложеніе его было принято съ признательностію.

Съ этого вечера начались короткія отношенія между Рейн-

хардомъ и Матильдою. Когда они встрѣчались при дворѣ или въ салонахъ, улыбка удовольствія выступала на лицахъ ихъ; не смотря на церемонность взаимныхъ привѣтствій, въ нихъ было что довѣрчивое, какъ-будто бы они назначили другъ-другу свиданіе тамъ, гдѣ встрѣчались; они оба ожидали другъ отъ друга услажденія предстоящихъ часовъ; оба чувствовали на себѣ отвѣтственность за малѣйшую непріятность, которая могла приключиться другому. Когда графъ де-Фуляръ, покровитель Рейнхарда, приковывалъ послѣдняго къ нишѣ или амбразурѣ окна разсужденіями объ искусствѣ, Матильда ужасно скучала за живописца и не обращала почти вниманія на любезности, увивавшихся около нея кавалеровъ; Рейнхардъ въ свою очередь дрожалъ за графиню Матильду, когда она садилась за фортепіано и если ариі, которыя она пѣла, не согласовались между собою, то онъ упрекалъ себя, какъ-будто бы то была его вина. Часто они пускались въ веселье, шуточные, остроумные разговоры. Рейнхардъ никогда не хвалилъ ни игры, ни пѣнія Матильды, исполненной души и чувства; онъ только говорилъ о красотахъ стихотворенія и мелодіи; она сама угадывала изъ словъ Рейнхарда, какъ глубоко проникло пѣніе ея въ душу его.

Кузѣнъ Артуръ рассказалъ, что Матильда прекрасно поетъ народныя пѣсни; по просьбѣ самаго принца, молодая графиня должна была спѣть одну изъ нихъ. Молча просидѣла она мгновеніе, судорожно придерживаясь за край фортепіано, потомъ смѣло, бойко запѣла одну изъ переливистыхъ горныхъ пѣсень, чисто, звонко и радостно, какъ жаворонокъ, возносящійся къ зарѣ, на крыльяхъ, орошенныхъ еще росой. Сегодня въ первый разъ похвалилъ Рейнхардъ ея пѣніе; но Матильда была нечальна; ей казалось, что она измѣнила тайнѣ своихъ родныхъ горъ, что она лишила наивную пѣсню простоты, бросивъ ее при свѣтѣ люстръ и восковыхъ свѣчей въ добычу фракамъ, точно заморское чудо. Рейнхардъ не соглашался съ нею, говоря, что истинно изящное заключающееся въ глубинѣ нашей души, не можетъ быть осквернено прикосновеніемъ свѣта; тѣ же, что можетъ быть разстроено или даже разрушено, не имѣетъ въ самомъ себѣ и не должно имѣть для насъ значенія. Матильда успокоилась.

Она часто заговаривала съ Рейнхардомъ о его женѣ; она даже обнаружила желаніе познакомиться съ Лорле, но Рейнхардъ отвѣчалъ отрывисто, и отклонялъ всякое сближеніе между графиней и его женою рѣшительно; онъ видѣлъ въ жела-

ніи Матильды одно любопытство, но въ то же время страшился неопытности и несвѣтскости Лорле.

По желанію дочери, графъ пригласилъ Рейнхарда къ себѣ въ домъ; Матильда, сохранявшая во всемъ существѣ своемъ въ обществахъ нѣчто горестное, почти раздражительное, была дома рѣзва и весела, какъ ребенокъ; она пѣла и играла съ чувствомъ; въ рисункахъ ея былъ замѣтенъ не обыкновенный талантъ. Всѣ цвѣты прекраснѣйшаго образованія являлись передъ Рейнхардомъ въ прекраснѣйшемъ развитіи, и когда онъ выражалъ свое изумленіе, свой восторгъ, Матильда поднимала глаза къ небу и отвѣчала:

— Ахъ, еслибъ вы знали мою покойную мать!

По временамъ они пѣли вмѣстѣ веселыя и грустныя народныя пѣсни, которыя будучи исполнены такими прекрасными голосами, получали особенную прелесть.

Когда Рейнхардъ возвращался домой изъ этихъ обществъ, въ немъ снова пробуждались прежнія дурныя мысли; домашній уголокъ казался ему тѣснымъ, мѣщанскимъ! И когда Лорле нетвердыми, безыскусственными рѣчами выражала свои мысли и ощущенія, онъ не слушалъ ее и не старался дополнить и исправлять ея мысли; ему надобно твердить азбуку образованія.... Въ первый разъ замѣтилъ онъ въ Лорле недостатокъ граціи; живость и сила движеній ея не нравились ему; она брала стаканъ или другую легкую вещь не пальцами, а въ кулакъ; походка ея въ городскомъ платьѣ была тяжеловѣсна, она ступала всею ногою и когда онъ просилъ ее принять легкую, плавную походку, она отвѣчала:

— Этому ты меня не учи; мнѣ не было еще году, когда я научилась ходить.

Другихъ близкихъ знакомыхъ Рейнхардъ не имѣлъ въ столицѣ; онъ узналъ впоследствии, что его называли дворянскимъ живописцемъ, люди, которые, вѣроятно, сами не устояли бы противъ искушеній высокаго покровительства. Съ прочими, немногими живописцами столицы, Рейнхардъ находился въ холодныхъ отношеніяхъ; имъ не нравилось его быстрое и внезапное повышеніе; одни были увѣрены, что онъ добился до него интригами и низкопоклонствомъ; другіе, движимые досадой и завистью, несправедливо хулили Рейнхарда и его труды.

Садовательно, всѣ знакомства его ограничивались высшимъ кругомъ и помощникомъ; но и послѣдній сердился на него; вѣрный своимъ правиламъ, онъ говорилъ откровенно:

— Пока въ честномъ чловѣкѣ есть еще слѣдъ исключительнаго, онъ не долженъ выставлять себя на показъ, не смѣетъ быть игрушкой свѣта, въ которомъ лежитъ зародышь порчи.

Помощникъ сердился еще болѣе на Рейнхарда за то, что онъ портилъ Лорле, свѣжее дитя природы. Это огорчало его столько же изъ личныхъ, какъ и изъ общихъ видовъ. Онъ легко приспособлялъ къ малому, удивленному, общій, законъ. Лорле была для него типомъ совершеннаго въ самомъ себѣ, нетронутаго противорѣчіями исторіи и просвѣщенія; ему казалось тяжкимъ грѣхомъ ввести ее насильно въ лабиринтъ просвѣщенія, безъ увѣренности въ томъ, найдеть ли она противуположный выходъ, который опять ведетъ на чистый воздухъ. Она уже находилась въ немъ, сама по себѣ; зачѣмъ же добиваться искусственными средствами того, что существуетъ уже самобытно?

Помощникъ зналъ, что Лорле не соответствовала такому идеалу, но онъ питалъ уваженіе къ ея самобытности посреди несовершенствъ, попытокъ и половинности цивилизаціи; для него избитое выраженіе *дитя природы* получило новое и глубокое значеніе, будучи примѣнено къ Лорле.

Рейнхардъ старался сблизить, подружить жену съ Леопольдиной, и часто водилъ ее къ ней; но это знакомство было не по-сердцу молодой женщинѣ. Леопольдина обладала многорѣчивостью магазинщицы; она также охотно выставляла на показъ свои мысли, какъ нѣкогда чепцы; кромѣ того, перенесенныя горести придали характеру ея нѣкоторую рѣшительность, которая особенно проявлялась въ обращеніи ея съ братомъ, въ такой степени, что Лорле принимала ее за сухость и жесткость сердца.

Одно замѣчаніе Лорле обрадовало Рейнхарда несказанно; возвращаясь домой отъ Леопольдины, Лорле сказала:

— Ахъ, какіе у нея чудесныя цвѣты, и зимою.

— Если хочешь, такъ я куплю тебѣ такіе же.

— Нѣтъ, не нужно; мнѣ кажется что весенніе цвѣты будутъ менѣе радовать меня, когда я буду имѣть цѣлую зиму передъ глазами цвѣты, выведенныя насильственно. Подождемъ лучше до весны.

Рейнхардъ былъ такъ восхищенъ этимъ отвѣтомъ, что цѣлый день былъ съ женою любезенъ попрежнему.

Въ другой разъ Лорле радовалась, точно ребенокъ бездѣлшамъ, которыми былъ уставленъ туалетъ Леопольдины, но

когда Рейнхардъ общалъ и ей купить такіе же вещицы, она отвѣчала:

— Нѣтъ, я бы лучше желала имѣть что-нибудь живое: гуся или пару поросятъ, еслибъ у насъ былъ хлѣвъ, или пару голубей или другую птичку въ моей комнатѣ.

На другой день Рейнхардъ, выходя со двора, взялъ съ собою Бербель, и вернулся съ канарейкой въ красивой клеткѣ и золотыми рыбками въ стеклянкѣ. Лорле была вѣдъ себя отъ радости, и мужъ ея снова убѣдился, какъ легко было осчастливить ее.

Однажды вечеромъ, когда Рейнхардъ былъ приглашенъ на маскарадъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, Лорле пошла на чай къ Леопольдинѣ. Доргою она сказала провожавшей ее Бербели:

— Я бы охотнѣе осталась съ тобой дома; мнѣ часто кажется, что я точно сирота, которую водятъ къ чужимъ людямъ изъ состраданія.

Бербель утѣшала, какъ умѣла.

Съ робостію вошла Лорле въ комнату. Леопольдина стала знакомить гостей.

— Госпожа профессорша Рейнхардъ, и госпожа придворная пѣвица Бюшингъ, госпожа оберъ-ревизорша Мюллеръ, госпожа перчаточница Францъ, говорила Леопольдина.

Госпожа оберъ-ревизорша гордо закинула назадъ голову; она обидѣлась тѣмъ, что ее представили послѣ отставной пѣвицы. Последняя овладѣла молодою женщиною, и вскорѣ, понавъ на свою любимую тему, стала разсказывать о *figoge*, которое она нѣкогда производила и что она была первою во всей столицѣ, что она пѣла роль Эммелины въ *Швейцарской семьѣ*, что она безъ ума отъ народныхъ пѣсень.... Дальше ее не пустили; прочія женщины также вмѣшались въ разговоръ, и пошли безконечныя толки о *театрѣ*, то есть о жалованьѣ, житьѣ-бытьѣ, любовныхъ интригахъ актеровъ и пѣвцовъ. Незамѣтнымъ образомъ зашла бесѣда о сегодняшнемъ маскарадѣ. Перчаточница, называвшая свое заведеніе фабрикою, хотя всѣ работники состояли изъ самихъ супруговъ и одного ученика, пустилась въ безконечныя подробности на счетъ маскарада; она говорила, что еслибъ не пріѣзжіе иностранцы, не Англичане, такъ перчаточная фабрикація пришла бы въ совершенный упадокъ; въ прежнія времена *свѣтскій господинъ* перемѣнялъ двѣтри пары въ одинъ вечеръ, а теперь даже гвардейскіе офицеры, принадлежащіе къ первому дворянству, только въ первые туры

надѣваютъ новыя перчатки, а потомъ надѣваютъ тайкомъ старыя, уже *надѣванные*.

— Я бы стыдилась заниматься такими пустяками, сказала оберъ-ревизорша.

Перчаточница вспыхнула; она возразила, что есть многіе мастеровые, зарабатывающіе побольше тѣхъ, у которыхъ больше на языкѣ, нежели въ карманѣ. Леопольдина замѣтила, какой она дала промахъ, созвавъ такое смѣшанное, разнородное общество, и постаралась поправить дѣло, обративъ разговоръ на другіе предметы.

— Будутъ ли господа на маскарадѣ? спросила она.

— Какіе господа? Что это такое? спросила Лорле, и всѣ посмотрѣли на нее съ полупрезрительнымъ сожалѣніемъ.

— Это господа, отвѣчали ей со всѣхъ сторонъ.

Но Лорле возразила:

— Нечто мы лакеи? У каждой изъ насъ свое хозяйство....

Всѣ стали громко смѣяться надъ этою великою простотою; даже госпожа оберъ-ревизорша, забывъ причиненную ей обиду, шепнула что-то на ухо госпожѣ придворной гѣвницѣ на пенсію. Лорле вздохнула свободнѣе только тогда, когда помощникъ вернулся домой изъ пивной, и сталъ смѣшнить общество своими шуточками.

— Ноги мои не будутъ больше въ такомъ обществѣ, сказала Лорле Бербели на возвратномъ пути.

Глубоко оскорбила ея ничтожность жизни, въ которой люди, презирая собственную, здоровую пищу, хватаются за крохи и оглодки, падающіе со стола другихъ.

Во весь вечеръ Рейнхарда преслѣдовали двѣ маски въ точно такомъ сельскомъ костюмѣ, какой прежде носила Лорле. Онъ сначала испугался, потому-что обѣ маски прекрасно говорили на простонародномъ діалектѣ; но онъ успокоился, когда, по снятіи масокъ, узналъ графиню Матильду и ея компаньонку, бѣдную дѣвицу, дочь раззорившихся дворянъ.

Небрежно слушалъ онъ Лорле, когда она рассказывала ему утроемъ вечернія приключенія; мысли его кружились, танцовали еще на багу.

Отношенія Рейнхарда къ графинѣ Матильдѣ оставались и остались безъ послѣдствій. Съ наступленіемъ весны она уѣхала съ отцомъ въ свое имѣніе.

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ, ГОРЬКІЙ ХЛѢБЪ.

Лорле вела одинокую жизнь.

Рейнхардъ проводилъ внѣ дома, не только вечера, но часто цѣлые дни, слѣдуя за придворными охотами; кромѣ того онъ устроилъ себѣ теперь мастерскую въ покояхъ, отведенныхъ для галереи. Лорле не была тамъ еще ни разу.

Принцъ поручилъ Рейнхарду написать сцену изъ послѣдней охоты за лисицами; на замѣчаніе, что онъ никогда не писалъ охоты, онъ получилъ въ отвѣтъ:

— Напишите какъ умѣете, и совершенно по внушенію вашего таланта.

Въ чрезвычайно короткое время Рейнхардъ написалъ картину, которую считалъ своимъ лучшимъ произведеніемъ; она изображала пустынную лѣсную чащу; только одна лисица мирно сидѣла у своей норы, между вѣковыми, узловатыми сучьями, и озиралась умными глазами.... То былъ разумъ лѣса. Торжеству представилъ Рейнхардъ картину.

Она не понравилась.

— Это не болѣе, какъ ландшафтъ, говорили всѣ:—слѣдовало бѣ, по-крайней-мѣрѣ, написать портреты главныхъ егерей и ихъ собакъ.

Это обстоятельство поколебало прежнія идеи Рейнхарда о началахъ процвѣтанія искусствъ; онъ сдѣлался угрюмымъ, мрачнымъ.

Онъ искалъ вознагражденія за тайныя страданія въ своемъ признаніи; для оправданія его общественного положенія ему необходимо было общее признаніе его таланта.

Дома тоже было горя довольно; Бербель хворала, а Лорле жаловалась, что усердная служанка не даетъ себѣ ни минуты покоя. Рейнхардъ сказалъ однажды, что Бербели слѣдовало бѣ вернуться опять въ деревню; Лорле заплакала такъ горько, что ему стоило большаго труда утѣшить ее. Онъ почти вовсе пересталъ подавать совѣты женѣ, а если и случалось, то Лорле возражала съ упрямою неуступчивостью. Она была покорна передъ нимъ, пока онъ посвящалъ себя ей одной; она ждала его цѣлый день, думала только о немъ и смотрѣла на работу, какъ на препровожденіе времени до его возвращенія; но теперь, когда онъ возвращался домой угрюмый, молчаливый, и откры-

валъ ротъ только для выговоровъ или сухихъ наставленій, она не обращала на нихъ вниманія, и даже не возражала.

Рейнхарду казалось, что онъ несчастнѣйшій человѣкъ въ цѣломъ мірѣ.

Съ глубокою горестію замѣчала Бѣрбель какъ постепенно разстраивалась согласная жизнь супруговъ; она всячески старалась утѣшить Лорле, и постоянно твердила:

— Все пойдетъ лучше, когда у тебя будетъ ребенокъ.

Лорле бросилась однажды рыдая на шею доброй старухи и сказала:

— Боюсь, боюсь, что этому не бывать!

Бѣрбель старалась разогнать эти тяжкія мысли, хотя сама болѣе несчастной Лорле была убѣждена въ истинѣ ея предположеній.

Однажды, когда Рейнхардъ опять отправился на цѣлый день на охоту, Лорле стала помогать Бѣрбели въ стиркѣ; такой радости она давно не ощущала! Выжимая бѣлье, Лорле свернула его въ кольцо, и Бѣрбель не замедлила замѣтить, по старому суевѣрію прачекъ, что молодая жена вѣетъ себѣ люльку; она брызнула старухѣ нѣсколько капель воды въ лицо, и ушла въ горницу.

Неожиданный случай поставилъ Лорле въ соприкосовеніе съ покровителемъ Рейнхарда. Послѣдній вернулся однажды ранѣе обыкновеннаго домой, и объявилъ, что принцъ желаетъ видѣть Лорле и что она должна идти съ нимъ на другой день въ мастерскую; Рейнхардъ осторожно умолчалъ о томъ, что принцъ желаетъ только посмотрѣть на оригиналъ картины.

— Не пойду; мнѣ тамъ нечего дѣлать, возразила Лорле.

— Нельзя, другъ мой; отказать твоей можешь обидѣть; принцъ не спроситъ, либо ли тебѣ или нѣтъ?... желаніе его законъ; притомъ же я далъ слово.

— Мало ли что! Хотѣ бы онъ былъ женатъ, а то прилично ли мнѣ идти къ холостяку?

— Какъ глупо! Не тебѣ разсуждать о приличіи! Вѣдь ты пойдешь со мною, вскричалъ Рейнхардъ вспльщивъ. Лорле посмотрѣла на него; тяжелыя слезы дрожали на ея рѣсницахъ; Рейнхардъ схватилъ руку ея и сказалъ: Не сердись, будь моя добрая женка; повѣрь мнѣ, ты не понимаешь этихъ вещей, а потому ступай только со мною; въ этомъ нѣтъ ничего неприличнаго.

— Изволь, изволь, я пойду, но ты не даешь мнѣ сказать слова. Если такъ дальше будетъ, то я совсѣмъ растеряюсь, сдѣла-

юсь дурочкой, я... я и теперь ужъ не знаю, значу ли я что-нибудь?

На утѣшеніа мужа она возразила:

— Ладно, ладно, не безпокойся; я довольна, будь же и ты доволенъ; но такъ какъ я сама ни отъ кого ничего не требую, то мнѣ хотѣлось бы, чтобы и меня весь міръ оставилъ въ покоѣ.

— Ты не сердись на меня?

— Нѣтъ, сто разъ нѣтъ, я повинуюсь твоей волѣ, но позволю же мнѣ сказать иногда словцо.

Рейнхардъ пошелъ къ помощнику, и просилъ Леопольдину, чтобы она пришла завтра къ нему и приготовила Лорле къ аудіенціи; потомъ онъ пошелъ съ помощникомъ въ пивную, гдѣ каждый вечеръ собирались въ небольшой комнаткѣ молодые адвокаты, медики, купцы и ремесленники, курили, пили и толковали. Сначала всѣ удивились, увидѣвъ *придворнаго живописца* въ скромной пивной; но потомъ разговоръ завязался своимъ обыкновеннымъ чередомъ. Самые глубокіе вопросы о времени обсуживались здѣсь съ такою ясностью и такимъ жаромъ, что Рейнхардъ невольно долженъ былъ сознаться про-себя, сколько свѣжей жизни было здѣсь, потому-что каждый откровенно высказывалъ свою задушевную мысль, и потому-что разговоръ былъ здѣсь не цѣлю собранія, а средствомъ провести время съ пріятностью; онъ убѣдился, что въ блистательнѣйшемъ салонѣ въ мѣсяцъ не израсходовывали столько свѣжаго остроумія, сколько здѣсь, въ маленькой, скудно освѣщенной каморкѣ, въ одинъ вечеръ. Громкіе голоса, нѣкоторая грубость формъ казались ему опять новыми, чуждыми, потому-что онъ уже привыкъ къ обществу въ которыхъ шептали, а не спорили, улыбались, а не смѣялись. Средоточіемъ этого общества былъ помощникъ; могущественный голосъ и обширныя познанія его доставили ему этотъ беззѣтикетный санъ. Рейнхардъ остался долѣе, нежели предполагалъ; ему казалось, что онъ попалъ въ чужой городъ; тамъ—она жилъ въ кругу, полномъ истинныхъ и воображаемыхъ интересовъ; въ кругу, сосредоточивавшемся въ самомъ-себѣ; какъ будто бы въ немъ одномъ заключался весь міръ; въ кругу столь однообразномъ и гладкомъ, что взгляды, полу-слово и полу-улыбка получали въ немъ значеніе; здѣсь—во сто шагахъ разстоянія жили люди изъ другаго столѣтія, воспламенявшіеся въ умственной борьбѣ, какъ бы они выходили изъ форума или готовились къ нему...

Когда онъ вспоминалъ о Лорле, необъяснимая боязнь сжимала ему сердце; ему казалось, что дома случилось великое несчастье, пожаръ; въ ухахъ его раздавался шумъ тревоги; не смотря на то, онъ сидѣлъ какъ прикованный. Не предчувствовалъ ли онъ, съ какими рѣзкими мыслями заснетъ Лорле. Наконецъ, вернувшись домой, онъ вздохнулъ свободнѣе; ночникъ стоялъ, какъ обыкновенно, на лѣстницѣ; тихонько вошелъ онъ въ спальню, — Лорле спала спокойно; долго смотрѣлъ онъ на нее.... На лицѣ ея сияла почти таже дѣвственная непорочность, которая поразила его, когда онъ увидѣлся съ нею въ первый разъ послѣ долгой разлуки; только теперь въ чертахъ ея было что-то необыянно грустное, и губы болѣзненно шевелились по временамъ....

Утромъ противъ своего обыкновенія, Рейнхардъ всталъ ранѣе Лорле; онъ отыскалъ ключи и вынималъ платье, въ которомъ желалъ представить ее. Родясь въ шкафахъ и сундукахъ, онъ не могъ не похвалить тайнѣ жены за любовь къ порядку; онъ напередъ радовался ея признательности за его заботливую предусмотрительность, и ходилъ на цыпочкахъ, чтобы не разбудить Лорле.

Она проснулась, и увидѣвъ разложенное платье, вскричала:

— Что ты дѣлаешь! Ради Бога предоставь это мнѣ самой. Не думай, что я такъ глупа, что сама ничего не умѣю сдѣлать. Я увѣрена, что ты перемѣлял и перепуталъ все мои вещи; прошу тебя, предоставь мнѣ самой распорядиться.

Страшно заходила и закипѣла кровь Рейнхарда, но онъ удержался и ушелъ въ другую комнату; тамъ онъ простоялъ нѣсколько мгновений, прижавъ горячій лобъ къ оконничному стеклу, въ глубокомъ страданіи, потомъ схватилъ шляпу и трость, и ушелъ.

Утро было свѣжее, ясное; въ дворцовомъ саду распускались уже прекрасныя цвѣты и весело пѣли птицы, не заботясь о томъ, въ чьемъ саду они пѣли и кому принадлежали деревья, по сучьямъ которыхъ онѣ прыгали. Рейнхардъ ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ; ему казалось, что все счастье жизни его улетѣло съ той минуты, когда онъ женился; тщетно старался онъ прогнать эту мысль, она не оставляла его....

Вернувшись домой, онъ сказалъ Лорле:

— Помиримся.

— Нѣчто я сорилась съ тобой? возразила она.

— Все равно, я виновата, помиримся.

Миръ продолжался до прихода Леопольдины. Она помогла

Лорле одѣться, научила ее присѣдать и какъ титуловать принца. Лорле соглашалась, по видимому, на все, но когда Леопольдина ушла, она сорвала съ себя чепчикъ и кружевный воротникъ и вскричала:

— Не пойду, не пойду! Я не сорюка, я не хочу, чтобы меня дурачили! Чѣмъ болѣе мнѣ говорятъ и показываютъ, что я глупа, тѣмъ хуже я становлюсь.... Я никогда не была такъ нетерпѣлива, такъ зла.... Господи Боже! Что со мной будетъ!

Она зарыдала, а Рейнхардъ произнесъ задыхающимся голосомъ и со слезами:

— Ничего съ тобою не будетъ; будь только ты прежнес, доброе дитя.

— Я не дитя; я тебѣ это въ сотый разъ говорю! Не мѣшай мнѣ; я одѣнусь одна, безъ чужой помощи, и ты увидишь, что не осрамлю тебя....

Наконецъ они отправились вмѣстѣ во дворецъ; Рейнхардъ уже не смѣлъ подавать женѣ совѣтовъ. Увидѣвъ въ первый разъ мастерскую, она испугалась ужаснаго безпорядка; она тотчасъ же хотѣла приняться прибирать и приводить въ порядокъ, но Рейнхардъ уприсилъ ее не трогать ничего, чтобы побережь хоть блестящія бѣлыя перчатки. Ей, однакожь, не сидѣлось ни минуту на одномъ мѣстѣ; она была въ лихорадочномъ волненіи и думала про-себя, что докажетъ принцу, что она не дура, докажетъ Рейнхарду, что можетъ говорить со всякимъ. Съ болзнію замѣчалъ Рейнхардъ это волненіе, онъ угадывалъ тайную досаду и замыслы Лорле, и страшился, что обыкновенная непринужденность измѣнитъ ей въ этомъ случаѣ; но онъ лишился власти надъ нею, онъ могъ просить ее только объ одномъ: чтобы она успокоилась.

Наконецъ слуга доложилъ о прибытіи принца, и Рейнхардъ повелъ жену въ большую залу, гдѣ они прождали еще нѣсколько минутъ. Безпрестанныя докладованія, церемоніальность и ожиданіе нѣсколько смутили Лорле—ей казалось, что теперь должно случиться что-нибудь необыкновенное.

Вошелъ принцъ въ военномъ мундирѣ; скорыми шагами пошелъ прямо къ Лорле, и сказалъ ей добродушно-ласковымъ тономъ:

— Добро пожаловать, госпожа профессорша.

— Покорно васъ благодарю, господинъ принцъ ваше высочество.

— Какъ вамъ нравится у насъ?

Не смотря на знаки Рейнхарда, Лорле сняла перчатки; безъ вѣхъ ей было легче и языкъ повиновался охотнѣе.

— Гдѣ живетъ мужъ, сказала она: тамъ и жень должно быть хорошо; у васъ все красиво и опрятно, только дома такіе выскочкіе, что ужасть!

— Я уже часто думалъ о томъ, продолжалъ принцъ: что крестьяне счастливѣйшіе люди въ мірѣ.

Рейнхардъ стоялъ, какъ на горячихъ угляхъ.

Принцъ улыбнулся и пристально посмотрѣлъ на Лорле; потомъ продолжалъ, намекая о картинѣ:

— Я уже видѣлъ васъ, госпожа профессорша.

— Неужели господинъ принцъ-высочество помнитъ еще то время, когда мы были дѣтьми? Вы ровно восьмью недѣлями старѣе меня; я хорошо помню день вашего рожденія, потому что въ этотъ день намъ обыкновенно раздавали пряники въ школѣ. Помните ли вы то время, когда пробѣжали черезъ наше село? У васъ были тогда длинныя бѣлокорыя кудри и кружевной воротничокъ, весь-весь въ складкахъ.... вотъ когда мы видѣлись въ первый разъ. Ахъ Господи! цѣлыя три недѣли до вашего приѣзда только и разговора было: принцъ пріѣдетъ! Накаунтъ не было школы, и въ день приѣзда не было школы; мы все стояли съ букетами въ рукахъ; Мартынь съ утра сидѣлъ на колокольнѣ, и какъ только принцъ вступилъ на нашу землю, зазвонили во все колокола, палили изъ ружей, а мы, дѣти, запрыгали такъ, что учитель закричалъ на насъ: смирно! не шалить! Вдругъ застучали колеса, я стала глядѣть во все глаза, но на бѣду у меня развязался передникъ; я однакожь успѣла опять подвязать его; смотрю, ѣдетъ принцъ, и остановился прямо противъ насъ; Люціана старшая дочь вышла впередъ и сказала наизусть стихи, а мы потомъ закричали въ одинъ голосъ: Вивать! да здравствуетъ!... Рррр! застучали опять колеса, принцъ поднялъ фуражку съ золотой кисточкою, мы бросили за нимъ наши букеты; за коляской принца ѣхали придворныя кареты и раздавили все наши букеты....

Принцъ былъ видимо тронутъ, и сказалъ:

— Еслибъ я тогда зналъ, что и вы находитесь между дѣтьми, я бы непременно вышелъ изъ экипажа; я бы желалъ познакомиться съ вами поближе, поиграть, порѣзвиться.

— И хорошо бы сдѣлалъ.

Принцъ пожалъ Лорле руку.

— Я уважаю васъ сказалъ онъ.

— Ну, ну, ладно; а знаете ли, господинъ принцъ, что мнѣ изъ-за васъ досталась оплеуха? О, я ничего не забыла.

— Какимъ образомъ?

— А вотъ какимъ? Когда вы были на заводѣ, я сошла туда же съ Бербелью; мы стояли за рѣшоткой, а вы гуляли въ саду; вдругъ вы уронили платокъ; одинъ изъ господъ, шедшихъ за вами, съдой старикъ подскочилъ и поднялъ платокъ; я это замѣтила. Бербель ничего не сказала, но пожаловала мнѣ двѣ добрыя оплеухи. Не бѣда! Она была меня любя; а что касается до принца, такъ все говорить что онъ добрый человекъ; я не слышала про него ни одного недобраго слова.

— Я счастливъ, что мои подданные такого хорошаго мнѣнія обо мнѣ.

— Ахъ, Господи! думала ли я когда-нибудь, что у меня достанетъ смѣлости такъ вольно говорить съ принцомъ высочествомъ; если на то пошло, такъ позвольте мнѣ еще сказать вамъ одно слово.

— Говорите прямо и смѣло.

— Ахъ, небесный Владыко! Не знаю съумѣю ли сказать! Принцъ высочество не знаетъ, сколько горя и бѣдности въ нашей странѣ; что бы вамъ посмотрѣть поближе, да помочь?

— Но какъ помочь?

— Какъ? Вотъ этого я сказать не умѣю. На то у васъ есть доброе сердце, да ученые господа, которые все знаютъ.

— Вы добрая, умная женщина; я былъ бы счастливъ, еслибъ все мои подданныя походили на васъ.

Ну, теперь позаботьтесь о томъ, чтобы принскать себѣ добрую хозяйшку, пора! Правду ли говорятъ, что вы скоро женитесь?

Во-время минутнаго молчанія, наступившаго послѣ этого вопроса, Рейнхардъ съ боязливою улыбкою и въ смущеніи смотрѣлъ на принца. Онъ успокоился на счетъ сбивчивыхъ титуловъ, которыми Лорле называла принца; но теперь она сдѣлала величайшую ошибку, не только потому, что обратилась къ принцу съ вопросомъ, но преимущественно потому, что вопросъ этотъ былъ изъ рода такихъ, на которые принцъ не могъ или не хотѣлъ отвѣчать; притомъ же Лорле спрашивала объ обстоятельстве, до котораго даже въ высшемъ кругу ка-

сались только стороною, потому-что на сватовство принца могъ еще воспослѣдовать отказъ.

Но принцъ отвѣчалъ ласково:

— Можеть быть, если встрѣчу милую и добрую дѣвушку, похожую на васъ.

— Знаемъ мы ваши сказки! возразила Лорле: холостому не прилично шутить съ замужнею женщиною. Впрочемъ я слышала, что большіе господа любятъ шутить и балагурить.

Наконецъ, въ заключеніе Лорле дала высочайшій промахъ.

— Ну, Господь съ вами, господинъ принцъ, ваше высочество, сказала она: мнѣ некогда; да и у васъ, я чай, есть свои дѣлашки.

Въ то самое время, когда она безъ церемоніи протянула принцу руку, вошелъ адъютантъ и доложилъ, что сейчасъ начнется парадъ. Принцъ и Рейнхардъ проводили Лорле до дверей.

— Господинъ профессоръ... сказалъ первый.

Рейнхардъ остановился въ болезненномъ ожиданіи; онъ весь обратился въ слухъ.

— Знаете ли, какое сокровище самое драгоценное въ нашей галерей? продолжалъ принцъ.

— Какое, ваше высочество?

— Ваше природное сокровище.

Эту острогу адъютантъ распустилъ въ высшемъ кругу, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней Лорле была предметомъ всѣхъ разговоровъ.

Послѣднее произвело на Рейнхарда тягостное впечатлѣніе; случай, вслѣдствіе котораго для него рѣшился вопросъ цѣлой жизни, не могъ и не долженъ былъ стать на одну степень съ суетными предметами свѣтской болтовни....

За обѣдомъ Лорле сказала:

— Принцъ менѣе гордъ, нежели нашъ уѣздный судья.

— Почему ты это знаешь? Ты не дала ему слово вымолвить.

— Правда твоя; я такъ разговорила, что послѣ самой досады было; но бѣда не велика.

— Совѣтую тебѣ вообще умѣрять свой языкъ.

— Какъ же мнѣ быть?

— Тебѣ только дай волю, такъ ты расскажешь и про бабушку и про кумушекъ.

Лорле замолчала; ей казалось, что, сознавая свою вину, она не заслуживала послѣдняго выговора, тѣмъ болѣе, что она

никому не навязывалась, а сама, напротивъ, желала уединенія.

Рейнхардъ же чрезвычайно былъ огорченъ тѣмъ, что Лорле не могла воздержаться даже при чужихъ людяхъ; ему казалось теперь, что она наговорила одинъ вздоръ; онъ досадовалъ на то, что каждый могъ говорить со снисходительнымъ благоволеніемъ о ея наивности, или даже насмѣхаться надъ нею. Онъ чувствовалъ, что ея открытой натурѣ необходимо деревенское общество, въ которомъ всѣ знакомы другъ съ другомъ, гдѣ нѣтъ замкнутыхъ дверей, гдѣ къ собесѣду можно войти такъ же свободно, какъ въ свой домъ, гдѣ естественность дома и врождена съ малолѣтства.

Зерну недоразумѣнія стоить только упасть въ семейную жизнь, оно быстро пускаетъ корни; вмѣсто того, чтобы почувствовать уваженіе къ неразрушаемой силѣ естественности жены, Рейнхардъ видѣлъ въ немъ одно упрямство, отталкивающее отъ себя всѣ начала образованія.

Лорле сама болѣе и болѣе чувствовала, хотя и безсознательно, что она зашла въ чуждый для нея міръ. Вся жизнь женщины, перенесенной въ чужой городъ, гдѣ у нея нѣтъ ни родныхъ, ни близкихъ знакомыхъ, сосредоточивается въ ея хозяйствѣ; ей нѣтъ дѣла до окружающаго ее міра; только общее, сходственное образованіе можетъ послужить въ такомъ случаѣ средствомъ сближеній, потому-что оно соединяетъ, связываетъ съ людьми, хотя вовсе чуждыми, но имѣющими одинакія понятія, одинаково пріемлющими впечатлѣнія жизни. Въ городѣ Лорле самой иногда казалось, что она ужасно глупа; вѣрность взгляда и здравый смыслъ ея проявлялись только тогда, когда она говорила о знакомыхъ людяхъ или вещахъ; она чувствовала, что въ деревнѣ она была гораздо умнѣе. Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ мыслей было то, что, за недостаткомъ общихъ знакомыхъ, она возвращалась къ самой себѣ и охотно говорила о себѣ — то была естественная потребность, которую она не могла и не хотѣла побѣдить.

Жаворонокъ, привыкшій и созданный для того, чтобы бросать звуки своей пѣсни въ необразимое пространство, научается пѣть и въ клеткѣ; но легкій трепетъ пробѣгаетъ по крыльшкамъ его, малѣйшій шумъ, малѣйшее движеніе можетъ прервать пѣснь его; съ боязнію бросается онъ къ прутикамъ клетки, стремясь изъ нее вонъ....

Такимъ образомъ послѣднее происшествіе открыло супругамъ глаза, и бросило въ сердца ихъ зародыши несправимаго, бытъ-можетъ, смертельнаго зла.

Новое горе состояло въ видимо разстроенномъ здоровьи Бѣрбели; она слегла въ постель, и Лорле вся посвятила себя попеченіямъ о вѣрной, которая, къ невыразимой радости ея, скоро поправилась. Докторъ объявилъ, что Бѣрбели необходимо чистый, открытый воздухъ и болѣе дѣятельная жизнь, и Рейнхардъ сталъ настоятельно требовать, чтобы она вернулась въ деревню; но къ радости Лорле, Бѣрбель отвѣчала, что умретъ, а не оставитъ Лорле. Неприятное расположеніе Рейнхарда увеличилось еще тѣмъ, что онъ не находилъ даже у себя дома покоя и отдыха, потому-что вся заботливость жены была обращена на Бѣрбель; онъ не смѣлъ говорить о томъ Лорле, ибо былъ твердо убѣжденъ, что она не пойметъ и истолкуетъ жалобу его въ дурную сторону.

По предписанію врача, Бѣрбель должна была часто выходить со двора; Лорле часто провожала ее, но иногда посылала и одну; въ послѣднемъ случаѣ старуха оставалась недолго.

— Нѣтъ, говорила она: не могу шлеться безъ дѣла; еслибъ былъ у меня ребенокъ на рукахъ, такъ дѣло иное, а такъ— не могу! Я скоро выхожу изъ дома, какъ будто бы отправляюсь, Богъ вѣсть, за какимъ важнымъ дѣломъ; дойду до конца улицы, и назадъ съ пустыми же руками.... Стыдно.

Когда осенью стали падать листья съ деревь, Бѣрбель опять слегла, и нѣсколько дней спустя Богу душу отдала.

Горестъ Лорле была невыразима; Рейнхардъ горевалъ съ нею, но наконецъ ему надоѣло слышать безпрестанно одиъ и тѣ же жалобы объ усопшей; кромѣ того онъ долженъ былъ теперь мѣшаться въ хозяйство и въ споры съ новыми служанками.

Наступила унылая зима.

Рейнхарда менѣе приглашали въ общества; *свѣтъ* поправилъ и присмотрѣлся къ нему, притомъ же онъ былъ въ послѣднее время не-веселъ, угрюмъ. Какое дѣло свѣту до горя и страданій, переполняющихъ сердце? Ему нужно одно веселіе, хотя бы и вынужденное; особенно *большой свѣтъ*, окруженный блескомъ. Сначала это пренебреженіе обидѣло Рейнхарда, но потомъ онъ обрадовался ему, какъ средству избавиться отъ утомительныхъ обязанностей. Онъ однакожъ не оставался дома, а сблизился съ помощникомъ и его кругомъ. Друзья часто разговаривали объ изданіи общими силами сатирическаго сочиненія; Рей-

хардъ набросалъ къ нему нѣсколько превосходныхъ чертежей, но помощникъ все еще не могъ приняться за текстъ. Когда Рейнхардъ долженъ былъ явиться въ общество, тогда оставался въ немъ недолго, и въ большомъ, этикетномъ костюмѣ являлся въ пивной, гдѣ просиживалъ до глубокой ночи, и послѣ еще по цѣлымъ часамъ прогуливался съ помощникомъ по пустымъ улицамъ.

Отношенія Рейнхарда къ молодому принцу не измѣнились; онъ всегда былъ въ числѣ лицъ, которыми окружалъ себя принцъ; но и здѣсь онъ находилъ причины жаловаться.

Въ такихъ бесѣдахъ друзья гуляли до поздней ночи, и съ изумленіемъ глядѣли ночные сторожа на странныхъ мечтателей....

Уединеніе становилось жизнь Лорле; невыразимая тоска по роднѣ пробуждалась въ сердцѣ ея, но она старалась заглушить, подавить ее. Часто вспоминала она о той минутѣ послѣ свадьбы, когда она произнесла обѣтъ безропотно нести всякое бремя за дарованное ей счастье; теперь она почувствовала, какъ тяжело отдать свою жизнь за одну блаженную минуту; у ней не доставало силы нести свое горе, потому-что ей казалось, что тотъ, для кого она приноситъ въ жертву свою жизнь, не будетъ отъ того счастливѣе. Она ждала одного ласковаго слова Рейнхарда; малѣйшая похвала его укрѣпляла ее; ей было необходимо хоть признаніе доброй воли ея. Такъ точно, какъ нѣкогда Рейнхардъ сомнѣвался въ дѣйствительности своего художническаго призванія, такъ и она начинала сомнѣваться въ вѣрномъ сознаніи своего характера; она ждала подтвержденія. Печаль, которую она замѣчала на лицѣ Рейнхарда, еще болѣе увеличивала страданія ея; въ ея глазахъ онъ все еще стоялъ такъ высоко надъ прочими людьми, что она сердилась на весь міръ, терзавшій мужа ея. Въ заботливости ея о немъ было столько покорности, она уступала ему съ такою кротостью, съ какою здоровый покоряется прихотямъ больного, что онъ часто смотрѣлъ на нее съ нѣмою, но выразительною грустію.

Отъ чего онъ не могъ быть счастливъ?...

Какъ часто терзаемся мы въ нашей малой, уединенной жизни, съ какою мучительною боязнію ищемъ нужную вещь, которая кажется намъ потерянною.... а между тѣмъ вещь эта

лежить открыто передъ нами; кажется, будто злой демонъ ослѣпляетъ насъ. Неужели то же случается и въ большой, общей жизни человѣчества?

Рейнхардъ снова старался сблизить свою жену съ Леопольдиной, но первая увѣряла, что ей гораздо пріятнѣе оставаться одной. Дни и недѣли просиживала Лорле у окна, возлѣ кляткн, и вязала чулки, выручку за которые посылала домой, бѣднымъ.

Около масляницы ей представилась новая, тяжкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшительная забота. Служанка рассказала ей, что подлъ ними живетъ жена канцелярскаго регистратора, съ пятью малолѣтними дѣтьми; что мать лежитъ въ чахоткѣ, и вся семья въ великой бѣдности. Лорле не знала этихъ людей, не смотря на то, она колебалась только минуту, потомъ сошла внизъ, позвонила и сказала, что желаетъ видѣть госпожу регистраторшу; послѣдней наконецъ она предложила свои услуги и помощь. Больная подняла костлявыя руки, и сложила ихъ съ выраженіемъ душевной признательности. Лорле не пускалась въ длинные разговоры, но тотчасъ же обошла всю квартиру и стала приводить ее въ порядокъ. Съ этой минуты она проводила все свободное время, то есть бѣольшую часть дня, у больной и ея дѣтей, которыя сердечно полюбили ее; она распорядилась всѣмъ, точно родная сестра матери. Больная была женщина умная и кроткая; узнавъ Лорле не на словахъ, а на дѣлѣ, она почувствовала къ ней глубокое уваженіе и невыразимую признательность; не предчувствуя своего близкаго конца, она безпрестанно твердила, сколько она счастлива, что нашла такого друга, и какъ прекрасно онѣ будутъ жить вмѣстѣ, когда она выздоровѣетъ. Слова эти были утѣшительны для Лорле: нашлась же горожанка, которая поняла и полюбила ее!

Между тѣмъ Рейнхардъ становился пасмурнѣе, угрюмѣе. Онъ никогда еще не жилъ въ такой короткости съ помощникомъ, какъ теперь; ѣдкій умъ ученаго имѣлъ разрушительное вліяніе на художническія стремленія Рейнхарда. Въ счастіи и на свободѣ онъ не подчинился бѣ, воспротивился бы этому вліянію, но теперь такъ упалъ духомъ, такое малодушіе овладѣло имъ, что онъ всасывалъ ядъ по каплѣ. Онъ не могъ ни за что приняться; все казалось ему мелочнымъ, ничтожнымъ.

Утѣшенія помощника были печальны, ибо заключались въ томъ, что въ наше время все то, что имѣетъ въ себѣ здоровую жизнь, можетъ существовать только отрицательно, что все то, что заслуживаетъ въ наше время названіе искусства, состоитъ

изъ однихъ воспоминаній прошедшаго, не вполне изгладившагося міра. Онъ подкрѣплялъ это мнѣніе остроумными доводами, и не смотря на всѣ возраженія Рейнхарда, онъ самъ ощущалъ вліяніе разсужденій помощника, когда принимался за какое-либо дѣло; вслѣдствіе этого онъ весь обратился къ ландшафтной живописи, потому-что одна жизнь природы была постоянной и неизмѣнною; внутренно же онъ часто сожалѣлъ о томъ, что отклонилъ свое искусство отъ человѣка и его непостоянной, разнообразной жизни.... Впрочемъ другія, весьма непривлекательныя занятія сблизжали его съ жизнью человѣка: его всюду приглашали ставить живыя картины, учредить маскарады; занятія эти возбуждали въ немъ глубокое отвращеніе, а между тѣмъ—могъ ли онъ сообщить Лорле борьбу своего внутренняго призванія съ общественнымъ положеніемъ?

Прежде, когда до него касались непріятности жизни, онъ уходилъ, оставлялъ за собою неструю суматоху, и скрывался въ горахъ; теперь онъ былъ прикованъ....

Весна приближалась. Регистраторшѣ становилось легче и легче, а между тѣмъ она походила на одну тѣнь. Сидя у постели больной, Лорле часто досадовала, особенно на молодую дѣвушку въ противоположномъ домѣ, которая не переставала бранчать и распѣвать, не заботясь о томъ, нѣтъ ли по близости больного, умирающаго....

Лорле никакъ не могла привыкнуть къ міру, въ которомъ веселіе и смертное горе живутъ стѣна объ стѣну и въ то же время такъ далеко одно отъ другаго, какъ будто бы разлучены цѣлыми мірами.

Лорле не отходила отъ больной до послѣдняго вздоха ея, и закрыла ей глаза. Еще одно дружественное сердце перестало биться для нея.... Она поставила себѣ долгомъ неусыпно пецись о сиротахъ. Во всемъ домѣ и по сосѣдству всѣ узнали, съ какимъ благороднымъ самопожертвованіемъ поступала Лорле съ покойницею и ея семействомъ; общее, хотя и невысказанное уваженіе и любовь были наградою ея. Люди, молча проходившіе прежде мимо Лорле, не обращавшіе на нее вниманія, теперь ласково привѣтствовали ее, или сторонились, встрѣчаясь съ нею на лѣстницѣ или въ сѣняхъ. Лорле радовалась тому въ глубинѣ сердца. Часто думала она:

— Люди вслѣ одинаковы, только въ городѣ они не знаютъ другъ друга. Можетъ-быть, у меня есть добрая сосѣдка, которая была бы рада познакомиться со мною, но мы и не знаемъ другъ друга.

Кто повѣритъ что Лорле находилась въ тайныхъ, постоянныхъ сношеніяхъ съ незнакомымъ мужчиною?

Казенный домъ былъ достроенъ; въ него вѣхали жильцы. Каждое утро, когда Лорле вѣшала свою кѣтку за окно, противъ нее открывалось другое окно; за нимъ показывалась голова старика, украшенная немногими, но бѣлыми какъ снѣгъ сѣдинами; онъ поливалъ цвѣты, стоявшіе снаружи на его окнѣ, потомъ пристально смотрѣлъ на Лорле, и ласково кивалъ, когда глаза ихъ встрѣчались; Лорле отвѣчала на его нѣмое привѣтствіе, но точчасъ же отходила отъ окна; она не могла быть невѣжливою съ добрымъ старикомъ; онъ ставилъ передъ нею прекрасныя цвѣты, а она посылала въ мирную тишину комнаты его веселое пѣніе канарейки.

Однажды утромъ старикъ убралъ свои цвѣты, потомъ опять подошелъ къ окну, и взявшия двумя пальцами лѣвой руки за петельку своего сюртука, съ сілющимъ лицомъ смотрѣлъ на Лорле; въ петелькѣ его было что-то цвѣтное, нестрое. Дважды кивнувъ онъ въ этотъ день Лорле.

Съ этого дня онъ уже не показывался; Лорле не знала, что съ нимъ стало; еслибы она читала официальную газету, то узнала бы, что оберъ-ревизоръ Кернеръ получилъ орденъ и былъ произведенъ въ канцелярскіе совѣтники; вслѣдствіе этого производства квартира его была переведена въ первый этажъ казеннаго дома.

РАСПУСТИВЪ КРЫЛЬЯ.

Глубокая, безнадежная тоска запала въ душу Лорле. Однажды, въ расбѣянности, она зашла, и вдругъ подняла голову, какъ будто бы слышала чужой голосъ; только теперь она вспомнила, что уже нѣсколько мѣсяцовъ не пѣла ни одной пѣсни, ни веселой, ни печальной.

Дни жизни проходятъ, въ усленіи ли мы проводимъ ихъ или въ обществѣ близкихъ намъ, въ горести ли или въ радости, они проходятъ, какъ мимолетныя тѣни, и проходятъ безвозвратно....

Лорле была убѣждена, что главная причина отдаленія мужа отъ нея заключалась въ томъ, что Господу не угодно было благословить брака ихъ дѣтми; послѣднія, вѣроятно, сблизили бы ее съ мужемъ, думала она.... Но неразрушимая сила любви

часто тамъ могущественнѣе сохраняется, гдѣ два существа живутъ только сами собою; родители Лорле тоже долго не имѣли дѣтей, а между-тѣмъ, часто разсказывала Бѣрбель, они сами были между собою какъ дѣти.

Часто жизнь угасаетъ какъ догорѣвшая свѣча; но часто она вспыхиваетъ къ новому самосознательному возрожденію; тайна послѣдняго заключается въ высшей волѣ. Солнце и дождь питаютъ и развиваютъ созрѣвающій цвѣтокъ; вѣтеръ и гроза внезапно уничтожаютъ его.

Уныло текла жизнь Лорле; какъ родная мать заботилась она о дѣтяхъ покойницы, и радовалась этому расширенію круга своихъ обязанностей. Такъ какъ Рейнхардъ вовсе пересталъ выходить съ нею, то она была рада, что одинъ изъ дѣтей могъ провозжать ее.

Рейнхардъ былъ угрюмѣе прежняго; ему казалось, что ни одна изъ предпринимаемыхъ имъ работъ не удается; кромѣ того онъ мучился приведеніемъ въ порядокъ безъ разбора накупленной коллекціи гравюръ. Часто, вопреки его сопротивленію, закупа-ли нигуда негодныя картины, или спрашивали его совѣта тогда, когда торгъ былъ уже заключенъ; его просьбы давать работу преимущественно своимъ художникамъ оставались безъ вниманія; тщеславіе требовало пышныхъ, иностранныхъ именъ въ каталогѣ галереи.

Помощникъ имѣлъ съ нѣкотораго времени скрытный, таинственный видъ. Никто не угадывалъ, что онъ принялся наконецъ за сочиненіе, вмѣстѣ ученое и практическое.

Никому не открывалъ помощникъ своего намѣренія; онъ часто говорилъ, что напишетъ то или другое, но никогда не принимался за дѣло; теперь, безъ обещаній, онъ хотѣлъ внезапно выступить съ готовымъ сочиненіемъ. Онъ зналъ, что для того, чтобы выступить съ успѣхомъ, часто нужна нечаянность, неожиданность. Пути къ самообвиненію и постороннему порицанію вымогены добрыми намѣреніями и предположеніями. Съ жаромъ, котораго до-сихъ-поръ не зналъ въ себѣ, работалъ помощникъ, и находилъ въ своей дѣятельности то высокое наслажденіе, которое знакомо только людямъ глубоко мыслящимъ и глубоко чувствующимъ. Рѣшившись писать одну правду и не болѣе какъ правду, онъ мысленно наслаждался будущимъ вліяніемъ своего произведенія; пламень мысли поглощалъ, такъ сказать, матеріальную жизнь, которая, подобно Фениксу, возрождалась съ новыми силами.

Иногда сжималось сердце уединеннаго мыслителя; оно было такъ полно, что онъ не могъ высказать всего...

Въ обществѣ друзей онъ былъ молчаливъ; нося въ груди тайну, онъ боялся измѣнить ей; полный своей мысли, онъ не могъ слѣдить свободно за мыслями собесѣдниковъ. Часто ему хотѣлось вскрикнуть:

— Пойдите только, скоро выйдетъ моя книга; тамъ я все объяснилъ и вывелъ на свѣтъ.

Но такъ какъ онъ не могъ и не хотѣлъ этого сказать, то молчалъ. Въ одномъ онъ не могъ отказать себѣ, а именно во введеніи въ свою рѣчь отрывковъ и отдѣльныхъ разсужденій своего сочиненія, какъ бы желая напередъ и тайкомъ приготовить къ нему товарищей.

Однажды утромъ Лорле пошла съ младшимъ сыномъ регистратора на дворцовую площадь, посмотреть парадъ и ждать тамъ Рейнхарда, изъ мастерской котораго былъ видъ на дворцовую гауптвахту. Проходя мимо последней, она встрѣтила барабанщика, который прямо остановился передъ нею.

— Богъ помочь! сказалъ онъ: неужели ты меня не узнаешь? Посмотри-ка хорошенько.

— Господи! Вѣделингъ! Да какъ ты выросъ!

— И ты порядочно пополнила, Лорле, или госпожа профессорша,—тебя, кажись, такъ теперь прозываютъ.

Они пожали другъ-другу руки, и послѣ многихъ вопросовъ и отвѣтовъ, Вѣделингъ сталъ разсказывать:

— Когда ты уѣхала, и мнѣ не хотѣлось болѣе жить въ деревнѣ; я ушелъ весною и попалъ пастухомъ въ имѣніи графа Фельзенена; наша барышня, графиня Матильда, узнала случайно, что я изъ Вейсенбаха, велѣла меня позвать къ себѣ и стала спрашивать всю подноготную о тебѣ и херѣ Рейнхардѣ. Наша барышня чудо-дѣвица! Она подарила мнѣ гульденъ, и съ тѣхъ-поръ мнѣ стало тамъ хорошее житье; каждый разъ, когда она ѣхала верхомъ,—она сидитъ на конѣ словно кавалеристъ,—когда она проѣзжала полемъ, тогда подзывала меня къ себѣ, спрашивала и милостиво бесѣдовала; наконецъ когда графъ распродалъ всю свою оочарно, тогда двоюродный братъ графини, подполковникъ, взялъ меня съ собой сюда, и теперь я барабанщикъ; но это только на первый случай: я учусь играть на трубѣ, и на будущій годъ поступлю въ музыканты — тогда я буду обезпеченъ на всю жизнь. Я уже двѣ недѣли здѣсь, а тебя не встрѣчалъ.

— Зачѣмъ не приходилъ ты ко мнѣ?

— Если бѣ я зналъ, что ты такая же добрая, какъ прежде, такъ пришелъ бы; а то не смѣлъ. Найдти-то я ужъ нашелъ бы! Притомъ же у меня работы пропасть. Иной разъ руки отнимаются и духъ занимается. Сегодня я въ первый разъ на гауптвахтѣ; добрый знакъ, что тебя встрѣтилъ.

Въ то самое время, когда они разговаривали, адъютантъ принца былъ у Рейнхарда и говорилъ съ нимъ о транспарантахъ, готовившихся къ предстоящему бракосочетанію принца; онъ случайно подошелъ къ окну, и вскричалъ:

— Ваша супруга разговариваетъ на площади съ какимъ-то солдатомъ.

Рейнхардъ сбѣжалъ внизъ; Лорле замѣтила его только тогда, когда онъ подошелъ къ ней и вскричалъ съ сердцемъ:

— Чтѣ ты здѣсь стоишь? Пойдемъ прочь.

Рейнхардъ осыпалъ жену горьчайшими упреками за неприличное, постыдное поведеніе; она не могла сказать слова. Начался парадъ; музыканты заиграли веселый маршъ; Лорле желала провалиться сквозь землю со стыла, что не могла скрыть слезъ передъ чужими людьми; по счастью никто не замѣтилъ этихъ слезъ, потому-что голова ея была опущена. Наконецъ ей удалось возвратиться:

— Вѣдь это Вѣделингъ; ты самъ знаешь его.

Рейнхардъ увидѣлъ, что онъ увлекся вспыльчивостью; но не хотѣлъ просить прощенія, потому-что все-таки считалъ поступокъ жены неприличнымъ.

Вслѣдствіе ничтожныхъ работъ, которыми завалили Рейнхарда, онъ становился угрюмѣе и раздражительнѣе. Послѣ одной изъ вспыльчивыхъ выходокъ его, Лорле отвѣчала ему терпѣливо:

— Переломай все въ догъ точно такъ, какъ ты разбилъ тарелки.

Рейнхардъ замолчалъ; жена показала ему въ эту минуту невыразимо мелочную, потому-что не могла забыть шалости, послѣ которой протекло уже нѣсколько лѣтъ.

Но онъ не понималъ жены; или, лучше сказать, она не умѣла объясниться: она хотѣла только сказать, что такъ какъ онъ разбилъ тарелки, потому-что онѣ принадлежали ему, такъ онъ разбивалъ и ее, по той же причинѣ; но вслѣдствіе обращенія мужа съ нею, она смущалась, сбивалась передъ нимъ и не находила словъ.

Нѣсколько времени спустя, она шла съ Рейнхардомъ по ули-

цѣ; имъ встрѣтился возъ со свѣжимъ сѣномъ; Лорле вырвала изъ него клочекъ и сказала:

— Теперь косать сѣно.

Какая новость, какое важное открытіе, возразилъ Рейнхардъ.

Лорле замолчала; она и въ этотъ разъ не высказалась; ей хотѣлось сказать, какъ ей жаль, что только случайно встрѣтившійся возъ съ сѣномъ напомнилъ ей о томъ, что дѣлается у нихъ въ деревнѣ.

Неожиданное, нечаянное посѣщеніе прервало на нѣсколько дней мирное однообразіе хозяйства Лорле.

Толстоногий уже давно собирался навѣстить свою дочь, но, какъ часто водится въ деревняхъ, не могъ тронуться съ мѣста; то надобно было одну полевою работу покончить, то другую; то онъ отговаривался тѣмъ, что надобно обождать крестины; а время проходило, да проходило. Въ письмахъ своихъ Лорле высказывала иногда въ немногихъ словахъ такую тоску по родинѣ, что онъ могъ бы легко замѣтить, что она не свылась еще со своимъ новымъ положеніемъ; но родители не хотѣли вѣрить тому; они приписывали выраженіе тоски единственно любви дочери къ нимъ. Съ нѣкоторыхъ поръ Лорле каждый разъ извиняла мужа въ томъ, что онъ самъ не пишетъ; онъ заваленъ работой, писала она.

Вѣдѣли-ли, или кто другой распустилъ въ деревнѣ слухъ, что Лорле несчастна и что мужъ держитъ ее въ городѣ точно плѣнницу. Этотъ слухъ положилъ конецъ нерѣшимости Толстоногого; онъ бѣгалъ по дому, пыхтѣлъ, жалъ кулаки и сожалѣлъ только объ одномъ, что не могъ сейчасъ взять въ руки Рейнхарда и отвалить его должнымъ порядкомъ. Онъ бѣгалъ день и ночь, и рано утромъ пріѣхалъ въ городъ; дорѣгой жаръ его простылъ; онъ рѣшился переговорить сперва съ Лорле наединѣ, и обождалъ то время, когда Рейнхардъ уходилъ обыкновенно въ свою мастерскую. Взбирался по лѣстницѣ, онъ останавливался нѣсколько разъ, чтобы перевести духъ; кровь его была въ сильномъ волненіи, колѣни подгибались.

Глубоко-трогательно было свиданіе отца съ дочерью.

Лорле хотѣла тотчасъ-же послать за Рейнхардомъ, но отецъ сказалъ:

— Смирно.... Мнѣ нужно сперва поговорить съ тобою.

Лорле должна была разсказать всю свою жизнь. Отецъ хмурился и сжималъ губы, когда узналъ, что Рейнхардъ приходилъ домой только къ обѣду и на ночь.—Такъ не водится, го-

ворилъ онъ: мы потолкуемъ съ профессоромъ, я выскажу ему правду. Лорле умоляла отца не горячиться, потому-что это ни къ чему не ведетъ; между мужемъ и женою нѣтъ мѣста третьему, ни даже отцу; она не жалуется на свое положеніе; она говорила:

— Видишь-ли, въ городѣ не то, что у насъ; въ томъ-то и бѣда, что жена не можетъ помогать мужу, оттого они и живутъ врознь; у насъ, жена работаетъ съ мужемъ въ полѣ, а онъ помогаетъ ей дома.

Потомъ она прибавила, что Рейнхардъ самъ достоинъ сожалѣнія; что онъ заваленъ работами, и что ни одна изъ нихъ не правится ему.

Смѣшанное ощущеніе умѣрило гнѣвъ Толстоногого; онъ все еще сожалѣлъ о дочери, а между-тѣмъ не могъ не отдать справедливости ея разуму, и съ новою гордостью смотрѣлъ на нее; кромѣ того онъ былъ доволенъ тѣмъ, что, какъ увѣрила дочь, Рейнхардъ не находилъ удовольствія въ обществахъ, куда его такъ часто приглашали.

Лорле между-тѣмъ послала за Рейнхардомъ, который и не замедлил явиться съ помощникомъ. Присутствіе послѣдняго придало свиданію тестя съ зятемъ вынужденное и, быть-можетъ, желанное спокойствіе, хотя гнѣвъ хозяина Липы не вовсе еще разсѣялся. Рейнхардъ былъ тотъ-же, какъ и прежде, даже по наружности, потому-что мы упустили замѣтить, что онъ опять отростилъ себѣ бороду, такъ какъ Англичане явились въ обществахъ съ бородами всевозможныхъ формъ; казалось, что вмѣстѣ съ бороною вернулась и прежняя веселость Рейнхарда. Съ тестемъ онъ обращался съ прежнею шутовскою безцеремонностью; Лорле радовалась тому, ибо не угадывала, что мужъ втайнѣ упрекалъ себя за то, что теперь съ намѣреніемъ прикидывался, какимъ онъ былъ прежде дѣйствительно; но онъ не могъ иначе поступить со своимъ тестемъ. Помощникъ былъ чрезвычайно любезенъ съ Толстоногимъ; Лорле подшучивала надъ-нимъ за то, что онъ почти вовсе пересталъ ходить къ нимъ; она не могла угадать, что онъ удалялся отъ нее изъ состраданія и опасенія, чтобы прежняя привязанность его къ ней не возобновилась.

Такимъ-образомъ первый часъ свиданія прошелъ очень-весело; а первый часъ обыкновенно опредѣляетъ тонъ послѣдующихъ, и еслибы тестя и захотѣлъ вступить въ объясненія, то не могъ уже приступить къ нимъ съ тою рѣшимостью, которою вооружился передъ свиданіемъ; кромѣ того Рейнхардъ,

по его увѣренію, былъ такъ заваленъ работой, что поручилъ теста помощнику.

Случайно-ли или съ намѣреніемъ, Рейнхардъ никогда не выходилъ днемъ на улицу съ Толстоногимъ, который, разумеется, прѣхалъ въ своей крестьянской одеждѣ; Лорле думала, что онъ опасается и избѣгаетъ неприятныхъ объясненій, и находила поведение его весьма естественнымъ; ей и въ голову не приходило, что онъ стыдится показаться съ мужикомъ.

Помощникъ былъ счастливъ, что могъ прогуливаться съ Толстоногимъ; ему нравился простой, но здравый смыслъ, ему нравились его оригинальныя замѣчанія и, кромѣ того, онъ втайнѣ радовался, что чувствовалъ себя выше свѣтскихъ предрассудковъ; въ порывѣ этой радости, онъ хотѣлъ идти съ хозяиномъ Лины подъ-руку, но послѣдній не привыкъ къ тому, а потому отказался, говоря, что ему неловко. Толстоногий нашелъ, что помощникъ въ городѣ гораздо проще и естественнѣе, нежели въ деревнѣ, а потому охотнѣе бесѣдовалъ съ нимъ.

— Странно, говорилъ онъ: но когда я въ городѣ, мнѣ все кажется, что я сейчасъ упаду; вездѣ такая плоскость, нигдѣ ни горки, ни холмика, за который бы можно было придержаться.

Помощникъ восхищался оригинальными ощущеніями горнаго жителя, но научился уже воздерживаться отъ пестокowanій и перестолковываній, вредящихъ часто безпскуственному изліанію чувствованій, или придающихъ имъ другое направленіе.

Депутаты опять были созваны. Помощникъ ввелъ хозяина Лины въ общество нѣкоторыхъ изъ нихъ. Всѣ въ городѣ замѣчали съ неудовольствіемъ, что помощникъ, ожидавшій со дня на день производства въ бібліотекари, съ повышеніемъ жалованья, находился въ открытыхъ связяхъ съ нѣкоторыми неблагонамѣренными депутатами; но онъ не обращалъ вниманія на намеки и скрытые выговоры. Толстоногий былъ ласково принятъ; посреди дѣятельной, серьезной и веселой жизни, окружавшей его и въ которой онъ былъ хотя не дѣйствующимъ лицомъ, но внимательнымъ слушателемъ, онъ часто забывалъ, зачѣмъ именно прѣхалъ въ городъ.

Не смотря на всѣ просьбы Лорле, она не могла убѣдить отца жить у нея; онъ остановился у стараго знакомаго, булочника, содержавшаго въ то же время постоялый дворъ; Лорле часто провожала отца; булочникъ обыкновенно приглашалъ ихъ въ свою семейную комнату. Лорле обрадовалась, встрѣтивъ здѣсь людей,

простыхъ и откровенныхъ, полныхъ живой дѣятельности дома и въ полѣ. Толстоногий просилъ своего друга помогать Лорле, если ей что понадобится, а она дала слово часто навѣщать семейство булочника.

Наступилъ часъ разлуки. Лорле не могла освободиться отъ тягостной мысли, что она опять надолго прощается съ отцомъ и, быть-можетъ, не увидитъ его болѣе; на прощаньи она сказала ему:

— Береги себя хорошенько, и не безпокойся обо мнѣ.

— Дурѣчка, возразилъ отецъ: мой часъ еще не пробилъ, а если и придетъ смерть, такъ тебѣ горевать нечего: ты во всю свою жизнь не причинила мнѣ ни одной печали.

Лорле плакала.

— Господь съ тобой! сказалъ отецъ съ усиліемъ: прѣзжай къ намъ въ гости.

Онъ вскочилъ на телѣжку. Булочникъ провожалъ его до половины дороги, куда Мартыпъ былъ посланъ впередъ.

Лорле опять вернулась къ своей тихой, одинокой жизни....

Друзья были въ сильномъ волненіи.

Новое сочиненіе, только что вышедшее въ свѣтъ, встревожило, взволновало весь городъ. Заглавіе его было:

«Выстрѣлъ въ цѣль.»

Сочиненіе Адальберта Рейнмейера.

Принявшись за дѣло, помощникъ опровергнулъ свое прежнее мнѣніе, что люди несправимы, и сознался, что мнѣніе это было не болѣе, какъ маска, которою онъ прикрывалъ собственную лѣнь и безпечность.

Помощникъ былъ отставленъ отъ должности и приговоренъ къ шестимѣсячному аресту. Онъ подалъ аппелляцію.

Теперь и Лорле сблизилась съ Леопольдиной, и раскалалась, увидѣвъ, какъ несправедливо судила она о той, сила души и нѣжная любовь которой проявились во всемъ блескѣ въ минуты горя и страданій. И Леопольдина лучше узнала нѣжность и глубину чувствованій Лорле.

Однажды вечеромъ Рейнхардъ былъ en petit cercle у принца; приглашенные ждали въ пріемной выхода высокаго хозяина. Разговорились о новостяхъ. Какой-то Англичанинъ сталъ бранить Рейнмейера. Другъ его заступился за него съ жаромъ. Дѣло дошло до колкостей, какъ вдругъ явился принцъ.

Груща внезапно раздѣлилась и образовала два ряда, между

которыми явился принцъ, ласково кланяясь на обѣ стороны...

Какъ все утихло, какъ быстро явились почтительныя улыбки на всѣхъ лицахъ!... Графиня Матильда, разговаривая однажды съ Рейнхардомъ сказала великую правду: этикетъ и вынужденныя свѣтскія формы необходимы для замѣненія недостатка личнаго, индивидуальнаго такта.

Когда приглашенные стали расходиться, Бельгернъ сказалъ Рейнхарду:

— Вы прекрасно поступили, что заступились съ такимъ жаромъ за вашего друга; вы этимъ заслужили нашу признательность.

Рейнхардъ вовсе не хотѣлъ заслужить чьей-либо признательности, или составить себѣ партію; онъ далъ только волю своему негодованію, и сожалѣлъ, что появленіе принца помѣшало ему высказаться еще сильнѣе.

Съ радостію принялъ онъ на другой день вызовъ иностранца, но пригласилъ въ секунданты не Бельгерна, а одного изъ своихъ знакомыхъ изъ пивной, молодого юриста. Рейнхардъ ранилъ своего противника въ плечо.

Лорле узнала объ этомъ происшествіи нѣсколько дней спустя, отъ Леопольдины; она ужаснулась и не постигала, какъ Рейнхардъ могъ скрыть отъ нея такое важное событіе. Теперь она вовсе растерялась въ понятіяхъ своихъ о свѣтѣ, въ которомъ жила: съ одной стороны обвиняли честнаго, кроткаго человека въ разныхъ ужасахъ; съ другой, мужъ ея игралъ жизнью точно будто бы у него была другая въ запасъ... Она нѣсколько дней ходила, какъ ошеломленная, и глядѣла людямъ въ лицо, какъ бы спрашивая: не будетъ ли скоро свѣта претставленіе?

Съ Рейнхардомъ она часто была разсѣйна, или смотрѣла на него умоляющимъ взглядомъ, какъ бы прося убѣдительно:

— Ради Бога, Расскажи мнѣ, какъ было дѣло; я не понимаю, какимъ образомъ ты могъ поставить жизнь, которая принадлежитъ мнѣ, передъ дуло пистолета, не говоря мнѣ о томъ ни слова? Даже теперь, когда опасность миновалась, ты не говоришь ни слова. Неужели я для тебя уже не существую?

Пристально глядѣла она на него, но никто не произносилъ ни слова.

Лорле помогала Леопольдинѣ сколько могла; но послѣдняя, бодрая и неутомимая, угадывала, что случится, и чтобы обезпечить свою будущность, снова принялась устраивать свой молчаливый магазинъ.

Въ домѣ булочника, куда вслѣдствіе даннаго обѣщанія, Лорле

ходила довольно часто, она находила отдыхъ и утѣшеніе; тамъ была жизнь, полная дѣятельности и радости, тамъ никто не зналъ о волненіяхъ и безпокойствахъ свѣта. Лорле, оставшаяся прежде дома и искавшая покоя въ самой себѣ, стала теперь чаще выходить; она хотѣла разсѣяться, потому-что дома ею овладѣвало невыразимое безпокойство; она походила на птичку, подъ которую дровосѣкъ срубилъ дерево, на которомъ она свила свое гнѣздо...

Дѣло помощника было представлено принцу. Уступая многочисленнымъ жалобамъ, онъ подтвердилъ приговоръ суда; но повинувшись собственному сердцу, отмѣнилъ арестъ.

Пріятели приняли помощника въ пивной съ радостію. Онъ самъ держалъ себѣ рѣчь.

Съ этого времени онъ усерднѣе прежняго принялся за трудъ. Многие думали, что онъ пишетъ новое, болѣе выразительное сочиненіе, но помощникъ увѣрялъ, что онъ не рожденъ быть писателемъ. Онъ посвятилъ себя весь своей любимой наукѣ, геологіи.

Рейнхардъ впалъ въ немилость не только при дворѣ, но даже, какъ рассказывали друзья, у всего города. Въ столицѣ, гдѣ жители состоятъ преимущественно изъ служащихъ, статскихъ и военныхъ, и гдѣ былъ ощутителенъ недостатокъ въ естественныхъ средствахъ приобрѣтенія, вкрадся тотъ обычай, который существуетъ обыкновенно при водахъ и состоитъ въ томъ, что многие жители, ведя совершенно праздную жизнь, добываютъ хлѣбъ насущный только тѣмъ, что отдають свои квартиры внаймы иностранцамъ. Почти всѣ Англичане, обидѣвшись, оставили столицу, и такимъ образомъ Рейнхардъ навлекъ на себя гнѣвъ многихъ хозяевъ. Хотя онъ мало безпокоился о томъ, однакожъ это обстоятельство еще болѣе увеличило непріятность его положенія. Лорле наиболѣе терпѣла отъ того, потому-что часто, въ минуты досады, онъ говорилъ ей:

— Я пропаду совсѣмъ, если останусь здѣсь; я не долженъ долѣе оставаться здѣсь, а между тѣмъ не могу уѣхать.

Лорле не знала, что дѣлать; она просила Рейнхарда переѣхать съ нею въ другой городъ, но онъ не хотѣлъ.

Посреди этого запутаннаго положенія, ужасная вѣсть поразила молодую женщину: отецъ ея умеръ скоропостижно, отъ паралича. Выплакавъ почти все свое сердце, она собралась съ духомъ, каждый день ходила въ церковь и молилась объ усопшемъ. Леопольдина всячески старалась утѣшать ее, и когда од-

нажды заговорила о собственномъ горѣ, которое она перенесла съ такою твердостью, Лорле отвѣчала:

— Онъ умеръ, но мнѣ только кажется, что онъ уѣхалъ въ дальнюю сторону, куда и мы поѣдемъ, когда Богу будетъ угодно; мы жили въ разлукѣ, слѣдовательно, все-равно—мы увидимся во всякомъ случаѣ. Ему лучше, нежели намъ, но мнѣ жаль моей матери, моей доброй матери!

Рейнхардъ сталъ являться дома рѣже прежнего; онъ по прежнему работалъ для двора; онъ гордился тѣмъ, что могъ показать, что немилость не свергла его въ уныніе... Но, къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ въ самомъ себѣ довольно силы, чтобы заглушить свои душевныя страданія, а потому сталъ топить ихъ въ винѣ...

Тоска по родинѣ Лорле усиливалась, а между тѣмъ она не хотѣла ѣхать къ матери на короткое время; она страшилась свиданія, прощанія и возвращенія въ городъ. Ей часто казалось, что она точно птица, у которой поднимаются крылья, но которая не имѣетъ силы улетѣть. Ночью ей снилось, что ручей, протекавшій у селенія, принималъ формы живаго существа, и насильно тащилъ ее домой.

Однажды, въ осенній вечеръ, она сидѣла у окна и смотрѣла на ласточекъ, быстрѣе обыкновеннаго швырявшихъ по воздуху и какъ-бы безпокойно щелбетавшихъ. Лорле невольно протянула руки точно крылья, ей хотѣлось прочь, прочь, но она сама не знала куда. Наступили сумерки, прогудѣли колокола къ вечернѣ; Лорле не могла молиться, она сидѣла въ темнотѣ, заснула, и ей приснилось, что она лежитъ глубоко въ землѣ и не видитъ свѣта дневнаго; вдругъ она проснулась и услышала на улицѣ голосъ, плачевно кричавшій:

— П'сокъ! п'сокъ! п'сокъ!...

— Ахъ, Господи! Подумала Лорле: бѣдняку не хочется вернуться домой; вѣроятно, онъ не выручилъ еще денегъ, необходимыхъ на покупку хлѣба для бѣдныхъ дѣтей.

Она сошла внизъ и купила весь возъ песку. Охрипшій, проголодавшійся песочникъ благодарилъ ее со слезами на глазахъ. Она вернулась въ комнату, и старалась представить себѣ счастье всей семьи, когда отецъ вернется съ хлѣбомъ и деньгами. Она говорила про себя:

— Ты неблагодарна; тебѣ хорошо, у тебя есть кусокъ насыщеннаго хлѣба, и мужъ даетъ тебѣ полную волю. Да, да... все было бы хорошо, еслибы я могла помочь ему, утѣшить его.

Она взяла молитвенникъ, и стала молиться; вѣроятно слова,

прочтенныя ею, подкрѣпили ее, потому-что она поцаловала книгу и отложила ее въ сторону.

Сколько искреннихъ поцалуевъ лежало уже на этой книгѣ!...

Лорле рѣшилась ждть возвращенія Рейнхарда, она хотѣла встрѣтить его съ прежнею, сердечною любовію. Часть за часомъ проходила, а онъ не возвращался; она снова взяла молитвенникъ и читала молитвы на всѣ возможные случаи жизни; часто потирая она глаза, но не засыпала.

Свѣча уныло горѣла на столѣ.

Было уже за-полночь, когда на лѣстницѣ послышались шаги Рейнхарда; она хотѣла-было бѣжать ему на встрѣчу, но удержалась и осталась на мѣстѣ. Дверь открылась.... О, какое ужасное зрѣлище! То, что нѣкогда взволновало Лорле въ видѣ шутки, представилось ей теперь въ полной дѣйствительности.

— Любезный Рейнхардъ, что съ тобою? вскричала Лорле съ ужасомъ.

— Оставь... оставь меня, отвѣчалъ Рейнхардъ, заикаясь, ступилъ шагъ впередъ, покачнулся и рухнулся объ полъ.

Лорле не звала на помощь; она поняла, въ какомъ состояніи былъ мужъ ея, бросилась возлѣ него на колѣни, безсмысленнымъ взоромъ глядѣла на него, и не могла плакать. Существо, которому она поклонялась, унизилось передъ ея глазами.... Кто тому виноватъ?...

Наконецъ она встала, достала подушку и подложила ее Рейнхарду подъ голову; рука его поднялась, но тотчасъ же тяжело опустилась.

Безъ свѣчи бросилась Лорле въ темной комнатѣ на постель; сонъ не смыкалъ глазъ ея, мысли ея путались и страшные образы носились вокругъ нея. Начинало свѣтать. Она встала, какъ бы чувствуя приближеніе утра; Рейнхардъ лежалъ на томъ же мѣстѣ, въ глубокомъ снѣ; она одѣлась, взяла молитвенникъ, но не раскрывала его; что-то твердое, рѣшительное было во всѣхъ ея движеніяхъ....

Минуту простояла она со сложенными руками передъ Рейнхардомъ; она молилась. Послѣнно вышла она изъ комнаты и сошла внизъ. У двери регистратора она остановилась, прислушалась. Все было тихо.

— Да хранить васъ Господь, бѣдныя дѣти! произнесла она шопотомъ, и послѣнно вышла изъ дому.

Булочникъ чрезвычайно удивился, когда Лорле просила его тотчасъ же заложить телѣжку и увезти ее домой; однакожь не колебался онъ исполнилъ ея желаніе, и такъ какъ ни одного работника не было дома, то самъ взялся везти ее. Лорле не только сама не хотѣла ничего ѣсть, но даже не дала булочнику времени позавтракать.

Передъ казармами стоялъ барабанщикъ; то былъ Венделинъ. Онъ билъ зорю, не угадывая, кто проѣзжалъ мимо него такъ рано, на зарѣ.

Нѣсколько часовъ спустя Рейнхардъ получилъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Я должна сказать тебѣ прости, любезный Рейнхардъ; я возвращаюсь домой, къ матушкѣ. Больно разставаться, но иначе быть не можетъ. Благодарю тебя тысячу разъ за все добро, которое ты доставилъ мнѣ на этомъ свѣтѣ. Я прожила съ тобою нѣсколько счастливейшихъ дней моей жизни. Богъ мнѣ свидѣтель, еслибъ я могла воротить эти дни, хоть цѣною долгихъ страданій, такъ оная соединилась бы съ тобою. Прекрасное было время.

«Не старайся воротить меня; этому не бывать; разлука для тебя лучше и для меня тоже, съ Божіею помощію. Если хочешь, такъ перешли мнѣ мою постель и два голубыя покрывала; прочаго я не хочу и видѣть.

«Тебѣ лежитъ открытая дорога; у меня одинъ путь—домой. Ты забудешь свое горе, но вспоминая иногда обо мнѣ. Будь счастливъ, вѣчно счастливъ. По смерти вѣрналъ тебѣ.

«*Дорле Рейнхардъ.*»

«Исполни свое обѣщаніе и прикажи поставить Бѣрбели каменный крестъ. Будь счастливъ, вѣчно счастливъ. Твоя вѣрналъ.

«Прости, на бумагѣ пятна; это отъ моихъ слезъ. Будь счастливъ, вѣчно счастливъ.»

А ПОТОМЪ.

Помощникъ путешествуетъ какъ товарищъ продавца минераловъ. Кто знаетъ, гдѣ онъ теперь собираетъ камни и окаменѣлости. Пожелаемъ ему счастья и будемъ надѣяться, что онъ выйдетъ опять на свѣтъ.

Жена камергера Артура фон-Бельгерна, урожденная графиня Матильда фон-Фельзенекъ, находится въ Римѣ; она спрашивалась о живищцѣ Рейнхардъ, оставившемъ свое мѣсто, въ Римской столицѣ и поселившемся въ Римѣ; ей отвѣчали, что онъ рѣдко бываетъ въ городѣ и бродитъ большею частью по окрестностямъ, гдѣ извѣстенъ подъ именемъ «*Tedesco furioso*» Бѣшеннаго Нѣмца.

По деревнѣ проходитъ иногда молодая женщина въ городскомъ платьѣ; каждый привѣтствуетъ ее радушно. Спросите, кто она? и каждый отвѣтитъ вамъ со взглядомъ признательности:

Ангель хранитель нуждающихся.

А какъ зовутъ ее?

Ее зовутъ профессоршою.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ИСТОРИЯ ПАРОВЫХЪ МАШИИЪ.

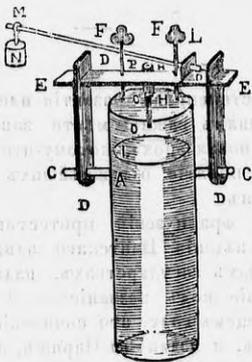
Статья третья.

(съ чертежами).

Въ исторіи постепеннаго развитія идеи о примѣненіи силы паровъ къ машинамъ важное мѣсто занимаетъ Дені Папенъ. Имъ начинается новая эпоха, потому-что съ его времени начали приобретать повятіе о важнѣйшихъ составныхъ частяхъ повѣйшихъ машинъ.

Дені Папенъ, французскій протестантъ, удалившійся изъ отечества послѣ изданія Нантскаго эдикта и жившій въ разныхъ иностранныхъ государствахъ, издалъ въ 1681 году, въ Лондонѣ, сочиненіе подъ названіемъ: *A new digester or engine* и пр. Въ слѣдующемъ году, это сочиненіе было переведено на французскій языкъ, и издано въ Парижѣ, подъ заглавіемъ *la Manière d' amollir les os* (способъ переваривать кости). Въ томъ и другомъ изданіи находится описаніе механизма, извѣстнаго теперь подъ именемъ предохранительнаго клапана, который играетъ важную роль во всѣхъ, безъ изыатія, паровыхъ приборахъ.

Задача Папена состояла въ томъ, чтобы опредѣлить давленіе пара въ закрытомъ цилиндрическомъ котлѣ, въ той степени, въ какой оно необходимо для сваренія веществъ, подверженныхъ дѣйствию пара. Для этой цѣли, Папенъ придумалъ припаять небольшую трубку Н Н (Фиг. 1) къ крышкѣ В В цилиндрическаго котла А. На верху крышки устроенъ клапанъ Р, закрывающійся посредствомъ давленія рычага L M. Этотъ рычагъ однимъ концомъ закрѣпленъ въ L Q, а на другомъ концѣ имѣетъ гирию N. Давленіе, производимое этимъ вѣсколагаго рода, безмѣномъ на клапанѣ Р, для закрытія послѣдняго, зависитъ отъ положенія, занимаемаго на стержнѣ точкою М, къ которой привѣшена гирия. Чтобы клапанъ содержалъ въ себѣ всегда влагу въ достаточномъ количествѣ, для этого придѣлана къ нему трубка О О, имѣющая меньшій въ сравненіи съ нимъ діаметръ, и нижнимъ своимъ концомъ погружающаяся въ воду котла. Теперь положимъ, что клапанъ Р имѣетъ въ діаметрѣ 17 миллиметровъ, а длина рычага L M, равняется шести разъ взятому разстоянію постоянной точки S отъ клапана. Въ этомъ случаѣ, гирия въ половину килограмма вѣсомъ достаточна для того, чтобы поддерживать равновѣсіе съ внутреннимъ давленіемъ, равнымъ давленію трехъ атмосферъ.

Фиг. 1. Папеновъ котель съ предохранительнымъ клапаномъ.

Часть снаряда, обозначенная литерами СС, DD, EE, есть

рама, назначенная для того, чтобы посредствомъ дажимныхъ винтовъ плотно держать крышку на котлѣ.

Предохранительный клапанъ и въ наше время немного отличается отъ клапана, изобрѣтеннаго Папеномъ. Это одно изъ самыхъ важныхъ и полезныхъ изобрѣтеній этого гениальнаго челоуѣка, который такъ долго не былъ оцѣненъ достойнымъ образомъ. Мы встрѣтимся съ нимъ еще разъ въ нашихъ розысканіяхъ; а здѣсь, по принятому нами хронологическому порядку, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о другомъ лицѣ, которое по своимъ опытамъ тоже имѣетъ право на видное мѣсто въ исторіи паровыхъ машинъ.

Въ 1685 году, сэръ Самуель Морлендъ издалъ въ Парижѣ книгу подъ названіемъ: *Élévation des eaux par toute suite de machines reduites à la mesure, au poids et à la balance*, и пр.

Въ Британскомъ Музеумѣ хранится рукопись, съ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и напечатанное сичиненіе Морленда, и заключающая въ себѣ слѣдующее замѣчательное мѣсто:

«Если вода силою огня превращается въ пары, то пары тотчасъ требуютъ гораздо болѣе пространства (около 2,000 разъ), нежели сколько занимала вода, и они скорѣе разорвутъ трубку, чѣмъ останется навсегда заключенными въ одномъ мѣстѣ. Но если управляютъ ими по законамъ статики, и приводятъ ихъ въ мѣру, вѣсъ и равновѣсіе, то они спокойно носятъ тяжести, какъ послушныя лошади, и потому они могли бы оказать роду челоуѣческому большую услугу, особенно для поднятія воды, по слѣдующей таблицѣ, гдѣ показано число фунтовъ, поднимаемыхъ 1800 разъ въ часъ до высоты 6 дюймовъ, равно какъ обозначены разные діаметры и длина цилиндровъ.

Эта самая мысль съ болѣею ясностію и опредѣлительностію развита черезъ нѣсколько лѣтъ Папеномъ, который устроилъ особый снарядъ для опытовъ подобнаго рода. Въ лейпцигскихъ *Ученыхъ Запискахъ (Acta eruditorum)* 1690 года помѣщена записка Папена на латинскомъ языкѣ, въ послѣдствіи переведенная самимъ авторомъ на французскій, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Новый способъ производить съ небольшими издержками чрезвычайную большія движущія силы.» Устроенный для произведенія опытовъ снарядъ (Фиг. 2) описанъ самимъ авторомъ слѣдующимъ образомъ: «AA трубка, ровная отъ одного конца до другаго.—BB поршень, прилаженный къ трубкѣ.—DD ручка, придѣланная къ поршню.—EE желѣзный прутъ, движущійся на шпилѣ F.—G пружина, нажимающая желѣзный прутъ EE, такъ что онъ входитъ въ выемку

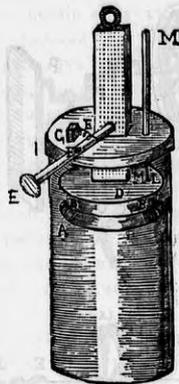
И, какъ скоро поршень съ своею рукою будетъ поднятъ на такую высоту, чтобы упомянутая выемка Н приходилась выше крышки II.—L небольшое отверстіе на поршнѣ, чрезъ которое можетъ выходить изъ трубки воздухъ, когда поршень опускается въ первый разъ.

«При употребленіи этого снаряда, вливаютъ въ трубку AA воды до высоты трехъ или четырехъ линий (отъ 8 до 9 миллиметровъ); потомъ опускаютъ поршень до дна трубки, такъ что вода изливается въ отверстіе L. Тогда закрываютъ это отверстіе посредствомъ прута MM, и надѣваютъ крышку JJ, которая имѣетъ столько отверстій, что можетъ входить безпрепятственно. Потомъ разводятъ умѣренный огонь на трубкѣ AA, которая нагревается очень скоро, потому-что дѣлается изъ тонкаго металлическаго листа. Находящаяся внутри вода, превратившись въ пары, производитъ давленіе столь сильное, что оно превышаетъ тяжесть атмосферы, и выталкиваетъ клапанъ вверхъ, такъ что выемка Н будетъ выше крышки JJ, и въ выемку входитъ желѣзный пруть EE, нажимаемый пружиною G. Теперь немедленно должно отнять огонь, и пары въ трубкѣ скоро сгущаются отъ холода, и превращаются въ воду, оставляя въ трубкѣ безвоздушное пространство. Тогда слѣдуетъ только повернуть пруть EE такъ, чтобы онъ вышелъ изъ выемки Н, и поршень могъ свободно опускаться. Отъ давленія воздуха поршень тотчасъ опускается внизъ, и производитъ шумъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше діаметръ трубки. Нельзя сомнѣваться, что на такія трубки дѣйствуетъ воздухъ всею силою своей тяжести, ибо я видѣлъ на опытъ, что поршень, поднятый силою жара до вершины трубки AA, опускался до самаго ея дна, и это нѣсколько разъ сразу; такъ что нельзя подозревать, чтобы воздухъ противодействовалъ паденію поршня.»

Вотъ самое ясное и обстоятельное описаніе машины, въ послѣдствіи названной *атмосферическою*, потому-что въ ней дѣйствуетъ давленіе атмосферы. Въ приборахъ Герона Александрійскаго, Соломона Кауса и Бранка, дѣйствіе пара было совершенно другаго рода; здѣсь онъ дѣйствуетъ въ трубкѣ на подвижной поршень, который движется попеременно снизу вверхъ и сверху внизъ. Это начало паровыхъ машинъ, какія употребляются нынѣ.

Папенъ хорошо понималъ физическую причину силы своего снаряда. «Такъ какъ вода, говоритъ онъ, превращаясь въ пары, имѣетъ силу расширяться наподобіе воздуха, и потомъ такъ сгущаться отъ холода, что не остается въ ней ни малѣй-

шаго признака силы упругости, то я думалъ, что не трудно было бы устроить машины, въ которыхъ посредствомъ умѣренной теплоты и при небольшихъ издержкахъ вода могла бы образовать совершенную пустоту.»

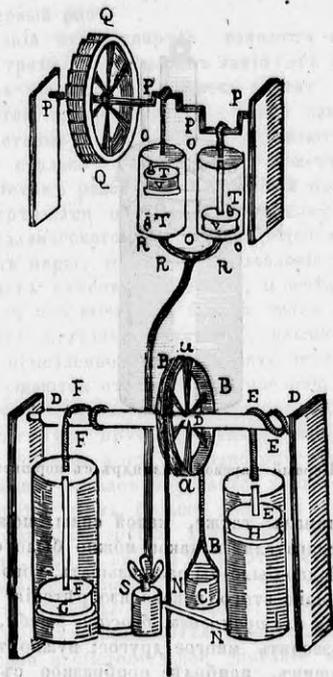
Фиг. 2. Первый паровой цилиндръ съ поршнемъ, Папена.

Папенъ понималъ также, какой силы можно ожидать отъ этого новаго двигателя, и какое можно было сдѣлать изъ него примѣненіе. «Долго было-бы рассказывать, говорить онъ, какимъ образомъ, помощію этого новаго изобрѣтенія можно было бы *вытлывать воду изъ рудниковъ, бросать бомбы, плыть противъ вѣтра*, и производить многое другое; нужно только придумать устройство машинъ, наиболее сообразное съ цѣлію. Не могу однако не замѣтить здѣсь мимоходомъ, сколько эта сила имѣла бы преимущества предъ гребцами, во время плаванія по морю.»

И такъ, стараясь прежде всего примѣнить свою машину къ поднятію воды, Папенъ ясно видѣлъ, что попеременное движеніе поршня въ трубкѣ давало возможность къ другимъ примѣненіямъ, и могло сдѣлаться всеобщимъ двигателемъ. Онъ предлагалъ употребленіе паровъ особенно въ мореплаваніи.

Всѣ изложенныя нами великія идеи Папена, основанныя на положительныхъ опытахъ, находятся въ лейпцигскихъ *Ученыхъ Запискахъ* 1690 года.

Еще раньше, именно в 1687 году, Папепз издал в свѣтъ описаніе другой машины, (Фиг. 3), которая приводится въ движеніе не парами, а водою.

Фиг. 3. Первая атмосферическая машина безъ паровъ, Папепз.

Вотъ описаніе этой фигуры.

QQ гидравлическое колесо, приводимое въ движеніе водопадомъ.

PPP ось съ двумя колбнами, проходящая чрезъ центръ колеса и движущаяся вмѣстѣ съ колесомъ.

OO, OO насосы, въ которыхъ движутся поршни V, V. Эти поршни снабжены клапанами T, T, открывающимися снизу вверхъ.

RR, RR, RR три вѣтви трубки, образующей сообщеніе между всасывающими насосами OO, OO, и краномъ SS.

SS кранъ, который, смотря по положенію ключа, производитъ сообщеніе между трубкою RRRR и трубкою NN, прекращая сообщеніе первой съ трубкою MM, или наоборотъ; такъ что если въ цилиндрѣ JJ, ниже поршня H, образуется пустое пространство, то вѣшній воздухъ будетъ свободно сообщаться съ нижнею частію поршня G въ насосѣ LL, и этотъ поршень G не будетъ представлять никакого противодѣйствія движенію.

EEE, FFF веревки, накрученныя въ противоположномъ другъ другу направленіи на оси DD, такъ, что когда одна накручивается, другая въ то же время разкручивается, и когда поршень G поднимается, тогда поршень H опускается, и наоборотъ.

AA большое колесо, утвержденное на оси DD.

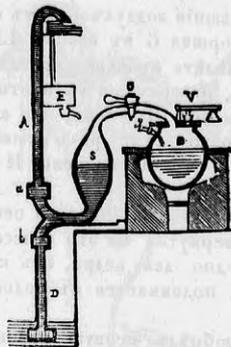
BBBB веревка, накрученная на это колесо и поднимающая и опускающая поочередно два ведра, изъ которыхъ одно, обозначенное буквою C, поднимается съ водою, между тѣмъ какъ другое опускается.

И такъ Папепз изобрѣлъ первую паровую машину съ поршнемъ и цилиндромъ. Онъ первый замѣтилъ, что въ одной и той же машинѣ эластическая сила паровъ можетъ быть соединена съ другимъ свойствомъ паровъ, именно, какъ онъ выражается, «сегушаться отъ холода такъ, что не останется никакого признака эластической силы.» Онъ понялъ всю важность изобрѣтеннаго имъ всеобщаго двигателя, и ясно указалъ на парходное плаваніе.

25 іюля 1698 года, то есть спустя восемь лѣтъ послѣ того, какъ записка Папепз о его машинѣ была напечатана въ лейпцигскихъ *Ученыхъ Запискахъ*, капитанъ Томасъ Савери получилъ патентъ на изготовленіе машины, представляемой нами въ вертикальномъ разрѣзѣ (Фиг. 4).

Въ этой машинѣ пары проводятся въ котель В, поставленный въ срединѣ печи и снабженный предохранительнымъ клапаномъ V. Когда кранъ С открывается, то пары переходятъ изъ котла въ сосудъ S, производятъ давленіе на воду, заключающуюся въ этомъ сосудѣ, потомъ гонятъ ее въ трубку А, открывая клапанъ а и закрывая клапанъ b. Вода истекаетъ чрезъ верхній конецъ трубки А. Когда пріемникъ S опорожняется, то закрываютъ кранъ С, чтобы пресѣчь сообщеніе между котломъ и пріемникомъ S, и посредствомъ крана Е, направляютъ струю холодной воды на этотъ сосудъ, такъ чтобы

сгустить проникшей туда парь. Отъ сгущения пара образуется пустота; тогда открывается клапанъ *b*, и вода изъ нижняго резервуара поднимается чрезъ трубки *D* въ приемникъ *S*. Потомъ открываютъ кранъ *C* и такъ далѣе.

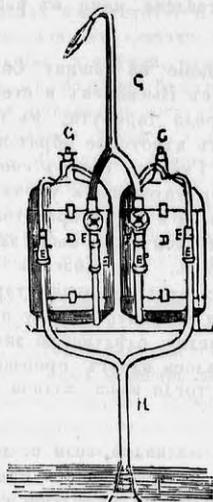
Фиг. 4. Машина Савери, въ вертикальномъ разрѣзѣ.

Модель машины Савери была представлена Лондонскому Королевскому Обществу 14 іюня 1699 года, и заслужила одобрение Общества. Въ Запискахъ этого ученаго Общества, того года, помѣщена статья объ машинѣ Савери, и къ ней приложены два рисунка, изображающіе машину (Фиг. 5 и Фиг. 6).

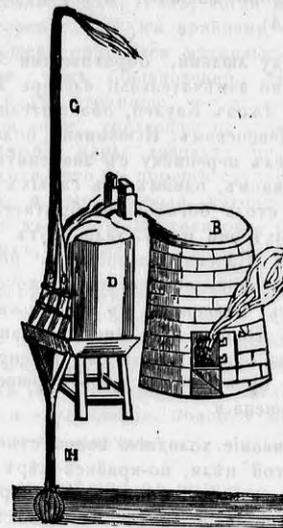
А печь, В котель, С, С два крана, попеременно пропускающіе пары въ приемники *D, D*. Въ эти два приемника вода проходитъ изъ нижняго резервуара *J*.—*E, E, E, E* клапаны, открывающіеся снизу Ѵвверхъ. *F, F* краны, удерживающіе воду верхняго резервуара, когда очищаютъ клапаны. *G* трубка, чрезъ которую вода выходитъ изъ приемника, *H* трубка, чрезъ которую вода входитъ въ приемникъ, *J* нижній резервуаръ.

Теперь легко понять, что принадлежитъ собственной изобрѣтательности Савери въ описанной нами машинѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, сравнимъ ту часть машины, которая въ 4 фигурѣ находится направо отъ крана *C*, съ фонтаномъ, предложеннымъ Соломономъ Каусомъ въ 1615 году для поднятія воды посредствомъ солнечнаго жара. Что выйдетъ изъ этого сравненія? Въ томъ и другомъ приборѣ, вода поднимается въ-слѣдствіе

образованія пустоты въ верхнемъ приемникѣ; въ томъ и другомъ, давленіе, производимое на внутренность приемника, заставляетъ воду подниматься по трубкѣ въ верхній резервуаръ. Клапаны расположены совершенно одинакимъ образомъ. Разница вся въ томъ, что въ приборѣ Соломона Кауса, давленіе производится посредствомъ воздуха, нагреваемаго лучами солнца, и пустота образуется отъ отсутствія этихъ лучей. Въ машинѣ Савери, напротивъ, парь производитъ давленіе, необходимое для поднятія воды, и пустота образуется вслѣдствіе охлажденія паровъ, происходящаго отъ наружнаго обливанія приемника холодною водою. Но и Соломонъ Каусъ еще за во-

Фиг. 5. Лицевая сторона машины.

Фигура 6 Видъ машины съ боку.

семьдесятъ четыре года указалъ на это употребленіе давленія, производимаго парамп, а машина Папена, явившаяся восьмью годами раньше машины Савери, была существенно основана на образованіи пустаго пространства отъ сгущенія паровъ.

Даже идея отделить котелъ отъ приемника, въ которомъ пары дѣйствуютъ силою своего давленія, принадлежить не собствен-но Савери; эта идея была развита Кирхеромъ еще въ 1641 году. И такъ что же остается на долю Савери? Честь устройства первой машины въ большихъ размѣрахъ для поднятія воды посредствомъ огня, и если угодно честь произвести охлажденіе паровъ посредствомъ обливанія холодною водою наружныхъ стѣнокъ металлическаго приемника. Мы видѣли, что изобрѣтательный Папенъ не достигъ до этой идеи и ограничился только спятіемъ огня съ машины.

Въ 1702 году Савери напечаталъ описаніе своей усовершенствованной машины, которая представлена нами въ разрѣзѣ (Фиг. 4).

Между людьми, обратившими вниманіе на машину Савери, особенно замѣчательны: слесарь Томасъ Ньюкоменъ и стекольщикъ Джонъ Каулей, оба жители города Дармуута, въ графствѣ Девонскомъ. Ньюкоменъ получилъ нѣкоторое образованіе. Онъ велъ переписку съ знаменитымъ Гуккомъ, своимъ соотечественникомъ, однимъ изъ самыхъ изобрѣтательныхъ умовъ этой эпохи, столь богатой изобрѣтателями. Въ числѣ проектовъ, о которыхъ они разсуждали другъ съ другомъ, не была забыта и идея Папена о насосѣ съ поршнемъ. Въ бумагахъ Гука найдено черновое письмо, въ которомъ этотъ ученый старался убѣдить Ньюкомена въ невозможности устроить машину по началамъ Папена. Это письмо оканчивается слѣдующею замѣчательною фразою: Если бы Папену удалось вдругъ производить пустое пространство подъ поршнемъ, тогда ваша задача была бы рѣшена.»

Обливаніе холодною водою стѣнокъ цилиндра, если не достигало этой цѣли, по крайней мѣрѣ, давало возможность приблизиться къ ней, а произведеніе пара въ котлѣ, отдѣленномъ отъ цилиндра, еще болѣе облегчало это дѣло. Таковы были идеи, которыя Ньюкоменъ и Каулей вздумали осуществить; но какъ Савери получилъ привилегію на приготовленіе машинъ, въ которыхъ пустое пространство образуется чрезъ охлажденіе паровъ, то Ньюкоменъ и Каулей вошли съ нимъ въ товарищество, и въ 1705 году все трое получили привилегію. Вотъ начало машины, известной подъ именемъ *машины Ньюкомена* или *машины атмосферической*.

Эта машина существенно состояла изъ насоса, снабженнаго

поршнемъ, подъ которымъ находились пары, какъ и въ машинѣ Папена; только эти пары получали образованіе въ отдѣльномъ котлѣ, и сгущались не чрезъ отнятіе огня, а посредствомъ опрыскиванія стѣнокъ цилиндра холодною водою.

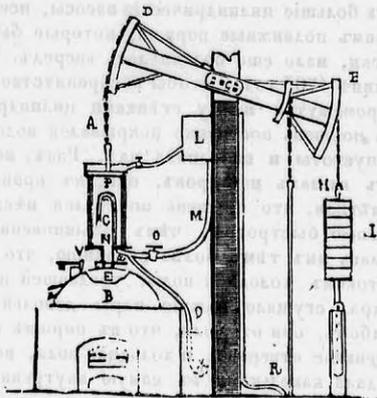
«Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, говоритъ Араго, искусство устроить большіе цилиндрическіе насосы, искусство прилаживать къ нимъ подвижные поршни, которые бы закрывали ихъ герметически, мало еще подвинулось впередъ. Такимъ образомъ, въ машинѣ 1705 года, чтобы воспрепятствовать парамъ выходить въ промежутки между стѣнками цилиндра и краями поршня, этотъ поршень постоянно покрывался водою, которая проникала въ пустоты и наполняла ихъ. Разъ, когда машина дѣйствовала въ глазахъ мастеровъ, они, къ крайнему своему удивленію, замѣтили, что поршень опустился нѣсколько разъ сразу съ большою быстротою, чѣмъ обыкновенно. Эта быстрота показалась имъ тѣмъ болѣе странною, что охлажденіе, производимое токомъ холодной воды, упавшей на наружныя стѣнки цилиндра, сгущало нижніе пары довольно медленно. Осмотрѣвъ приборъ, они открыли, что въ поршнѣ случайно образовалось малярное отверстіе, и холодная вода, которою смазывали его, падала капельками въ самую внутренность цилиндра сквозь пары, и охлаждая ихъ, сгущала ихъ гораздо скорѣе.

«Съ-тѣхъ-поръ, въ атмосферическихъ машинахъ стали дѣлать отверстія въ родѣ лейки; отсюда падаетъ дождь холодной воды, которая разливается въ цилиндрѣ и сгущаетъ пары въ ту минуту, какъ поршень долженъ опускаться. Такимъ образомъ вышнее охлажденіе вышло изъ употребленія, и движенія поршня сдѣлались скорѣе. Это важное улучшеніе, подобно многимъ другимъ, было плодомъ счастливаго случая.»

Это усовершенствованіе было сдѣлано въ половинѣ или въ концѣ 1712 года, нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ устроена была первая атмосферическая машина. Слѣдовательно, нужно было не менѣе семи лѣтъ, чтобы осуществить идеи, которыя имѣли три товарища.

Устроенная ими машина являлась въ слѣдующемъ видѣ: Пары образуются въ котлѣ В; отсюда чрезъ отверстіе р, и трубку S проходятъ въ цилиндръ С, и уничтожаютъ дѣйствіе атмосферическаго давленія на поверхность поршня Р. Противовѣсіе J составляетъ поршень поднимаемый. Когда онъ поднимается до над-

лежащей высоты, то закрываютъ край *p*, помощью ручки *a*, и открываютъ край *O*, отъ этого токъ холодной воды изъ резервуара *bb* черезъ трубку *M*, устремляется въ цилиндръ чрезъ отверстіе *N*, и сгущаетъ въ немъ пары. Тогда атмосферическое

Фиг. 7. Машина Ньюкомена, въ вертикальномъ разрьѣ.

давленіе заставляетъ опускаться поршень *P*, поднимая противъвѣсіе *J*, и стержни насосовъ, приложенные къ лѣвой ручкѣ *EG* коромысла *EGD*. Воздухъ и остальные не сгустившіеся пары, содержащіеся въ цилиндрѣ *C*, выходятъ черезъ боковой клапанъ, устроенный въ *V*. Вода, образовавшаяся отъ сгущенія пара, вытекаетъ черезъ трубку *Q*, оконечность которой снабжена клапаномъ *v*. Вертикальный стержень *R* приводитъ въ движеніе маленькій нагнетательный насосъ, который поднимаетъ въ корыто *L* воду, назначаемую для сгущенія паровъ. *G* ось коромысла, вращающагося кругомъ этой оси. Цѣпи, попеременно поднимающія поршень съ одной стороны, и противъвѣсіе и стержни насосовъ съ другой, наворачиваются на дуги круга, прилѣпаннаго къ коромыслу.

Въ первыхъ машинахъ Ньюкомена, краны *a* и *O* открывались и закрывались рукою. «Преданіе, говоритъ Араго, приписы-

ваетъ ребенку, Гумфри Поттеру, изобрѣтеніе механизма, посредствомъ котораго кранъ самъ собою открывается и закрывается, когда нужно. Рассказываютъ, что когда-то Поттеру запретили играть съ товарищами, и отъ нечего дѣлать онъ придумалъ привязать двѣ веревочки къ ручкамъ двухъ крановъ, которые онъ долженъ былъ открывать и закрывать. Другія концы веревочекъ онъ привязалъ къ коромыслу, которое своимъ движеніемъ вверхъ и внизъ замѣняло дѣйствіе руки.» Механизмъ Гумфри Поттера былъ названъ имъ *скоаганъ*,—простонародное слово, употребляемое въ графствѣ юрскомъ и значащее: лѣнтяй. Движеніе машины теперь было ускорено; но механизмъ былъ очень сложенъ; въ немъ дѣйствовали крючки и пружины. Наконецъ Бейтонъ, въ 1718 году, устроилъ паровую машину, въ которой одинъ стержень, прирѣченный къ коромыслу, приводитъ въ движеніе изобрѣтенный имъ механизмъ, который употребляется и въ новѣйшихъ машинахъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями.

Фигура 8 представляетъ видъ машины Ньюкомена и Каулея, снабженной всеми усовершенствованіями и примѣненной къ работамъ въ рудникѣ.

Надъ печью и надъ кирпичною покрывкою находится котелъ, скрытыя части котораго обозначены черточками съ буквами *0,0,0*. На вертикальной оси котла и его покрывки поставленъ цилиндръ *CC*, сообщающійся съ котломъ посредствомъ трубки *d*.

Паръ входитъ въ цилиндръ только тогда, когда стержень, отмѣченный числомъ 3 отпираетъ *регуляторъ* или кружокъ, закрывающій и открывающій нижній конецъ трубки *d*. Когда этотъ регуляторъ открытъ, то пары даютъ поршень къверху, то есть помогаютъ ему преодолевать давленіе воздуха. Тогда стержни *i*, *k* насосовъ, привѣшенные къ правому концу коромысла *h* *N*, легко поднимаютъ поршень, и правый конецъ *N* коромысла *h* *N* спускается, лѣвый *h* поднимается.

Когда поршень достигнет надлежащей высоты, регуляторъ закрывается, и дѣйствіемъ стержня, отмѣченнаго числами 1, 2, открывается кранъ. Когда кранъ откроется, вода, содержащаяся въ верхнемъ корытѣ, проходитъ черезъ трубку MN вѣ цилиндрѣ С, гдѣ она брызжетъ и производитъ сгущеніе паровъ.

Вслѣдствіе пустоты, образующейся теперь въ цилиндрѣ, поршень опускается, давимый всею тяжестью воздуха; лѣвый коонецъ А коромысла опускается, а правый коонецъ Н поднимается, и насосы к, і, поднимаютъ воду.

Z трубка, чрезъ которую вода проводится къ поверхности поршня, чтобы постоянно увлажнять покрывающую его кожу.

W j трубка, чрезъ которую вода выпускается въ котель.

Вода, впрыскиваемая черезъ трубку MN вѣ цилиндрѣ, выходитъ изъ него чрезъ трубку j, нижній коонецъ которой загнутъ, снабженъ клапаномъ и погруженъ въ воду.

V трубка служитъ для сбора воды, которую смачивается поршень.

X Небольшая трубка, снабженная клапаномъ, черезъ который, въ то время, какъ поршень опустится внизъ, выходитъ воздухъ, отдѣляющійся отъ паровъ, сгустившихся въ воду. Часть же воды, выходящая чрезъ этотъ клапанъ, выливается въ трубку Y.

Насосъ съ стержнемъ і, служитъ къ поднятію воды; а насосъ съ стержнемъ к гонитъ воду чрезъ трубку, идущую вдоль кирпичной стѣнки, и даже въ корыто, откуда выходитъ трубка M.

QQ деревянный вертикальный брусокъ, открывающій и закрывающій кранъ. Онъ поднимается и опускается вмѣстѣ съ коромысломъ. На немъ видны выемка и гвозди, съ помощію которыхъ онъ дѣйствуетъ на рычаги, приводящіе въ движеніе регуляторъ и кранъ.

Стержни L, QQ, к, і постоянно остаются въ томъ же верти-

кальномъ положеніи, благодаря дугамъ круга, на которые наворачиваются цѣпи, во время маховаго движенія коромысла.

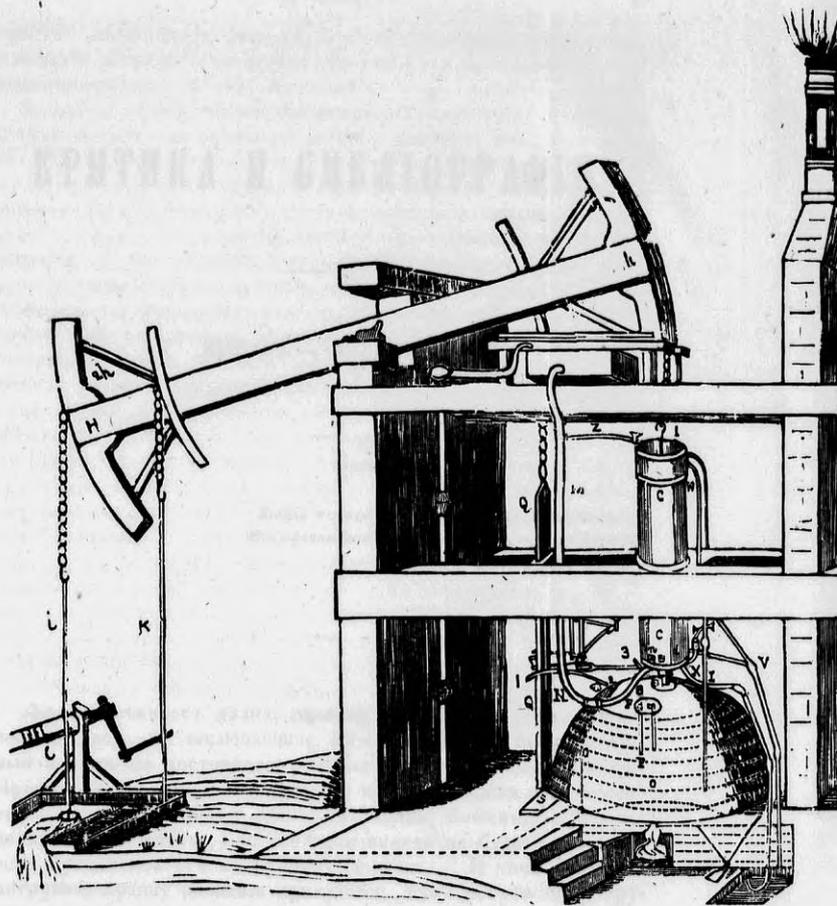
F предохранительный клапанъ.

Въ g видны два крана, соответствующіе трубкамъ, которыя нижними концами должны погружаться одна въ воду, другая въ пары, когда уровень воды въ котлѣ находится на требуемой высотѣ. При надлежащемъ количествѣ воды въ котлѣ, лѣвый кранъ долженъ выпускать струю воды, а правый струю паровъ. Если при открытіи ихъ этого не окажется, то ускорятъ или замедлятъ наполненіе котла водою, смотря по тому, упалъ ли уровень воды слишкомъ низко, или поднялся слишкомъ высоко.

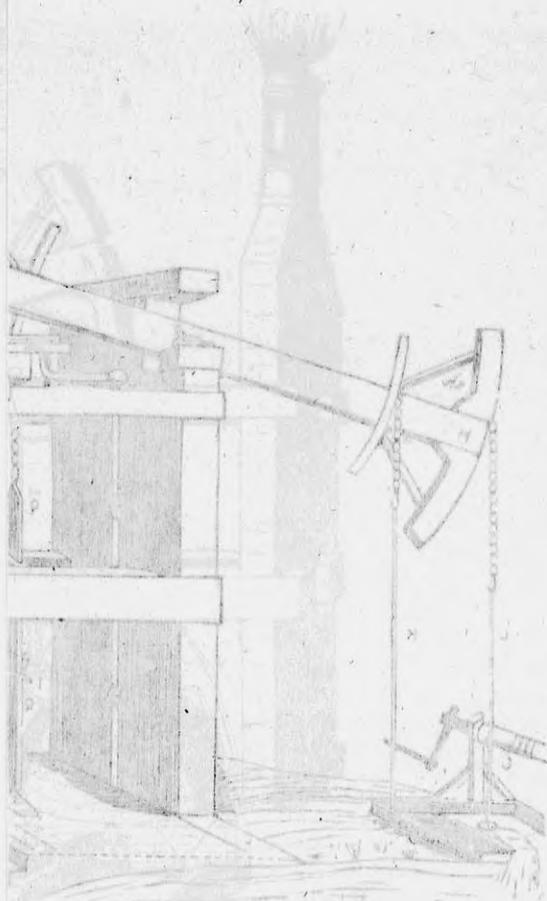
На рисунокѣ описанной машины, заимствованномъ изъ *Курса экспериментальной физики*, Дезаголье, изображенъ механикъ, которому доверенъ надзоръ за дѣйствіемъ снаряда. Онъ съ спокойнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ машины, наблюдая за тѣмъ, чтобы всѣ части механизма дѣйствовали правильно. Пары дѣлаютъ все остальное; человекъ только управляетъ движеніями гигантскаго двигателя, который требуетъ немного воды и угля, и съ этими малыми средствами производитъ такія работы, на которыя въ древнія времена употребляли тысячи невольниковъ.

Такъ наконецъ гениальное изобрѣтеніе Папена перешло въ область промышленной дѣятельности. Этотъ великій умъ предугадывалъ дальнѣйшія усовершенствованія, которыя дали машинѣ возможность двигаться самой собою. Въ объясненіи своей первой машины (фиг. 3) онъ говоритъ: «Можно найти способъ чтобы машина сама собою повертывала кранъ, когда то нужно.» Но по какой-то странной случайности, имя этого изобрѣтателя было почти предано забвенію въ исторіи удивительной машины, приносящей столько чести уму человѣческому. Между тѣмъ

Ньюкоменъ, Каулей и Савери ограничились тѣмъ, что заимствовали идеи изобрѣтенія Папена. Папенъ далъ имъ паровой цилиндръ съ поршнемъ, попеременно движущимся вверхъ и внизъ, пустоту для сгущенія паровъ и предохранительный клапанъ.

Фиг. 8. Машина Ньюкомена и Каулея, устроенная для освобожденія рудника отъ воды.

Фиг. 3. Видъ изъ Никольскаго собора въ Костромѣ.

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ
1076 года.

«Конецъ вѣнчаетъ дѣло», сказалъ кто-то очень давно. Изрѣченіе мудрое, но заключающее въ себѣ тонкій, оскорбительный намекъ на достоинство *начала*. За что такая немплость? Правда, конецъ *вѣнчаетъ* дѣло, но начало кладетъ ему *основаніе*. Украшайте крышу зданія, аттиками, башенками, бельведерами, чѣмъ хотите, оно все-таки нигуда не будетъ годиться, если фундаментъ его не прочтенъ, шатокъ.... И чѣмъ болѣе вы нагрузите крышу разными причудами, тѣмъ скорѣе она обрушится на вашу голову. Дѣло увѣнчается, но очень неприятнымъ образомъ. Отдадимъ же должное *началу*, тѣмъ болѣе, что не смотря на всю свою важность, оно обыкновенно остается незамѣченнымъ, или поглощается собственнымъ своимъ развитіемъ; пусть началомъ начала нашего литературнаго обзора будетъ начало человѣческой премудрости....

Сторонитесь романы, повѣсти, науки, путешествія, бесѣды, теории, биографіи, сторонитесь, закутайте въ ваши обертки и ждите... Азбукѣ, этой вѣчно-юной, вѣчно ласково-ворчливой старушкѣ, принадлежить первое мѣсто.

1. *Подарокъ дѣтямъ. Азбука, съ примѣрами для постепеннаго чтенія, украшенная картинками.* Изданіе второе. Спб. Въ типографіи А. Дмитріева. 1849. Цѣна 50 к. е.

2. *Прописи для начинающихъ (.) Изобрѣтенныя (?) и изданныя К. фонъ-Шелемъ.* Спб. Цѣна 40 к.

3. *Deutsche Vorschriften für Anfänger, entworfen und herausgegeben von C. v. Scheele. St-Petersburg. Litographie K. Schele.*

Одно поколѣніе смѣняется другимъ, вѣка проходятъ за вѣками, все измѣняется, портится или улучшается, — только Азбука не хочетъ, кажется, выйти изъ однажды и навсегда принятой формы. Слѣдя за уроками нашихъ дѣтей, мы невольно переносимся мыслію въ тѣ свѣтлые, безмятежные годы, когда горе и страданіе наши ограничивались *гломъ* и *розгой*, когда игрушка или конфеткѣ въ пестренькой бумажкѣ наполняли сердце наше несказанною радостью.... Мы слышимъ тѣ же *б*, *а* — *би*, тѣ же стереотипныя правоученія и наставленія... Неужели форма, однажды принятая Азбукой, есть идеалъ совершенства? Неужели нельзя придумать ничего другаго, лучшаго?

Мы всѣ толкуемъ о главѣ всѣхъ воспитателей, о глубокомысленномъ Песталоцци, а между тѣмъ весьма немногіе изучили его методу, которая, по моему мнѣнію, не можетъ быть принята въ томъ видѣ, въ какомъ развилъ ее самъ изобрѣтатель, но въ которой заключается однако же идея преобразования.

Въ бытность мою въ Швейцаріи, я имѣлъ случай бывать въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ и понынѣ слѣдуютъ методѣ Песталоцци, перваго учредителя этихъ же самыхъ заведеній. Тамъ я нагляднымъ, такъ-сказать, образомъ познакомился съ этой замѣчательной методой, въ которой гениальное мѣшается съ остраннымъ, наивное, чисто дѣтское съ ученымъ педантизмомъ.

Песталоцци начиналъ ученіе не буквами, не словами, но предметами. Не въ безотчетномъ ознакомленіи съ предметами заключалось дѣло, а въ возбужденіи умственной дѣятельности чрезъ сравненіе. Основаніемъ его методы служили три элемента: *видъ*, *число* и *слово*; на нихъ же развивается и послѣдовательное воспитаніе. Онъ говорилъ, что первую учительницею ребенка должна быть сама мать. Когда дитяти минуетъ три или четыре года, то есть, когда оно начнетъ свободно *говорить* и

понимать, тогда мать должна обращать вниманіе его на ближайшіе ему предметы, къ которымъ Песталоцци относитъ собственные члены ребенка.

Нельзя не усомниться въ справедливости послѣдняго мнѣнія. Мнѣ кажется, что вниманіе ребенка болѣе обращено на посторонніе предметы, на игрушки, нежели на собственное тѣло его. Основная мысль Песталоцци и въ этомъ случаѣ превосходна, но развитіе ея не совѣтъмъ удачно. Привожу въ примѣръ отрывокъ изъ сочиненія его: «*Das Buch für Mütter.*» — *Книга для матерей.* Вотъ какимъ образомъ должно знакомить ребенка съ его членами:

Составы среднихъ пальцевъ.

Передніе составы среднихъ пальцевъ.

Средніе составы среднихъ пальцевъ.

Задніе составы среднихъ пальцевъ.

Передніе составы среднихъ пальцевъ правой ноги.

Средніе составы среднихъ пальцевъ правой ноги.

Задніе составы, и такъ далѣе.

Дитя должно повторять эту абракадабру до-тѣхъ-поръ, пока формы ея не улягутся въ умъ его; затѣмъ оно должно само приступитъ къ составленію подобныхъ фразъ. Мысль превосходная, но формы, въ которыя она облечена, тяжелы, сбивчивы, утомительны.

Подобныя упражненія должны, по мнѣнію Песталоцци, пробудить въ ребенкѣ первое понятіе о числимомъ и измѣримомъ; тогда со всевозможною осторожностію и медленностію должно приступитъ къ изученію таблицъ. Вотъ образчикъ ихъ:

Второй рядъ.

1 единица составляетъ половину 2 единицъ.

2-жды 1 то же, что 1-жды 2.

3 — 1 — — 1 — 2 и половина 2-хъ.

4-жды 1 то же, что 2 — 2.

5-ью 1 — — 2 — 2 и половина 2-хъ.

6-ью 1 то же, что 3 — 2.

7 — 1 — — 3 — 2 и половина 2-хъ.

и такъ далѣе.

Третій рядъ.

1 единица составляетъ треть 3 единицъ.

2-жды 1 то же, что 2-жды треть отъ 3-хъ

3 — 1 — — 1 — 3.

4 — 1 — — — 1 — 3 и треть отъ 3-хъ.
5-ью 1 — — — 1 — 3 и 2-жды треть отъ 3-хъ.

и такъ далѣе.

Въ этихъ головоломныхъ таблицахъ нѣтъ ни ясности, ни простоты. Онѣ собыють съ толку не только ребенка, но и опытнаго счетчика. По той же методѣ расположено и ученіе о мѣрахъ:

Первая прямая линія такъ же длинна, какъ половина второй.

Половина второй прямой линіи такъ же длинна, какъ третья часть третьей.

Вторая прямая линія такъ же длинна, какъ дважды третья часть третьей.

Третья часть третьей прямой линіи такъ же длинна, какъ четвертая часть четвертой.

Дважды третья часть третьей прямой линіи такъ же длинна, какъ дважды четвертая часть четвертой,—

и такъ далѣе. А вотъ и математическая формула:

$$\frac{1}{4} B = \frac{5}{12}, \quad \frac{1}{3} A = \frac{1}{12}, \quad \frac{5}{12} = 3 + 4\text{-й доль } \frac{1}{12}.$$

$$\frac{1}{4} B = 3 + 4\text{-й доль } \frac{1}{3} A.$$

Неугодно-ли отгадать, что это значитъ?

Четверть второй линіи содержитъ три двенадцатыхъ. Треть первой линіи содержитъ четыре двенадцатыхъ. Три двенадцатыхъ равны трижды четвертой доль четырехъ двенадцатыхъ, а четверть второй линіи равна трижды четвертой доль одной трети первой линіи.

Воля ваша, а съ этой пережевывающей методой не достигнешъ успѣха.

Неоспоримо, что арифметическія упражненія взопряютъ умъ ребенка и развиваютъ первую степень мыслительныхъ силъ его; но эти упражненія должны быть непременно легки; даже привлекательны, иначе вліяніе ихъ будетъ скорѣе пагубно, нежели полезно. Притомъ же быстрое разрѣшеніе труднѣйшихъ задачъ вовсе не нужно для массы, для большинства; опытомъ дознано, что люди, обладающіе въ высшей степени способностью численія, болѣею частію неспособны на разрѣшеніе простѣйшихъ житейскихъ задачъ. Помните, что Шатобрианъ въ своемъ сочиненіи: *Le Génie du Christianisme*, сказалъ:

«Геометрическіе умы часто ложны въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ; это есть слѣдствіе ихъ чрезвычайной точности, положительности. Они во всемъ добиваются совершенныхъ истинъ, между тѣмъ, какъ въ нравственности и политикѣ существуютъ только истинны относительныя. Непреложно то, что дважды два четыре; но нельзя сказать такъ же утвердительно, что хорошій афинскій законъ долженъ быть хорошимъ и въ Парижѣ... Тотъ, кто вздумалъ бы ввести математическую точность и въ общественныя отношенія, сдѣлался бы самымъ безмысленнымъ или самымъ злымъ человѣкомъ».

Теоріи Песталоцци превосходны, по примѣненія ихъ или поясненія примѣрамъ отзываются страшнымъ педантизмомъ; а между тѣмъ посудите сами, возможны ли это теоріи и основаны ли онѣ на внимательномъ, даже глубокомъ изученіи дѣтской природы:

1. Дѣти должны научиться познавать каждый предметъ отдѣльно, какъ единицу, то есть: врознь отъ тѣхъ предметовъ, съ которыми онъ кажется соединеннымъ.
2. Они должны научиться познавать видъ, форму предмета, то есть: его мѣру и сходство съ другими.
3. Они должны знакомиться со словами, то есть: названіями предметовъ.

Принявъ эти три пункта за основу первоначальнаго воспитанія, должно примѣнить ихъ къ дѣлу со всевозможною краткостью, ясностью, — а этого-то и недостаетъ въ практической методѣ Песталоцци.

Онъ простираетъ эту же методу на всѣ другія отрасли науки, и на нравственность и религію, — и вездѣ та же запутанность. Привожу въ примѣръ географическій урокъ:

Вопросъ. *Какъ называется тотъ полуостровъ, который ограниченъ съ сѣверо-востока южной частицей сѣверной главной части, а съ юго запада сѣверо-восточной частицей средней главной части въ восточной четверти средней трети Восточнаго Океана?*

Отвѣтъ. *Полуостровъ Юкатанъ.*

Вопросъ. *Почему ты это знаешь?*

Отвѣтъ. *Средняя треть Восточнаго Океана называется Атлантическимъ; восточная четверть Атлантическаго Океана называется Восточно-атлантическимъ моремъ. Сѣверная главная часть Восточно-Атлантическаго моря называется Мехиканскимъ моремъ; южная частица Мехиканскаго моря называется Кампешскимъ заливомъ.*

Средняя главная часть восточно-атлантического моря называется Караибским морем; северо-восточная часть Караибскаго моря называется Гондурасским заливомъ.

Между Кампеческимъ заливомъ и Гондурасскимъ лежитъ полуостровъ Юкатанъ.

Уфъ!... Какое сѣпленіе идей, какая путаница! Какое ужасное напряженіе памяти и ума нужно, чтобы добраться до дѣла черезъ этотъ лабиринтъ!...

Посѣщая нѣкоторые пансіоны въ Швейцаріи, въ которыхъ и понинѣ рабаки слѣдуютъ методѣ Песталоцци, я самъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ практическихъ уроковъ.

Классъ рисованія. Учитель проводитъ горизонтальную линію и говоритъ:

— Провожу горизонтальную линію.

Дѣти проводятъ на аспидныхъ доскахъ или на бумагѣ такую же линію, и повторяютъ хоромъ:

— Провожу горизонтальную линію.

Учитель. Сдѣлали?

Дѣти. Да!

Учитель. Что вы сдѣлали?

Дѣти. Я провелъ горизонтальную линію.

Учитель. Провожу подъ этой линіей другую горизонтальную линію, которая такъ же длинна, какъ и первая.

Дѣти. Провожу подъ этой линіей другую горизонтальную линію, которая такъ же длинна, какъ и первая.

Учитель. Сдѣлали?

Дѣти. Да!

Учитель. Что вы сдѣлали?

Дѣти. Я провелъ—и такъ далѣе третью, четвертую и пятую линію. Форма вопросовъ и отвѣтовъ оставалось постоянно одна и та же. Потомъ подобное же упражненіе, точно въ такомъ же видѣ, повторилось съ перпендикулярными линіями....

Какой сухой, бездушный, ремесленный механизмъ! Неужели на этомъ холодномъ скелетѣ можетъ развиваться живая сила ума? А между тѣмъ Песталоцци и по нынѣ считается первымъ авторитетомъ въ педагогической литературѣ. Въмѣсто того, чтобы увлекаться, не вникая въ дѣло, лучше бы менѣе восхищаться и со знаніемъ дѣла воспользоваться тѣмъ, что въ методѣ Песталоцци есть прекраснаго, гениальнаго...

Но возвратимся къ Азбукѣ, которая замекла насъ въ это дичное разсужденіе. Что сказать о ней? Она напечатана очень опрятно, на чистой, бѣлой бумагѣ; постепенные уроки распо-

ложены съ толкомъ, съ умомъ; мелкіе рассказы, надъ которыми вообще потѣшаются наши критики, милы. Сужденіе о подобныхъ рассказахъ надобно предоставить самимъ дѣтямъ; только имъ понятна та наивность, простота, изъ которой мы выжили. Новую Азбуку, украшенную порядочными и занимательными для дѣтей картинками, можно рекомендовать родителямъ. Она очень порядочно издана и стоитъ не дорого.

Ново-изобретенныя прописи не новы. Это разношашныя вдоль и поперекъ тетради, съ образцовыми прописями въ началѣ каждой строки, подъ заглавіями: *Элементы буквъ*. Впрочемъ прописи эти, написанныя на двухъ языкахъ, могутъ служить полезнымъ пособіемъ для матерей-воспитательницъ.

п. е.

4) *Беспда и слово* по случаю празднества Иконѣ Пресвятой Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ радости, 24-го октября, 1849 годъ. Священника Скорбящической церкви *Всѣхъ Скорбящихъ*. С. Петербургъ, въ типографіи г. Фишера 1849, цѣна 10 к.

5) *Палладию. Епископа Елленопольскаго Лавсакъ или повѣствованіе о жизни святыхъ и блаженныхъ отцовъ*. Переводъ съ греческаго.—С. Петербургъ, въ типогр. Фишера, 1850. Въ 8 л. л. стр. 310. Цѣна

Для размышляющаго наблюдателя новѣйшей русскою литературѣ, богатство ея теологической отрасли имѣетъ важный смыслъ. Рѣшительно, быть-можетъ, мы живемъ въ такой великій моментъ развитія Россіи, что и сами не подозреваемъ всей величины нашего времени. По изобилію нынѣшней духовной литературы у насъ, наши годы весьма замѣчательны. И всѣ эти книги раскупаются—иначе не издавались бы такъ охотно, — читаются и перечитываются—иначе бы не раскупались, — читаются сердцемъ и умомъ изучаются. Церковь, которая создала величіе Россіи. Явленіе радостное, тѣмъ болѣе для людей, не останавливающихся на поверхности, на скорлупѣ явленій, а доходящихъ до зерна. Тутъ зерно одно изъ самыхъ плодородныхъ.

Духовная литература въ послѣдніе годы у насъ приобрѣла такой обширный объемъ, что превзошла всѣ прочія отрасли литературы количествомъ и, можно смѣло сказать, качествомъ. Мы намѣрены вскорѣ поговорить объ ней надлежащимъ образомъ, въ большой статьѣ, приличной важности дѣла.

Первая изъ упомянутыхъ книгъ принадлежитъ къ назидатель-

нымъ сочиненіямъ, наполненнымъ тѣхъ умиленныхъ чувствъ и мыслей, какими наполняютъ душу высокія вѣрованія христіанскія въ вѣчно бодрствующее надъ человѣкомъ небесное покровительство.

О содержаніи второй даетъ понятіе самое заглавіе. Для полноты этого понятія прибавимъ, что Палладій былъ современникъ Златоустаго, слѣдовательно, въ книгу его вошли жизнеописанія святыхъ и блаженныхъ по вѣкъ. Значеніе книги Палладія для Православной Церкви объясняетъ переводчикъ теперешняго ея изданія такъ:

«Православная Церковь даетъ свое свидѣтельство о важности ея книги для чадъ ея тѣмъ, что издревле постановила правиломъ, на утренихъ Великаго-поста, изъ числа четырехъ положенныхъ чтеній, заимствовать два чтенія изъ Лавсанка, во все дни Св. Четырехдесятицы, кромѣ субботы и воскресеній.

Лавсанкомъ называется книга отъ имени византійскаго вельможи Лавсона (*Λαυσανος*), которому Палладіи посвятилъ свой трудъ. Ныпѣшній переводъ книги относительно языка имѣетъ важное достоинство сообразности съ самимъ предметомъ книги. Изданіе прекрасно, какъ и должно быть.

б) *Описание Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго-Дмитріева Монастыря* С. Петербургъ 1849. Цѣна 75 коп.

Добросовѣстное описаніе одного изъ тѣхъ отрадныхъ прибѣжищъ благочестивыхъ душъ, которыми такъ обширно наше православное отечество и къ которымъ часто изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ стекаются поклонники, ищущіе, и ищущіе не напрасно, небесаго врачеванія для язвъ душевныхъ. Въ Ростовскомъ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ покоятся святыя останки великаго поборника-православной Церкви, писанія котораго навсегда останутся самымъ назидательнымъ и поучительнымъ чтеніемъ благочестивыхъ людей. Мы говоримъ о Св. Дмитріи Ростовскомъ, о которомъ нѣсколько достойныхъ замѣчаній словъ «въ описаніи монастыря».

«Святитель, проѣзжая, 1-го марта 1702 г., изъ Москвы въ Ростовъ на Митрополию, первымъ долгомъ поставилъ захватить, на пути, въ Яковлевскій монастырь, и почтить почивающаго въ немъ угодника Іакова. Поклонившись чудотворнымъ мощамъ сего Святителя, Пресвященный Дмитрій обратился къ предстоявшимъ ему и, указавъ на западный уголъ церкви, въ пророческомъ духѣ изрекъ: «се покой мой! здѣ вселюся въ вѣкъ вѣка!»

«Проходитъ 6 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ, 27 дней, и св. Дмитрій, въ ночь на 28-е октября, въ келліи своей, во время молитвы, на

колѣняхъ, оканчиваетъ земное свое поприще. Тѣло его сначала вынесено было изъ митрополичьихъ келлій въ церковь Всемилостиваго Спаса, что на сѣняхъ, находящуюся до-сихъ-поръ въ твердомъ состояніи между разрушающимися зданіями древняго Ростовскаго Архіерейскаго дома; по 30-го числа, по повелѣнію Царицы Прасковьи Оеодоровны перенесено въ Ростовскіи Успенскій соборъ. Царица Прасковья, вдовствующая супруга Царя Іоанна Алексѣевича, прибыла въ Ростовъ съ благовѣрными Царевнами Екатериною, Прасковьею и Анною Іоанновнами, въ самый день смерти св. Дмитрія. Она пріѣзжала сюда на поклоненіе мощамъ Ростовскихъ Угодниковъ и Чудотворному Образу Толгской Божіей Матери, принесенному тогда изъ Ярославля въ Ростовъ.

«Въ ноябрѣ, для погребенія Святителя, прибылъ въ Ростовъ Стефанъ Яворскій, Митрополитъ Рязанскій. Между св. Дмитріемъ и Пресвященнымъ Стефаномъ положенъ былъ тайный обѣтъ: если скончается напередъ Митрополитъ Стефанъ, то тѣло его обѣщалося предать землѣ св. Дмитрія, а если Пресвященный Дмитрій прежде преставится, то погребеніе надъ нимъ обѣщалося совершить Митрополитъ Стефанъ. Братія Ростовскаго собора, Настоятели монастырей и граждане г. Ростова просили Пресвященнаго Стефана предать погребенію тѣло ихъ Митрополита въ Ростовскомъ соборѣ; такъ какъ здѣсь издревле были погребаемы Пастыри Ростовской Епархіи; но Архипастырь, исполняя волю покойнаго, отказалъ имъ въ томъ, и 25-го ноября, по совершеніи въ соборѣ Божественной литургіи и надгробнаго пѣнія надъ тѣломъ Митрополита Дмитрія, перенесъ оное, въ сопровожденіи духовенства и народа, въ Яковлевскій монастырь, и тамъ, на завѣтномъ мѣстѣ, предалъ оное землѣ.

«На мѣстѣ погребенія воздвигнута была деревянная гробница, съ слѣдующею снптафіею, написанною Митрополитомъ Стефаномъ:

Стихи памяти смертвой,

Всякому потребной,

Читатель благоразумный,

Умъ имѣй не темный;

Сокрушенно и смиренно сердце въ Бозѣ полагай,

Покаянія время день отъ дни не отлагай.

Приходитъ смерть, внезапно гдѣ ты обратишь: помысли сердца,

И дѣла твои вси суть у Всевѣдца.

Взврай съ прилежаніемъ, тѣбный человѣче,

Како вѣкъ твой переходить, и смерть недалече.
 Готовися на всякъ часъ, рыдай со слезами,
 Яко смерть тя восхитить съ твоими дѣлами.
 Ангелъ твой хранитель тебѣ извѣствуетъ,
 Краткость жизни твоей перстомъ показываетъ.
 Текутъ времена и лѣта во мгновеніи ока,
 Солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока.
 Содержай мечъ мщевія во своей десницѣ,
 Утѣшаетъ тя всегда и глаголетъ сице:
 Убойся сего меча, отседѣ покаяйся,
 Да не посѣчетъ тебѣ, злое ужасайся
 Приидите людіе въ вѣрѣ просвѣщенніи,
 Градите во святой храмъ кротцы и смиренніи.
 Молитву прилежно къ Богу возсылайте,
 На сіе писаніе умильно взирайте.
 Прочитая всякъ усердно, много прослезися,
 И отъ многія ревности сердцемъ умилися,
 Какъ смерть вселютая возьметъ человекѣи,
 Преселаетъ отъ міра на вѣчные вѣки,
 Преселила есть нынѣ Пастыря блажайша,
 Архіерея же честна и вождя крѣпчайша,
 Всеи въ Ростова града людіе рыдайте,
 Пастыря умершаго слезно поминайте,
 Дмитрія Владыку и Пресвященна,
 Митрополита тиха и смиренна;
 Его же Митрополитъ со псалмопѣніемъ
 Стефанъ Рязанскій со благоговѣніемъ,
 И со священнымъ соборомъ погребѣ всечестно.
 И со множествомъ народа, яко всеѣмъ извѣстно,
 Иже во святѣмъ храмѣ семь мирно положися,
 И въ темномъ гробѣ земли твердо заключися,
 Да подаетъ ему Господь въ царствіи жити,
 Со святыми Мученики и Ангелы во вѣки пребити:
 Ему же и отъ насъ вѣчная буди память *

Послѣ покойнаго не осталось никакого имущества, кромѣ книгъ и рукописей, да и послѣднія, по предварительному его распоряженію, положены съ нимъ въ гробъ. Изъ духовнаго же завѣщанія, врученнаго св. Дмитріемъ Митрополиту Стефану, удостовѣрились, что онъ богатъ былъ въ жизни одною нищею Евангельскою. «Никто же», писалъ онъ въ завѣщаніи, «да

* Житіе св. Дмитрія.

трудится по смерти моей, испытаю или взыскаю какого либо кедейнаго моего собранія: ибо ниже на погребеніе что оставляю, ни на поминаеніе, да нищета иноческа янапаче по копчинѣ явится Богу. Вѣрую бо, яко пріятіе Ему будетъ, аще «и едина пата по мнѣ не останется, неже еда бы многое собраніе было раздаваемо.» Къ сему Пресвященный присовокушилъ: аще мене тако пища никтоже восхошетъ обычному «предати погребенію, молю убо тѣхъ, иже свою смерть памяте ствуютъ, да отвлекуть мое грѣшное тѣло въ убогій домъ, и стаю, между трупиями, да повергуть е.»

По такой иноческой скудости Пресвященнаго Дмитрія употреблены были на погребеніе его деньги, собранныя въ то время съ первей Ростовской Митрополи и слѣдовавшія на содержаніе Архіерейскаго дома. По монастырской записи того года значится, что «собранныхъ на 1709 годъ денегъ съ Ростова, Мологи, Романова и Углича у даннаго платежа по 2 алтына по 3 деньги съ церкви, осталось 39 руб. 20 алтынъ. Къ тому-жъ изъ Архіерейскаго ящика сочтено 5 руб. 11 алтынъ 4 деньги. Пошехонскихъ жебору въ 1708 съ 66-ти церквей,бору 1709 г. съ 23-хъ церквей, обоего 9 руб. 1 алтынъ».

7. *Мисы славянскаго язычества.* Соч. Д. Шёппинга, члена Копенгагенскаго Общества сѣверныхъ изыскателей древности. Москва. Въ типогр. Готье. 1849. Въ 8 д. л. Стр. XVI и 197. Цѣна 1 р. 50 к.

Овидій правъ: у книгъ есть свои судьбы. Лѣтъ десять тому, покойный преподаватель славянскихъ литературъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ, Касторскій, издалъ книгу «Начертаніе славянской миѳологіи.» Книжечка была невелика, но написана съ знаніемъ дѣла и съ любовью къ дѣлу, и заключала въ своихъ немногихъ страницахъ все, что до-тѣхъ-поръ наука сѣдала по ея предмету. Кромѣ рѣдкихъ, спеціальныхъ ученыхъ, никто не оцѣнилъ труда Касторскаго, даже никто не замѣтилъ его. Книжечку забыли, до того забыли, что объ ней нѣтъ и поминя даже у тѣхъ, кому бы слѣдовало знать ее непременно. Вотъ хотя бы, панримеръ, автору предлежащей изыщной книги, члену Общества сѣверныхъ изыскателей древности, какъ бы, кажется, не быть знакомому съ такой неотдаленной древностью, какъ 1841 годъ русской литературы? Выходитъ однако, что онъ знаетъ труды иностранныхъ ученыхъ, трудъ г. проф. Срезневскаго, сборникъ г. Терещенки, даже «Славянскую миѳологію» П. М. Строева, изданную въ 1815 году, и не знаетъ, по-крайней-

мѣръ, не упоминаетъ о трудѣ Касторскаго. Очевидно, такова ужь судьба «Начертанія славянской мѣологии», судьба вовсе незаслуженная, несправедливая. Мы имѣли не одинъ поводъ припомнить о сочиненіи покойнаго русскаго ученаго.

Первый и главный изъ этихъ поводовъ тотъ, что новое сочиненіе г. Шепинга нисколько не затмѣваетъ стараго сочиненія Касторскаго, и вовсе не выполняетъ собою недостатка какого-либо полнаго труда по предмету славянской мѣологии. Отдадимъ однако долгъ справедливости повому автору: онъ имѣлъ прекрасное намѣреніе. Отъ него, любителя, нельзя требовать того, чего можно и должно ожидать собственно отъ ученаго; высказывая прямо наше мнѣніе о его книгѣ, мы желаемъ только предостеречь другихъ любителей отъ нѣсколькихъ опрометчивыхъ трудовъ, за которые тѣмъ грустнѣе, чѣмъ похвалитѣе намѣренія ихъ авторовъ.

Далеке отъ всякой мысли о мелочныхъ придиркахъ, мы только скользя замѣтимъ довольно поразительную впрочемъ странность заглавія: «Многи славянскаго язычества.» Авторъ самъ конечно знаетъ, что «многи» сами по себѣ уже предполагаютъ «язычество», также какъ «соль» предполагаетъ «соленость.» Г. Шепингъ, безъ сомнѣнія, не поклонникъ понятіи д-ра Штрауса, отъ которыхъ отресталъ давно и самъ г. Штраусъ. Съ тѣхъ-поръ, какъ Славяне перестали быть язычниками, у нихъ есть сказанія, легенды, и вѣтъ мѣоовъ. Но, разумѣется, подобное заглавіе, просто, маленькій недосмотръ со стороны автора, который увлекся его паружной шеголеватостью. И мы упоминаемъ объ немъ единственно потому, что начинать лучше всего съ начала.

Прочитавъ трудъ г. Шепинга, мы окончательнo убѣдились, что авторъ простой *любитель*. Въ этомъ качествѣ, онъ не знаетъ надежачимъ образомъ трудовъ Я. Гримма, знаменитаго изслѣдователя германской мѣологии, по слѣдамъ котораго непременно пошелъ бы *ученый*, обрабатывая ту или другую мѣологию. И то сказать, изъ самыхъ источниковъ предмета авторъ не почерпнулъ ни одной капли содержанія въ свою книгу. Кѣмъ же изъ прилежныхъ обработывателей предмета руководился авторъ? Къ сожалѣнію, должно отвѣчать, что *никѣмъ*. Но безъ доказательства странно было бы обвинять такую изыщную, такого хорошаго тона книгу, какова книга г. Шепинга. Слѣдуютъ доказательства.

Краугольными камнями, на которыхъ утверждены «Многи славянскаго язычества», служили творенія нѣмецкихъ ученыхъ гг.

Гануша и Эккермана. Эти господа важнѣйшіе авторитеты для нашего автора: *αὐτῶν ἔοικα*. Но люди свѣдующіе увѣряютъ, что не все то золото, что блеститъ. Во-первыхъ о книгѣ Гануша.

Книга эта, по отзывамъ знатоковъ и бесспорныхъ судей дѣла, совершенство въ своемъ родѣ или даже цѣлое собраніе совершенствъ различныхъ: полнаго невѣдѣнія о предметѣ, неограниченной *геллертерской* отваги, неподражаемой ловкости пустить пыль въ глаза. Herr Verleger былъ, вѣроятно, въ восторгѣ, когда приобрѣлъ рукопись Herr'a Verfasser'a. И какъ не быть въ восторгѣ? Посудите только. Изъ предисловія явствуетъ, что онъ, Ганушъ, предпринялъ писать Die Geschichte der Entwicklung des menschlichen Geistes: легко сказать! Среди колоссальныхъ изысканій по предмету «исторіи развитія человеческого духа», его «поразила своей мужеской трезвостью безликий образъ славянскаго мѣва» (die hehre Gestalt des slawischen Mythus). Драгоценная рукопись, которую ученый Verfasser принесъ своему счастливому Verleger'у, только крупница отъ предстоящаго въ будущемъ того великаго пира науки, который наступитъ съ желаннымъ окончаніемъ исполненнаго труда г. Гануша. Каково жь должно быть цѣлое, если для этой малой частицы своего труда авторъ, изчерпалъ эссенцію сотенъ и сотенъ книгъ, которыхъ исчисленіе занимаетъ слишкомъ 26 страницъ мелкой печати, книгъ на всевозможныхъ языкахъ, а преимущественно на тѣхъ, которыхъ, по всему видно, не знаетъ велеученый Ганушъ. Чего пѣтъ въ этомъ исчисленіи мнимыхъ источниковъ его книги! Можете представить: даже Сборникъ народныхъ украинскихъ пѣсень, Амвросія Могилы, изданный харьковскимъ профессоромъ г. Метлинскимъ, и не являющій ни малѣйшаго отношенія къ славянской мѣологии, и тотъ красуется въ пышной Literatur книгѣ! Чадъ философствованія (Philosophiren) автора такъ крѣпокъ, что въ конецъ «оселомилъ» челоуѣка впрочемъ умнаго, бывшаго профессора славянскихъ литературъ въ Парижѣ, который на основаніи многумудрой книги Гануша построилъ цѣлую систему своей философіи, начинающуюся съ раздѣленія людей на *людей солнца* и *людей луны*. *Люди земли*, разумѣется, не достойны отвлеченнаго философскаго воззрѣнія... Что г. Ганушъ беретъ славянскую мѣологию въ связи ея съ древнѣйшей индѣйской, разумѣется само собою. Что въ индѣйской мѣологии онъ также силенъ и также разборчивъ на источники, какъ въ славянской мѣологии, опять таки разумѣется само собою. Словомъ сказать, книга Гануша верхъ *геллертерской* отваги, nec plus ultra. Истинно ученые по

этой части понимают господина *геллертера*. Европейских не-славянских ученых он мог провести, благодаря малоизвестности предмета; парижского славянского профессора мог сбить с толку, в силу известной моноμανии профессора; но грешно даваться в обман русскому ученому писателю о славянской мифологии, о которой выше помянутая книжечка Касторского говорит в тысячу раз длиннее и больше, чем объемистая книга Гануша.

Переходим къ другому авторитету нашего автора, къ Эккерману. Профессоръ халльскаго университета по кафедрѣ мифологии вообще, Эккерманъ въ своей книгѣ излагаетъ болѣе или менѣе хорошо тѣ мифологии, которыя уже обработаны европейскими учеными. Но на славянской мифологии, которая для Европы покажется почти terra incognita халльскій профессоръ спотыкнулся о тотъ же камень, о книгу Гануша, доверился ей, и повторяетъ только ее, конечно, въ приличныхъ перифразахъ. Для Эккермана вещь извинительная. И такъ, Эккерманъ тотъ же Ганушъ, только добросовѣстно и невольно ошибающійся.

Нашъ любитель-авторъ также самымъ добросовѣстнымъ образомъ вдался въ заблужденіе, положась на нѣмецкую ученость и еще *геллертерскую* ученость. Остается пожалѣть, что не былъ онъ знакомъ съ нѣмецкимъ же трудомъ по этой части, только совѣтъ инаго достоинства. Трудъ, о которомъ мы говоримъ, не вполне оконченный рядъ статей въ Иордановомъ периодическомъ изданіи *Jahrbücher für Slavische Literatur etc.*, за 1843 и 1844 годы. Статьи назывались *Bausteine zur Slavischen Mythologie. Aus lateinischen und griechischen Quellen*. Авторъ ихъ, *Wilhelm Bernhardt*, ученый и даровитый послѣдователь Гримма, обработалъ предметъ, сколько лишь можно было обработать это не вспаханное до него поле, и притомъ единственно по римскимъ и греческимъ источникамъ. За славянскіе источники и не брался.

Если бы г. Шёнпингъ или другой любитель науки, подобно ему руководимый похвальнымъ намѣреніемъ, захотѣлъ написать новую книгу о славянской мифологии, то мы посоветовали бы ему положить въ основаніе своего труда упомянутой трудъ Бернгарда и примѣръ его, или точнѣе Гримма, и обработалъ, хотя частныя, предмета, уже готовые въ трудахъ Касторскаго, проф. Стрезневскаго, а съ критической разборчивостью также и господъ Строева и Терещенки.

Замѣтимъ г. Шёнпингу также его излишнюю доверчивость безъ разбора къ изыскателямъ санскритской древности. Не на

всѣхъ на нихъ, далеко не на всѣхъ можно полагаться такъ, какъ можно полагаться напр. на Лассена. Изыскатели изыскателямъ рознь, по очень многимъ и различнымъ причинамъ.

Во всякомъ случаѣ, намѣреніе автора было такъ хорошо, недостатки его книги такъ добросовѣстны, что и сожалѣя о нихъ, отзовемся съ уваженіемъ объ его трудѣ.

Изданіе книги, какъ мы сказали, щегольское; цѣна умѣренная, сообразно изданію.

8. *Учебныя руководства для Военно-Учебныхъ Заведеній. Естественная Исторія. Ботаника В. Далля*. Составленная на основаніи наставленія для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній, Высочайше-утвержденнаго 24-го декабря 1848 года. С.-Петербургъ 1849 г. въ типогр. Фишона. II 211 стр. въ 8 л. Цѣна 2 р. 50 к.

Естествоиспытатели раздѣляютъ все существующее на землѣ своими силами на три царства: минеральное, растительное и животное. Къ первому относятъ тѣла безорудныя, безчувственные, безжизненные, созданныя единожды, въ эпоху творенія, или образовавшіяся въ лабораторіи природы, лишенные возможности распространять бытіе свое, но одаренныя способностью сохранять въ каждой отдѣльной части всѣ составныя частицы свои. Они пребываютъ въ одиночествѣ до совершеннаго разрушенія, и служатъ основаніемъ, на которомъ помѣщаются, живутъ, питаются, размножаются и умираютъ остальные два царства. Однимъ словомъ—это наша земля, состоящая изъ тверди, влажности и огня. Послѣдніе два элемента или скрываются до возбужденія въ другихъ тѣлахъ, или существуютъ явно. Нерѣдко одинъ изъ нихъ производитъ другой, при помощи постороннихъ началъ, но оба суть единственные дѣятели нашей планеты.

Царство растений помѣщается на минеральномъ; только глубочайшіе овраги, куда не проникаетъ свѣтъ солнечный, и вершины высочайшихъ горъ свободны отъ растений. Переходъ туда составляютъ проявленія низшей степени растительности: лишай и плесени, безлистные и безцвѣтныя. Дно морское, вѣчные снѣги Исландіи производятъ своего рода растения. Нѣтъ сомнѣнія, что растительная сила земли въ первыя времена творенія была могущественнѣе нынѣшней; это доказывается тѣмъ, что многихъ растений не стало на землѣ, и только отпечатки ихъ сохранились въ шиферахъ и сланцахъ.

Растенія помѣщаются на царствѣ минеральномъ, тягучь изъ

него воду, уже измѣняющуюся пребываніемъ въ почву, имѣютъ въ пору цвѣта свою степень любви, производить плоды, т. е. сѣмена, а потомъ умираютъ, или навсегда, или только до будущаго лѣта. Онѣ осуждены на постоянное пребываніе на одномъ мѣстѣ, служатъ пищею животнымъ и надѣлены необыкновенною живучестію. Животное пожираетъ растение до самаго основанія, но оно пускаетъ изъ корня новые отростки, и продолжаетъ другое бытіе; — оторванная вѣтка, посаженная въ землю, принимается, и производитъ новое растение, во всемъ подобное первообразу своему. Только между растительнымъ царствомъ замѣтна животворная способность нашей земли; есть растенія, которыя земля производитъ сама-собою, безъ сѣмянъ, при извѣстныхъ условіяхъ. — На Алеутскіе острова было пересажено нѣсколько елей съ материка Америки: они принялись, и года чрезъ три или четыре появились подъ ними грибы, рыжики.

Царство животное есть уже вѣнецъ творчества природы. Каждое существо имѣетъ произвольное движеніе, волю и умъ. Бытіе свое поддерживаетъ истребленіемъ или царства растительнаго или животнаго. На высшей ступени этого царства стоитъ человекъ.

Царство минеральное не богато существами, животное чуть не въ томъ же размѣрѣ, но царство растительное столь-богато, что человекъ донинѣ не позналъ его совершенно. Можно сказать, что царство это преобладаетъ на землѣ. Ботаника описала больше 70,000 растеній, но можно считать ихъ до 100,000 видовъ. Нѣтъ ни одной страны, которая-бы не произвела растеній, ей одной свойственныхъ, но съ другой стороны есть растенія, которыя прозябаютъ почти вездѣ.

Изученіе природы въ нашемъ отечествѣ началось со времени учрежденія Академіи Наукъ. Вызваны были иностранные ученые, и разосланы во все концы обширной Россіи. По счастью нашему все они были люди добросовѣстные и трудолюбивые. Гмелинъ, Палласъ, Георги, пустились на предѣлы Имперіи, и собрали богатую жатву; все, что было собрано, — опубликовано на русскомъ языкѣ. Все читали съ удовольствіемъ Палласа и другихъ академиковъ, все радовались ихъ открытіямъ.

Повсемѣстное преподаваніе естественной исторіи началось съ открытія народныхъ училищъ, — т. е. съ 1782 года. Издана была въ томъ числѣ и естественная исторія для народныхъ училищъ, съ рисунками животныхъ. Императрица Екатерина хотѣла, чтобъ дѣти имѣли понятіе о трехъ царствахъ природы, а

не дѣлались бы минерологами, ботаниками, зоологами. Не смотря на то, все учебники того времени носятъ печать несовершенства и духа школы.

Въ 1805 году открыты по губернскимъ городамъ гимназіи. Но учебниковъ все-таки не было, и учителя, кончившіе курсъ наукъ въ Педагогическомъ Институтѣ, должны были читать лекціи по своимъ тетрадамъ. У насъ была единственнымъ пособіемъ преподавателямъ ботаника Двигубскаго, и Ботаническая терминологія, изданная профессоромъ Теряевымъ. Второстепеннымъ пособіемъ было описаніе лекарственныхъ растеній съ рисунками. Для зоологіи былъ Бюфонъ и еще кое-какія Естественныя Исторіи, переведенныя съ иностранныхъ языковъ. Минералогія была счастливѣе: дѣятельный Сѣвергинъ, составлялъ одно за другимъ сочиненія минералогическія. Кому неизвѣстны его Минералогія, изданная въ 1798 году, и Словарь минералогіи? Въ 1804 году, издалъ онъ Краткую Минералогію, которая до 1820 года, служила отличнымъ руководствомъ учащимся. Минералы были раздѣлены по признакамъ, самымъ очевиднымъ для каждаго. Стоило только ударить по камню огнемъ, или царапнуть по стеклу, или капнуть на него кислоты, и классъ минерала былъ опредѣленъ. Эта система такъ удачно была приращена къ способностямъ дѣтей, что 10-лѣтній мальчикъ въ состояніи былъ опредѣлять минералъ. Въ 1816 году, Сѣвергинъ издалъ другую систему, основанную такъ же на признакахъ наружныхъ.

Не такъ шла у насъ ботаника, потому-что при Академіи Наукъ не было ни одного русскаго ботаника; иноземцы писали на иностранныхъ языкахъ для Европы. Флора Палласа остановилась на второмъ томѣ. Послѣ изданія Ботанической Терминологіи ничего новаго не появлялось. Учителя въ гимназіяхъ заставляли учениковъ выучивать наизусть сухіе термины. Знали *fructificatio* ботаники, а не знали ни одного растенія.

Въ 1798 году издана была система Персона, но по ней нельзя было опредѣлять растенія. Ботаника Вильямова не для всѣхъ была доступна, по дороговизнѣ. Спренгель появился только въ послѣднее время, до прекращенія однакожъ преподаванія ботаники въ гимназіяхъ. Учитель, желавшій познакомить своихъ учениковъ съ растеніями, по необходимости долженъ былъ выдумывать способъ преподаванія. Но много-ли было такихъ учителей, которые не ограничивались только изученіемъ ученикомъ ботаническихъ терминовъ? Мы встрѣчали многихъ сту-

дентовъ, кончившихъ въ университетѣ курсъ наукъ естественныхъ, и не знавшихъ ни одного растенія. Въ гимназіяхъ или университетахъ не было ни травниковъ, ни ботаническихъ садовъ. Въ Медицинскихъ Академіяхъ преподавали ботанику теоретическую, не смотря на то, что растенія играютъ важную роль въ медицинѣ. Молодой лекарь, забывъ въ какую-нибудь губернію, узнавалъ что какое-нибудь растеніе оказываетъ чудеса въ народной медицинѣ, и что-же? Онъ не зналъ иногда даже его имени; слѣдовательно, не могъ сообщить медицинскому сословию объ этомъ растеніи.

Изученіе практической ботаники у насъ привилось по Восточной Сибири, и не безъ важныхъ основаній. Сибирь, столь богатая растительностію и флорою, заставитъ каждого сколько-нибудь любознательнаго человѣка обратить вниманіе на растенія. Въ Иркутской губерніи есть купцы-ботаники, дѣло необыкновенное даже въ Европѣ. Намъ извѣстенъ былъ одинъ англійскій купецъ-ботаникъ; онъ скрывалъ страсть свою отъ прочихъ купцовъ, боясь потерять довѣріе во мнѣніи ихъ. Въ Нерчинскѣ, у купца Зикзанова, есть богатый травникъ и ботаническій садъ. Кромѣ того купецъ этотъ изучаетъ азіатскую медицину, въ которой большіе искусники Бурятскіе Ламы, получившіе таинство леченія изъ Индіи черезъ Тибетъ. У нихъ медицина начинается откровеніемъ вѣчнаго неба. Не мудрено было сибирякамъ пристраститься къ минералогіи или ботаникѣ; на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ они богатые матеріалы. Кромѣ-того, въ Иркутскѣ долго жилъ и умеръ знаменитый Академикъ Лаксманъ. По части ботаники тамъ также долго жилъ извѣстный трудолюбіемъ и множествомъ открытій, ботаникъ Н. С. Турчаниновъ. Онъ вселилъ страсть къ ботаникѣ въ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему людяхъ, и страсть эта быстро разлилась по всѣмъ городамъ.

Сколь ни разнообразно царство растительное, однакожъ при внимательномъ наблюденіи можно замѣтить наружное сходство между многими растеніями. На этомъ основаніи раздѣлены растенія на классы, семейства, словомъ на установленныя системы. Изъ Европейцевъ прежде всѣхъ обратилъ на растенія вниманіе Турнефортъ. Онъ родился въ Провансѣ, 1656, полюбилъ ботанику, обходилъ пѣшкомъ всю южную Францію, вникалъ въ наружный видъ растеній и основалъ систему, состоящую изъ 22 классовъ растеній. Основаніемъ раздѣленія ему служили видъ цвѣтка и стебля. Линней родился въ Швеціи 1707 года, устано-

вилъ новую систему, на плодородныхъ частяхъ цвѣтка т. е. тычиночкахъ и пестикахъ; у него вышло 24 класса.

Жусье родился въ Лионѣ 1699 года, принялъ за главный признакъ раздѣленія растеній на классы ихъ выходъ изъ сѣмени. Онъ замѣтилъ, что всѣ растенія, выходя изъ сѣмячка, имѣютъ или два листка, или одинъ, или ни одного. Къ первому классу принадлежитъ большая часть растеній, ко второму всѣ граммыны, т. е. растенія, имѣющія колосья, а къ третьему грибы, наросты и лишай. Раздѣливъ такимъ образомъ всѣ растенія по выходу, онъ дѣлитъ ихъ потомъ на семейства, придерживаясь наружнаго вида. Племянникъ его, тоже Жусье, усовершенствовалъ эту систему, а наконецъ новѣйшій ботаникъ Декандоль исправилъ ее во многомъ.

Всѣхъ удобіе для опредѣленія растеній система Линнея; она столь проста, что десятилѣтній ученикъ пойметъ ее; стоитъ только сосчитать тычинки, разсмотрѣть ихъ корни, пестики, и классъ найденъ. Новѣйшіе ботаники держатся натуральной системы Жусье, хотя она имѣетъ множество несовершенствъ и трудностей.

Лучшимъ сочиненіемъ для ботаники теперь считается Prodromus Декандоля. Оно еще продолжается, и неизвѣстно, будетъ ли кончено. Тутъ будутъ описаны всѣ возможные растенія.

Нѣтъ ни одного вида изъ царства растеній, который имѣлъ бы столько разныхъ именъ, какъ травы. Одинъ и тотъ же видъ въ каждомъ селеніи, въ каждомъ городѣ имѣетъ свое названіе. Возьмемъ напримѣръ растеніе *Иванъ да Марья*, или *звѣробой* или *перелой*. Сколько извѣстно растеній подъ этими именами? Въ Европѣ господствуетъ на счетъ растеній таже разноболярщина. Ботаники рѣшились назвать всѣ растенія полугреческими, полулатинскими, полутуземными именами, и составили особую терминологію. При этомъ средствѣ, ботаникъ, живущій въ Якутскѣ, понимаетъ ботаника сѣверо-американскаго.

Ботаника наука чрезвычайно занимательная, обращающаяся даже въ страсть; челоѣкъ не дорожитъ никакою опасностію, рискуетъ жизнію, для того только, чтобъ достать растеніе съ неприступнаго утеса, или со дна глубокой пропасти. Ботаникою занимаются мужчины, женщины и дѣти, потому-что наука эта не головоломна и требуетъ одной памяти. А какое удовольствіе перебирать богатый травникъ; какое наслажденіе найти новое, не опредѣленное еще растеніе, и дать ему имя? Въ этомъ случаѣ ботаники называютъ новыя растенія именами другихъ

ботаниковъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ такое же привѣтствіе.

Г. Даль, какъ видно, рѣшился составить полную Естественную Исторію для военно-учебныхъ заведеній, и началъ трудъ свой съ ботаники. Пріятно видѣть, что г. Даль, дѣйствовавшій до сихъ поръ болѣе на чисто литературномъ поприщѣ, принялся и за подобные труды. Нельзя не признаться, что г. Даль совершилъ необыкновенный подвигъ. Онъ передалъ намъ ботаническіе термины и описанія безъ всякаго педантизма, языкомъ общепонятнымъ. Жаль только, что подлѣ нихъ онъ не выставлялъ, въ скобкахъ, латинскихъ терминовъ, къ которымъ уже привыкли наши ботаники. Можетъ-быть, онъ имѣлъ въ виду предосторожность, чтобъ преподаватель не заставилъ учениковъ своихъ твердить наизусть эти названія и тѣмъ не поселилъ въ нихъ отвращеніе, а не любовь къ наукѣ.

Говорятъ, что Ботаника г. Дали прежде печатанія была просмотрѣна всѣми профессорами-ботаниками въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ, а можетъ-быть и въ Дерптѣ, слѣдовательно, выдержала предварительную критику.

Г. Даль раздѣляетъ свою Ботанику на теоретическую и практическую. Первая весьма удовлетворительна, но послѣдняя коротка и, можно сказать, полезна только для юношей, желающихъ имѣть поверхностное понятіе о системѣ нѣкоторыхъ растений, и потому книгу эту слѣдовало бы назвать не Ботаникою, но Общепольными свѣдѣніями о ботаникѣ. Авторъ нашъ рѣшилъ вопросъ, что можно имѣть понятіе о ботаникѣ безъ латинскаго языка; только названія растений въ теоретической ботаникѣ чисто русскія могутъ произвести запутанность. Такъ напримѣръ *гуллица*: кто пойметъ, что это тысячелистникъ (*Achillea Millefolium*)? Есть цѣлые уѣзды, въ которыхъ трава эта называется *порьзною*, потому-что ее прикладываютъ разжевывая къ разрѣзамъ на тѣлѣ.

На стр. 6, сказано: *Тунельныя растенія*. У насъ для этого

Это говорится о всѣхъ ботаникахъ вообще, а не только о русскихъ. Не называя именъ, мы можемъ сказать, что одинъ изъ естественныхъ изыскателей, пользующійся огромною извѣстностью, пашель на вершинахъ Альповъ травку, неизвѣстную еще ботаникамъ или, по крайней мѣрѣ, не причисленную еще ни къ одному классу. Во время веселой ирушки, въ минуту сердечнаго изліанія, знаменитый натуралистъ наименовалъ свою травку именемъ одного изъ собесѣдниковъ, добраго человека, но вовсе чуждаго наукъ... и травка на вѣки-вѣчныя сохранила это имя. *Прим. Ред.*

принято уже давно слово *Чужелдныя*, потому-что эти растенія помѣщаются на другихъ и тянутъ изъ нихъ сокъ не *студя*, а для своего существованія.

Неправильно также употребляетъ г. Даль слово *усыхать*, когда хочетъ означить, что растеніе умерло отъ недостатка влаги. Мы привыкли говорить и писать: дерево *засохло*, трава *посохла*; но слово *усыхать* имѣетъ совершенно противное значеніе: усохнуть, значитъ уменьшиться въ величинѣ, отъ жара или сухости воздуха. Вино, напр., изъ бочекъ *усыхаетъ*; у насъ даже есть для того особыя термины: *усышка* и *утечка*. Срубленное дерево отъ теплоты *усыхаетъ*, т. е. уменьшается въ массѣ своей.

Стр. 5. Растенія *приживчивыя*. Слово это новое, означаетъ тѣ растенія, которыя разводятся отъ сѣмячекъ срѣзанныхъ и посаженныхъ въ землю. У садовниковъ, вѣроятно, есть для того особенный терминъ.

Стр. 14. Растеніямъ не дано ни *чувства*, ни свободнаго движенія.

Что растенія не имѣютъ чувствъ, въ томъ согласиться трудно. Не *тронь меня* опускаетъ листья при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней посторонняго тѣла; листокъ, до половинны оборванннй сохнетъ; можно найти и другія доказательства чувствительности растеній.

Стр. 24. Дерево, которое *усыхаетъ* отъ порчи и гнилости шия, называется *сухо-подстойнымъ*.

Для этого есть другое названіе покороче и выразительнѣе приведеннаго, а именно *самосушннй*.

Стр. 25. Леакація (*Robinia*) называется общимъ именемъ *гороховникъ*.

Стр. 26. Стебель *повойный* называется въ ботаникѣ *виоцнйскй*.

Стр. 27. Въ исчисленіи расположенія вѣтвей пропущенъ кедръ ливанскій. Онъ пускаетъ вѣтви сперва какъ итальянскій тополь, а потомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи они нагибаются и разстилаются горизонтально.

Стр. 43. Къ осени листья начинаютъ черствѣть и *желкнуть*.

Мы привыкли говорить: листья начинаютъ желтѣть, но *желкнуть*, вѣроятно слово провинціальное, хотя и удачное.

Стр. 52. Въ головкѣ пестика содержится *цѣпель*. Плодникъ или пестикъ.

Давно принято въ ботаникѣ слово цвѣточная пыль, а пестика никогда и никто не называлъ плодникомъ.

Авторъ, говоря о видахъ листьевъ и цвѣтовъ, ничего не ска-

заль о формах сѣмянниковъ. Что такое яблоко, ягода, стручекъ? сѣмянники!

Исчисляя ботаническія системы, авторъ не обозначилъ, хотя вкратцѣ, системы Линнея, столь простой и удобной для опредѣленія класса какого-либо растенія. Съ системою Декандоля онъ также не познакомилъ своихъ учениковъ, ни даже въ аналитической таблицѣ. Четыре класса и нѣсколько семействъ растеній, взятыхъ на выдержку, не даютъ понятія объ этой системѣ. Авторъ начинаетъ вдругъ съ семейства барберисовъ (*Berberides*) а самое огромное и первое семейство ранункулевыхъ растеній (*Ranunculases*) оставилъ безъ вниманія.

Если упоминается о системѣ, то должно сказать и о признакахъ каждого семейства; на это надобно не много времени и мѣста. Въ противномъ случаѣ ученикъ долженъ помнить не признаки семейства, а признаки растенія, и по нимъ уже опредѣлять семейства. Признаки растенія знаемъ, а отыскать его въ системѣ не умѣемъ.

Стр. 157. Авторъ говоритъ, что сосна дерево сѣверное и почти не спускается къ экватору ниже 55 градусовъ.

Сосновые лѣса занимаютъ обширныя пространства даже подъ 50 град. сѣверной широты въ Сибири.

Стр. 202. О семействѣ Орхидей сказано, что оно растетъ на пространствахъ глухихъ и болотистыхъ тропическихъ лѣсовъ, и притомъ на пняхъ деревьевъ, а на дѣлѣ оказывается, что множество видовъ изъ этого семейства растутъ на сѣверѣ съ 62 широты; нѣкоторые изъ видовъ *orchis* растутъ около Москвы, и совсѣмъ не на пняхъ древесныхъ, указываемъ на *orchis Segetias*, *orchis Surgipedum* и проч.

Стр. 196. Пекинъ, лежащій подъ одною широтою съ Неаполемъ, относительно климата равняется только съ южною Англією.

Пекинъ, какъ извѣстно, лежитъ подъ 40 гр. сѣверной широты, подъ тою же широтою приходится и Неаполь. Но чтобы климатъ Пекина походилъ на климатъ южной Англіи, дѣло невѣроятное. Въ Пекинѣ жары начинаются въ половинѣ или концѣ апрѣля, а въ Англіи объ нихъ въ это время и не думаютъ. Около Пекина растетъ сарачинское пшено, а въ Англіи его и не видали. Можетъ-быть рѣчь идетъ о средней температурѣ: это дѣло иное.

Стр. 199. Солянки могутъ расти въ значительномъ разстояніи отъ моря, потому-что туда заносятся вѣтрами морскія испаренія, а на стр. 140 сказано, что онѣ растутъ на степныхъ

солонцахъ.—Кто не пойметъ, что существованіе солянокъ зависитъ не отъ морскихъ испареній, а отъ соли въ почвѣ?

Признаемъ, что наши замѣчанія иногда слишкомъ мелочны, но они доказываютъ наше вниманіе къ сочиненію, воплія достойному вниманія. Скажемъ прямо, что у насъ такого сокращеннаго и яснаго учебника не было еще ни по какой наукѣ. Авторъ умѣлъ помѣстить въ тѣсной рамкѣ терминологию, анатомию и физиологию растеній. Жаль только, что Систематика показалась ему выше начального курса, а для простоты опредѣленія растеній не помѣстилъ системы Линнея.

Стараніе автора приравливать все къ русскимъ понятіямъ, а не къ Западной Европѣ, заслуживаетъ особенной благодарности. Не скажу ли, на-пр., читать описаніе горы, дерева, строенія, тяжести, гдѣ все опредѣляется иностранною мѣрою и вѣсомъ. Остановившайся на каждой цифрѣ и перелагай ее на русскія понятія. Въ практической ботаникѣ приведены растенія или рѣдкія или употребительныя. Вотъ что пишетъ г. Даль о табакѣ.—«При чрезвычайномъ распространеніи воздѣлыванія табака и обширной торговлѣ имъ, нельзя не отдать себѣ отчета въ степени пользы его для человека. Тутъ невольно приходимъ къ заключенію, что конечно было бы лучше, еслибы мы табака вовсе не знали. Промышленность табачная, какъ и всякая иная, бесспорно приноситъ пользу тому, кто ею занимается, и кормитъ много людей; но люди эти нашли бы другаго рода занятія, а куренье, нюханье и жвачки, не только ни кому не приносятъ пользы, но болѣе или менѣе вредятъ, какъ всякое одуряющее средство, и притомъ обращаются въ привычку и даже въ страсть, перѣдко увлекающую насъ за предѣлы благоразумія. Замѣтимъ еще, что привычка затягиваться табаккомъ т. е. вдыхать въ легкія воздухъ съ дымомъ, очень вредна и весьма часто производитъ неизлечимое удущье.»

Рисунки очень хороши и срисованы съ превосходныхъ оригиналовъ.

Не зная подробностей, трудно судить о дѣлѣ. Мы напр., не знаемъ, подъ какимъ вліяніемъ составилъ г. Даль свою ботанику, а потому нѣкоторые изъ нашихъ замѣчаній могутъ быть несправедливыми. Уже одно то, что книга эта назначена для употребленія учениковъ военныхъ училищъ, слѣдственно, для дѣтей, служитъ для нее важнымъ одобреніемъ. Кто не пожелалъ бы, чтобы г. Даль написалъ въ такомъ же видѣ ботанику для общаго употребленія?

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода Минералогіи, а потомъ и

Зоологін. Судя по сдѣланному можно предвѣщать, что будущіе труды г. Дала не уступятъ настоящимъ. Авторъ человекъ ученый, умный, а главное трудолюбивый. Берется за дѣло по своимъ силамъ и кончаетъ его съ терпѣніемъ и любовью.

Пусть люди спеціальные послѣдуютъ благому примѣру г-на Дала, и наука много отъ того выиграетъ.

И. Ш.

9. *Жизни Генералъ-Фельдмаршала Графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго.* Сочиненіе П. Чичагова. Санкт-петербургъ. Въ типографіи Министрства Внутреннихъ Дѣлъ. 1849. Въ 6. 8-ю д. л. Стр. 145 и XIV. Цѣна 1 руб.

Въ настоящее время, ни одна книга не встрѣчается съ такимъ удовольствіемъ, какъ хорошее историческое сочиненіе. Живая потребность нашей публики въ умномъ знакомствѣ съ отечественной исторіей проговаривается такъ ясно, что каждая дѣльная книга по этому предмету, вышедшая въ послѣдніе годы, или давно раскуплена и нуждается въ новомъ изданіи или близка къ совершенному исчерпанію изъ книжныхъ лавокъ. Слѣдствіе той же все потребности—сравнительно частое появленіе историческихъ трудовъ, исполняемыхъ лицами, для которыхъ русская исторія не профессія, не спеціальное поприще, а предметъ такой же любознательной страсти, каковая обладаетъ массою публики, и которая, скажемъ съ признательностью, возбуждена, сильно поощряется нашимъ мудрымъ правительствомъ. Правда, подобные любительскіе труды не всегда отличаются литературнымъ и ученымъ достоинствомъ; но во всякомъ случаѣ рѣдко не вознаграждаютъ они этого недостатка заслугою обнаруженія какихъ-нибудь новыхъ матеріаловъ исторіи. Иногда и матеріалы обнаружены не удовлетворительно, неуклюже; но они, по крайней-мѣрѣ, указаны или хотя припомнены, и то хорошо, и за то надо благодарить любителей.

Расположеніе нашихъ читателей къ общей исторіи покажетъ далеко отстало отъ любви ихъ къ исторіи отечественной. Европѣ суждено служить величію Россіи теперь, какъ и прежде. А прежде—объ этомъ «прежде» вспомнимъ вѣщія слова самаго народнаго изъ нашихъ поэтовъ, который говорилъ о падшемъ врагѣ Россіи:

Хвала! Онъ русскому народу
Великій жребій указалъ.

На такія думы навела насъ подлежащая книга, не говоря о содержаніи ея, заглавіемъ и самымъ появленіемъ. Почтенный авторъ ея самъ носитъ имя, которое сияетъ дорогимъ камнемъ въ славномъ вѣнцѣ славной Матушки Царицы, Екатерины Великой. Онъ слышалъ рассказы людей, знававшихъ лично Фельдмаршала, въ томъ числѣ людей, высоко стоявшихъ на общественной лѣстницѣ, на-пр., князя Александра Николаевича Голицына. Далѣе, какъ видно, ему были доступны матеріалы, не для всякаго доступные, именно архивныя дѣла. Наконецъ, авторъ пользовался также не всякому и каждому доступными иностранными записками современниковъ его героя, хотя и напечатанными; каковы: Сегоръ и пр. Написанная съ подобными средствами книга о такихъ любопытныхъ временахъ и событіяхъ въ высшей степени любопытна. Но, отдавая должную справедливость труду автора, критикъ больше похвалитъ доброе желаніе его, нежели выполненіе. Подтвердимъ наше замѣчаніе доказательствами.

Мы далеки отъ мысли ставить въ недостатокъ автору тяжеловѣстнѣй слогъ и устарѣлыя обороты рѣчи: въ нѣкоторомъ отношеніи эти качества его книги какъ-будто у мѣста, какъ-будто внушаютъ больше довѣрія къ біографу, который, изображалъ непосредственно то время, когда дѣйствовалъ его герой и господствовали обстоятельства, окружавшія графа Задунайскаго. Не осудимъ также автора и за изображеніе дѣлъ и характера его героя, въ которомъ взята одна бѣлая и не строго характеристическая сторона. Въ свое время такъ понимались вещи: на то былъ восемнадцатый вѣкъ, елисаветинская и екатерининская эпоха. Но это недостатки маловажные, и потому легко исправимые, частію самимъ читателемъ, частію будущимъ писателемъ о томъ же предметѣ, который такъ, или иначе, узнаетъ, что не эти качества составляютъ доблесть Фельдмаршала Румянцева, хотя отъ-того онъ ни на волосъ не меньше герой и слава отечества. Будемъ требовать отъ почтеннаго автора только того, что онъ могъ дать.

Книга его начинается, и весьма кстати—съ отца Фельдмаршала, перваго Румянцева, вошедшаго въ русскую исторію. Къ сожалѣнію, авторъ глухо говоритъ, что Александръ Ивановичъ Румянцевъ поступилъ въ гвардію Петра I изъ состоянія благороднаго, но бѣднаго. Какъ не пожалѣть, что почтенный біографъ не распространился побольше о фамиліи Румянцовыхъ? Тутъ, кажется намъ, нашлись бы любопытныя данныя для поясненія нѣкоторыхъ послѣдующихъ отношеній. Также глухо упоминаетъ авторъ о благосклонности Петра къ

А. И. Румянцову. Минувъ такія отношенія, авторъ очень подробно рассказываетъ о женитьбѣ А. И. Румянцова, котораго сватомъ за Матвѣеву былъ самъ Государь. Конечно, это интересно, но было бы еще интереснѣе, еслибы приближенность Румянцова къ Петру видѣлась яснѣе и отчетливѣе.

Жизнь Фельдмаршала Румянцова описывала Созиновичъ (1805, Москва) и Бантышъ-Камевскій (въ біографіяхъ Фельдмаршаловъ и въ Словарѣ достопамятныхъ людей русскихъ). Объ участіи Румянцова въ Семилѣтней-войнѣ, о его знаменитыхъ турецкихъ походахъ, нашъ авторъ не говоритъ ничего новаго противъ сказаннаго предшествующими біографами. Новое въ его книгѣ находимъ объ управленіи Румянцова Малороссійскимъ краемъ, когда Екатерина, недовольная послѣднимъ Гетманомъ, въ 1764 году назначила Румянцова Генераль-Губернаторомъ края. Авторъ приводитъ большія выписки изъ инструкціи Императрицы новому Генераль-Губернатору; но не помѣстилъ ее всю вполнѣ. Это превосходный памятникъ мудрой политики великой Государыни Біографъ не высказалъ также, почему именно на Румянцова палъ выборъ Императрицы, которой наибольшее величіе заключалось въ искусствѣ избирать людей. Заслуги Румянцова по управленію Малороссіей разсказаны слишкомъ бѣгло: онъ былъ столько жъ великій администраторъ, сколько и полководецъ.

Авторъ пользовался Записками Сегюра (*Mémoires secrètes etc.*); но, кажется, ими можно было воспользоваться гораздо полнѣе. При томъ изъ иностранныхъ писателей, знавшихъ близко тогдашній дѣла русскаго двора и русскаго полтики, еще больше можно было почерпнуть у Рюльера (*Histoire des quatre détembrements etc.*), даже у Кастера. Думаемъ, что тогда положеніе Фельдмаршала во время 2-й турецкой кампаніи описалъ бы авторъ понятнѣе, нежели изложено оно теперь въ его книгѣ. При этомъ нельзя не пожалѣть, что онъ не привелъ также сполна переписки Императрицы съ Фельдмаршаломъ, переписки, напечатанной въ 1804 или 1805 году, хотя и замѣчаетъ въ выноскѣ, что сама Императрица въ рескриптѣ къ историографу князю Щербатову придавала этой перепискѣ большое значеніе для тогдашней исторіи. Извлеченія изъ нея, сдѣланныя почтеннымъ авторомъ, недостаточны тамъ, гдѣ часто одно слово, одинъ оборотъ рѣчи въ письмѣ сами собою кидаютъ много свѣта на неясныя отношенія.

Болѣе или менѣе добровольно удалившійся отъ дѣлъ, Фельдмаршалъ окончилъ жизнь въ столицѣ и вдали отъ двора, въ

своемъ помѣстьѣ подъ Кіевомъ, переживъ преемника своей военной власти и придворнаго недоброжелателя, великолѣпнаго князя Тавриды. Авторъ помѣстилъ нѣсколько извѣстій о его сельской жизни, опять таки жалъ, что не болѣе; онъ, кажется, могъ бы порасказать съ живаго преданія, и въ заключеніе чертитъ намъ нравственный портретъ Фельдмаршала. Мы уже говорили о главномъ недостаткѣ этого портрета. Портретъ вышелъ не совсемъ отчетливъ. И со всѣмъ тѣмъ мы очень благодарны автору за его книгу: есть въ ней много достоинствъ, какъ мы намекнули выше, а главное достоинство — пробужденіе вниманія читателей къ интересной и многоплодной эпохѣ родной исторіи.

Книга заключается краткимъ извѣстіемъ о дѣтиахъ Фельдмаршала, которыми пресѣкъ родъ Румянцовыхъ. Здѣсь не можемъ не замѣтить автору, что, начавъ говорить, слѣдовало сказать гораздо больше о покойномъ Государственномъ Канцлерѣ Николаѣ Петровичѣ Румянцовѣ, учредителѣ музея его имени. Эта заслуга его, для русскаго просвѣщенія упомянута авторомъ вскользь. По нашему лучше было бы вовсе не упоминать, чѣмъ такъ упоминать.

Въ видѣ прибавленія къ біографіи Румянцова, авторъ напечаталъ еще статью о причинахъ Семилѣтней-войны. Если бы статья эта имѣла въ основаніи матеріалы менѣе односторонніе, тогда она имѣла бы положительную цѣну. Въ теперешнемъ ея видѣ, о ней должно сдѣлать то заключеніе, что и о мѣстахъ книги, гдѣ излагается политика, сопровождавшая турецкія войны; именно, они односторонни, неполны.

Возвращаясь къ мысли объ утѣшительномъ расположеніи нашей публики къ родной исторіи, мы увѣрены, что книга, не смотря на нѣкоторыя ея несовершенства, быстро разоидется по рукамъ читателей. Желательно, чтобы второе изданіе книги, самъ ли авторъ устѣетъ сдѣлать его, или кто другой, — вышло въ видѣ болѣе достойномъ и предмета и прекраснаго намѣренія автора.

М. К.

10. *Монографія родильныхъ болѣзней.* Сочиненіе Теодора Гельма, Д-ра медицины и хирургіи и родовспомогательной науки, члена медицинскаго факультета и Общества врачей въ Вѣнѣ, Медицинскаго Общества въ Лейпцигѣ и заслуженнаго Ассистента при Вѣскомъ Родильномъ Домѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. — Москва, въ тип. Н. Степанова, 1849 въ мал. 8 д. л. стр. 134. Цѣна 1 р.

Монографія сжатая почти въ предѣлы профессорскаго конспекта и писанная для врачей, книга вовсе не популярная. За дѣльность ея значительно ручается титулъ автора, выставленный русскимъ переводчикомъ въполнѣ.

Переводъ книги довольно хорошъ, почти столько хорошъ, сколько можетъ быть переводъ нѣмецкой спеціальной книги. Языкъ перевода, разумѣется, тяжеловатъ, но нигдѣ не дикъ; предметъ, очевидно, хорошо знакомъ переводчику. Настоящее сужденіе о книгѣ Гельма принадлежитъ нашимъ медицинскимъ журналамъ: имъ и книги въ руки.

II Алжиръ въ новѣйшее время. Географія, этнографія и новѣйшая исторія Алжира М. Н. Богдановича, Генеральнаго Штаба Полковника, Императорской Военной Академіи Профессора. Съ пятью картами и планами. Санктпетербургъ. 1849. Цѣна 1 р. 50 к.

Авторъ этой книги предположилъ себѣ прекрасную цѣль, которой достигъ въполнѣ, — цѣль познакомить читающую публику съ современнымъ состояніемъ Алжира, соединивъ въ одно цѣлое свѣдѣнія объ этой странѣ, заключающіяся въ новѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ сочиненіяхъ объ Алжирѣ. Описавъ эту страну въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, авторъ подробно разсматриваетъ военныя дѣйствія и административныя распоряженія Французовъ въ Алжирѣ съ 1830 года по настоящее время.

Въ 1830 году, Французы нанесли рѣшительный ударъ алжирскимъ морскимъ разбойникамъ, которые, владѣя прибрежьемъ Средиземнаго-моря, долгое время наводили ужасъ на христіанскихъ мореходцевъ. Они разбѣжжали по Средиземному-мюрю, и захватывали суда всѣхъ націй, не соглашавшихся платить имъ дань, подобно Голландцамъ, Датчанамъ и Шведамъ, которые, для безопасности своей торговли, принуждены были подчиниться этому требованію. Алжирцы не ограничивались однимъ грабежомъ корабельныхъ грузовъ, но брали въ плѣнъ и экипажъ и пассажировъ, распродавали ихъ потомъ на алжирскихъ рынкахъ, или обремененныхъ оковами, употребляли для публичныхъ работъ.

Нѣсколько разъ Христіане пытались искоренить грабителей; но всѣ ихъ усилія оставались тщетными.

«Несогласія между Франціею и Алжирскимъ управленіемъ возникли съ самаго начала Реставраціи. Французы имѣли въ Алжирскихъ владѣніяхъ торговую компанію, которая платила

Дею ежегодно 60 тыс. франковъ; Деваль, назначенный въ 1815 году французскимъ консуломъ въ Алжирѣ, согласился на увеличеніе этого ежегоднаго подарка до 200 тысячъ; такая уступчивость, имѣвшая въ глазахъ Дея Гуссейна-Паши видъ слабости, побудила его къ новымъ притязаніямъ. Уже не скрывалъ онъ намѣренія изгнать французскую торговую компанію изъ владѣній своихъ и разорить основанныя ею учрежденія. Наконецъ—личное оскорбленіе, нанесенное Гуссейномъ-Пашею Девало, (въ апрѣлѣ 1827 года), заставило Францію обратиться къ силѣ оружія. Немедленно была послана небольшая эскадра для крейсерованія вдоль Алжирскихъ береговъ; но эта блокада, продолжавшаяся цѣлые три года и стоившая Французамъ болѣе 20 мил. франковъ, хотя и пріостановила морскіе разбои, однакоже не могла побудить Гуссейна къ уступчивости. Французское правительство, убѣдясь въ безуспѣшности этого средства, рѣшилось принять болѣе дѣйствительныя мѣры для покоренія Алжира; съ этою цѣлью, ведены были переговоры съ Пашею Египетскимъ Мехметомъ-Али, которому Французы предлагали дѣйствовать противъ Алжира, обязываясь, въ вознагражденіе за то, заплатить 10 мил. франковъ, доставить транспортныя суда и усилить Египетскій флотъ 4-мя линейными кораблями. Но это предположеніе не состоялось, и вмѣсто того—рѣшено было, не прибѣгая къ посторонней помощи, послать въ Алжирію значительный флотъ съ десантнымъ корпусомъ: министерство Полиньяка полагало, что успѣхъ, одержанный надъ вѣвшими врагами, возбуждивъ энтузіазмъ въ народѣ, могъ послужить къ утвержденію власти правительства.

«Алжирія управляема была Деемъ, избираемымъ 60-ю членами Дивана и пользовавшимся неограниченною властью, не смотря на то, что избраніе его всегда требовало утвержденія Оттоманской Порты. Алжирскія владѣнія раздѣлены были на четыре области, изъ числа которыхъ собственная Алжирія находилась подъ посредственнымъ управленіемъ Дея; а прочія три Тигери, Оранъ и Константина—управлялись Бейями.

«Вооруженныя силы Дея состояли изъ постоянныхъ войскъ и ополченій. Постоянныя войска набирались изъ природныхъ Турокъ константинопольскихъ и смирнекихъ, изъ Кулугли (Турокъ родившихся въ Алжирѣ) и изъ ренегатовъ. Янычары составляли гвардію.

«Войска, назначенныя для дѣйствій противъ Алжира, въ составѣ 3-хъ пѣхотныхъ дивизій (36 батал.), 3-хъ эскадроновъ и

15-ти батарей, находились въ числѣ 31 тыс. пѣхоты, и 535 чел. кавалеріи, съ 112-ю орудіями, изъ которыхъ 82 осадныхъ, 24 полевыхъ и 6 горныхъ; всего вмѣстѣ съ штабомъ, артиллеріею, инженерными войсками, фурштадтомъ, жандармами, и проч. число войскъ вообще простиралось до 37,617 чел. съ 4546 лош. Для перевозки этихъ войскъ и всего къ нимъ принадлежавшаго, назначено было болѣе 100 военныхъ и нѣсколько сотъ транспортныхъ судовъ съ 30-ю тысячами матросовъ.

«Начальство надъ сухопутными войсками поручено было военному министру, графу Бурнону; а надъ флотомъ—вице-адмиралу Люперре. Дивизіями командовали генералы Бертезень, Ловердо и герцогъ д'Эспаръ.

«Въ концѣ мая 1830 года, французскій флотъ отплылъ изъ Тулона, былъ застигнутъ бурей и принужденъ искать убѣжища у острова Маіорки, въ гавани Пальма; а нѣсколько дней спустя, направился снова къ берегамъ Африки, и пройдя мимо Алжира, бросилъ якорь, $\frac{1}{13}$ іюня, въ западной бухтѣ полуострова Сиди-Феррухъ (къ З. отъ Алжира). Бурмонъ высадилъ часть своихъ силъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ: $\frac{2}{14}$ іюня, дивизія Бертезена двинулась черезъ густой кустарникъ, противъ непріятеля, занимавшаго позицію сзади узкаго перешейка, соединяющаго полуостровъ Сиди-Феррухъ съ твердою землею, и овладѣвъ батареями, тамъ устроенными, заставила Турокъ отступить на плато, къ Стауэли. Французы, подъ прикрытіемъ авангарда, стали устроить окопы, для прикрытія занятаго ими полуострова; а между тѣмъ къ Алжиру стекались, подъ начальствомъ беевъ, значительныя скопища Кабилонъ, въ числѣ которыхъ отличались мужествомъ воины племени Флисса и предводитель ихъ, столь знаменитый впоследствии, Бенъ-Замуль.

«Между тѣмъ Ага-Ибрагимъ, успѣвъ собрать въ лагерѣ при Стауэли до 40 тыс. войскъ, рѣшился атаковать Французовъ. Въ продолженіе ночи съ $\frac{9}{10}$ на $\frac{7}{10}$ іюня, многіе Арабы и Кабилы, пользуясь прикрытіемъ, которое доставляли имъ кустарники, подошли, скрытно, на весьма близкое разстояніе къ Французамъ, а на развѣтъ раздался пушечный выстрѣлъ, служившій алжирскимъ войскамъ сигналомъ къ общему нападенію. Внезапно—все пространство впереди Французской позиціи покрылось Арабами, которые ночью скрывались въ оврагахъ и лощинахъ, и вдругъ—какъ тѣни, въ бѣлыхъ плащахъ своихъ,—явились взорамъ удивленныхъ Французовъ. Пользуясь густымъ туманомъ и въ дыму перестрѣлки, янычары яростно атаковали

укрѣпленія, но были отбиты. Генералъ Бурмонъ прибылъ, между тѣмъ на мѣсто сраженія, атаковалъ, въ свою очередь, непріятелей, овладѣвъ ихъ лагеремъ и преслѣдовалъ разбитую армію до Сиди-Калефа. До 3-хъ тысячъ Алжирцевъ осталось на мѣстѣ; нѣсколько орудій, весь обозъ, значительное количество съестныхъ припасовъ и казна Ибрагима достались побѣдителямъ, уронъ которыхъ не превышалъ 600 человекъ.

«Нѣсколько дней употреблено было Бурмономъ на обезпеченіе сообщеній арміи съ пунктомъ высадки, посредствомъ редутовъ, вооруженныхъ отпатыми у непріятелей орудіями. — Между тѣмъ—Ибрагимъ, желая вознаградить прешествовавшую неудачу, возобновилъ нападеніе на Французовъ, $\frac{12}{24}$ іюня. Войска его, растянутыя въ длинную линію, охватили французскую армію огненною дугою своихъ выстрѣловъ; вслѣдъ за тѣмъ—арабскіе всадники, въ числѣ болѣе 10 тысячъ, съ дикими воплями, бросились въ атаку, но французская пѣхота, свернувшись въ небольшую каре, расположенная въ шахматномъ порядкѣ, отразила непріятеля, и перейдя въ наступательное положеніе, преслѣдовала Арабовъ до западныхъ Бу-зарія, въ 5-ти верстахъ отъ Алжира.

«Бурмонъ оставался на мѣстѣ цѣлые 5 дней, въ ожиданіи прибытія и выгрузки осаднаго парка. Въ продолженіе этого времени, Французы проложили дорогу отъ занятой ими позиціи къ Сиди-Калефу и обезпечили ее четырьмя редутами. $\frac{14}{29}$ іюня, прибылъ къ арміи осадный паркъ, и вслѣдъ за тѣмъ произведено было общее наступленіе. Французскія войска овладѣли съ боя господствующею высотой Бу-зарія; ни глубокія рытвины,—ни живыя алоевыя и фиговые ограды не могли остановить солдатъ, возбужденныхъ постоянными успѣхами. Въ тотъ же день, вечеромъ, генералъ Валазе произвелъ реконгноспировку императорскаго замка и сдѣлалъ распоряженія къ открытію траншеи противъ этого форта; въ ожиданіи успѣха осадныхъ работъ, адмиралъ Люперре обстрѣливалъ Алжиръ, не останавливаясь на якорѣ; но эта пальба, произведенная въ значительномъ разстояніи отъ города, не оказала, — да и не могла оказать никакого дѣйствія.

« $\frac{22}{4-го}$ Іюля, на развѣтъ французскія батареи открыли по замку огонь, на который турецкіе артиллеристы отвѣчали весьма живою канонадою. Турки, ушедшіе въ городъ, и Арабы, разсыпанные на равнинѣ, съ безпокойствомъ смотрѣли на борьбу, которая должна была рѣшить ихъ участь. Это былъ страшный

поединокъ между искусствомъ и отчаяніемъ; наконецъ—искусство одержало верхъ: крѣпкія стѣны замка разрушались; орудія, оборонявшія его, были подбиты; храбрые Турки гибли подъ градомъ ядеръ и бомбъ; остатки гарнизона бросились къ городу, но вмѣсто спасенія, которое надѣялись найти тамъ, пали подъ картечью орудій Касбы, направленныхъ въ нихъ, по приказанію Дея. Въ 10 часовъ утра, взлетѣла на воздухъ часть замка; Французы немедленно заняли дымившіяся его развалины.

«Взятіе императорскаго замка, господствующаго на 250 ф. надъ Касбою, содѣлывало невозможною дальнѣйшую оборону Алжира. Безначаліе водворилось въ городѣ. Все эти обстоятельства заставили Дея открыть переговоры, слѣдствіемъ которыхъ была сдача Алжира Французамъ, ^{23 Іюня} _{5 Іюня}. Военная добыча состояла изъ 2-хъ тысячъ орудій, множества военныхъ припасовъ и нѣсколькихъ военныхъ судовъ. Собственная казна Дея, доставшаяся французскому правительству, простиралась до 48 милліоновъ франковъ (около 12-т. мил. р. сер.). Уронъ алжирскихъ войскъ вообще былъ не менѣе 8-ми или 10-ти тысячъ; нѣсколько тысячъ Турокъ ушло въ горы, а значительная часть янычаръ отправлена была въ Малую Азію. Гуссейнъ-Паша, по собственному его желанію, удалился въ Неаполь. — Потери Французовъ, со времени высадки до покоренія Алжира, не превышали 400 убитыми и 1900 ранеными, изъ числа которыхъ многіе вскорѣ явились на службу. Бурмонъ получилъ маршальскій жезлъ въ награду совершеннаго имъ подвига.

Это завоеваніе положило основаніе владычеству Франціи въ Алжиріи и было началомъ дальнѣйшихъ завоеваній и непрерывныхъ, враждебныхъ столкновеній съ воинственными племенами Сѣверной Африки.

Самое замѣчательное лицо этой отчаянной, безпощадной войны, такъ дорого стоившей обѣимъ сторонамъ, былъ во-время блистательной своей эпохи и остается послѣ паденія—*Абдъ-Эль-Кадеръ*.

«Этотъ необыкновенный человекъ, противостоявшій Французамъ, въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, и заставившій ихъ дѣйствовать въ Алжиріи стотысячною арміею, родился близъ Маскары, (какъ думаютъ въ 1807 году). Отецъ его Сиди-Магиддинъ происходилъ изъ весьма уважаемаго семейства марабутовъ; мать его Зора еще за-живо считалась у Арабовъ святою. Съ самаго дѣтства, Абдъ-Эль-Кадеръ (по арабски: *рабъ Всмогущаго*) отли-

чался способностями къ изученію Алкорана и пріобрѣлъ многостороннія свѣдѣнія въ высшемъ училищѣ, находящемся въ Фецѣ. На восьмомъ году отъ рода, совершилъ онъ, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, путешествіе въ Мекку: а въ 1827 году, отправился въ Египетъ, гдѣ изучилъ военныя учрежденія Мехмеда-Али и получилъ понятіе объ организаціи регулярныхъ войскъ.

«Въ началѣ 1832 года, императоръ Мароккскій, не желая вести открыто войну противъ Французовъ, но имѣя въ виду остановить ихъ успѣхи и овладѣть со временемъ Оранскою областію, употребилъ вліяніе свое на Арабовъ для соединенія ихъ подъ начальствомъ Абдъ-Эль-Кадера; слѣдствіемъ того было провозглашеніе, въ окрестностяхъ Маскары, юнаго марабута Эмиромъ (княземъ) правобѣрныхъ. Пользуясь фанатизмомъ своихъ соотечественниковъ, Абдъ-Эль-Кадеръ сталъ возбуждать ихъ къ Священной войнѣ противъ Французовъ; обстоятельства благопріятствовали ему, а личныя свойства его служили залогомъ успѣха. Соединилъ съ пріятною наружностью высокія душевныя качества, — великодушіе, неустрашимость, безкорыстіе, умѣренность, — Эмиръ иногда увлекался гордымъ сознаніемъ своихъ достоинствъ, и тогда въ его взорѣ отражались глубокія думы хитраго политика и искуснаго военачальника. Порою, мимолетная улыбка являлась на устахъ его, не измѣняя задумчиваго, нѣсколько грустнаго выраженія, обычнаго ему — назначенному отъ колыбели къ уединенной жизни марабута. Но когда онъ являлся на конѣ, въ члѣбъ своихъ воиновъ, то не смотря на небольшую ростъ свой и на простоту одежды, затмѣвалъ всѣхъ окружавшихъ его своимъ мужествомъ.

«Первыя дѣйствія Абдъ-Эль-Кадера направлены были противъ Орана, и хотя покушенія Эмира овладѣть этимъ городомъ не имѣли успѣха, однакоже доставили ему случай возвысить духъ полчищъ, находившихся подъ его начальствомъ; не разъ онъ кидался во всю скачѣ на встрѣчу пускаемымъ съ французскихъ батарей ядрамъ и гранатамъ, старался поселить въ Арабахъ презрѣніе къ опасности».

«Одинъ изъ примѣровъ отчаянной борьбы за независимость представляетъ покореніе страны Дахры, въ которой въ 1845 году, извѣстный своею храбростію и фанатизмомъ Бу-Маза произвелъ общее возстаніе. Полчища Бу-Мазы, потерпѣвъ нѣсколько пораженій отъ Французовъ, разбѣгались и скрылись съ семействами и стадами въ пещерахъ, во множествѣ находящихся въ гористой Дахрѣ и съ цезанамитскихъ временъ служившихъ убѣ-

жищемъ для окрестныхъ жителей. Изъ числа приверженцевъ Бу-Мазы племя Кабиловъ, называемое Уледь-Риа, большую часть засѣло въ одной пещерѣ, входъ которой находился въ концѣ узкаго ущелія образуемаго высокими утесами.

«Ручей, протекавшій чрезъ пещеру, и множество съѣстныхъ запасовъ тамъ собранныхъ, подавали возможность Кабиламъ выдержать блокаду, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, и потому Пелісёе принужденъ былъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Покушеніе проникнуть въ пещеру, $\frac{1}{17}$ іюня, не имѣло успѣха. Туземцы, посланные начальникомъ французскаго отряда для переговоровъ, встрѣчены были пулями; наконецъ — Пелісёе, рѣшившись побудить неприятелей къ сдачѣ посредствомъ огня, разведеннаго у входа въ пещеру, приказалъ приготовить большое количество фашищъ и набросать ихъ въ ущеліе; сначала Кабилы пытались уносить ихъ; но вскорѣ мѣткій огонь французскихъ стрѣлковъ заставилъ неприятелей скрыться въ пещеру. Безпрестанно — съ высоты скалъ падали фашищныя вѣдья за тѣмъ, зажженъ былъ этотъ огромный костеръ, пылавшій въ продолженіе нѣлаго дня. Между-тѣмъ — въ пещерѣ раздавался страшный шумъ; осажденные, удушаемые дымомъ, спорили между собою: одни изъ нихъ хотѣли сдаться Французамъ; другіе — обороняться до крайности; наконецъ — споръ превратился въ побойще; выстрѣлы, возгласы и рыданія сливались въ ужасный гулъ. По утру $\frac{1}{19}$ Пелісёе, прекративъ огонь, который до того времени поддерживаемъ былъ посредствомъ фашищъ, бросаемыхъ съ утесовъ, возобновилъ переговоры съ Кабилами; одинъ изъ нихъ, пробравшійся чрезъ груды горящихъ углей, былъ посланъ обратно въ пещеру, съ предложеніемъ Кабиламъ — выдать ихъ оружіе — и съ обѣщаніемъ пощады и сохраненія имущества ихъ. Но непокорные горцы отвѣчали на это предложеніе выстрѣлами, поражая вѣдья съ Французами и соотечественниковъ своихъ, ухидившихъ изъ пещеры; тѣмъ не менѣе однакоже полковникъ Пелісёе, желая дать неприятелямъ время одуматься, оставилъ ихъ въ покоѣ до вечера $\frac{1}{19}$. Въ это время Французы снова зажгли фашищныя; огонь, возобновляемый въ продолженіе всей ночи, былъ уносимъ сильными вѣтрами прямо въ пещеру, гдѣ еще долго раздавались выстрѣлы и возгласы; наконецъ — все умолкло, и тишина прерывалась только трескомъ догорѣваго кустарника и громомъ обваловъ. Въ часъ по полуночи, Французы перестали поддерживать огонь; но громада горящихъ углей не позволила проникнуть въ пещеру прежде четырехъ часовъ утра. У самаго входа въ нее, тяжкій

могильный запахъ подалъ первую вѣсть объ ужасной участи Кабиловъ. Остатки истлѣвшей одежды и животныхъ, совершенно обнаженные тѣла людей, обращенныхъ лицомъ къ землѣ и облитыхъ кровью истекавшею ртомъ и носомъ: таковы были предметы, представшіеся взору Французовъ. Въ числѣ жертвъ этой страшной драмы были многія женщины, погибшія вмѣстѣ съ дѣтми, находившимися у нихъ на рукахъ. Изъ 800 чловѣкъ обоаго пола, укрывшихся въ пещерѣ, оставалось въ живыхъ не болѣе 40; Французы немедленно вынесли ихъ на свѣжій воздухъ, но успѣли спасти только немногихъ».

Кабилы, о которыхъ мы упомянули, считаются потомками древнихъ Нумидійцевъ. Они составляютъ довольно значительную часть населенія Алжиріи.

Европейское народонаселеніе Алжиріи, въ концѣ марта 1849 года, простиралось до 117,362 чел., кромѣ того тамъ находится теперь до 65,000 французскаго войска. — Туземное же народонаселеніе страны простирается приблизительно до 2,600,000 чловѣкъ.

«Колонизаціи въ Алжиріи идетъ весьма медленно, говоритъ авторъ «Алжиріи». До этого времени, главными препятствіями къ ея распространенію были опасности, которыми подвергались колонисты, и недостатковъ въ лодяхъ и капиталахъ. Принявъ за аксіому, что «для успѣшнаго заведенія колоній всего необходимѣе колонисты,» находимъ, что недостатокъ въ нихъ былъ главною причиною дурнаго успѣха колонизаціи. Число Европейцевъ въ Алжиріи, занимающихся земледѣіемъ, весьма мало; всѣ же прочіе живутъ, большую часть, мелочною торговлею. Нельзя не сознаться въ томъ, что въ теченіе 18-и лѣтъ господства Французовъ въ Алжиріи, въ продолженіе которыхъ они вели почти безпрестанно войну, страна получила совершенно иной видъ, въ отношеніи къ сооруженію и улучшенію городовъ и селеній и къ продолженію удобныхъ путей; по этимъ благодѣтельнымъ завоеваніямъ образовавности Франція обязана исключительно успіямъ войскъ, направленнымъ твердою волею начальниковъ ихъ, Вале, Бюжю и Ламорисьера. Въ настоящее время, заселены и обработаны: Сагелъ; часть Метиджы; окрестности Филиппивіля и Константины; страна въ сосѣдствѣ Орана, до Мостаганема, и Маскары, и нѣкоторыя другія пространства. Отъ береговъ моря во внутренности страны проложены многія удобныя дороги; по нѣкоторымъ изъ нихъ ходятъ дилижансы; по другимъ можно путешествовать съ самымъ небольшимъ прикрытіемъ; не менѣе

важны прочія работы, совершенныя Французами: въ настоящее время, окрестности Буфарика и Филиппивля совершенно осушены; сооруженіе сѣверной насыпи Алжирской гавани, на пространствѣ 450-и метровъ (около 210 саж:), почти совершенно окончано, но приведеніе въ исполненіе всѣхъ предложенныхъ работъ потребуетъ еще много времени и издержекъ, не смотря на то, что на сооруженіе Алжирской гавани употреблены большія суммы, (въ числѣ которыхъ 1,500,000 франк: въ 1845 и 2 мил. франк. въ 1846 году).

12. *Систематическое изложеніе узаконеній о домахъ и дворахъ* Необходимая книжка для каждаго домовладѣльца, изданіе Кораблева и Сирякова. С. Петербургъ, 1849. Въ типогр. Фишона. Въ 18 д. л. Цѣна 75 коп. сер.

13. *Городской указатель или адресная книга* присутственныхъ мѣстъ, учебныхъ заведеній, врачей, художниковъ и разныхъ предметовъ торговой и ремесленной производительности. На 1850 годъ. С. Петербургъ. Въ типогр. П. Отдѣленія Собств. Е. В. Канцелярш. 1849. Въ м. 8 д. л. Цѣна 75 к.

Книги, которыхъ заглавія мы выписали, собственно принадлежатъ къ литературѣ развѣ въ самомъ обширномъ ея смыслѣ, значить вовсе не въ томъ, какой обыкновенно придается этому слову, когда говорятъ о литературныхъ достоинствахъ, литературныхъ предпріятіяхъ, литературныхъ спорахъ, и т. п. Тѣмъ не менѣе онѣ принадлежатъ къ числу весьма пріятныхъ явленій въ печатномъ мірѣ, по своей непосредственной и важной пользѣ въ быту, первая вообще городскомъ, вторая исключительно въ петербургскомъ.

Мы отнюдь не изъ числа людей, которые наклонны видѣть въ розовомъ цвѣтѣ все и во чтѣ бы то ни стало, какъ наклоненъ къ тому гоголевскій герой, вѣчно-розовой памяти Маниловъ. Но какъ не порадоваться пріятному и какъ не похвалить хорошаго? Появленіе двухъ этихъ книгъ громко свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ нашего общежитія. Полюбujemy на нихъ и поговоримъ объ нихъ и по поводу ихъ.

Изъ предисловія книги видно, что ее составилъ пѣкто В. Лукинъ. Напрасно составитель не прибавилъ чего-нибудь въ послѣніе о своемъ лицѣ, чтобы публика могла до нѣкоторой степени судить, въ какой мѣрѣ книга имѣетъ право на довѣріе относительно полноты и удобнаго расположенія предметовъ въ ней. Въ подобныхъ книгахъ это важное дѣло. Естественно, напри-

мѣръ, «Алфавитный указатель полицейскихъ постановленій» Пристава г. Цылова, или «объ уголовномъ судопроизводствѣ», предсѣдателя палаты суда, г. Калайдовича и т. п., уже въ именахъ составителей заключаютъ ручательство за себя и рекомендацію.

«Изложеніе книги основано съ возможною точностью на текстѣ Свода законовъ изданія 1842 года, одиннадцати продолженій къ нему принадлежащихъ и С. Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей 1848 года».

Этими словами предисловія самъ составитель объясняетъ необходимый недостатокъ книги. Между 1848 годомъ, по который постановленія о домахъ и дворахъ вошли въ сборникъ, и между 1850-мъ годомъ, когда сборникъ вышелъ въ свѣтъ, находится законодательство цѣлаго 1849 года, а оно не вошло въ трудъ г-на Лукина. Если не ошибаемся, недостатокъ этотъ еще не значителенъ, потому-что законодательство 1849 года произвело очень мало переменъ и дополненій по предмету, служащему содержаніемъ предлагаемой книги. Замѣтимъ въ немъ и еще нѣкоторый недостатокъ. Чтобы «книжка, необходимая для каждаго домовладѣльца», какъ называютъ ее издатели въ заглавіи, принесла всю должную пользу, слѣдовало бы прибавить къ ней распоряженія городскихъ столичныхъ полицейскихъ начальствъ; такія распоряженія имѣютъ обязательную силу для домовладѣльцовъ и заступающихъ ихъ мѣсто управляющихъ домами. Обѣ столицы наши имѣютъ свои «Вѣдомости полиціи», гдѣ всѣ такія распоряженія печатаются во всенародное извѣстіе. Таковы недостатки книги: достоинства же говорятъ сами за себя. Сколько можемъ судить, постановленія собраны въ ней полно, и расположены отчетливо. Изданіе не дурно; только цѣна его, показалась намъ дороже, нежели желательное бы, для совершенной общеполезности книги, даже, быть-можетъ, для частной пользы самихъ издателей. Чѣмъ дешевле подобная книга, тѣмъ значительнѣе число требователей на нее. Объемъ же книги не великъ, и позволялъ бы пустить ее въ продажу по меньшей цѣнѣ.

Собственно петербургскіе обыватели приобрѣли и на 1850 годъ, какъ имѣли на 1849-й, подарокъ отъ г. Пристава Цылова, такъ заботящагося объ ихъ удобствахъ. Разумѣемъ «Городской указатель», котораго полное заглавіе мы выписали выше. Уже не говоря о многочисленныхъ пріѣзжихъ, непосвященныхъ въ знакомство съ Петербургомъ, для самихъ столичныхъ жителей подобный указатель весьма полезенъ, иногда необходимъ. Давно ли еще эпидемія, посѣтившая въ 1848 году нашу столицу,

показала крайнюю необходимость знать квартиры врачей, ближайших къ мѣсту жительства больных? Полицейское начальство принуждено было дѣлать особыя публикации, прибавить списки квартиръ врачей къ будкамъ, и т. п. Не всегда, конечно, бывають эпидеміи, но всегда есть болѣзненные случаи, иногда опасные, требующіе скорой помощи. Въ этомъ отношеніи, Городской Указатель книга, которая должна имѣться, если не у всякаго городского жителя, то у всякаго домовладѣльца или управляющаго домою. Очевидно, публика оцѣнила какъ слѣдуетъ это достоинство труда г-на Цылова, ибо опытъ 1849 года возобновляется въ 1850 году и, къ чести составителя, въ улучшенномъ видѣ, т. е. въ видѣ больше доступномъ для употребленія, болѣе популярномъ. Сверхъ указаній официальныхъ, по частямъ и кварталамъ города, теперь пахотимъ указанія по улицамъ, понятныя всякому.

Вѣроятно, этотъ Указатель будетъ совершенствоваться годъ отъ году, съ чѣмъ заранѣе поздравляемъ и жителей столицы и гостей, стекающихся въ нее отовсюду, за дѣломъ и за бездѣльемъ. Можно бы въ немъ замѣтить нѣкоторые пробѣлы: напримѣръ повѣренныхъ, ходатаевъ по дѣламъ, переводчиковъ и т. п., хотя лица этого рода часто встрѣчаются въ публикаціяхъ газетъ. Но всего вдругъ нѣтъ возможности сдѣлать: очень довольно покуда и того, что сдѣлано; давно ли и этого не было? Адресный Столъ при Управѣ Благочинія и Городской Указатель, издаваемый полиціею — такія удобства, которыя показываютъ важныя успѣхи нашего столичнаго быта.

Главный виновникъ Городскаго Указателя, Приставъ Исполнительныхъ Дѣлъ Литейной Части, бывшій преподаватель Артиллерійскаго Училища, г-нъ Цыловъ, уже успѣлъ сдѣлать довольно полезнаго, изданіями по части своей полицейской службы. Въ прежней службѣ, онъ также извѣстенъ, какъ авторъ довольно хорошаго арифметическаго учебника.

М. К.

14. *Очерки современной жизни.* Томъ VII. Женщина-писательница. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. Корсини. Цѣна за томъ 30 коп. сер.

Можетъ ли женщина заниматься литературой? Можетъ ли она, не измѣняя своимъ общественнымъ и естественнымъ обязанностямъ, посвятить себя занятіямъ, которыя вѣками упрочены за мужчиной?... Разрѣшеніе этого вопроса — дѣло чрез-

вычайно шекотливое, трудное, встрѣчающее безпрестанно несовмѣстныя между собою условія. Только истинный, высокій талантъ побѣждаетъ препятствія, соглашаетъ противорѣчія, и занимаетъ мѣсто, предназначенное ему судьбою. Посредственность же или бездарность, стремясь къ двумъ цѣлямъ, не достигаетъ ни одной, и становится смѣшною, жалкою.

Г. Корсини избралъ героиней комедіи женщину, на-время увлеченную страстію къ писательству.

Глафира Платоновна была добрая мать, добрая супруга, добрая хозяйка. Нашла на нее черепная немочь, и Глафира Платоновна стала тупить перья, тратить чернила, марать бумагу. Она пишетъ-пишетъ, не напишется.

— Пока я не знала литературныхъ занятій, говоритъ она, — я не жила, я прозябала въ мелочахъ и дрызгахъ. Какое жалкое существованіе думать цѣлый день о хозяйствѣ, о томъ, что пить и что ѣсть; ломать голову для этихъ потребностей животныхъ!... Думать о починкѣ платья, о штопанѣ бѣлья, о надвизываніи чулокъ, о полудѣ кастрюль и о прочей дрянн, еще менѣе достойной занимать разумную голову!...

Такъ разсуждаетъ писательница. За то посмотрите на нее, какъ она мила въ своемъ поэтическомъ неглижѣ: волосы ея причесаны душно, помятый чепчикъ съѣхалъ на бокъ, ситцевый капотъ въ беспорядкѣ, манишка надѣта криво, на плечи накинуть большой платокъ...

Случай даровалъ Глафирѣ Платоновѣ мужа. Который со своими безпрестанными опасеніями, мнительностію и боязнію холеры, весьма ничтоженъ, и не можетъ даже судить о странной прихотн жены.

Семень Семенычъ не понимаетъ перемѣны, происшедшей съ его супругою. Она отвѣчаетъ ему:

— Съ нѣкоторыхъ поръ я прозрѣла ясно свое назначеніе, и возвысилась душой; сердце мое облагородилось, умъ просвѣтлѣлъ. Да, я забрала, по твоимъ словамъ, сумасбродство себѣ въ голову, — я пишу, я сочиняю, я творю! Я узнала вдохновеніе, я поплала отраднѣйшія минуты въ жизни, я постигла безкорыстнѣйшую страсть; — я не намѣрена пропадать въ темнотѣ и невѣстности, а хочу имени, хочу репутаціи, хочу карьеры, хочу славы!...

Семень Семенычъ. Какой тебѣ, матушка, еще карьеры? Полно, Глафира Платоновна, это все пустяки; гдѣ тебѣ писать? тутъ надо умъ, да умъ...

Бѣдная Глафира Платоновна! Нужно же было судьбѣ назначить ей, именно ей, такого мужа!...

Семенъ Семенычъ боится холеры; его безпрестанно схватываетъ. Онъ проситъ горчицы—слуги украли ее; мяты—пянька употребила всю; теплой салфетки — всѣ салфетки растасканы, нѣтъ ни одной чистой!...

Хозяйство, какъ видите, находится въ лирическомъ безпорядкѣ.

Дѣти оборваны, запачканы; пянька-гувернантка съѣсть, бить и обираетъ ихъ, по вѣдому не учить, потому-что сама ничего не знаетъ. Слуги ведутъ жизнь безпорядочную, ссорятся между собою, сплетничаютъ, обкрадываютъ господъ.

Мысль хотя не нова, но богатая матеріалами для разработки. У г. Корсниц она растянута, лишена живости и правды. Безконечные разговоры хозяйки со слугами не правдоподобны. Сцены между слугами удачны.

Глафира Платоновна хочетъ дать литературный обѣдъ и мечтаетъ въ своемъ кабинетѣ о томъ, какъ будетъ принимать знаменитыхъ гостей, о чемъ и какъ говорить съ ними, какъ одѣнется.

— Ахъ, если бы у меня было черное бархатное платье! — мечтаетъ писательница вслухъ: — оно бы замѣнило всѣ умѣйшіе разговоры! Известная писательница, въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ длинными буками, падающими до самыхъ плечъ, въ оригинальномъ головномъ уборѣ — какое изящество! какое величіе!

Наступаетъ день знаменитаго обѣда. Мужъ, замѣтивъ, что въ домѣ у него не хорошо, идетъ объясниться съ женой. Онъ открылъ, что пянька-гувернантка задаетъ дѣтямъ умноженіе въ три ряда цифръ. Женѣ надоѣдаютъ его замѣчанія. Она обижается.

— Я не иначе, — говоритъ, — принимаю твои слова, какъ за неучитивую насмѣшку надо мною. Скажи, ты не допускаешь въ женщинѣ призванія дѣйствовать на общество и вводить усовершенствованія въ искусства и литературу?

— Охъ, ужъ мнѣ это призваніе, ни дать, ни взять холера! такой же ужасъ оно наводитъ на меня! Каждый разъ, какъ ты произносишь это слово, и горько мнѣ, и тошно мнѣ. Да хоть растолкуй, сдѣлай милость, что жъ такое твое призваніе?... Испарина, кажется, пропадаетъ... Вотъ ужъ времячко! Двѣ напасти послалъ на меня Господь, — призваніе жены, да холера! Кто жъ призываетъ тебя! скажи поскорѣе, вѣдь меня схватываетъ!...

Жена, торжественно. Кто? ты хочешь знать, кто?—Моя совесть, судьба, сама природа!

Мужъ, качая головой. Охъ, что-то не вѣрится; воля твоя, сильно сомнительно.

Если бы сама природа хотѣла призвать тебя къ чему-нибудь, такъ призвала бы тебя съ рожденья.

Ты бы росла съ этой мыслью, съ этой страстью.

Ты бы писала съ малолѣтства, и въ этомъ находила бы всѣ свои радости, все свое счастье.

Ты бы писала, не смотря ни на укоры, ни на презрѣніе къ себѣ.

Однимъ-словомъ, писать было бы для тебя условіемъ жизни и смерти!...

Вотъ это, такъ призваніе!

А ты, матушка, до тридцати пяти лѣтъ и не думала, и вдругъ бросила мужа, дѣтей, хозяйство, весь домъ, заперлась въ кабинетѣ, и ну сочинять, и что же?—идеалы!

Семенъ Семенычъ, какъ видите, человекъ весьма невѣжливый. Рѣшительно никакого уваженія не имѣетъ къ прекрасному полу. Такъ правду и рѣжетъ!

Являются гости, жданныя знаменитости: три ничтожныя существа, типы старинныхъ плохихъ комедій. Ни тѣни идеи или характера. Знаменитости стараются придать себѣ колоритъ, говоря напыщеннымъ слогомъ, надъ которымъ уже и подшучивать не остроумно. Тутъ и принципы, и рационализмъ, и индивидуумы!...

Что за странное лице Балдеусъ?

«На немъ пальто со множествомъ кармановъ, и въ каждомъ изъ нихъ книги большія и маленькія.»

Разговоры между знаменитостями вялы, скучны, растянуты безсольными повтореніями. Балдеусъ влюбляется въ Глафиру Платоновну; она отвергаетъ его любовь; онъ говоритъ ей грубости; она выгоняетъ его. Слуги обкрадываютъ господъ и уходятъ не сказавшись!... Вотъ современность!

По счастью Глафира Платоновна образумилась, отказалась отъ чернило-потребительнаго мастерства, и примирилась съ мужемъ.

(Мужъ и жена уходятъ подъ руку въ боковую дверь).

Конецъ.

15. *Голенькій—охъ! А за голенькимъ Богъ.* Русская народная былина въ лицахъ. Соч. М. С. Владиміровымъ. Санктпетербургъ. Цѣна 60 коп. сер.

Это ярославская идиллія. Молодые парни и красныя дѣвушки поютъ о томъ, какъ козаченка встрѣтитъ мужа, матроса младаго, который непробудно спитъ на днѣ—на камушкѣ моря синяго и, какъ обыкновенно водится въ пѣсняхъ, раздольнаго.

Козаченка поетъ пѣсню.

Старость очень нравится ея пѣсня, но больно скучно что-то....

Въ вашихъ пѣсняхъ мало
Разгула роднаго;
Сердцу ретивому
Вовсе нѣтъ куражу....
То-ли дѣло—если
Грянемъ плясовую?

Запѣвало начинается:

Тосковать, друзья, не будемъ!
Горе лишнее забудемъ.
Живо! Веселѣй!
Живо! Веселѣй!

Хоръ:

Ну, живѣе,
Поскорѣе;
Чѣмъ чудиѣ
Тѣмъ смѣшнѣе —
Удалъ всякъ кажи!

Поютъ, потомъ кидаютъ шапки вверхъ. Распотѣшили старосту; онъ хочетъ всѣхъ угостить....

Поскорѣй вина да бражни
Для удалыхъ молодцовъ....
На закуску же *ведерку*
Малосольныхъ огурцовъ....
А для красныхъ молодухекъ—
Нѣтъ ли тамъ какихъ ватрушекъ?

Ваня пошелъ распорядиться. Входитъ (куда?) *Рубцовъ*. Староста радостно встрѣчаетъ его. Что,—говорить, —

Съ нами-ль погуляешь,
Аль опять дашъ тягу?

Рубцовъ хочетъ остаться.

Видишь—у васъ праздникъ,
Разгулье парола;
А отъ нихъ я средо
Не давайвалъ тягу....

Рубцовъ проситъ, чтобы ему дали браги, промочить пересохшее горло. Принесли браги, Рубцовъ выпилъ и начинаетъ рассказывать *былину* о томъ, какъ Царь Петръ Алексѣевичъ ходилъ на Шведа войною.

Въ этомъ сраженіи
Я тоже вѣдъ былъ:
Враговъ-супостатовъ
Кололъ и рубилъ,
И водку ихъ нилъ
На диво, на чудо,
Не струя ни мало. (*крутя усы*)
Одно только худо:
По усамъ тепло,
А въ ротъ не пошало. (*Всѣ смѣются*).
Ну что? Люба-ли сказка?

Всп:

Ровно какъ масломъ
По сердцу помазалъ,—
Спасибо, служивый, (*кланяются*)
Важѣйшая сказка!

Рубцовъ свое сдѣлалъ. Вѣѣ пристаи къ старостѣ, чтобы онъ задалъ на старости лѣтъ выпляску, *разудавжилъ* компанью. Староста вызываетъ старуху Матрену, чтобы она помогла ему показать рысь. Старуха не кобенится, выступаетъ впередъ и затягивается:

Ахъ, прошли мои года!
Деньки красные минули,
Меня немощи согнуали....
А была я молода.

Да, да, да! Да, да, да!
А была я молода!

Староста и Матрена вмѣстѣ пляшутъ и поютъ:

Ахъ! трахнемъ, трахнемъ костями
 Побесѣдуемъ съ гостями...
 И у нашихъ у воротъ (reminiscente)
 Разпотѣшимъ весь народъ.
 Ай люли! ай люли!
 Разпотѣшимъ весь народъ!
 Эхъ, вы парни-мужички!
 Эхъ, молодухи-вострушки!

Хоръ:

Разгулялись старички,
 Распаясались старушки.
 Ну! беззубые—гуляйте!
 Ну, плышчыцы—катайте!

Эти неблагозвучные эпитеты не обижаютъ стариковъ. Они показали свою удалъ—теперь очередь молодымъ. По приглашенію старосты

Надя (выходи на середину (чего?) и кланяясь) поетъ:

Шуми, шуми дубравушка,
 Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думать,
 Какъ завтра....

Виновать, сбился. Реминисценція завлекла меня изъ новости въ старую русскую пѣсню. Въ подлинникѣ такъ сказано:

Шуми, шуми дубравушка,
 Шуми сильнѣй!
 Вы вѣйте, вѣтры буйные
 Вы буйные,—вѣтры осенней!
 Потяните вы во ту сторону,
 Во ту сторону. ...

Опять сбился! Опять не то. Не хорошая вещь память: читаешь одно, а выходитъ совсѣмъ другое.

Шуми, дубравушка,
 Шуми сильнѣй!
 Вы вѣйте, вѣтры буйные
 Ходятъ тучи
 Тучи темныя....

Нѣтъ, лучше бѣставитъ дубравушку; все не то выходитъ. Теперь вѣтры буйные навели насъ на Кольцова. Пускай себѣ Надя поетъ, какъ знаетъ, а намъ память не даетъ покоя. Послѣ Нади запѣлъ

В а с я.

Что нахмурился?
 Что задумался,
 Какъ старикъ сѣдой
 Предъ погодою.

Эхо. Кольцовъ.

Что дремучій лѣсъ
 Приздумался?
 Грустью темною
 Затуманился?

Вася, видно, то же страдаетъ развитіемъ памяти.
 Рубцовъ очень доволенъ этой пѣсней:

Спасибо, дружище!
 Ты поешь и съ чувствомъ,
 И съ большимъ искусствомъ.
 А педья ль сварганить
 Намъ пона, до плясокъ,
 Пѣсенку другую,
 Этакъ плясовую?

Вася сварганить и плясовую; потомъ — идиллія. Вася любитъ Надю; радъ бы жениться, да денегъ нѣтъ. Значитъ—Голенкѣй—охъ! Рубцовъ выслушиваетъ печальную повѣсть сердечныхъ страданій бобыли, да вдругъ—ни съ того, ни съ сего:

Хочешь ли пріятель
 Я тебя обаблю?

Какъ не хотѣть! Дѣло улаживается безъ всякихъ драматическихкихъ катастрофъ, какъ вдругъ является изъ переулка пьяный Заирка, и узнаетъ что Вася женится на Надѣ. Это ему не по сердцу:

Брось его
 Бѣдняка,
 Сорванца.
 Полюбилъ
 Ты козла
 Удальца! и т. д.

На д я .

У меня

Для тебя

Любишь вовсе нѣтъ; и т. д.

Готовится катастрофа. Задрпка задпрастъ Рубцова, а тотъ справляется съ нимъ по-своему....

Потомъ опять пляшутъ, пьютъ и поютъ.

16. *Памятная книжка, на 1850 годъ.* С. Петербургъ, въ Военной Типографіи. Цѣна 2 р.

Эта маленькая книжечка настоящій алмазъ въ коллекціи русскихъ красивыхъ изданій. Изящностью печати, шрифта, гравюръ и вкусомъ изданія она можетъ стать на равнѣ съ знаменитымъ *Almanach de Gotha*. Памятная книжка младшая сестрица календаря, дѣвы умной, дѣльной, прекрасной хозяйки, ноувы! лишенной цвѣта юности. Памятная книжка должна украсить каждый, нѣсколько порядочный письменный столъ.

17. *Стрляуха или опытная кухарка.* Книга, необходимая для хозяекъ, экономокъ, поварихъ и кухарокъ. Составленная изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій *Катериною А. . . . левою*. Санктпетербургъ. Въ типографіи А. Дмитриева. 1850. Цѣна 50 коп. сер.

Къ доказательствамъ преимущества челоука надъ прочими животными нѣкоторые философы причисляютъ и то, что челоукъ готовитъ свою пишу искусственнымъ образомъ, между тѣмъ какъ звѣри употребляютъ ее въ естественномъ видѣ. Другіе же ученые утверждаютъ, что и челоукъ встарину не нуждался ни въ кухаркахъ, ни въ поваренной наукѣ, и что онъ прибѣгнувъ къ искусственнымъ приправамъ только потому, что слишкомъ самъ перемѣнился.

То-то было благодатное время, когда не нужно было ни кухарокъ, ни поваровъ! Проголодался,—пошелъ къ ручейку, наклонился, почерпнулъ водицы въ ладонь, напился,—вотъ и супъ. Пошелъ на поле, на пастбище или тамъ куда слѣдуетъ,—поймалъ поросенка или ягненка, съѣлъ подъ деревомъ, да и кушай на здоровье—вотъ и жаркое. Зелени захотѣлось? сорвалъ кочанъ капусты, выкопалъ картошку,—харчъ благословенный, и—удовлетворяйся. Десертъ—влезъ на яблоно, и дѣло съ концомъ.

Цивилизація все испортила. Она выдумала набивать ребенка разными науками, и начинать поросенка кашей; она облекла и хорошенькую дамскую головку и котлету въ папильотки; она разсорттировала обѣдъ на супы, соусы, жаркія, десерты; она избобрѣла соусы!

Цивилизація избобрѣла особенное художество, которое и назвала *повареннымъ искусствомъ*.

Искусство это имѣло своихъ геніевъ, своихъ героевъ, свои жертвы, своихъ поэтовъ и прозанковъ, даже своихъ живописцевъ....

Къ разряду прозанческихъ сочиненій объ этомъ искусствѣ, органъ уразумѣнія котораго заключается въ желудкѣ, принадлежитъ *Стрляуха*. Не будучи судьей въ этомъ дѣлѣ, рецензентъ Сына Отечества рѣшился обратиться къ одному весьма опытному и искусному повару, *обучавшемуся у Француза*. Поваръ прочиталъ книгу со вниманіемъ, и отозвался о ней слѣдующимъ образомъ:

Милосливой государь

—ъ—ъ!

Съ моимъ удовольствіемъ такъ осмѣливаюсь васъ затрудить и описать мои извѣстія: во-первыхъ, столь сія книга возбудила и тронула меня, что я каждую чертунку перечитываю, то оставляю, то опять за нее принимаюсь; сердце мое трепещетъ, чувствуетъ иногда радость и смущеніе, и великое къ вамъ попеченіе; но возрите милостывымъ своимъ окомъ. Читалъ я знатное количество книгъ или сочиненій на русскомъ языкѣ, а тѣмъ паче на французскомъ діалектѣ, когда пребывалъ у Француза въ ученіи. Но не знаю по какимъ причинамъ и большимъ обстоятельствамъ, а такой не читывалъ. Хоша она происходитъ нашему брату большую натяжку и великое разстройство, чему не удобно быть, только правдивость моя велитъ, что сочинена весьма смышлѣно, и все такъ хорошо. По *отдѣленіямъ* распоряженіе искусное,—мы люди еще не послѣдніе, то же кое-что смыслимъ. Столъ по назидательству сей книги можно сочинить такой, что съ вашего позволенія вымолвить и не въ обиду,—пальчики облизнешь. Все, какъ слѣдуетъ. А что касательно относится до какихъ примѣчаній, о которыхъ вы наказывали мнѣ, то осмѣлюсь доложить, что:

Первое отдѣленіе, то есть *русскій столъ* прѣаккуратно и со вкусомъ изображенъ.

Второе отдѣленіе, то есть *французскій столъ* такой, какимъ быть надлежитъ. Можно бы еще кое-что прибавить, ну, да и такъ сытъ будешь и весьма доволенъ.

Третье отдѣленіе, то есть *рыбный столъ*, просто и деликатесъ. Существо онаго самое благородное, и безобидное безъ всякой тяжести.

Четвертое отдѣленіе, то есть *постный столъ* большое преткновеніе для *гурмандизовъ*, какъ произносилъ мой учитель Французъ, въ составѣ сущность и одобреніе имѣеть.

Отдѣленіе пятое, то есть *приготовление всякаго рода тѣста и кушаньевъ изъ него* для любителей полагаетъ большое завлеченіе.

Шестое отдѣленіе, то есть *хлѣбы, квасъ и кислые шти*, въ соразмѣрности большаго хозяйства.

Седьмое отдѣленіе, то есть *кушанье для служителей* благообразно, пресытительно и для домашняго откормленія безъ вздыханій и тамъ всякихъ попомзновеній.

Таковое существо сочиненія; сожалительно, что со всеми предметами похвалы упущенъ недостатокъ относительно кандидатскихъ бламанжеевъ, камбурлеевъ и иныхъ деликатесовъ, а также образованіе пуштыковъ, глинтвейновъ, дѣло какъ сами изволите знать житейское; есть охотники и потребители.

А впрочемъ показывалъ я книгу баринъ, приказали купить.

Что въ разсужденіи моего недостатка вы меня простите, осмѣлюсь еще доложить, что желалъ бы знать кто сочинилъ. Такой хорошей хозяйшкѣ не стыдно и въ люди показаться.

Прошу васъ и впредъ меня не оставить, но такъ какъ письмо мое уже великую приносить тяжесть, то съ всекорнѣйшимъ уваженіемъ имѣю честь быть

Вашъ истинный слуга

Осипъ Е.....въ.

Сего 3 февраля дня.

1850 года.

Послѣ такого отзыва мы, не колеблясь, рекомендуемъ эту полезную и пріятную книгу всемъ хозяйшкамъ.

18. *Хиромантія и Гороскопъ*, или средства гадать по рукѣ и по созвѣздію зодіака, чрезъ которое солнце проходило при нашемъ рожденіи. Искусство гадать по картамъ и объяснять значеніе сновъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Фишера. 1850. Цѣна 50 коп. сер.

Сильная и крѣпкая рука обнаруживаетъ человѣка годнаго для ничтожныхъ и мелочныхъ занятій.

Ежели она (линія души и здоровья) *узка и блѣдна*, то это доказываетъ слабоуміе и болѣзненное состояніе духа.

Семерка бубновой масти—полученіе небольшихъ денегъ.

Видѣть во снѣ:

Болото—къ работѣ и пуждѣ въ деньгахъ.

Горохъ,—и ѣсть его—къ счастливому и благополучному окончанію дѣла.

Гусей—къ какой-нибудь глупой исторіи и къ скучнымъ визитамъ.

Животъ объемистый—къ счастью; незначительный—къ вреду.

Забортъ—къ исполненію предпріятій.

Капусту—къ соболѣзнованію.

Клопы—къ приобрѣтенію злыхъ друзей.

Кочергу—къ болѣзни.

Курпатовъ—предвѣщаетъ имѣть дѣла съ женщинами.

Печатать рукопись—къ неисполненію желаемаго.

Ротъ больше обыкновеннаго—къ богатству; менѣе обыкновеннаго—къ бѣдности.

Теленка—къ благополучію въ семействѣ.

Уши большія—къ добру.

Шпекъ ѣсть—къ благополучію.

А что значитъ видѣть во снѣ эту книжонку? Тоже, что на яву, а именно: страшную чепуху.

19. *Глобусы земной и небесный*, и къ нимъ приложеніе: Руководство къ первоначальному изученію географіи, съ чертежами,

составленное В. Кротовымъ. Санктпетербургъ. Издатель В. Поляковъ. Цѣна 3 руб. сер.

Глобусы эти могутъ служить полезнымъ пособіемъ для нагляднаго изученія географіи. Они придуманы очень замысловато, укладываются въ небольшой, плоскій портфель, а въ случаѣ надобности имъ можно придать сферическую форму. Нельзя не поблагодарить нашего дѣятельнаго и неутомимаго издателя, В. П. Полякова, за это новое изданіе, которое можетъ и должно принести большую пользу юношеству. Руководство, приложенное къ глобусамъ, украшено отчетливо выполненными чертежами, и содержитъ въ себѣ краткое, общее понятіе о наукахъ, о солнечной системѣ, описаніе земной поверхности, и пр. Оно кратко, но удовлетворительно, будучи—какъ сказано въ предисловіи—назначено для первоначальнаго изученія географіи. Глобусы исполнены хорошо, раскрашены опрятно; надписи четки и хорошо расположены. Желаемъ успѣха этому полезному изданію.

20. *Рисунки мебели въ новейшемъ вкусѣ.* Тетрадь 2-я, на 6 листахъ. Составилъ Г. Лецингъ. Можно получать въ С. Петербургѣ и Москвѣ, у всѣхъ книгопродавцевъ. Санктпетербургъ. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкою 3 руб. сер.—Иллюминированный (?) 3 руб. 50 коп., съ пересылкою 4 руб. сер.

Подобнаго рода изданія имѣютъ у насъ большой успѣхъ. Издатели, пользуясь этимъ, назначаютъ обыкновенно цѣны непомерно высокія, печатаютъ тысячи экземпляровъ, продаютъ десятки, и все-таки выручаютъ свои издержки; не смотря на то, они печально смотрятъ на груды оставшихся экземпляровъ, и жалуются на публику, не умѣющую поощрять полезныхъ предпріятій. Полно такъ ли? Не сами ли вы виноваты, господа? Кто напримѣръ, захочетъ заплатить *три рубля серебромъ* за *шесть* листковъ? Кто, пріобрѣти эти листки, не пожалуется, найдя на нихъ не отчетливые, архитектурные, такъ сказать, чертежи мебели, а просто эскизы, по которымъ можетъ сдѣлать мебель только искусный столяръ или краснодеревецъ? Но вѣдь искусный обойдется и безъ этихъ чертежей; если даже онъ самъ не можетъ сочинить чертежа, такъ воспользуется иностранными,

* Подробное объясненіе можно видѣть въ приложенномъ къ концу книги объявленіи книгопродавца В. П. Полякова.

которые исполнены съ отчетливостью, большимъ вкусомъ и, главное, стоить гораздо дешевле.

Еще надобно обратить вниманіе всѣхъ господъ, составляющихъ подписи подъ какими бы то ни было чертежами, на правописаніе. Небрежность ихъ въ этомъ отношеніи непростительна; въ ней проявляется неуваженіе къ русскому языку. Положимъ даже, что человѣкъ, литографирующій подписи, иностранецъ; такъ неужели нельзя найти грамотнаго человѣка, который написалъ бы имъ оригиналы?

Что такое: *Стенное трюмо? Карзина для подушекъ? Стулъ въ бодуаръ?*...

А. Р.

Упомянемъ еще объ одной изъ тѣхъ рѣдкихъ въ нашей литературѣ книгъ, которыя достаются ихъ авторамъ дорогою цѣною долгихъ изученій, трудныхъ изслѣдованій и зрѣлыхъ размышленій, и которыми наконецъ начинаютъ дорожить русская публика, еще недавно охотница до одного легкаго чтенія.

На дняхъ вышло въ свѣтъ новое сочиненіе:

Мысли объ исторіи русскаго языка. Соч. И. Срезневскаго. С.-Петербургъ. Въ типогр. Военно-учебныхъ заведеній. 1850. Въ 8 д. л. стр. 210. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Не говоря объ ученыхъ по званію и призванію, не говоря даже о принадлежащихъ сколько-нибудь къ ученому сословію, каждый образованный читатель, мы увѣрены, запасется этой книгою, которая, вмѣстѣ съ немногочисленными другими, составляетъ честь современной нашей литературы. О подобныхъ книгахъ должно говорить много или ничего не говорить: покуда избираемъ послѣднее. Въ одной изъ ближайшихъ слѣдующихъ книжекъ журнала мы посвятимъ этому труду и вообще трудамъ почтеннаго профессора особую статью, тѣмъ болѣе, что ученая дѣятельность г. Срезневскаго такъ самостоятельна, такъ проникнута поэзіей учености и пользуется та-

нимъ уваженіемъ у иностранныхъ дѣлателей на одномъ съ нимъ поприщѣ, что долъ всякаго добросовѣстнаго русскаго журнала обозрѣть эту дѣятельность и познакомить съ нею публику.

Всѣ вышеупомянутыя книги можно получать въ книжномъ магазинѣ В. П. Полякова, комиссионера Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 17.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Еще нѣчто о Калифорніи.

Санъ-Франциско, 2 іюля 1849.

Съ нѣкотораго времени такъ много было говорено и писано о Калифорніи, что я не считаю уже нужнымъ распространяться о Санъ-Франциско, главномъ торговомъ портѣ этой страны. Санъ-Франциско, состоявшій, до открытія золотыхъ росыпей въ Калифорніи, изъ нѣсколькихъ хижинъ, и только одного по-рядочно-выстроеннаго дома, принадлежащаго Сѣверо-Американской Компаніи, расположенъ на склонѣ небольшихъ песчаныхъ холмовъ, окружающихъ множество небольшихъ заливовъ, извѣстныхъ подъ однимъ общимъ названіемъ *залива Санъ-Франциско*, и составляющихъ одну изъ прекраснѣйшихъ естественныхъ гаваней на всемъ земномъ шарѣ. Входъ въ этотъ заливъ имѣетъ не болѣе двухъ миль ширины, и отчасти загражденъ островами, обильно разсыпанными по всему заливу. Островъ *los Angeles (Ангеловъ)* покрытъ лѣсами, растущими на скатѣ горъ, которыя тянутся по острову въ различныхъ направленіяхъ. Здѣсь водятся многочисленныя стада дикихъ звѣрей; однакожь эти острова, болѣею частию, совершенно безлюдны, и нигдѣ не населены. Мѣстоположеніе довольно живописно, особенно со стороны города, хотя природа здѣсь не роскошна, а недостатокъ въ зелени придаетъ горамъ безжизненный и однообразный видъ.

Городъ Санъ-Франциско увеличивается чрезвычайно быстро, благодаря множеству искателей золота, пріѣзжающихъ сюда изъ всѣхъ государствъ Европы, Америки, изъ Китая и съ острововъ Тихаго-океана. Дома строятся почти исключительно изъ дерева, и притомъ съ необычайной быстротой. Число жителей измѣняется непрерывно, и по этому опредѣлить его невозможно. Каждый день сюда прибываютъ новыя толпы искателей золота, и отправляются на принскіи. Въ послѣднее время, число вновь построенныхъ домовъ увеличилось почти вдвое противъ прежняго.

Не менѣе трудно дать точное понятіе о торговыхъ оборотахъ, которые производятся въ этомъ городѣ. Количество то-

варовъ и съѣстныхъ привасовъ значительно, но потребительность чрезвычайно различна. Мѣстная торговля не возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ народонаселенія, потому-что большая часть искателей золота привозитъ съ собою матеріалы, назначенные для продажи, и присасы для собственного употребленія. Многіе привозятъ даже бревна и доски, для постройки домовъ. Въ настоящую минуту рынокъ заваленъ товарами, такъ что многіе изъ негоціантовъ должны необходимо потерпѣть убытокъ, отъ пониженія цѣны на привозныя произведенія.

Я хотѣлъ приложить къ этому письму преисъ-курантъ; но такъ какъ цѣны на произведенія промышленности здѣсь не установились, то этотъ преисъ-курантъ ни къ чему бы не послужилъ. Городъ загроможденъ палатками, амбарами, гдѣ огромное количество произведеній промышленности, необходимыхъ для ежедневнаго потребленія, продаются, какъ оптомъ, такъ и по частямъ, и притомъ по самымъ различнымъ цѣнамъ. Вообще должно замѣтить, что въ послѣднее время цѣны на произведенія промышленности значительно понизились, и что негоціанту надлежитъ быть крайне предусмотрительнымъ для удачныхъ спекуляцій на здѣшнемъ рынкѣ. Товары, присланные изъ прежнихъ торговыхъ конторъ, находившихся на островахъ Тихаго океана, продаются здѣсь по мѣньшимъ цѣнамъ, чѣмъ въ Чили или Перу; по этому-то многія изъ этихъ конторъ понесли значительный убытокъ.

Еще труднѣе опредѣлить, какого рода произведенія всего скорѣе и выгоднѣе раскупаются на здѣшнемъ рынкѣ. Должно помнить, что не только народонаселеніе мѣняется, увеличивается или уменьшается, но что надлежитъ еще удовлетворять потребностямъ общества, не правильно организованнаго, а состоящаго по большей части изъ людей, которые до-сихъ-поръ не только не были знакомы съ богатствомъ, но даже рѣшительно не имѣли никакихъ средствъ къ существованію. Эти-то люди, обогатившіеся отъ золотыхъ пріисковъ, предаются чрезмѣрной роскоши, и не знаютъ предѣловъ своей расточительности; всего болѣе требуется шампанскаго, самыхъ изысканныхъ випль, плодовъ, кушаньевъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, нѣкоторые изъ предметовъ промышленности были проданы по слѣдующимъ цѣнамъ. (Я разумю здѣсь продажу оптомъ, а не по частямъ, и считаю также пошлину за привозныя произведенія.)

Строительный лѣсъ, доски, американская ель, 1,000 футовъ кубическихъ стоили 350 долларовъ (1,855 франковъ); ель швед-

ская, отъ 250 до 275 долларовъ; чилийское дерево, 300 долларовъ.

Мука: куль въ 200 испанскихъ фунтовъ стоилъ 9 долларовъ (49 франковъ 90 сантимовъ).

Картофель туземный, 12 долларовъ (63 франка, 60 сантимовъ) за туземную мѣру.

Окороки: 1 франкъ 80 сантимовъ за фунтъ; солонина: 1 долларъ съ половиною (7 франковъ 90 сантимовъ) за боченокъ.

Сардинки: 22 доллара (126 франковъ, 60 сантимовъ) за дюжину коробочекъ.

Голландскій сыръ продавался по 1 франку 75 сантимовъ за фунтъ.

Черносливъ французскій, 5 долларовъ и три четверти (28 франковъ 15 сантимовъ) за корзинку въ одиннадцать фунтовъ.

Французская водка: двѣнадцать бутылокъ стоили 16 долларовъ (84 франка, 80 сантимовъ); англійская водка (съ штемпе-лемъ) продавалась по 6 долларовъ (31 франку, 80 сантимовъ) за галлонъ (4 литра, 54 сантилитра), и притомъ въ бутылкахъ, для обложенія перевозки на золотые пріиски.

Шампанское, отъ 15 до 30 долларовъ (отъ 80 до 132 франковъ, 50 сантимовъ), за дюжину бутылокъ, смотря по качеству вина.

Портвейнъ не раскупается.

Хересъ расходуется въ весьма маломъ количествѣ.

Мадера: галлонъ стоилъ 2 доллара (10 франковъ, 60 сантимовъ); въ бутылкахъ, отъ 3 до 4 и 5 долларовъ за дюжину (отъ 18 франковъ, 65 сантимовъ до 25 франковъ, 20 сантимовъ).

Ромъ стоилъ менѣе доллара (отъ 2 франковъ, 80 сантимовъ, до 3 франковъ, 95 сантимовъ) за галлонъ.

Джинъ голландскій, дюжина бутылокъ стоила 6 долларовъ (31 франкъ, 80 сантимовъ).

Пиво по 7 долларовъ и болѣе (39 франковъ, 75 сантимовъ) за дюжину бутылокъ.

Портгерь изъ Глазгова—фабрики Тенаита и Берда, по 7 долларовъ (37 франковъ, 10 сантимовъ) за дюжину бутылокъ.

Всѣ мануфактурныя произведенія находятся здѣсь въ такомъ изобиліи, что продаются по фабричнымъ цѣнамъ.

Всѣ эти произведенія промышленности находятся не только на рынкѣ въ Санъ-Франциско, но даже на мѣстѣ самыхъ пріисковъ.

Въ Калифорніи въ настоящую минуту нѣтъ ни правитель-

ственной, ни судебной власти. Генералъ Рилей, губернаторъ Калифорніи, основалъ свою резиденцію въ Монтерей, главномъ городѣ этой страны; командоръ Джонсъ въ настоящую минуту находится на фрегатѣ *Warren*, стоящемъ на якорѣ въ гавани Санъ-Франциско; наконецъ генералъ Смитъ, главнокомандующій войсками Орегона и Калифорніи, назначилъ себѣ и своему главному штабу мѣстомъ жительства Санъ-Франциско. За недостаткомъ законовъ, опредѣленныхъ конгрессомъ для управления Калифорніею, пользуются отчасти законами испанскими, отчасти законами американскими, отъ чего происходитъ страшная запутанность въ управленіи. Единственное судебное мѣсто въ Калифорніи — судъ алькада монтерейскаго. Званіе и должность алькада, такъ какъ ихъ опредѣляютъ законы испанскіе, совершенно несогласны съ понятіями американскими о правахъ гражданскомъ и уголовномъ, и совершенно противны привычкамъ и чувствамъ американскихъ граждан. Отъ этого произошло множество затрудненій, окончившихся дракою между алькадомъ, природнымъ Американцомъ, и его подчиненными.

«Цѣнность недвижимыхъ имуществъ чрезвычайно увеличилась въ послѣднее время, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно увеличилась цѣна за квартиры. Небольшой участокъ земли, который годъ тому назадъ предлагали продать за 1,000 долларовъ одному моему пріятелю, отказавшемуся отъ покупки, находя цѣну слишкомъ высокою, этотъ участокъ раздѣленъ былъ на три новые участка, изъ которыхъ каждый былъ проданъ, мѣсяца четыре тому назадъ, по 28,745 долларовъ (152,340 франковъ) наличными деньгами. Такихъ случаевъ я могу указать здѣсь до тысячи.

Домъ, выстроенный въ нынѣшнемъ году, и стоявшій около 70,000 долларовъ (212,000 франковъ), отданъ въ наемъ, нѣсколько дней тому назадъ, за 40,000 долларовъ въ годъ. Домъ, въ которомъ я живу, годъ тому назадъ, отдавался въ наемъ за 50 долларовъ (265 фран.) въ годъ; нынѣ его нанимаютъ за 1800 долларовъ (9,540 франковъ).

«Полудневная работа обходится здѣсь чрезвычайно дорого: черноработчій получаетъ почти 7 долларовъ (37 франковъ) въ день; плотникъ около 8 долларовъ и т. д.; поваръ получаетъ по 150 долларовъ (795 франковъ) въ мѣсяцъ; столько же получаетъ и матросъ.

Нынѣ въ гавани находится 103 торговыхъ корабля; изъ нихъ 39 американскихъ, 22 чилийскихъ, 9 английскихъ, 7 датскихъ, 6 французскихъ, 4 съ острововъ Сандвичевыхъ; 4 съ

острововъ Таити (подъ французскимъ протекторскимъ флагомъ); 3 мексиканскихъ, 3 перувианскихъ, 2 гамбургскихъ, 1 испанскій, 1 бременскій и 1 португальскій; кромѣ того, тутъ находится цѣлая флотилія мелкихъ торговыхъ судовъ, плавающихъ по заливу Санъ-Франциско и по рѣкѣ Сакраментъ.

Эти корабли долго не выходили изъ гавани, за недостаткомъ матросовъ; нынѣ уже можно найти матросовъ, плата имъ по 150 долларовъ (795 франковъ) въ мѣсяцъ.

Что же касается до золотыхъ рѣсокъ, которые возбуждаютъ повсюду такое любопытство, то я могу дать самыя лучшія свѣдѣнія, прилагая нѣсколько нижеслѣдующихъ замѣтокъ, взвлеченныхъ изъ журнала одного моего пріятеля, который велъ этотъ журналъ во-время своего путешествія на золотые рѣски и своего тамъ пребыванія.

Авторъ этого журнала горный инженеръ, получившій превосходное образованіе; онъ занимается теперь съ четырнадцатью рудокопами разработкою золотыхъ рѣсокъ на рѣкѣ Юба (Yuba); мы можемъ имѣть полное довѣріе къ свѣдѣніямъ, которыми онъ сообщаетъ.

«Отправляясь изъ Санъ-Франциско, вы переплываете заливъ того же имени, по направленію къ острову Ангеловъ; послѣ того, чрезъ заливъ Санъ-Пабло, вы проникаете въ заливъ Каркинецъ, до города Венеція; отсюда вы входите въ заливъ Суинсонъ, находящійся на разстояніи двадцати-пяти миль (около 35 верстъ) на сѣверо-западъ отъ Санъ-Франциско. Тутъ находится устье рѣки Сакраменто. Вы поднимаетесь вверхъ по теченію, по направленію къ сѣверу, и на протяженіи пятнадцати верстъ встрѣчаете одни болота. Достигнувъ этой точки, вы замѣчаете, что рѣка дѣлится на два рукава; одинъ изъ нихъ, главный, течетъ на западъ; второй называется *Sluice*, и по этому-то рукаву обыкновенно плаваютъ небольшіе торговые корабли, избѣгая такимъ образомъ поворота, имѣющаго около восемнадцати миль длины, и образуемаго главнымъ рукавомъ; между этими двумя рукавами лежитъ значительной длины островъ, лѣсистый и болотистый. При входѣ въ Слюисъ, берега рѣки становятся возвышеннѣе; они покрыты лѣсомъ, состоящимъ преимущественно изъ дубовъ, дикихъ смоквицъ и молодыихъ, тонкихъ буковъ. Растенія, мною здѣсь замѣченныя, суть: дикой головоломъ, нѣсколько родовъ мховъ и трилистниковъ. Почва состоитъ изъ наноснаго песку, лежащаго на грунѣ изъ чорнаго мергеля. На берегахъ этой рѣки волются въ изобиліи олени, лоси, кролики и зайцы; но я видѣлъ тамъ толь-

ко одно животное, принадлежащее къ породѣ кошачьей, и убитое моими людьми; это была небольшая пантера. Сѣрые медвѣди попадаются очень часто, и бываютъ чрезвычайно большаго роста. Орнитологія этой части Калифорніи бѣдна и мало разнообразна, за исключеніемъ водяныхъ птицъ. Утки, дикіе гуси, аисты и журавли находятся здѣсь во множествѣ. Другія птицы, мною здѣсь замѣченныя, суть: воронъ, сорока, голубитникъ, бѣлый соколъ и еще какаля-то птица съ голубыми перьями. Гремучія змѣи встрѣчаются только на берегу рѣки, и онѣ, какъ говорятъ, менѣе опасны, чѣмъ тѣ змѣи, которые водятся въ странахъ болѣе жаркихъ. Здѣсь находится еще особенная порода змѣй, черныхъ съ красными полосами; онѣ совершенно безвредны.—Лососи и форели чрезвычайно вкусны, и ловятся въ рѣкѣ во множествѣ.

«По выходѣ нашемъ изъ Слюаса, вы замѣчаете, что Сакраменто направляется прямо къ сѣверу, и имѣетъ въ этомъ мѣстѣ средней ширины около 120 метровъ. Поднимаясь вверхъ по теченію, вы приплываете къ мѣсту извѣстному подъ именемъ русской торговой конторы; здѣсь Рускіе имѣли дѣйствительно прежде контору для торговли съ Индѣйцами. Видъ береговъ рѣки здѣсь ни мало не измѣняется; по обѣимъ сторонамъ вы видите долину обширную и плодосную, покрытую различнаго рода цвѣтами, между которыми я замѣтилъ прекрасныя и чрезвычайно большія лиліи. Эта долина оканчивается съ обѣихъ сторонъ, на разстояніи отъ двадцати-пяти до тридцати миль, двумя цѣпями горъ; лѣвая восточная нѣсколько возвышеннѣе и покрыта лѣсомъ; западная же, находящаяся на лѣвомъ берегу рѣки, состоитъ изъ двухъ цѣпей; изъ первой вытекають потоки золотосные; вторая гораздо возвышеннѣе, извѣстна подъ именемъ Сьерры-Невады, и была до этого времени чрезвычайно мало разрабатана.

На восьмой день послѣ нашего отплытія, прибыли мы въ новый городокъ, называющійся Дебаркадеромъ, и построенный у слиянія рѣкъ Американской и Сакраменто. Здѣсь, пересѣвъ на другой корабль, менѣе грузный и сидѣвшій не столь глубоко въ волѣ, я снова поднялся вверхъ по теченію Сакраменто, на тридцать миль, вплоть до слиянія съ другимъ притокомъ, *Rio de las Plumas* Испанцевъ, — *Feather river* Англичанъ. Эта рѣка, вытекающая изъ горъ, широка, быстра и глубока; ея берега возвышеннѣе береговъ Сакраменто, но они представляютъ совершенное съ ними сходство въ отношеніи ботаническомъ и геологическомъ. Должно замѣтить, что грунтъ этой рѣки не содержитъ

въ себѣ никакихъ камней. На берегахъ точно также камней не находится, кромѣ небольшихъ грудъ окаменѣлаго песку, извѣстныхъ у туземцевъ подъ названіемъ *tosca*. Раковины встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Поднимаясь по теченію рѣки de las Plumas, вы приплываете, на разстояніи пятидесяти миль, къ слиянію ея съ рѣкой Юба (Tuba), берега которой покрыты дикимъ виноградомъ. Тамъ я долженъ былъ прекратить мое плаваніе, ибо быстрота теченія не позволяла дѣйствовать веслами.—Пересѣвъ на лошадь, я проѣхалъ долину, имѣвшую около пятидесяти миль ширины, чрезвычайно живописную, плодородную и покрытую группами широколистныхъ деревьевъ, напослѣдствіи мнѣ англійскіе парки. Температура была чрезвычайно возвышенна, именно 90° по Фаренгейту въ полдень, въ тѣни, хотя мы были только въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Вечера же были прохладны и чрезвычайно пріятны. Пересѣхавъ чрезъ эту долину, я вступилъ въ горы. Здѣсь природа мнѣняется совершенно; вы встрѣчаете на каждомъ шагу ели, сосны, дубы и особаго рода миртовые деревья, изъ которыхъ Индѣйцы дѣлають наконечники стрѣлъ. Грунтъ состоитъ изъ краснаго мергеля, гдѣ попадается золото, равно какъ и на вершинахъ возвышенностей. Потокъ, который стремится къ *placeras* или золотымъ пріскамъ, чрезвычайно быстръ; онъ съ тѣной разбивается о скалы, которыми усыпаны его берега и его ложе, и уноситъ золотыя частички, собираемыя искателями золота. До сихъ-поръ эта работа производилась самымъ несовершеннымъ образомъ искателями золота, которые прибыли въ эту страну прежде прочихъ; находя золото въ изобиліи на поверхности земли, они никогда не пробовали добывать его на значительной глубинѣ. Золотыя эти россыпи представляютъ слои, образовавшіеся, по моему мнѣнію, отъ земли, нанесенной водою, въ продолженіе многихъ вѣковъ, съ сосѣднихъ высотъ; изъ этого естественно слѣдуетъ, отъ тяжести метала, что нижніе слои должны быть гораздо богаче верхнихъ. Я произвожу теперь работы на рѣкѣ Юба (въ іюнь 1849), въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ верхніе слои золота были уже сняты, и замѣчаю, что чѣмъ глубже я рою, тѣмъ богаче становится почва. Доказательствомъ тому, что это золото нанесено водою, служитъ то, что оно находится всегда въ самомъ большомъ количествѣ, тамъ, гдѣ рѣка образуетъ повороты. Притомъ я замѣчалъ, что тамъ, гдѣ берега возвышеннѣе и круче, золотыя россыпи становятся богаче, чѣмъ въ мѣстахъ низменныхъ или имѣющихъ небольшую возвышенность. До сихъ-поръ я еще не находилъ жилы золота,

но видѣлъ образчикъ золота, содержащагося въ кускѣ бѣлаго кварца, который, какъ я слышалъ, былъ найденъ въ хребтѣ Сиерра-Невада. Этотъ образчикъ былъ чрезвычайно богатъ; большая часть его была изъ чистаго золота, и вѣсила около четырехъ фунтовъ (почти полтора килограмма).

Я нимало не сомнѣваюсь въ томъ, что дно рѣки содержитъ въ себѣ несмѣтные богатства; потому-что послѣ наводненій, происшедшихъ отъ растаявша на горахъ снѣга, когда часть дна рѣки осушилась, земля, которую разрабатывали, была всегда богаче той, которая не была покрыта водой. Причина этого явленія очень проста. Главный рукавъ рѣки уноситъ всѣ частицы золота, встрѣчающіяся на пути, отъ самаго истока его изъ горъ; мѣста же, наводняемая на недолгое время, получаютъ только незначительную часть золота отъ близлежащихъ горъ.

Хотя я передъ моимъ прїѣздомъ въ Калифорнію много читалъ и слышалъ о ней преувеличеннаго, но все-таки смѣло повторяю, что этотъ край содержитъ неисчислимыя богатства. Впрочемъ я не могу выдать заположительно вѣрное то огромное количество золота, которое, какъ говорятъ искатели золота, выработано ими въ самомъ непродолжительномъ времени; я полагаю достаточнымъ сообщить вамъ объ этомъ предметѣ то, что я видѣлъ собственными своими глазами. Одинъ рудокопъ, вооруженный деревяннымъ бдюдомъ, которое можетъ содержать въ себѣ около восьми или десяти литровъ золотой руды, можетъ получить послѣ семи или восьми часовъ работы отъ одной до двухъ унцій (отъ тридцати до шестидесяти граммовъ) чистаго золота; это количество золота получается ежедневно каждымъ изъ моихъ работниковъ. Замѣтить должно что количество золота, получаемое на здѣшнихъ прїискахъ, превосходитъ все то золото, которое до-сихъ-поръ было получено отъ самыхъ богатыхъ чилийскихъ и перувианскихъ рудниковъ.

Я окончу замѣчаніемъ, самымъ любопытнымъ изъ всѣхъ, которыя я только сдѣлалъ въ этой странѣ. Здѣсь составился особенный уставъ чести и правъ, признанный безъ исключенія всѣми работающими на прїискахъ. Этотъ уставъ соблюдается съ чрезвычайной точностію и строгостію. Рудокопъ никогда не захватываетъ ту землю, на которой работаетъ его сосѣдъ, хотя земля, разрабатываемая сосѣдомъ, содержитъ въ себѣ гораздо большее количество золота, чѣмъ та, на которой онъ самъ производитъ работу. Воровство до-сихъ-поръ никогда еще здѣсь не совершалось. Вы выходите изъ палатки, оставляя тамъ все ваше имущество, съѣстные припасы, ваше золото (его обыкновенно зарываютъ

въ землю), и отправляетесь на работу; единственнымъ прикрытіемъ вашему имуществу служитъ уваженіе вашего сосѣда къ чужой собственности; до-сихъ-поръ еще я не слышалъ ни разу, чтобы кто-либо изъ искателей золота употребилъ во зло всеобщую довѣренность. Впрочемъ всѣ единогласно утвердили, въ случаѣ нарушенія права собственности наказаніе самое строгое. Воръ, обвиненный и уличенный избраннымъ обществомъ рудокоповъ, неминуемо долженъ быть повѣшенъ на ближайшемъ деревѣ.»

— Хотя я нимало не сомнѣваюсь въ достовѣрности всѣхъ свѣденій, собранныхъ и сообщаемыхъ моимъ другомъ, подтвержденныхъ единогласно всѣми, къ кому я только ни обращался съ вопросомъ, однако я долженъ предупредить читателя, котораго содержаніе этого письма побудило бы отправиться изъ своей родины въ эту обѣтованную землю, что должностъ рудокopa чрезвычайно трудна и утомительна до невѣроятности. Сотоварищъ мой, англійскій рудокопъ, обладаетъ исключительными средствами для производства работъ; онъ окружилъ себя цѣлою толпою чилийцевъ, готовыхъ за него въ огонь и въ воду; эти-то чилийцы гребутъ на его судахъ; они же промываютъ и собираютъ его золото; словомъ, исполняютъ всю матеріальную работу. Товарищу моему остается только наблюдать за ними. Совершенно отлично положеніе бѣднаго искателя золота, который принужденъ собственными руками добывать этотъ драгоценный металлъ. Послѣ множества издержекъ и лишеній, онъ прибываетъ наконецъ въ Калифорнію, и здѣсь собственно начинается только для него самая утомительная работа. Промывая золото, онъ стоитъ по колѣна въ холодной водѣ, въ то самое время, какъ верхняя часть его тѣла покрыта потомъ и голова подвержена дѣйствию палящихъ солнечныхъ лучей. Столъ его, если только онъ не будетъ издерживать все то золото, которое получить отъ прїисковъ, будетъ самый бѣдный. Что же касается до квартиры, то ему придется, быть-можетъ, очень часто спать подъ открытымъ небомъ. При томъ же не всѣ искатели золота имѣютъ одинаковій успѣхъ. Тѣмъ, которые не свыкли съ этимъ труднымъ ремесломъ, я скажу: оставайтесь лучше дома; потому-что тому, кто не можетъ спать подъ деревомъ, довольствоваться самой скудной пищей, и переносить терпѣливо самую утомительную работу, тому безразсудно было бы полагать, что онъ въ состояніи разрабатывать руды и промывать золото на россыпяхъ Калифорніи.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ *

Берлинъ.

На другой день (23/10 декабря), утромъ, швейцаръ принесъ мнѣ берлинскую газету подъ названіемъ: Vossische Zeitung.

Внутреннія, иностранныя извѣтія и фельетонъ были сжаты сколь возможно, потому-что объявленія требовали мѣста. И сколько было этихъ объявленій!

Первое мѣсто между ними занимали объявленія о предстоящихъ и совершившихся бракахъ, о родахъ, выздоровленіяхъ и кончинахъ.

Обычай извѣщать печатно о семейныхъ радостяхъ и горестяхъ кажется мнѣ несноснымъ. Кому какое дѣло до того, что у А. родился сынъ, или у Б. умерла жена? Изъ экономіи, чтобы сберечь издержки, необходимыя для напечатанія билетовъ и разсылки ихъ родственникамъ и друзьямъ, Немцы бросаютъ свои радости и горести въ добычу насмѣшкамъ равнодушныхъ читателей, которые отъ души смѣются надъ курьознымъ именованіемъ извѣстителя, или надъ страннымъ слогомъ его, не думая о томъ, что въ этихъ немногихъ строкахъ заключается, быть-можетъ, глубокая горестъ; что событіе, извѣщеніе о которомъ находится въ этихъ строкахъ, разстроиваетъ, быть-можетъ, мирное счастье цѣлаго семейства!...

Но виноваты не смѣющіеся, а извѣщающіе.

Ради любопытства переведу вамъ нѣкоторыя изъ этихъ объявленій:

«Референдарій Адольфъ Лѣве извѣщаетъ симъ всѣхъ своихъ «родныхъ и знакомыхъ, что намѣренъ вступить въ законный «бракъ съ дѣвицею Анна-Маріею Зеевихъ. Если кто-либо имѣетъ «что-либо противъ сего брака, то можетъ явиться ко мнѣ, въ «мою квартиру, въ Егерштрассе, подъ № 29, отъ 7 до 9 ча-

* Восьмое и девятое письма служатъ дополненіемъ писемъ изъ Берлина. Возращеніе автора въ Петербургъ даетъ намъ возможность пополнить этотъ пропускъ. Ред.

«совѣ утра, и отъ 4 до 6 часовъ по-полудни. Колокольчикъ на- «ходитя съ лѣвой стороны; съ правой же принадлежитъ со- «сѣду.»

Или:

«Нижеподписавшіеся спѣшатъ извѣстить всѣхъ, принимаю- «щихъ въ нихъ искреннее участіе, что, наконецъ, послѣ двух- «лѣтняго, довольно тягостнаго ожиданія, пламеннѣйшее жела- «ніе ихъ сбылось. Въ воскресенье, 20 декабря, возвышенное «слово г. пастора *** скрѣпило законнымъ образомъ узы, кото- «рыми такъ давно уже связаны сердца

«Готлиба-Иозефа Фликенаузера,

«слесарнаго подмастерья, и

«Фридерики-Амалии Буттеръ,

«цвѣточницы, работающей

«у себя на дому, въ Новой-

«Фридрихштрассе, № 6.»

Или:

«Господь даровалъ мнѣ миленькаго, здороваго и веселаго «мальчика, въ 4-мъ часу ночи съ 18 на 19 декабря. Жена моя «очень мучилась, но теперь, слава Богу, здорова.

«Адамъ-Моисей Киришъ,

«негоціантъ.»

Все это только смѣшно, но бываютъ объявленія еще забавнѣе:

«Съ душевнымъ прискорбіемъ и проливая горячія слезы из- «вѣщаемъ мы, нижеподписавшіеся, жена и дѣти, о преждевре- «менной кончинѣ нашего супруга и отца, скончавшагося на 53 «году отъ рожденія, послѣ тяжкой, но кратковременной болѣз- «ни. Съ терпѣливостью истиннаго Христіанина переносилъ онъ «страданія и переселился въ лучшей міръ, гдѣ ждетъ его на- «града за всѣ его добродѣтели!

«О Господи! испытай Ты Твоихъ чадъ!

«Марианна Клебергъ, неутѣшная вдова

«Вильгельма-Антоня Клебера, учителя му- «зыки.

«Дѣти:

«Фридрихъ, 27 лѣтъ п

«Марианна, 25 лѣтъ, раздѣлили между собою уроки отца.

«Вильгельмина, 29 лѣтъ, за-мужемъ за докторомъ медицины *Брезеромъ*.

«Карлъ, 18 лѣтъ.

«Людвигъ, 12 лѣтъ.

«Вильгельмъ, 11 лѣтъ.

«Каролина-Доротеа, 7 лѣтъ.»

Или еще:

«Ассессоръ *Карлъ Брауншлагъ* и супруга его *Гертруда*, урожденная *Мейнбургъ*, извѣщаютъ, что не стало у нихъ семимѣсячнаго ребенка, *Людвига-Готлиба-Фридриха*, подававшего самыя блистательныя надежды.»

На меня эти объявленія производили тягостное впечатлѣніе. Что можетъ быть неприкосновеннѣе семейной горести? Выставлять ее на показъ значить профанировать ее самымъ недостойнымъ образомъ....

За этими объявленіями слѣдовали другія, подъ которыми было выставлено въ скобкахъ: *eingezahl*, т. е. прислано, или по нашему сообщено.

Въ этихъ объявленіяхъ, невѣстныхъ лица сообщаютъ свои болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія или задаютъ читателямъ вопросы.

«Капля дождя, упалающая въ прудъ, образуетъ сначала пузырьрекъ, потомъ лопается и исчезаетъ въ массу воды; упавъ же въ рѣку, она сама становится частью живой волны. Не такая ли же капля и жизнь моя? Но я хочу, я долженъ упасть въ живую струю, иначе быть не можетъ....»

(Сообщено).

«Гуляя вчера *Подъ-Липами*, я потерялъ одну перчатку; «нашедшаго ее прошу явиться ко мнѣ и за другую, если первая ему впору. Я живу въ Фридрихштрассе, № 32.»

(Сообщено).

Есть еще другого рода объявленія-корреспонденціи:

«О, милая Агата! Сердце мое ощущаетъ непреодолимую «потребность высказать тебѣ въ этихъ немногихъ словахъ, какъ сильно, какъ пламенно я люблю тебѣ! Увижу ли я съ тобою 25-го?»

(Сообщено).

Наконецъ, на столбцахъ Фосскихъ вѣдомостей я нашелъ объявленіе черныхъ флаговъ, которые вчера замѣтилъ на шалашахъ, близъ Лустгартена.

Рождественская армарка обыкновенно происходитъ на Дворцовой-Площади; но въ этомъ году было болѣе шалашей, нежели мѣста, а потому часть ихъ была переведена на другую сторону дворца, возлѣ Лустгартена. Публика, привыкнувъ закупать на Дворцовой-Площади, толпилась только тамъ, оставивъ безъ вниманія ряды шалашей, выстроившихся на другую сторону.

Но Нѣмцы находчивы; забытые торгаша сложились и напечатили въ *Vossische-Zeitung* воззваніе къ публикѣ отъ имени двадцати-деяти заблудшихъ, забытыхъ семействъ.

«Почтеннѣйшіе и высокоуважаемые сограждане!

«Двадцати-девятъ заблудшихъ, понапрасну, семействъ, «которыя также хотятъ встрѣтить пріятнымъ образомъ «праздники, взываютъ къ вамъ!... Вы толпитесь у шалашей нашихъ собратьевъ, и совершенно забываете насъ, «въ Лустгартенѣ. Придите, о сограждане! право, товаръ у насъ не хуже, нежели у нашихъ болѣе счастливыхъ товарищей! Дабы вы скорѣе могли узнать насъ, мы рѣшились, въ знакъ нашей духовной скорби, вывѣсить на нашихъ шалашахъ траурные флаги.»

Не смотря на то, что *Vossische-Zeitung* отличается, какъ вы видѣли, своими забавными объявленіями, однакожъ видно такой комической іереміады давно въ ней не было, потому-что она обратила на себя вниманіе публики.

И покупатели устремились посмѣяться надъ черными флагами, печально развѣвавшимися надъ шалашами бѣдняковъ, и игрушки мало-по-малу расходились.

Цѣль торгашей была достигнута.

Последнія страницы были заняты объявленіями портныхъ, сапожниковъ, магазинщиковъ, пирожниковъ, и т. п.

Вездѣ и у всѣхъ были *выставки*. Самая дорогая плата на такихъ выставкахъ, гдѣ играетъ музыка, или гдѣ выставлены, кромѣ товара, движущіяся картины, каррикатуры, косморамы, панорамы, діорамы и т. п. *пять* зильбельгрошеновъ, т. е. пятиалтынный!

Объявленія магазинщиковъ также были очень занимательны; тутъ выставлены были неслыханныя, по дешевизнѣ своей, цѣны, и чѣмъ дешевле цѣна, тѣмъ крупнѣйшими буквами были напечатаны объявленія.

Одинъ объявлялъ:

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА и пр.

Другой:

САМАЯ ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА, ПО СЛУЧАЮ и пр.

Третій:

ПРОСТО ДАРОМЪ! ПОЛЬЗУЙТЕСЬ, ГОСПОДА, СЛУЧАЕМЪ!
и пр.

Наконецъ послѣдній, самый хитрый, опубликовалъ:

ВСЕ ТО, О ЧЕМЪ ИЗВѢЩАЮТЪ МОИ СОБРАТЯ,
ЕСТЬ И У МЕНЯ.

НО ПО ГОРАЗДО ДЕШЕВѢЙШИМЪ ЦѢНАМЪ,
И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА! ПОЖАЛУЙТЕ, И УДО-
СТОВѢРЬТЕСЬ!

Слѣдовалъ адресъ.

Какъ же объяснить эти эксцентрическія объявленія, далеко оставляющія за собою страсть Французовъ къ публикаціямъ?

Ларчикъ открывается очень просто....

Въ Берлинѣ чрезвычайное множество *жидовъ*.

Выйдя изъ гостиницы довольно рано, я отправился съ лапласемъ прогуляться по Фридрихштрасе, которую и въ отношеніи промышленности можно сравнить съ нашею Гороховою, съ тою только разницею, что въ берлинскихъ магазинахъ болѣе мишурности, экспозиціи, бросающейся въ глаза.

Пруссія, какъ извѣстно, славится своими янтарными издѣ-

ліями. Проходя въ Берлинѣ мимо одного магазина этихъ издѣлій, я замѣтилъ за стекломъ, на выставкѣ, нѣсколько весьма красивыхъ и оригинальныхъ мунштуковъ для сигаръ.

Я зашелъ въ магазинъ. Хозяинъ, на лицѣ котораго, по внимательномъ разсмотрѣніи, можно было найти неизгладимый типъ сыновъ Израиля, вышелъ ко мнѣ навстрѣчу, и по требованію моему, вытасилъ цѣлую коллекцію самыхъ уродливыхъ мунштуковъ, безъ всякаго вкуса и оригинальности.

— Эти мнѣ не нравятся, сказалъ я ему.

— Помилуйте, это самая новая, *модная* форма.

— Я не люблю слѣдовать модѣ. Покажите мнѣ что-нибудь оригинальнѣе.

— Да у меня другихъ нѣтъ.

— А эти, которые выставлены на окнѣ? спросилъ я, съ изумленіемъ посмотрѣвъ на купца.

— Гдѣ, на окнѣ?

Я долженъ былъ показать почтенному хозяину вещи, которыя завлекли меня въ его магазинъ.

— А! сказалъ онъ, эти всѣ разошлись!

— Такъ продайте мнѣ хоть одинъ изъ выставленныхъ мунштуковъ.

— Нельзя; они должны остаться для красы.

Мы очутились у королевскаго дворца.

Это старинное зданіе, довольно мрачнаго вида, передъ которымъ находится небольшая площадь, освѣщаемая вечеромъ огромнымъ канделябромъ, которымъ невыразимо гордятся берлинцы. Что бы они сказали, еслибъ увидели четыре фанаря, окружающіе Александровскую-колонну, на нашей Дворцовой-площади?

Дворецъ или *Королевскій замокъ* въ Берлинѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей; самая древняя, выходящая на Шпрее и представляющая черную, довольно тяжелую массу, выстроена въ 1451 году, при Курфирствѣ Фридрихѣ II; впрочемъ большая часть этого замка совершенно перестроена въ 1538 году, при Курфирствѣ Іоахимѣ II. Но во время тридцатилѣтней войны замокъ этотъ былъ совершенно разрушенъ, и только при Курфирствѣ Фридрихѣ III, слѣвавшимся въ послѣдствіи королемъ подъ именемъ Фридриха I, знаменитый архитекторъ Шлютеръ перестроилъ всѣ эти части, и создалъ изъ нихъ одно цѣлое.

По чистой, широкой лѣстницѣ поднялись мы во второй этажъ, въ прихожую.

Возлѣ каминна стоялъ цѣлый рядъ войлочныхъ валяныхъ башмаковъ.

— Потрудитесь надѣть башмаки, сказалъ мнѣ лонлакей.

— Зачѣмъ?

— Чтобы не исцарапать сапогами паркета.

Признаюсь, сначала мнѣ очень трудно было ходить въ этихъ башмакахъ, и я безпрестанно терялъ ихъ. Лонлакей, замѣтивъ это, посоветовалъ мнѣ не поднимать ногу и скользить по паркету, точно на конькахъ.

Такимъ образомъ отправились мы далѣе; придворный лакей, нашъ проводникъ, шелъ впереди; мы за нимъ.

Въ концертной залѣ находится надъ дверьми галерея или, лучше сказать, балконъ, который нѣкогда былъ изъ массивнаго серебра. Фридрихъ Великій нашель, что гораздо выгоднѣе пустить это серебро въ ходъ, и выстроить другой, точно такой же балконъ, но только посеребренный. Рѣзная, рельефная работа этого балкона превосходна, но самый балконъ не соответствуетъ залѣ, которую онъ какъ-бы хочетъ подавить своею тяжестью.

Люстры, украшающія залы, скорѣе могутъ занять мѣсто въ кабинетѣ рѣдкостей.

Множество малахитовыхъ и другихъ вазъ весьма замѣчательны и драгоценны, но стоять не у мѣста.

Впрочемъ я говорю только о лишнихъ или парадныхъ полахъ; половина, обитаемая ихъ величествами, королею и королевой, убрана съ тою изящною простотою, которая поражаетъ болѣе великаго великолѣпія и исполнена вкуса.

Изъ парадныхъ залъ особенно замѣчательна *кавалерская* или *рыцарская зала* (Rittersaal), въ которой находится тронъ со стариннымъ кресломъ массивнаго серебра.

Въ этой залѣ Фридрихъ *Ц. первый Прусскій Король*, принималъ Петра I, *перваго Русскаго Императора*.

Въ своихъ *Запискахъ Бранденбургскаго Дома* — Mémoires pour servir à l'histoire de la maison de Brandebourg — Фридрихъ Великій не слыхкомъ лестно отзывается о своемъ дѣдѣ. Фридрихъ I, сынъ послѣдняго Бранденбургскаго Курфирста Фридриха Вильгельма, былъ невидной наружности и слабого тѣлосложенія, вслѣдствіе несчастнаго паденія изъ рукъ своей няньки.

Фридрихъ на всю жизнь остался нѣсколько кривобокъ. Вслѣдствіе этого тѣлеснаго недостатка и вообще слабости здоровья, молодой принцъ находился въ нѣкоторомъ пренебреженіи, и об-

разованіе его было весьма несовершенно. Вступивъ на престолъ противъ воли отца, онъ сохранилъ въ характерѣ своемъ нѣкоторую горечь противъ всѣхъ близкихъ ему особъ. Будучи чрезвычайно щедрауменъ, любя пышность до крайности, онъ долго домогался утвержденія принятаго имъ королевскаго титула, и наконецъ, со многими пожертвованіями достигъ своей цѣли. Смерть его восплѣдовала 25 февраля, 1713 года.

Фридрихъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Будучи погруженъ въ сочиненіе программы великолѣпнаго бала, онъ не слышалъ, какъ маленькая дверь, ведшая изъ кабинета во внутренніе покои, отворилась.

Фридрихъ I оглянулся, только тогда, когда чья-то рука легко коснулась плеча его.

Онъ оглянулся, и съ крикомъ невыразимаго ужаса отбросилъ назалъ.

Съ грустной улыбкой на лицѣ стояла передъ нимъ женщина, видъ которой заставлялъ его дрожать....

Женщина эта была безумная супруга короля, Луиза Мекленбургская.

Глаза ея остановились на бумагѣ, лежавшей на столѣ короля, и она протянула къ ней руку. Фридрихъ не трогался; ужасъ оковалъ всѣ члены его.

— Вы сочиняете похоронный церемоніалъ, сказала безумная тихимъ голосомъ, и указывая пальцемъ на бумагу, продолжала: Вотъ тутъ пойдутъ полки... тутъ весь генералитетъ... а тутъ.... тутъ народъ увидитъ великолѣпный гробъ подъ балдахиномъ... это будутъ великолѣпнѣйшія похороны послѣ кончины послѣдняго курфирста....

Фридрихъ готовъ былъ лишиться чувствъ.

— А здѣсь, продолжала безумная печальнымъ голосомъ: здѣсь... въ траурной, закрытой каретѣ повезутъ бѣдную вдову... вдову перваго прусскаго ковола!...

Страшный вопль вырвался изъ груди короля.

Въ это самое время подошли придворныя дамы и доктора, которымъ былъ порученъ надзоръ за безумной. Не сопротивляясь, восплѣдовала она за ними, по въ дверяхъ остановилась, и бросивъ послѣдній, прощальный взглядъ на своего супруга, сказала:

— Прощай, Фридрихъ! мы не увидимся болѣе....

Предсказаніе ея сбылось. Нѣсколько дней спустя, Фридрихъ I скончался отъ сильнаго испуга, причиненнаго ему неожиданнымъ появленіемъ безумной....

Петръ Великій предпринималъ путешествіе въ Голландію и Францію. Фридрихъ I узналъ о томъ, и не желая упустить такого удобнаго случая блеснуть великолѣпіемъ своего двора, приказалъ своему посланнику въ Петербургѣ торжественно просить Императора удостоить своимъ посѣщеніемъ Берлинъ.

Петръ согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы не было никакихъ церемоній. Не смотря на то прусскій король тотчасъ по полученіи согласія сочинилъ программу разнымъ пиршествамъ, церемоніямъ и торжествамъ.

Поздно вечеромъ и совершенно неожиданно прибылъ Императоръ въ Берлинъ и остановился у своего посланника; король немедленно узналъ о томъ, и не смотря на ночное время, торжественно отправилъ оберъ-церемоніймейстера и двухъ знатнѣйшихъ придворныхъ чиновниковъ поздравить августѣйшаго гостя со счастливымъ прибытіемъ.

Петръ отвѣчалъ имъ, что пробудеть въ Берлинѣ дня два не болѣе, а если королю угодно, то онъ навѣститъ его завтра, около полудня.

На другой день, рано утромъ, у дома посланника стоялъ уже почетный караулъ изъ сорока солдатъ, подъ командой двухъ лейтенантовъ и одного капитана. Въ десять часовъ утра къ дому подъѣхалъ эскадронъ гусаръ; за ними шли гофшурьеры, егеря и гайдуки; потомъ ѣхалъ верхомъ придворный шталмейстеръ въ полномъ мундирѣ и, наконецъ, придворная парадная карета, запряженная шестью лошадьми въ великолѣпной сбруѣ; на запяткахъ стояли два паж и два придворные лакея, по сторонамъ кареты шли шесть гайдуковъ.

Эта карета была назначена для Императора. Для посланника и свиты Его Величества ѣхали сзади еще три кареты, запряженные четверкой и сопровождаемые каждая двумя придворными лакеями на запяткахъ и четырьмя придворными егерями по сторонамъ.

Шестые замыкалъ другой эскадронъ гусаръ.

Вся эта процессія остановилась передъ домомъ посланника.

Въ дворцѣ приготовленія были не менѣе великолѣпны. У главнаго подъезда ожидали прибытія августѣйшаго гостя два полковника дворцовой стражи; въ сѣняхъ гофмаршалъ; наконецъ въ тронной залѣ ждалъ король, окруженный своею фамилією, дворомъ и генералитетомъ.

Петръ Великій не любилъ пышности. Подойдя къ окну, онъ съ неудовольствіемъ взглянулъ на торжественную процессію,

ожидавшую только его выхода, чтобы направиться ко дворцу, по главнѣйшимъ улицамъ города.

— Наружное великолѣпіе, сказалъ Императоръ окружавшимъ его князю Куракину, Бестужеву и графу Головкину, почитаю я себя за тягость и за суетность, безъ которой легко обойтись можно. Всѣ издержки, чинимыя для наружной пышности, почитаю я излишними; ихъ лучше употреблять на улучшеніе и умноженіе могущества государя и на пользу подданныхъ. Для избѣжанія сея пышности идите за мною...

Прошло одиннадцать часовъ, — Государь не выходилъ. Четверть, половина, три четверти двѣнадцатаго, а Государя все нѣтъ. Прошло, наконецъ, двѣнадцать; гусары, гофшурьеры, пажи, гайдуки и лакеи стали съ изумленіемъ поглядывать другъ на друга, и, можетъ-быть, тайнѣ обвиняли Русскаго Императора въ томъ, что онъ, вопреки придворному этикету, заставлялъ ждать короля.

Въ четверть первого прискакалъ изъ дворца нарочный, съ приказаніемъ, чтобы процессія немедленно вернулась ко дворцу.

Вотъ что случилось между тѣмъ.

Въ началъ двѣнадцатаго часа Императоръ со своею свитою вышелъ изъ дому посланника заднимъ крыльцомъ, избирая самыя уединенныя улицы и переулки, вѣшкомъ дошелъ до дворца, совершенно неожиданно явился въ тронной залѣ, и до того удивилъ всѣхъ, что церемонія пошла совсѣмъ не по составленной программѣ.

Очень понятно, что сюрпризъ этотъ также подѣйствовалъ и на короля; онъ принялъ *сверхънаго Царя* со всевозможнымъ уваженіемъ.

— Сожалѣю, сказалъ онъ, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было воспользоваться экипажами, за нѣсколько часовъ подѣхавшими къ дому, въ которомъ вы изволили остановиться.

— Вашему Королевскому Величеству извѣстно, отвѣчалъ Петръ, что я просилъ, чтобы пышность въ приемъ меня была оставлена, ибо я къ ней не привыкъ; я не хотѣлъ съѣзжать въ городъ изъ себя виду; вѣшкомъ же ходить я привыкъ, и иной день хожу въ десять разъ болѣе пышнѣе...

Крайности соприкасаются, les extrêmes se touchent, говоритъ французская пословица. Пышность, введенная при берлинскомъ дворѣ Фридрихомъ I, была замѣнена строгою, суровою простою при сынѣ и наследникѣ его Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, отличительными чертами характера котораго была справедливость,

строгая экономія, необыкновенная дѣятельность и страсть къ военнымъ занятіямъ.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ переобразовалъ весь придворный штатъ, оставивъ изъ 100 камергеровъ только восьмерыхъ, которыхъ онъ самъ избралъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ. Фридрихъ-Вильгельмъ особенно любилъ рослыхъ солдатъ, изъ которыхъ образовалъ своихъ тѣлохранителей, подъ названіемъ потсамской гвардіи. Не смотря на свою скупость, Фридрихъ-Вильгельмъ тратилъ значительныя суммы на вербованіе этихъ солдатъ, не только въ своемъ королевствѣ, но и въ Голландіи, Англіи и Швеціи.

Не любя ни изящныхъ искусствъ, ни наукъ, онъ приказалъ закрыть Академію Художествъ, основанную отцомъ его; Академія Наукъ избѣгла подобной же участи только потому, что королю представили, что изъ этого заведенія выходятъ лекаря для его арміи.

Мѣсто торжественныхъ церемоній заступили парадъ, маневры и охота; мѣсто оперъ и балетовъ кукольныя комедіи, которыя Фридрихъ-Вильгельмъ I страстно любилъ; мѣсто баловъ и ассамблей замѣнила знаменитая *табачная коллегія* (Tabackscollegium) продолжавшаяся отъ 5 часовъ вечера до полуночи. Въ *табачную-коллегію* собирались безъ разбора знатные и простые граждане; одні *практически* заслуги доставляли имъ честь выкурить съ королемъ нѣсколько трубокъ и выпить нѣсколько кружекъ пива.

Фридрихъ-Вильгельмъ I былъ честный Нѣмецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Послѣ войны, онъ наиболѣе заботился о сельскомъ хозяйствѣ; дипломатическія хитрости ненавидѣлъ; политика его была пряма, искренна и открыта. Но особенную ненависть питалъ онъ къ Французамъ и всему французскому.

Фридрихъ-Вильгельмъ I скончался въ 1740 году, приготовивъ, такъ сказать, своему наслѣднику всѣ средства къ великимъ дѣламъ, которыя онъ впоследствии совершалъ. Доходы государства были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; экономическая сумма простиралась до девяти милліоновъ талеровъ; судопроизводство было просто и очищено отъ всѣхъ *крючковъ и каверзъ*; войско было многочисленно (70,000 человекъ), въ превосходномъ состояніи; дисциплина строгая.

Фридрихъ II вступилъ на престолъ, и берлинскій дворъ принялъ опять болѣе веселый и пріятный видъ. Науки и искусства пробудились; военныя силы пришли въ движеніе. Никто болѣе Фридриха II не былъ способенъ съ пользою употребить

матеріалы, заготовленные для него покойнымъ королемъ, и Прусія быстро поднялась на степень первенствующихъ въ Европѣ державъ.

Всѣми силами старался молодой король поддерживать жизнь и дѣятельность въ своемъ государствѣ; при немъ и его стараніями, въ Пруссіи возникли новые заводы и мануфактуры; 280 деревень и мѣстечекъ обязаны ему своимъ началомъ на мѣстахъ, дотогѣ необработанныхъ и бесплодныхъ; войско умножилось до 160,000 человекъ, и на границахъ Силезіи возникли новыя крѣпости.

Войны удалили Фридриха-Великаго изъ своего дворца, но съ окончаніемъ семилѣтней войны онъ съ блескомъ вернулся въ Берлинъ, въ которомъ во время отсутствія его погостили и Рускіе.

Первою заботою Фридриха было поправить финансы государства, приведенные въ разстройство продолжительными, убыточными войнами. Исполнивъ это, онъ опять занялся внутреннимъ устройствомъ своего королевства, науками и искусствами.

Въ одномъ изъ дворцовыхъ покоевъ я видѣлъ два рисунка Фридриха, пастельными карандашами, которые прекрасно сохранились и свидѣтельствуютъ о вкусѣ и искусствѣ короля-художника,

Вскорѣ послѣ семилѣтней войны Фридрихъ-Великій издалъ въ свѣтъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Oeuvres du Philosophe de Sans-Souci*; въ этомъ собраніи *десять олъ, двадцать посланій* (épître) къ разнымъ лицамъ, и поэма: *L'Art de la guerre*, въ двадцати пѣсняхъ. Чтобы подать вамъ нѣкоторую идею о слогѣ короля-философа-поэта я выищу предисловіе къ этому собранію:

C'est à vous, mes amis, que j'offre cet ouvrage,
D'un coeur qui vous chérit c'est un léger hommage;
Vous y verrez du sérieux
Entre-mêlé de badinage,
Des traits un peu facétieux,
Dont la morale au moins est sage.
Mais n' imaginez pas que la morgue d'auteur,
De l'amour propre en moi fortifiant l'erreur,
M'inspire dans cette préface;
Ma passion m'a fait la loi,
Et les charmans accords d'Horace

Mont fait Poëte malgré moi;
 Ma Muse tudesque et bizarre,
 Jargonnant un français barbare,
 Dit les choses comme elle peut.
 Et du compas parfait, bravant la symmétrie,
 Le purisme gênant et la pédanterie,
 Exprime au moins ce qu'elle veut;
 Libre de cette servitude,
 Un trait d'imagination
 Vaut mieux au gré de ma raison,
 Que cette froide exactitude
 Dont les Modernes font l'étude,
 Et qu'on réprouve à l'Hélicon.

Фридрихъ Великій или *Единственный*, какъ его называютъ современники, состарѣлся, и вокругъ него осталась небольшой кружокъ людей, состарѣвшихся вмѣстѣ съ нимъ, и сохранившихъ еще прежнія идеи, между тѣмъ какъ въ молодомъ поколѣннн заражались уже новыя идеи, развитію которыхъ король, преплатствовалъ всюю силою своей непреклонной воли.

Неисцѣлимая водяная болѣзнь свела великаго короля въ могилу. Онъ скончался въ своемъ загородномъ дворцѣ Санъ-Суси, 17 августа 1786 года, оставивъ племяннику своему, Фридриху-Вильгельму II, государство, увеличенное въ 1325 □ миль, казну, превышавшую 70 милліоновъ талеровъ; войско, состоявшее изъ 200,000 солдатъ, и огромный кредитъ при всѣхъ европейскихкихъ державахъ.

Со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма II, совершенно новая жизнь и новая дѣятельность пробудились въ Пруссіи, и особенно въ Берлинѣ; а именно нѣмецкій духъ ожилъ опять въ наукахъ и литературѣ; при дворѣ опять заговорили по-нѣмецки, и дамы, почти изгнанныя Фридрихомъ-Вильгельмомъ I и Фридрихомъ II, заняли опять почетное мѣсто въ обществахъ.

Красивая наружность Фридриха-Вильгельма II, его ласковое обхожденіе съ подданными, составляли такой разительный контрастъ съ наружностью, сухостью и недовѣрчивостью покойнаго короля, что народъ, подобно ребенку любящей разнообразіе, привѣтствовалъ новаго Короля радостными кликами.

Отъ предшественника своего Фридрихъ-Вильгельмъ II наследовалъ строгій порядокъ въ образѣ жизни, привязанность къ военнымъ и любовь къ искусствамъ. Въ берлинскомъ дворцѣ

сохранились многія вещи, принадлежавшія Фридриху-Вильгельму II, въ угловыхъ покояхъ втораго этажа, со стороны Лустгартена; между прочими вещами сохранились: бюро его со множественствомъ секретныхъ ящичковъ, виолончель, на которой онъ обыкновенно игралъ, и кресло, обитое зеленымъ сафьяномъ. По этому креслу можно судить о дородности Короля, прозваннаго народомъ *толстымъ*.

Но замѣчательное происхожденіе новаго короля съ его предшественникомъ состояло въ томъ, что онъ съ всѣмъ своимъ семействомъ сталъ прилежно посѣщать церкви, и въ мирной, семейной жизни его. Королева почти не разлучалась со своими дѣтьми.

Пользуясь мирнымъ временемъ, Фридрихъ-Вильгельмъ II давалъ праздники и балы, въ которыхъ было болѣе непринужденной веселости, нежели пышности. Балы эти болѣе походили на семейныя вечеринки, нежели на придворныя празднества; такъ наприимѣръ, наканунѣ праздника Рождества, принцесса Фридерика подарила своему брату, наследнику престола (отцу нынѣ царствующаго короля) огромный парикъ изъ пакли, въ аршинъ длины, шафрокъ изъ саржи и пару туфель; наследникъ нарядился въ этотъ костюмъ, и танцевалъ со своей сестрой Вильгельминой, которая нарядилась въ каррикатурную шляпку съ бумажными гирляндами, украшенными морковью, петрушкой и т. п.

Но вдругъ всѣ эти мирныя удовольствія прекратились... Наступила страшная, кровавая эпоха французской революціи. Дабы предупредить пагубное вліяніе, которое эта революція могла имѣть на сосѣднія державы, Фридрихъ-Вильгельмъ II вступилъ въ союзъ съ Австрійскимъ Императоромъ Леопольдомъ II, и отправился съ войскомъ во Францію.

Фридрихъ-Вильгельмъ II не былъ искуснымъ полководцемъ, и война съ Франціею кончилась миромъ, выгоды котораго были на сторонѣ новой республики. Въ войнѣ съ Польшею онъ былъ счастливѣе; но вообще царствованіе его нельзя назвать блистательнымъ. Кротость, которая сначала такъ понравилась подданнымъ его, потому что составляла контрастъ со строгостію Великаго короля, вскорѣ оказалось слабостію, которую употребляли во зло нѣкоторые особы, окружавшія его.

Послѣ Фридриха-Вильгельма II вступилъ на престолъ, въ 1797 году, сынъ его Фридрихъ-Вильгельмъ III, воспитанникъ и любимецъ Фридриха-Великаго. Во дворцѣ сохранился весьма схо-

жій портретъ Великаго короля, подъ которымъ Фридрихъ-Вильгельмъ III собственноручно подписалъ:

«Dieses habe ich den 17 August 1786 des Vormittags zwischen 9 und 10 Uhr selbst gezeichnet. Friedrich.»

т. е. *Это я самъ нарисовалъ 17-го августа 1786 года, въ девяти часовъ часу до полудня. Фридрихъ.*

Въ характерѣ Фридриха-Вильгельма III было нѣчто среднее между характеромъ Фридриха-Вильгельма I и Фридриха Великаго. Тотчасъ по вступленіи на престолъ удалилъ онъ отъ него людей, которые въ предшествовавшее царствованіе не были народомъ любимы за злоупотребленія. Всѣ придворные расходы были уменьшены, и при дворѣ наступила простота временъ Фридриха-Вильгельма I. Вступивъ въ бракъ съ принцессою Луизою, дочерью герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, не по политическимъ или другимъ какимъ-либо видамъ, а по искренней сердечной привязанности, онъ первый подавалъ своимъ подданнымъ примѣръ мирной семейной жизни.

Но новая туча собиралась надъ Пруссіею.... 24 го октября 1806 года Наполеонъ занялъ Потсдамъ, а 27-го октября онъ торжественно вступилъ въ Берлинъ, черезъ Шарлоттенбургскія ворота....

Онъ занялъ угловыя покои дворца, выходящія окнами на Лустгартенъ и на каналъ; въ угловой комнатѣ, въ которой Фридрихъ Вильгельмъ II (Толстый) отдыхалъ на мягкихъ кушеткахъ послѣ обѣда, въ этой комнатѣ Наполеонъ устроилъ свой кабинетъ. Кромѣ того, онъ занялъ еще три или четыре покоя, смежныя съ кабинетомъ, а прочую часть дворца уступилъ своимъ маршаламъ.

На двери, ведшей къ его покоямъ, Наполеонъ велѣлъ приклеить сургучомъ билетъ, на которомъ собственноручно написалъ:

«Ici loge Napoléon.»

Билетъ этотъ находится у одного изъ вельможъ въ Берлинѣ, а на двери и понынѣ видны слѣды сургуча, которымъ онъ былъ приклеенъ.

Ясное доказательство того невольнаго, непобѣдимаго уваженія, которое гевій внушаетъ къ себѣ даже въ тѣхъ, которые наиболѣе пострадали отъ его, часто разрушительнаго могущества.

Въ угловой комнатѣ, служившей кабинетомъ Наполеону, при видѣ красиваго мраморнаго камина, я вспомнилъ трогательную сцену, тутъ происходившую.

Нѣсколько дней спустя по вступленіи Наполеона въ Берлинъ, молодая женщина внезапно вошла въ кабинетъ побѣдителя.

— Кто вы, сударыня, и что вамъ угодно? нетерпѣливо вскричалъ Императоръ, не любившій, чтобы ему мѣшали, когда онъ занимался.

Молодая женщина, принадлежавшая, судя по костюму, къ высшему аристократическому кругу Берлина, упала на колѣни и протянула руки къ Наполеону, съ умоляющимъ видомъ, не будучи въ состояніи произнести слова.

Страхъ и смущеніе, выражавшіяся на лицѣ ея, тронули героя.

— Успокойтесь, сударыня, сказалъ онъ, смгичивъ голосъ, и подавая ей стулъ, продолжалъ: садитесь, придите въ себя и скажите мнѣ, что вамъ угодно.

Дрожа всѣмъ тѣломъ сѣла молодая женщина на стулъ, и произнесла едва слышнымъ голосомъ:

— Ваше Величество, пощадите!....

— Кого, сударыня?

— Моего мужа.... Князя Гатцфельда! съ воплемъ отчаянія вскричала молодая женщина.

Наполеонъ насунилъ брови.

— Сударыня, сказалъ онъ строгимъ голосомъ: вашъ мужъ пѣвчикъ!....

— О! это клевета!... Не вѣрьте, Ваше Величество, не вѣрьте!

— Княгиня, я знаю навѣрное, что вашъ мужъ предложилъ мнѣ свои услуги только для того, чтобы слѣдить за всѣми дѣйствіями моей арміи....

Княгиня отрицательно покачала головой. Рыданія мѣшали ей говорить.

— Повѣрите ли вы мнѣ, когда я представляю вамъ доказательство? спросилъ Наполеонъ; потомъ взявъ со стола письмо и подалъ его княгинѣ.

При первомъ взглядѣ на письмо она страшно поблѣднѣла.

— Узнаете ли вы почеркъ вашего мужа?..... спросилъ Наполеонъ.

— Узнаю, отвѣчала княгиня, и закрыла лицо обѣими руками.

Рыданія ея тронули Императора.

— Сударыня, сказалъ онъ княгинѣ Гатцфельдъ, послѣ минутнаго молчанія: письмо въ вашихъ рукахъ..... бросьте его въ огонь..... съ уничтоженіемъ доказательства мужъ вашъ будетъ спасенъ....

Письмо сгорѣло, и черезъ часъ маршалъ Бертье получилъ повелѣніе освободить князя Гатцфельда.

Въ этомъ же кабинетѣ Наполеонъ издалъ декретъ *континентальную блокаду*, воспрещавшій Французамъ и всѣмъ союзникамъ Франціи вести торговлю съ Великобританіей. До-сихъ-поръ не знаемъ, чему болѣе удивляться: неисполнимости или гениальности этого смѣлаго, рѣшительнаго декрета?

Наконецъ, 25-го ноября того же года, Наполеонъ оставилъ Берлинъ. Судьба влекла его далѣе, на сѣверъ, гдѣ готовился послѣдній, рѣшительный ударъ могуществу его.

И теперь отъ пребыванія Наполеона въ берлинскомъ дворцѣ остались только четыре пятна на двери, четыре пятна, пощаженыя временемъ и еще болѣе благороднымъ уваженіемъ владѣтелей дворца.....

Въ 1815 году гиганта приковали къ неприступной скалѣ, и въ Европѣ наступилъ миръ и тишина. Съ тѣхъ-поръ Фридрихъ Вильгельмъ Третій, избѣгая праздноствія и торжествъ, которыхъ не любилъ, совершенно посвятилъ себя внутреннему благоустройству своего королевства, и находился въ наиболѣе дружественномъ, тѣсномъ союзѣ съ петербургскимъ дворомъ.

Онъ скончался 7-го іюня 1840 года, и на престолъ вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ IV, нынѣ царствующій Король.

Фридрихъ Вильгельмъ IV летъ по слѣдамъ своего отца, неусынно заботясь о распространеніи просвѣщенія, онъ созвалъ въ Берлинъ замѣчательнѣйшихъ людей въ области наукъ и искусствъ, каковы братья Гримъ, Шлегель, Тикъ, Рюкертъ, Корнелиусъ, Мендельсонъ-Бартольдъ, Шенлейнъ, Раухъ и другіе. Множество новыхъ, прекрасныхъ зданій возникаютъ въ Берлинѣ, ремесла и торговля процвѣтаютъ.

Изъ королевскихъ покоевъ, кроткій историческій очеркъ главныхъ обитателей которыхъ я вамъ представлялъ, мы вошли въ небольшую картинную галерею.

Проводникъ нашъ, придворный лакей, по видимому питалъ особенное уваженіе къ двумъ великимъ мастерамъ: Караччіо и Рембрандту.

Такъ какъ на картинахъ не выставлены имена художниковъ, то часто, остановившись въ недоумѣніи передъ нѣкоторыми картинами, я долженъ былъ прибѣгать къ познаніямъ проводника.

Всѣ картины духовнаго содержанія принадлежали, по его отвѣтамъ, кисти Караччіо, всѣ же прочія Рембрандту. Только разъ въ пользу Ватто, манерную и сладенькую кисть котораго узнаеть не только художникъ, но и любитель средней руки, придворный лакей слѣлалъ исключеніе.

Нарочно остановившись у картины Ватто, изображавшей пастушковицъ и пастушекъ вѣка Людовика XIV. въ манерно-граціозныхъ позитурахъ, съ посошками, украшенными лентами, и съ башмаками, похожими на тѣхъ, которыхъ у насъ дѣлаютъ изъ масла, я спросилъ:

— А это какого мастера?

Придворный лакей прищурилъ глаза, откинулъ голову нѣсколько назадъ, съ видомъ знатока, и отвѣчалъ:

— Караччіо.

Это напомнило мнѣ молодого парня, столяръ, которому порученъ надзоръ за рамками и за свѣтлѣемъ картинъ для копированія, въ Эрмитажѣ.

Однажды я встрѣтилъ его въ прихожей Эрмитажа, и объявилъ ему, что намѣренъ копировать картину Роберта.

— Роберта.... Роберта.... повторилъ столяръ, почесывая пробивавшіяся усы: позволите, которую?

— Развалины, отвѣчалъ я.

— Такъ-съ; развалины изображены на обѣихъ-съ; но на одной-съ на первомъ планѣ опрокинута колонна, и на другой-съ....

— Именно, я хочу копировать ту, гдѣ на первомъ планѣ опрокинута колонна.

— А, знаю съ! Она виситъ въ маленькой залѣ, между окнами, третья съ верху.

— Точно, точно, отвѣчалъ я, крайне изумленный удивительною памятью молодого столяръ.

— Завтра снимемъ-съ.

И точно, на другой день картина, которую я выбралъ, стояла на мольбертѣ. Вотъ что значитъ русская смѣтливость! Если столяръ находится еще при Эрмитажѣ, то рекомендую его всѣмъ художникамъ и любителямъ. Я зналъ его подъ именемъ *Сидора*.

Изъ картинной галереи мы прошли еще нѣсколько залъ, которыхъ не описываю, чтобы не наскучить вамъ, потомъ очутились въ передней.

Я такъ привыкъ къ теплымъ башмакамъ, что чуть не вышелъ съ ними на улицу, но они такъ нагрѣли мнѣ ноги, что, выйдя на холодъ, я поплатился добрымъ насморкомъ.

Говорятъ, что Берлинъ гораздо оживленнѣе Петербурга. Повѣрю; съезьте Невскій проспектъ такимъ образомъ, чтобы онъ походилъ на одну изъ берлинскихъ улицъ, и вы увидите, будетъ ли на немъ давка и толкотня. Въ доказательство я приведу вамъ нашу Гороховую; сомнѣваюсь, чтобы по этой улицѣ про-

ходило круглымъ счетомъ болѣе народу, нежели по Невскому, а между тѣмъ она кажется оживленнѣе, то есть, въ ней гораздо болѣе толкотни, которою иностранцы столько гордятся въ своихъ узкихъ улицахъ.

Такъ какъ обозрѣніе дворца нѣсколько утомило меня, и такъ какъ мнѣ предстояло еще обозрѣніе *кусткамеры* и *этнографическаго кабинета*, находящихся во дворцѣ же, то я вышелъ на улицу, чтобы отдохнуть и собраться съ новыми силами.

Отъ дворцовой площади ведетъ на другую сторону рѣки Шпрее старинный мостъ, украшенный колоссальной конной статуей Курфирста Фридриха Вильгельма Великаго. Мостъ этотъ называется пышнымъ именемъ *Длиннаго, Lang-Brücke*; но, къ сожалѣнію, не въ имени дѣло. Говорятъ, что въ старину онъ, дѣйствительно, былъ длиненъ; можетъ-быть; въ настоящее же время, онъ не только, что коротокъ, но еще такъ узокъ, что меня чуть не задавили, благодаря флегматическому спокойствію берлинскихъ извозчиковъ.

Виновать, я теперь только замѣчаю, что не сказала вамъ еще ни слова о рѣкѣ, протекающей черезъ весь Берлинъ, — о Шпрее! Я называю этотъ протокъ рѣкой потому, что онъ такъ называется въ географіи, а не потому, чтобы имѣлъ намѣреніе оскорбить нашъ Екатерининскій-каналъ или какую нибудь Черную-рѣчку, или Таракановку.

Должно полагать, что рѣка Шпрее была нѣкогда богата рыбой, — но это было еще гораздо прежде того времени, когда Длинный-мостъ имѣлъ право называться длиннымъ, — потому что первые обитатели береговъ ея, первые основатели Берлина были рыбаки. Правда, исторія, сохранившая въ своихъ архавахъ условія, заключенныя въ 1106 году берлинскими рыбаками съ потсдамскими, называетъ первыхъ *бѣдными*, отчего и изобиліе рыбы въ Шпрее становится довольно сомнительнымъ.

Шпрее *канавка* очень безобидная; грязная, мутная водца ея, подкрашиваемая еще разными нехорошими вещами и жидкостями, впадающими въ нее изъ трубъ, бѣжитъ себѣ помаленьку, заворачивая то вправо, то влѣво, обхватываетъ двумя каналами, въ видѣ рукавовъ, центръ стараго города, выходитъ откуда-то, уходитъ куда-то, и только нѣрѣдка ворчитъ, когда нѣмецкая промышленность тянетъ ее вверхъ насосами, для какихъ-либо мануфактурныхъ потребностей.

Это подобіе мирной, безизвѣстной жизни какого-нибудь нѣмецкаго арендатора, съ котораго владѣтель земли, обрабатываемой имъ, получаетъ оброкъ.

— Не правда ли, прекрасно? спросилъ лоплакей, когда я, оставившись на набережной, смотрѣлъ на водичу бутылочнаго цвѣта.

— Что прекрасно? спросилъ я осматриваясь, въ надеждѣ увидѣть что нибудь особенное.

— Не правда ли, что видъ нашей рѣки величественъ?

Я посмотрѣлъ на лоплакея, полагая, что онъ шутитъ. Ничего не бывало:

— Парижъ прекрасный городъ, продолжалъ онъ: но въ немъ недостаетъ такой рѣки, какъ наша Шпрее!

О самолюбіе!... Впрочемъ это самолюбіе вы встрѣтите только у иностранцевъ. Многие, весьма многие Рускіе гораздо *благодаруливые*.

— То ли дѣло за границей! говорятъ они.

Справедливо, за границей совсѣмъ другое дѣло: въ Петербургѣ вы не болѣе, какъ коллежскій регистраторъ, ваше благополіе, а за границей трактирщики величаютъ васъ:

— Excellence, Monsieur le régistrateur de collège!

Правду говорятъ, что въ переводѣ на русскій языкъ французское слово теряетъ всю свою грацію.

Мы вернулись опять ко дворцу, и по крутой лѣстницѣ взобрались въ четвертый этажъ, гдѣ находятся кусткамера и этнографическій кабинетъ.

Письмо девятое.

Берлинъ.

Въ прихожей встрѣтила насъ маленькая старушка, приващая отъ насъ на сохраненіе шляпы, трости и зонтика.

Въ Берлинѣ женщины, вообще, замѣняютъ во многомъ мужчинъ. Почти въ каждомъ магазинѣ вы непременно увидите болѣе или менѣе хорошенкующую женщину, съ длинными локонами, съ утра до ночи затянутую въ корсетъ и занимающуюся мелочною распродажею, пока мужъ, отецъ или братъ ея бѣгаетъ по городу, хлопочетъ по дѣламъ *en gros*, или, просто, сидитъ гдѣ-нибудь въ тактирѣ или кофейной, читаетъ газетты или толкуетъ о политикѣ съ знакомыми.

Всѣдствие этой публичной, такъ сказать, жизни, берлин-

скія дамы и дѣвцы средняго сословія, болѣею частію, порядочныя кокетки. Nonni soit qui mal у pense! Кокетство входитъ нѣкоторымъ образомъ въ составъ ихъ обязанностей; охота ли покупать въ такомъ магазинѣ, гдѣ кучиха встрѣтитъ васъ угрюмо, сердито, грубо?...

Я сказалъ *купчиха* потому, что не прискалъ другаго приличнаго слова, между тѣмъ, какъ это слово создано только для болѣе или менѣе полновѣсной прекрасной половины русскаго купечества.

Купчиха чисто русской терминъ.

Иностранныя же магазинщицы называются *мадамами* или *мамзеллами*.

Признаюсь, что гораздо приличнѣе встрѣтитъ въ прихожей какого-либо музея или кабинета стараго усача, на груди котораго красуется длинный рядъ разныхъ медалей, нежели худенькую *мадому* въ эксцентрическомъ чепцѣ, но — что горло, то пороть; что край, то обычай.

Собраніе предметовъ, хранящихся въ берлинской кунсткамерѣ, раздѣляется на три отдѣла; первый посвященъ преимущественно *произведеніямъ искусства*; второй *историческимъ памятникамъ*; третій *этнографическому собранію*.

Въ первомъ находятся изумительныя пластическія произведенія изъ слоновой кости, дерева, янтаря, кости, черепахи, перламутра, коралла, камня, стекла, воска, пробки и т. п.; рѣдкія гончарныя издѣлія, мебель, математическіе, астрономическіе, оптическіе и музыкальные инструменты, оружія, охотничьи приборы и т. п.

Разбирать и описывать этихъ вещей невозможно: ихъ надобно видѣть; однакожь я не могу умолчать объ изумительномъ произведеніи, *приписываемомъ* Микель-Анджело; говорю приписываемомъ, потому что непостижимо, какъ Микель-Анджело, гениальной художникъ, отличающийся смѣлою, широкою кистью, могъ исполнить такое чудо терпѣнія! Представьте себѣ группу изъ болѣе, нежели *трехсотъ* фигуръ (каждая величиною въ вершокъ или полтора), выгоченныхъ изъ *слоновой кости*! Группы эти образуютъ сквозную пирамиду, и представляютъ *страшнѣйшій судъ*. Разнообразіе, отчетливая и художественная отдѣлка фигуръ изумительны! Я въ жизнь свою не видалъ ничего подобнаго.

Довольно замѣчательна мертвая голова или черепъ изъ кости, прихоть художника 16-го столѣтія. Исполненіе этого черепа такъ совершенно, что его можно принять за настоящій.

Между произведеніями изъ дерева замѣчательнъ крестъ, извѣ-

стный подъ названіемъ *Максимиліановскаго*, работы Альбрехта Дюрера. Крестъ этотъ весь сквозной, и составленъ изъ *тысячи*, по-крайней-мѣрѣ, маленькихъ фигуръ, художнически сгруппированныхъ и изображающихъ главные моменты изъ жизни Иисуса Христа. Всмотриваясь въ отдѣльныя части и подробности этого пигмейскаго и вмѣстѣ гигантскаго труда, кажется, что челоуѣческой жизни недостаточно для исполненія его, а между тѣмъ списокъ произведеній Альбрехта Дюрера чрезвычайно великъ!

Между моделями соборовъ, храмовъ и дворцовъ, я встрѣтилъ прекрасную модель нашего Исаіевскаго-собора.

Въ царствованіе Фридриха I янтарныя произведенія были въ большой модѣ. Въ кунсткамерѣ находится большой шкафъ, весь составленный изъ янтаря, принадлежавшій этому Королю; великолѣпно украшенныя блюда, подсвѣчники, вазы, бокалы, табакерки, чернильницы и множество другихъ вещей, въ которыхъ видны насѣкомые, сохранившіеся въ цѣлости въ свѣтлой янтарной массѣ, составляютъ весьма полную и любопытную коллекцію.

Странное дѣло мода! Встарину самый чистѣй, прозрачный янтарь считался лучшимъ, что, впрочемъ, весьма натурально; нынче напротивъ — самый дорогой янтарь — такъ называемый *молочный*, мутный.

Въ 17-мъ вѣкѣ, когда отравы не была рѣдкою необходимо надобно было придумывать разныя противудія. Между прочими, кому-то вздумалось раскусить слухъ, что кубки, выточенные изъ клыковъ носорога, предохраняютъ отъ отравы, или, по-крайней-мѣрѣ, изобличаютъ присутствіе яда въ напитокѣ.

Скажите нынче кому-нибудь подобную вещь, и вамъ, отвѣтятъ:

— Неужели! а, это весьма интересно.

И дѣло съ концомъ.

Но въ то время былъ другія обстоятельства; у всѣхъ знатныхъ и богатыхъ людей появились на столахъ кубки изъ клыковъ носорога.

Въ берлинской кунсткамерѣ нѣсколько такихъ кубковъ; я внимательно разсматривалъ ихъ, и убѣдился только въ одномъ; а именно въ томъ, что они изобличаютъ присутствіе пыли во внутренности ихъ.

Между гончарными произведеніями замѣчательна фаянсовая ваза 17-го столѣтія, изъ *Фазны*, города, отъ котораго происходитъ названіе этого рода посуды.

Металлическія произведенія Бенвенуто Челлини превосходны. Музыкальныхъ инструментовъ немного, но между ними находится весьма любопытныя дорожныя клавикорды, складывающіяся въ небольшой ящикъ и подаренныя супругой Герцога Филиппа Орлеанскаго Королеви Софій-Шарлоттѣ, второй супругѣ Фридриха I.

Изъ мебели заслуживаетъ особеннаго вниманія шкафъ, работы Филиппа Хайнхофера, художника-мебельщика 17-го столѣтія.

Весь этотъ шкафъ изъ чернаго дерева; видѣнная сторона его украшена серебромъ и драгоценными каменьями; внутри же вы найдете—*все*, именно *все*. Въ нижнемъ ящикѣ цѣлая коллекція серебряныхъ математическихъ инструментовъ, размѣщенныхъ съ удивительнымъ сбереженіемъ мѣста; тутъ полная готовальня, компань, вѣчный календарь, астролябія, масштабы, солнечныя, песочныя и карманныя часы и т. п. Кроме того, тутъ же красиво переплетенная книга «Часы благоговѣнія», напечатанная въ Лейпцигѣ въ 1613 году, и на пергаментѣ географическая рукопись, на которой замѣчательнѣйшія страны и королевства всего міра *lytographica descriptione anonimi cujus dam nobiliss tamen et equitis ordinis sti Johannis in Jnsula Melita propria delineatione* описаны и изображены.

Въ другомъ ящикѣ находится полная коллекція серебряной посуды: 6 блюдъ, украшенныхъ герцогскими гербами, столько же тарелокъ, рукомыльникъ и бритвенница, чайникъ, сковорода, треножникъ, щипцы, стаканы, чаши, поставецъ для укуса, масла, соли и перца; два подсвѣчника, фонарики и т. п.

Въ третьемъ ящикѣ полный туалетный приборъ: зеркало, богатый пенсоръ, гребни, пощипцы, щетки, бритвы и т. п.

За этими ящиками устроены органы.

Опускная дверца служитъ шахматной доской, превосходной мозаичной работы, и въ эту же дверцу вкладываются превосходно выточенные изъ слоновой кости шахматы; доска эта раздвигается, и представляетъ еще нѣсколько игръ того времени. Въ боковомъ, пустомъ пространствѣ, возлѣ новаго ряда ящичковъ, находятся кегли, волчокъ и другія игры. По другую сторону находятся четыре колоды картъ изъ тонкаго листоватаго серебра.

Придавите пружинку, и вамъ представится картина, на срединѣ которой изображенъ весь шкафъ и передъ нимъ самъ мастеръ Хайнхоферъ, объясняющій герцогу Филиппу II и супругѣ его всѣ секреты шкафа. За столомъ герцогини изображены придворныя дамы, а за столомъ герцога лейбъ-драбанты.

Въ среднихъ верхнихъ ящикахъ находится полная аптека и собраніе хирургическихъ инструментовъ; богатое собраніе драгоценныхъ вещей, ожерелій, серегъ и т. п.

Въ этомъ шкафу столько чудесъ, что я всего не упомяну; и каждый ящикъ украшенъ снаружи аллегорическими изображеніями, соответствующими тому, что въ немъ содержится. Простите, я слишкомъ распространился на счетъ этого шкафа; но онъ стоитъ еще болѣе подробнаго описанія.

Послѣ него, мнѣ не хотѣлось уже смотрѣть на другую мебель; послѣ этого огромнаго труда терпѣнія и изумительной расчетливости, надобно было отдохнуть на чемъ-нибудь мелочномъ, прихотливомъ, на какой-нибудь игрушкѣ.

Этихъ игрушекъ въ берлинской кунсткамерѣ довольно. Первое мѣсто между ними занимаютъ *каллиграфическіе фокусы*: портретъ великаго курфюрста Фридриха-Вильгельма, въ аллонжевомъ парикѣ, длинныя локоны котораго составлены изъ похвальнаго слова памяти Курфюрста; монументъ покойной прусской королевы, нарисованный словами, заключающими біографію ея величества, и многіе другіе.

Съ невыразимымъ изумленіемъ смотрѣлъ я на эти фокусы; Проводникъ мой, вѣроятно, думалъ, что эти каллиграфическіе фокусы чрезвычайно нравятся мнѣ. Онъ ошибался.

Другой фокусъ сапожнаго мастерства представляетъ пара сапоговъ безъ швовъ, сдѣланныхъ въ Прагѣ въ 1825 году.

Восемь лѣтъ простояли эти сапоги въ покоѣ, какъ вдругъ одинъ берлинскій сапожникъ случайно забрелъ въ кунсткамеру, чтобы потѣшить свою молодую хозяйку. Чудеса кунсткамеры мало занимали почтеннаго сапожника, и пока жена его восхищалась, онъ вздыхалъ о пивѣ и трубкѣ, и, во утѣшеніе, набивалъ себѣ носъ табакомъ.

Вдругъ лицо его прояснилось.

Жена его удалялась, слѣдуя за проводникомъ; но сапожникъ стоялъ, какъ прикованный къ мѣсту.

— Пойдемъ, Францъ! сказала ему, наконецъ, жена.

— Сейчасъ, mein Herz, сейчасъ; здѣсь есть что-то особенное.

— Что такое? съ любопытствомъ спросила молодая женщина.

— Господинъ смотритель, сказалъ сапожникъ: вы намъ не все показываете!

— Какъ не все! Нечто вамъ мало?

— Я вамъ говорю, что вы не все показываете!

— Чего же вамъ еще?

— Здѣсь кожей пахнетъ! съ увѣренностію возразилъ сапожникъ.

Проводникъ осмотрѣлся, улыбнулся, и вытащилъ изъ угла пару сапоговъ.

— Ага! вскричалъ съ торжествующимъ видомъ сапожникъ: что я говорилъ!... Чьи эти сапоги, господинъ смотритель?

Проводникъ объяснилъ ему, въ чемъ состояло достоинство этихъ сапоговъ. Сапожникъ осмотрѣлъ ихъ внимательно и залумался.

Онъ думалъ два года, и по истеченіи ихъ представилъ въ кунсткамеру пару такихъ же сапоговъ, но въ большихъ еще размѣрахъ и съ *прогрессомъ*.

И теперь дѣти его, заходя въ кунсткамеру, проливаютъ сладостныя слезы при взглядѣ на пару сапоговъ, которыми родители ихъ поддержали національную гордость, перехитривъ Прагу....

Я бы совѣтовалъ нѣмецкимъ сапожникамъ позаботиться лучше о томъ, чтобы придумать такую обувь, которая украсила бѣ ножки или, лучше сказать, ножки нѣмецкихъ красавицъ; онѣ, обыкновенно, обуты чрезвычайно дурно, *аллапато*, какъ говорятъ наши художники.

Кромѣ фокусовъ, о которыхъ я уже упомянулъ, есть еще одна *штука*, весьма затѣливая; это корзинка съ цвѣтами, вся сдѣланная изъ — *хлѣбной мякоти*.

Жила-была въ нѣмецкомъ городѣ Берлинѣ молодая дѣвушка съ платоническою любовію въ сердцѣ и матеріальнымъ горбомъ на спицѣ.

Молодая дѣвушка сгарала тайною, несчастною любовію, а между-тѣмъ не смѣла открыть предмету своей страсти—горбъ мѣшалъ. Чтобы потушить *сжигающій ее пламень*, она подобно бѣдной Майѣ, въ сказкѣ Вѣчнаго Жиды, принялась вести журналъ состоянію своего сердца, и изливать въ гекзаметрахъ пламенные порывы этого бѣднаго сердца, *le trop-plein de ce pauvre coeur*, какъ говоритъ мосьѣ Сю? Ничего не бывало; нѣмецкая Майѣ рѣшилась склеить изъ хлѣба корзинку, верхковъ въ шесть вышины и столько же въ діаметрѣ, наполненную цвѣтами.

У всякаго свой вкусъ.

Каждый день бѣдная горбушка вставала изъ-за стола съ комкомъ мякина, и отираваясь въ свою комнатку гасить сердечный пламень въ занятіи, на которое способенъ развѣ только какой-нибудь каллиграфъ, и то нѣмецкій.

По мѣрѣ того, какъ работа шла впередъ, нѣмецкая Майѣ мало-по-малу *переливала le trop-plein* своего сердца въ корзинку, и вскорѣ такъ пристрастилась къ ней, что забыла о своемъ Агриколѣ....

Рекомендуемъ это средство всѣмъ безнадежно влюбленнымъ.

Между рѣдкостями чрезвычайно замѣчательна оленья голова, вросшая въ древесномъ дуплѣ. Должно полагать, что олень, преслѣдуемый охотниками или хищными звѣрами, со страху засунулъ голову въ дупло, не могъ вытащить ее назадъ, и что, со временемъ, рога его срослись съ деревомъ. Что же касается до прочей части его тѣла, то ее, вѣроятно, пожрали хищные звѣри.

Также любопытны два камня, на которыхъ, на бѣломъ полѣ виднѣтъ отъ природы образовавшійся слугетъ прусскаго орла. Правда, формы орла довольно загалочны, но вѣдь природа у Корнелиуса не училась, слѣдовательно, отъ нея, какъ отъ са-моучки, и нельзя требовать большой отчетливости въ рисункѣ.

Между *историческими достопамятностями* первое мѣсто занимаетъ восковая фигура Фридриха Великаго, въ натуральную величину; лицо вылѣплено съ маски, снятой съ короля нѣскольکو минутъ послѣ смерти его; руки сдѣланы превосходно.

Восковая фигура одѣта въ платье, принадлежавшее Фридриху. На ней темно-голубой мундиръ, съ красными воротникомъ, серебряными аксельбантами и пуговицами; грудь украшена звѣздою Чернаго-Орла; на шнурѣ съ золоченымъ эфесомъ выгравированы слова, значеніе которыхъ Фридрихъ оправдалъ на дѣлѣ:

Pro Gloria et Patria.

Знаменитая трость украшена голубымъ эмальюрованнымъ на-балдашикомъ; осыпаннымъ брилліантами. кресло, на которомъ сидитъ восковая фигура короля, находилось въ кабинетѣ его въ Потсдамѣ.

О рожденіи и смерти Фридриха напоминаютъ двѣ вещи: маленькая золотая коробочка, въ которой хранится обрѣзанный пупокъ новорожденнаго, съ надписью:

«Friederich Prince de Prusse et d'Orange est né le 24 janvier «1712 à 11½ heures du matin.»

О кончинѣ же напоминаетъ изодранный и заштопанный носовой платокъ Фридриха, папитанный предсмертнымъ потомъ его; платокъ этотъ лежалъ на столикѣ, возлѣ кресла, въ которомъ Фридрихъ Великій скончался 17 августа 1786 года, въ 2

часа и 20 минутъ по-полудни... Нѣсколько разъ утиралъ онъ этимъ платкомъ холодный потъ, выступавшій на лбу его.

Мнѣ показывали нѣсколько вещей, принадлежавшихъ Фридриху, но ни одна изъ нихъ не произвела на меня такого впечатлѣнія, какъ этотъ платокъ.... Дрожащею рукою прикасался къ нему Фридрихъ въ торжественную минуту разлуки съ жизнью, съ міромъ, въ которомъ онъ сыгралъ роль свою такимъ блистательнымъ образомъ....

Проводникъ предлагалъ мнѣ *подержать* платокъ, но я отказался. Въмѣсто того, чтобы хранить подъ стекломъ, каждому позволяють *потрогать* его...

Фридрихъ I, первый прусскій король, при жизни своей заказалъ себѣ бюстъ, который также хранится въ кувстамерѣ, вмѣстѣ съ хрустальнымъ бокаломъ, съ вензелемъ Фридриха I, и изъ котораго, какъ говорятъ, *онъ пилъ братство* съ Царемъ Петромъ I, въ 1697 году.

Пить братство — Brüderschaft trinken — значить у Нѣмцевъ пить изъ одного стакана на ты и въ знакъ дружбы.

Вещи, оставшіяся отъ Фридриха I, составляютъ рѣзкую противоположность съ вещами, принадлежавшими Фридриху-Вильгельму I; первыя изящны, вторыя грубы.

Это отдѣленіе богато вещами, оставшимися отъ всѣхъ прусскихъ королей и многихъ бранденбургскихъ курфирстовъ. Но меня особенно занималъ колоссальный *токарный верстакъ*, со всѣми принадлежавшими къ нему инструментами. На этомъ верстакѣ, этими инструментами работалъ Петръ Великій, приславшій ихъ въ подарокъ Фридриху Вильгельму I, въ 1718 году, вмѣстѣ съ моделью голландской вѣтряной мельницы, построенной собственноручно славнымъ Русскимъ Монархомъ.

Другой, высокій историческій интересъ связанъ съ вещами, принадлежавшими Наполеону; вечеромъ 18 іюня 1815 года, послѣ сраженія, рѣшившаго участь французскаго колосса, прусскій маіоръ фонъ-Келлеръ овладѣлъ каретою Наполеона. Что въ этой каретѣ нашлись бовбоньерка Наполеона, шляпа его, два портфеля, одинъ съ турецкими изрѣченіями, другой съ надписью «Ministre des Relations» и, наконецъ, пистолетъ, изъ котораго Наполеонъ выстрѣлялъ въ послѣдній разъ въ прусскаго солдата, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, хотя ни одинъ историкъ не упоминаетъ о томъ, что Наполеонъ ушелъ съ поля битвы *безъ шляпы*. Но другое обстоятельство менѣе повѣстно: маіоръ фонъ-Келлеръ нашелъ въ каретѣ 13 разныхъ орденовъ. Неужели Наполеонъ возилъ свои ордена всегда съ собою?...

Изъ другихъ вещей замѣчательна глиняная кружка, цилиндрической формы, украшенная изображеніями библейскихъ сценъ и арабесками, и принадлежавшая *Лотеру*. Судя по работѣ, кружка эта принадлежитъ новѣйшему времени; впрочемъ мнѣніе, что она принадлежала знаменитому реформатору, основано только на нѣкоторыхъ, довольно сомнительныхъ преданіяхъ, да на надписи, сохранившейся на крышкѣ:

«Dr M. L. 1524.»

Весьма любопытны два желѣзные ядра, одинакаго калибра и вѣса, встрѣтившіяся въ воздухѣ въ 1631 году, при осадѣ Магдебурга и соединившіяся такъ плотно, что ихъ нельзя было разнять.

Барабанъ, обтянутый кожей предводителя гусситовъ *Циска* и взятый Фридрихомъ Великимъ изъ Праги, гдѣ онъ хранился послужилъ нѣкогда предметомъ переписки между Великимъ королемъ и Вольтеромъ.

Послѣдній писалъ:

Est-il vrai, que dans votre cour
Vous avez placé, cette automne,
Dans les meubles de la couronne,
La peau de ce fameux tambour
Que Zisca fit de sa personne?

16 Novembre 1745.

Фридрихъ отвѣчалъ:

La peau de ce guerrier fameux
Qui parut encore redoutable
Aux Bohêmes, ses envieux,
Après que le trepas hideux
Eut envoyé son ame au diable,
Est ici pour les curieux.

Oui, la peau de Zisca, ou pour mieux dire, le tambour de Zisca, est une des dépouilles que nous avons emportées de Bohême,

4 Décembre 1745.

Но увѣ! впоследствии, когда кожа грознаго Циска прорвалась на внутренней сторонѣ барабана открыли слѣдующую надпись:

«Ambrosius Schreiber Drommelmacher gu Göttingen, 1641.»

т. е. *Амаросій Шрейберъ, барабанный мастеръ въ Гёттингенѣ, 1641.*

Удивительный народъ господъ мастеров! Очень нужно имъ выставлять на своихъ произведеніяхъ свои имена. Эта нехорошая привычка превратила кожу грозного предводителя Гусситовъ въ простую—ослиную.

Въ царствованіе короля Фридриха I, двое изъ лучшихъ солдатъ дворцовой стражи были осуждены на смерть за какое-то не слишкомъ важное преступленіе. Лично зная обоихъ, Король хотѣлъ помиловать одного.

Несчастныхъ вели уже на казнь, когда король прислалъ пугальную кость, которая должна была рѣшить, кому изъ осужденныхъ остаться въ живыхъ.

Надежда снова пробудилась въ сердцахъ преступниковъ, которымъ оставалось нѣсколько шаговъ до мѣста казни. Каждый надѣялся, что товарищъ его отправится на тотъ свѣтъ одинъ...

Жребій рѣшилъ, кому начинать.

Дрожачею рукою взявъ бѣдную кость, повертѣлъ ее въ рукѣ, и нѣсколько разъ уже хотѣлъ бросить, но все не рѣшался.... Нерѣшимость его была очень естественна: отъ одного прехотливаго паденія кости зависѣла жизнь его.

Наконецъ кость упала. Съ жаднымъ любопытствомъ устремились на нее глаза всѣхъ присутствовавшихъ....

Въ двухъ крикахъ выразилась радость бросившаго и отчаяніе товарища его.

Шесть черныхъ точекъ даровали первому жизнь, и онъ тотчасъ же былъ освобожденъ.

Съ отчаяніемъ схватилъ несчастный товарищъ его кость, и бросилъ ее съ такою силою, что она разлетѣлась на двѣ части....

На одной было число *шесть*, а на другой *единица*.

Всѣ вскрикнули отъ изумленія и немедленно донесли Королю объ этомъ странномъ случаѣ.

Фридрихъ I помиловалъ и другаго солдата.

Кость эта хранится въ кунсткамерѣ.

О суетѣриі 16-го и 17-го столѣтій свидѣтельствуютъ нѣкоторыя вещи, между которыми я замѣтилъ огромную желѣзную подкову, присланную въ 1698 году изъ Кеннгсберга, съ актами и документами, весьма серьезно подтверждающими, за подписью лицъ города, слѣдующее происшествіе:

Въ Заамландѣ, о которомъ я уже писалъ вамъ изъ Кеннгсберга, была нѣкогда довольно большая деревня, а въ деревнѣ

корчма, а въ корчмѣ хорошенькая хозяйка и отличное пиво.

Хозяйка изъ всѣхъ правилъ арифметики знала особенно умноженіе простыхъ чиселъ, и употребляла знаніе свое преимущественно въ убытокъ тѣмъ, которые приходили пить отличное пиво ея въ долгъ.

Между послѣдними былъ сельскій кузнецъ, которому однажды вздумалось свѣрить свои счеты со счетами хозяйки корчмы, но какъ онъ не бился, а никакъ не могъ свести концовъ съ концами.

— Послушай, хозяйка, сказалъ онъ однажды: ты записываешь на меня вдвое. Это не честно.

Хозяйка крѣпко рассердилась.

— Не стыдно ли тебѣ обижать меня! вскричала она: я не приписала тебѣ ни одной лишней капли!

Луканька человекъ весьма услужливый. Хозяйка не успѣла договорить послѣднихъ словъ, какъ онъ утащилъ ее, не давъ ей даже проститься съ мужемъ.

Испуганные крестьяне разбѣжались поскорѣе по домамъ.

Ровно въ полночь послышался страшный стукъ у кузницы.

— Эй, хозяинъ, отвори! закричалъ грозный голосъ.

Но кузнеца не такъ-то легко разбудить; долго стучался ночной гость, и, наконецъ, добился только того, что кузнецъ открылъ одинъ глазъ и спросилъ:

— Кого тамъ принесло?

— Хозяинъ, отвѣчалъ незнакомецъ: время зимнее, дорога гладка, лошадь моя не подкована, а мнѣ предстоитъ еще далекій путь.

— Нѣкогда мнѣ теперь, вскричалъ кузнецъ: я спать хочу.

— Я заплачу тебѣ вдвое!

— Убирайся!

— Отрое!

— Огня нѣтъ, отвѣчалъ нѣсколько смягчившійся кузнецъ.

— Вчетверо!

Кузнецъ вскочилъ; четверная плата убѣдила его, а потому онъ подошелъ къ двери, и не отворяя ее, сказалъ:

— Заплати вшитеро, такъ подкую.

— Заплачу, отвѣчалъ щедрый незнакомецъ.

Тогда кузнецъ разбудилъ всѣхъ своихъ работниковъ, и всѣ съ живостію принялись разводять огонь.

Въ тоже время въ кузницу вошелъ человекъ въ красномъ плащѣ и съ краснымъ перомъ на черной шляпѣ.

— Живѣе, ребята! вскричалъ онъ, осклаивъ бѣлые, остроко-

нечные зубы: я везу письма въ городъ, и если вы подкуете лошадей до пѣтуховъ, такъ заплачу вамъ вшестеро!

Молотки застучали, запылало пламя, надулись мѣха, и посыпались искры; вмгъ одно копыто было готово.

Пока прочіе работники продолжали стучать и колотить, хозяинъ пошелъ ковать лошадей. Онъ приставилъ подкову и едва только занесъ молотъ, какъ лошадь произнесла жалобнымъ голосомъ:

— Пощади, сосѣдь! Я хозяйка корчмы; лукавый превратилъ меня въ лошадей! Пощади!

Молотокъ выпалъ изъ рукъ кузнеца, и онъ пустился бѣжать.

— Я вамъ всѣмъ шею сверну, закричалъ лукавый: если вы не приметесь сейчасъ за дѣло!

Но кузнецъ забился подъ кровать.

— Вдесятеро заплачу, если черезъ полчаса лошадь будетъ подкована.

Кузнецъ опять принялся за дѣло; не слушая жалобъ сосѣдскихъ лошадей, онъ продолжалъ стучать изо всѣхъ силъ молотомъ, но едва только подковалъ одну ногу, какъ забили пѣтухи...

Послѣ этого лукавому, разумѣется, ничего больше не оставалось, какъ провалиться сквозь землю, что онъ и исполнилъ, къ крайней своей досадѣ.

Жена же корчмара опять превратилась въ женщину, но подкова осталась на ногѣ ея, и кузнецъ снлъ ее не безъ труда.

Множество печатей и выпуклыхъ географическихъ карты дополняютъ любопытное собраніе этого отдѣленія.

Этнографическій кабинетъ содержитъ предметы, относящіеся къ нравамъ, обычаямъ, вѣрѣ, ремесламъ, промышленности и т. п. разныхъ народовъ; костюмы, мебели, посуда, оружія, жонки, челноки, музыкальные инструменты, идолы, амулеты и т. п. изъ Азии, Африки, Америки и Австраліи составляютъ богатое и разнообразное собраніе, для обозрѣнія котораго я охотно посвятилъ бы полдня, еслибъ мнѣ позволяло время, но пора было разстаться съ кунсткамерой, въ которой я провелъ нѣсколько весьма пріятныхъ часовъ.

Изъ кунсткамеры мы отправились въ мастерскую *Рауха*, скульптора, пользующагося заслуженною европейскою славою.

Мастерская Рауха находится въ Кластерштрассе, въ казенномъ зданіи, настоящаго назначенія, котораго я никакъ не могъ понять. Кромѣ нѣсколькихъ скульптурныхъ мастерскихъ, въ немъ же находится манежъ, да часть цейхгауза.

Мы вступили въ длинный, высокій и широкий, но темный

корридоръ, по одну сторону котораго слышались командныя слова офицеровъ, обучавшихъ неуклюжихъ рекрутовъ, а по другую рѣзкое стучанье молоточковъ о мраморъ.

Въ первой комнатѣ находится огромная модель пьедестала подъ конную статую Фридриха II, Великаго, которая будетъ поставлена на концѣ бульвара Подъ-Липами, между университетомъ и дворцомъ наслѣдника престола. Съ четырехъ сторонъ пьедестала находятся рельефныя изображенія героевъ, содѣйствовавшихъ прославленію царствованія Фридриха Великаго.

Съ любопытствомъ спрашивалъ я у проводника имена изображенныхъ полководцевъ.

Онъ назвалъ мнѣ нѣкоторыхъ.

— А это кто? спросилъ я, указывая далѣе.

— Еще неизвѣстно, кто эти будутъ, очень наивно отвѣчалъ проводникъ-формовщикъ.

Замѣтьте, что фигуры были совершенно конченъ, слѣдовательно, по мнѣнію формовщика, Рауху оставалось только сказать имя:

— Ты, усатый, будь Шверинномъ; ты, длинноносый Зейдлицомъ, ты, мохнатая шапка, Цитеномъ, и такъ далѣе.

Пройдя нѣсколько мастерскихъ, гдѣ работали молодые люди, ученики профессора, мы вошли въ комнату, гдѣ у превосходной мраморной лежачей статуи, стоялъ пожилой мужчина, средняго роста, здоровый и весьма почтенной наружности. Густые, длинные сѣдые волосы локонами падали на воротникъ сѣраго сюртука, порядочно запачканнаго глиной и алебастромъ.

Свѣтлый, добродушный взглядъ и полуулыбка, рисовавшаяся на губахъ, придавали лицу его чрезвычайно привлекательное выраженіе.

Это былъ самъ Раухъ.

Каждый день, какъ онъ мнѣ сказалъ, проводитъ онъ нѣсколько минутъ возлѣ статуи, которую обдумываетъ и оканчиваетъ съ любовію, и точно, положеніе, драпировка и, въ особенности, возвышенно-очаровательное выраженіе лица, превосходны.

Знаменитый скульпторъ подвелъ меня къ двумъ прелестнымъ дѣтскимъ статуямъ.

— Вотъ мои любимыя дѣти, сказалъ онъ улыбаясь: у всякаго художника есть произведенія, которыми онъ наиболѣе дорожитъ, и чѣмъ менѣе молва кричитъ объ этихъ произведе-

няхъ, тѣмъ онъ болѣе привязывается къ нимъ. Художникъ въ этомъ отношеніи похожъ на ревниваго мужа, завидующаго каждому взгляду, брошенному на его жену, и чѣмъ менѣе она обращаетъ на себя вниманіе, тѣмъ онъ довольнѣе, спокойнѣе... Вы знаете, что произведенія всѣхъ художниковъ можно раздѣлить на два разряда: на такія, которыя онъ дѣлаетъ *по заказу*, и на такія, которыя онъ дѣлаетъ *для себя*. Въ исполненіи первыхъ помогаетъ болѣе умъ, вторыя же изливаются, такъ-сказать, прямо изъ сердца. Дѣточки мои принадлежатъ къ послѣднему разряду.

Я пожелалъ знать мнѣніе Рауха о русскихъ скульпторахъ.

— Признаюсь, отвѣчалъ онъ, что съ произведеніями молодыхъ я мало знакомъ; но я зналъ довольно хорошо Гальберга и Орловскаго, и безъ лести скажу вамъ, что изъ ессениннѣе достоинствъ каждаго изъ нихъ могло бы выйти то, до чего одинъ человѣкъ никогда не достигаетъ, а именно—*совершенство*. У Гальберга была грація, у Орловскаго энергія... Впослѣдствіи, прибавилъ онъ, я забылъ упомянуть о баронѣ Клодтѣ; въ родѣ, который онъ избралъ, баронъ Клодтъ едва ли найдется себѣ подобнаго. Впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, въ Россіи искусства идутъ шибко впередъ...

Я не спускалъ глазъ съ лица знаменитаго профессора, и убѣдился, что мнѣніе, высказанное имъ, было совершенно искренно; и не удивительно,—истинный талантъ всегда отдаетъ справедливость заслугамъ другихъ; только жалкая посредственность лезетъ на плечи колоссу, надѣясь, что такимъ образомъ замѣтятся и ея...

Мастерская Рауха настоящій скульптурный музей, открытый всякому, и если геніальный хозяинъ не за работой, то охотно вступаетъ въ разговоръ съ посѣтителями.

Вы видите, что я не терялъ ни минуты, и старался, сколько возможно было, видѣть всѣ достопримѣчательности Берлина. Но наступила минута, когда плоть стала завидовать насыщенному уму, и требовать свою пищу. Отпустивъ лонлака, я отправился обѣдать.

Кто не путешествовалъ, тотъ не знаетъ удовольствія бродить безъ цѣли по незнакомымъ мѣстамъ, заблудиться, найти дорогу, опять заблудиться, засматриваться на особенности, и выводить свои заключенія, не имѣя возлѣ себя услужливаго чичероне, который своими объясненіями не даетъ ни минуты развиграться воображенію.

Чтобы вполне вкусить это удовольствіе, отправился я бродить по Берлину, послѣ обѣда.

Тускло горѣли фонари, слабо освѣщая грязноватыя фасады домовъ и отражаясь въ лужахъ, образовавшихся послѣ снова наступившей оттепели.

Около двухъ часовъ сряду бродилъ я по улицамъ, зѣвая въ окна магазиновъ, на прохожихъ, проѣзжающихъ, на мальчишекъ, продававшихъ вертушки, называемыя почему-то *львиными* или *львовиками* (Waldteufel).

Полицейскій порядокъ ни въ одной столицѣ не находится въ такомъ прекрасномъ устройствѣ, какъ у насъ въ Петербургѣ. Въ Берлинѣ, на-примѣръ, нашихъ будочниковъ и городскихъ замѣняютъ днемъ комиссары, прогуливающіеся по своимъ кварталамъ, а ночью сторожа, безпокоющіе сонъ прѣзжихъ, не привыкшихъ къ ихъ дикому напѣву, повторяющемуся каждый часъ.

Число комиссаровъ довольно ограничено; если случится гдѣ безпорядокъ, то часто надо обѣгать весь кварталъ, чтобы найти блюстителя порядка.

Ночные же сторожа или нахтвехтеры чрезвычайно полезны—для воровъ, которыхъ они извѣщаютъ о своемъ приближеніи дикими напѣвами, о которыхъ я упоминалъ.

Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ уличной сцены между лавочникомъ и какимъ-то человѣкомъ, имѣвшимъ пополуноченіе стянуть что-то у перваго.

На бѣду плута явился комиссаръ, проходившій тутъ, вѣроятно, по своимъ дѣламъ. Лавочникъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло; комиссаръ схватилъ злоумышленника за воротникъ и потащилъ за собою; но на первомъ перекресткѣ, плутъ вырвался и исчезъ за угломъ.

Народъ захохоталъ; никто не пустился въ погоню за бѣглецомъ.

Комиссаръ тоже не захотѣлъ бѣгать по улицамъ, а потому остановился, посмотрѣлъ вслѣдъ убѣжавшему, сказалъ:

— Экой мошенникъ! и преспокойно пошелъ далѣе.

Пробродивъ, какъ я уже сказалъ, часа два по темнымъ, въ сравненіи съ петербургскими, улицамъ, я вернулся въ гостиницу.

Тамъ ожидалъ меня лонлакей.

— Куда вамъ угодно идти сегодня вечеромъ? спросилъ онъ.

— Не знаю, отвѣчалъ я, ведите меня куда-нибудь.

Пока мы разсуждали о томъ, какъ бы мнѣ пріятнѣе провести вечеръ, ко мнѣ пришелъ г. А., пасторъ при реформатской церкви, которому я привезъ изъ Петербурга письмо.

Г. А. извѣстенъ многими педагогическими сочиненіями и большимъ трудомъ, которому посвятивъ часть своей жизни, а именно подробной, поэтически написанной исторіей Реформации. Съ глубокою, многостороннею ученостію онъ соединяетъ въ себѣ рѣдкую скромность и дѣтски-панвное добродушіе.

Г. А.—Швейцарецъ.

Онъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ на ремесленную выставку; я съ благодарностію принялъ его предложеніе, и отпустилъ лонлака.

Въ Иоханнисштрассе мы вошли въ скромный, довольно мрачной наружности домъ, подъ № 4. Поднявшись по узкой лѣстницѣ, надъ которою тяжело лежали вѣсковые, быть-можетъ, своды, мы вошли въ прихожую, служившую вмѣстѣ и кассой. За входъ, за двоихъ, мы заплатили 5 зильбергрошеновъ (15 коп. сер.), да за сбереженіе пальто и галашъ два зильбергрошена.

Взявъ билеты, мы вошли въ довольно обширную залу.

По обѣимъ сторонамъ залы, на разстояніи двухъ съ половиною аршинъ отъ стѣны, проходила балюстрада, покрытая зеленымъ сукномъ; въ глубинѣ залы было возвышеніе, а посрединѣ стоялъ длинный столъ. За балюстрадою были выставлены издѣлія ремесленниковъ, на возвышеніи мебель, а на столѣ разныя мелкія, серебряныя и золотыя вещи.

Возлѣ выставленныхъ вещей прохаживались ремесленники, члены общества, съ алыми лентами на шеѣ, украшенными знакомъ общества: серебрянымъ вѣнкомъ съ лучами и посреди вѣнка двѣ сложенные руки, въ знакъ союза, согласія.

Чинно расхаживали по залѣ посѣтителю; вѣжливо и благопріестойно обходились съ ними ремесленники.

Въ боковой комнатѣ, на широкое прилавкѣ, красовались огромныя стекляныя кружки съ оловянными крышками и оловяныя же тарелки съ пирамидами бутербродовъ и сладкихъ прожжковъ. Вотъ что называется соединять пріятное съ полезнымъ!

Общество ремесленниковъ давно уже существуетъ въ Берлинѣ, но Рождественская выставка издѣлій ихъ открыта въ первый разъ въ нынѣшнемъ году. Не только мастера, но и подмастерья могутъ быть членами этого общества. Внося ежегодно положенную, весьма незначительную плату, каждый членъ

имѣетъ право выставлять свои произведенія, въ какомъ количествѣ ему заблагоразсудится. Выставкѣ предшествуетъ нѣкотораго рода экзаменъ, на которомъ оцѣниваются вещи.

Главная цѣль этой выставки не распродажа предметовъ, а совершенствованіе ремесель. Впрочемъ, всякій посѣтитель имѣетъ право купить вещь, которая ему понравится; съ тѣмъ, однакожь, условіемъ, что онъ получитъ ее не прежде, какъ по окончаніи выставки, продолжающейся десять дней, отъ 13-го до 23-го декабря. Деньги же вносятся немедленно, и въ полученіи ихъ выдается расписка, по которой купившій вещь можетъ получить ее. Если проданная вещь попортится во время выставки, то купившій ее можетъ требовать деньги свои обратно.

Если всѣ вещи не продадутся во время выставки, то, по закрытіи ея, нѣкоторыя изъ нихъ покупаетъ общество, на сборъ за билеты. Прочія вещи разыгрываются въ лоттерее. Если же всѣ вещи продадутся, то сборъ за билеты поступаетъ во вспомогательную кассу общества.

Между выставленными вещами были золотыя, серебряныя, стальныя, мѣдныя, кожаныя издѣлія, живопись на фарфорѣ, на стеклѣ, готовое платье, мебель, ковры, картины, статуэтки, табакерки, модели разныхъ машинъ, мельницъ, кораблей, экипажей, строилъ, булки, пряники, бутылка ямайскаго рома, *самаго стараго* и бутылка лафита, *самаго стараго тожь* (неужели домашняго приготвленія?); наконецъ, типографщикъ выставилъ четко и красиво напечатанный каталогъ выставленныхъ предметовъ.

Дешевизна этихъ вещей была, въ-самомъ-дѣлѣ, изумительна. За качество ихъ ручались старшины общества.

Я посѣтилъ ремесленную выставку наканунѣ закрытія ея. Съ сожалѣніемъ говорили бѣдные ремесленники о томъ, что Его Величество Король Прусскій не удостоилъ ихъ посѣщеніемъ...

— Тогда, говорили они, не осталось бы столько непроданныхъ вещей.

Но на другой день, рано утромъ, въ то самое время, когда готовились уже убирать вещи, пріѣхалъ Король. Осмотрѣвъ всю выставку, онъ изъявилъ обществу свое благоволеніе и объявилъ, что оставляетъ всѣ непроданныя вещи за собою.

Нужно ли говорить, что это поступокъ, достойный умнаго, великодушнаго монарха? Предоставивъ желающимъ возможность приобрести тѣ предметы, которые имъ понравятся, Король

Прусскій явился въ то время, когда все лучшее, можно сказать, было раскуплено, и когда, не стѣсняя никого, онъ могъ своею щедростію поощрить ремесленниковъ.

Съ чувствомъ истиннаго удовольствія оставилъ я это благодѣтельное заведеніе, въ которомъ встрѣтилъ, наконецъ, въ полномъ смыслѣ пѣмецкую реальность, достойную подражанія.

Все было просто на этой выставкѣ; ни малѣйшихъ притязаній на великолѣпіе, на пышность, лстящую зрѣнію, но значительно возвышающую цѣнность товаровъ... И не знаю отчего, но распростившись съ добрымъ, почтеннымъ г. А. и возвращаясь въ гостинницу, я все думалъ о великолѣпной, пышной выставкѣ россійскихъ произведеній въ Петербургѣ.

II. ФУРМАННЪ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

УРАГАНЪ НА ОСТРОВѢ АНТИГОА. Однажды, рано утромъ, въ плантаціи Дрей-Хилль, на одномъ изъ Антильскихъ острововъ, *Антигоа*, всѣ жители были на ногахъ, дѣятельно занимаюсь приготовленіями къ свадебному пиру. Съ безпечнымъ и веселымъ видомъ, свойственнымъ черному племени, негрятки и дѣти ихъ шумно хлопотали около дома; роскошная зелень деревьевъ хотя и скрывала ихъ иногда, но не могла заглушить ихъ живыхъ разговоровъ, порывистаго смѣха и пѣсенъ, частью народныхъ, частью переведенныхъ на ихъ нарѣчіе.

Въ этотъ день и я также всталъ очень рано, желая видѣть всѣ подробности веселаго праздника, который долженъ былъ начаться съ восходомъ солнца. Никогда не забуду чуднаго, величественнаго зрѣлища, свойственнаго только тропическимъ странамъ... Свѣтъ восходящаго солнца разлился, такъ сказать, въ одно мгновеніе по всему горизонту, ярко озарилъ море, гладкое и ровное, какъ зеркало, озолотилъ нѣсколько легкихъ облачковъ, собравшихся на небѣ потомъ

Flattering the mountain tops with sovereign eye...
Лаская вершины горъ величественнымъ взоромъ,

ярко освѣтилъ роскошные цвѣта земной растительности. Съ восторгомъ наслаждался я зрѣлищемъ этого мирнаго величія, повторяя про-себя краснорѣчное изрѣченіе псаломѣвца:

«Небеса повѣдаютъ славу Божию и вселенная глаголы ихъ!..»

Мои размышленія были прерваны приходомъ прислужницы дома, молодой негрятки, которая каждое утро приносила мнѣ, какъ то водится на антильскихъ плантаціяхъ, сигару и чашку кофе. Странное, почти зловѣщее выраженіе лица ея поразило меня, и я ждалъ съ любопытствомъ, чтобъ она объяснила мнѣ, чѣмъ она была встревожена.

— Вотъ вашъ кофе, сказала она мнѣ. Здоровы ли вы? Потомъ прибавила, взглянувъ на меня значительно:—Старый баринъ велѣлъ спросить молодаго барина, не хочетъ ли онъ посмотреть на барометръ?

— Благодарю, Ненси, отвѣчалъ я, взявъ чашку, которую она мнѣ подавала: я успѣю посмотреть на барометръ, когда выпью кофе... А здорова ли ты, Ненси?

— Такъ-такъ; мнѣ не совсѣмъ здоровится, сказала молодая дѣвушка, вздохнула и ушла.

— Тутъ что нибудь да кроется, думалъ я: она не даромъ говорила о барометрѣ... Что же можетъ быть особеннаго въ воздухѣ? Посмотримъ, не замѣчу ли я чего.

Я внимательно посмотрѣлъ на горизонтъ, но не замѣтилъ ничего необыкновеннаго; только воздухъ становился туманнымъ, тяжелымъ, душливымъ, и во всей природѣ господствовало торжественное, ничѣмъ не нарушаемое молчаніе.

Нѣсколько минутъ спустя, докуривъ сигару, я пошелъ къ моему пріятелю. Онъ обыкновенно вставалъ очень рано, но на этотъ разъ я засталъ его еще въ постелѣ.

— Какъ! вы еще не встали! вскричалъ я. Вставайте, вставайте скорѣе и принимайтесь за дѣло.... Сегодня вамъ не будетъ недостатка въ занятіяхъ!

— Дай Богъ, отвѣчалъ онъ: чтобы черезъ нѣсколько часовъ ихъ не было черезъ-чуръ много. Въ воздухѣ распространяются странные признаки, предвѣщающіе ураганъ.

— Пустяки! возразилъ я: барометръ стоитъ все на тридцати градусахъ. Онъ даже немного поднялся со вчерашняго дня.

— Любезный другъ, сказалъ плантаторъ съ увѣренностію и ударяя на каждомъ словѣ: вотъ тридцать лѣтъ, какъ я живу въ Западной Индіи. Въ продолженіе этого времени, я былъ свидѣтелемъ восьми урагановъ. Последніе три я предугадывалъ

по своимъ собственнымъ ощущеніямъ.... теперь я опять то же чувствую, но въ-десятеро сильнѣе!... Повѣрьте мнѣ, сегодня намъ предстоитъ ужасный день.

Впослѣдствіи я самъ убѣдился въ истинѣ предчувствій или, вѣрнѣе сказать, предощущеній, подъ гнетомъ которыхъ находился тогда мой пріятель. Предощущенія эти зависятъ вообще отъ вліянія метеорологическихъ измѣненій или особенностей на тѣло, разстроенное физическимъ недугомъ. Въ своемъ трактатѣ о европейскихъ колоніяхъ г. Ховинсонъ говоритъ:

«Люди, долго живущіе на островахъ Западной Индіи, могутъ довольно вѣрно предсказывать приближеніе урагана, наблюдениемъ извѣстныхъ атмосферическихъ явленій. Къ несчастію, это предвѣдніе не имѣетъ большой пользы для тѣхъ, которые находятся на морѣ или по близости его. Сила бури бываетъ такъ велика, что никакія предосторожности не защитятъ отъ ея разрушительныхъ дѣйствій. Наканунѣ того дня, когда свирѣпствуетъ ураганъ, воздухъ почти всегда тихъ и душнѣвъ; морской вѣтерокъ не поднимается въ обыкновенное время, небо становится багрово-туманнымъ, горизонтъ покрывается тучами, шумъ прибоя волнъ становится какъ-то особенно внятенъ и звученъ, и перекаты грома, болѣе или менѣе отдаленные, повторяются безпрерывно. Наконецъ вѣтеръ начинаетъ дуть неправильными порывами, которые становятся чаще и сильнѣе, по мѣрѣ приближенія урагана.»

Въ общемъ это описаніе вѣрно; однако жъ оно не даетъ точнаго понятія о той величественной картинѣ, которой я былъ очевидцемъ.

Видя, что опасенія моего друга увеличивались и причиняли ему настоящее мученіе, я старался воспользоваться расположеніемъ его ума и обѣщалъ ему тщательно наблюдать за измѣненіями атмосферы и движеніемъ ртути въ барометръ. Это обѣщаніе, казалось, нѣсколько утѣшило его.

— И такъ я полагаюсь на васъ; надобно будетъ во-время принять мѣры предосторожности къ перенесенію страшнаго урагана; я нахожусь въ совершенномъ разслабленіи, что бываетъ со мною всегда, когда эти ужасныя бури готовятся въ воздухѣ. Могу увѣрить васъ, что не позже, какъ черезъ сутки, разразится ураганъ.

Могъ ли молодой человѣкъ, проведеній послѣдніе пять лѣтъ въ морскихъ странствованіяхъ и бывавшій почти во всѣхъ концахъ свѣта, искренно раздѣлять опасенія плантатора, здоровье котораго было совершенно разстроено злокачественнымъ климатомъ? Ни въ какомъ случаѣ. А потому я вышелъ изъ его ком-

наты въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Приближеніе урагана не только не пугало меня; я напротивъ, нетерпѣливо ждалъ его, какъ молодой любознательный человѣкъ ждетъ арбуша, могущаго доставить ему минутное развлеченіе.

Но я не зналъ, что ожидало меня.

Вышедши изъ дому, я встрѣтилъ Бетси, негритянку, занимающуюся раздачею корма курамъ и уткамъ.

— Знаешь ли новость, Бетси? скажи жъ ей: твой баринъ увѣряетъ, что сегодня будетъ ураганъ....

Трудно вообразить себѣ внезапную перемену, произведенную въ негритянкѣ этими словами. Болтовня и наивныя увѣщанія, которыми она сопровождала раздачу зеренъ уткамъ и курамъ, вдругъ прекратились. Выраженіе безпокойства и страха замѣнилось веселюю улыбкою, полураскрывавшую толстыя губы ея; право, мнѣ показалось что она поблѣднѣла. Чашка, въ которой былъ кормъ, выпала у нея изъ рукъ. Вѣроятно, никто не говорилъ ей еще о предчувствіяхъ плантатора.

— Ахъ, Господи, Господи! горюла она тихимъ голосомъ: баринъ никогда не ошибается.... быть бѣдѣ, быть бѣдѣ!

И она убѣжала, не обращая болѣе на меня вниманія.

— Но, подумалъ я: въ-самомъ-дѣлѣ намъ, кажется, предстоитъ сегодня порядочная суматоха.

Прошло нѣсколько минутъ, и въ домѣ плантатора поднялась страшная тревога. Нарочные были отправлены на сахарный заводъ, находящійся во внутренности острова, въ полумиль отъ жилища; также на бухту, въ которой стояли разныя суда, для перевозки сахара и для собиранія коралловъ, изъ которыхъ приготовляли известь. Въ то же самое время составили съ мѣста обѣденный столъ, чтобы открыть лѣтницу въ обширный подвалъ. Испуганные негры перенесли туда всѣ цѣнныя вещи; этотъ же подвалъ служилъ и мѣстомъ убѣжища отъ урагановъ.

Въ девятомъ часу, когда всѣ предосторожности были взяты, мы паскоро позавтракали. Барометръ уже начиналъ понижаться, но не было другихъ ощутительныхъ признаковъ перемены въ атмосферѣ. Легкій вѣтерокъ W.N.W., пассатный вѣтеръ, дующій обыкновенно въ это время, начиналъ подниматься. Но въ природѣ было все спокойшо и тихо по прежнему. На дворѣ стояло прекрасное тамариндовое дерево, обремененное почти спѣлыми плодами, которые висѣли большими кистями на вѣтвяхъ, слегка колеблемыхъ вѣтеркомъ.

Домашній скотъ также былъ встревоженъ и безпокоенъ; казалось, онъ тоже предчувствовалъ приближеніе опасности.

Не будучи совершеннымъ скептикомъ, я самъ былъ не совсемъ спокоенъ, и постоянно наблюдалъ за измѣненіями ртути и погоды. Въ одиннадцать часовъ ртуть стала быстрѣе понижаться. Она была на 29° 80. Съ сѣверной стороны собралась на горизонтѣ туча. Пассатный вѣтеръ все еще дулъ въ нашу сторону и освѣжалъ насъ; но къ двумъ часамъ онъ совершенно прекратился, и тогда ртуть стала еще быстрѣе понижаться.

Приближеніе бури сдѣлалось несомнѣннымъ. Всѣ сосѣдніе жители, принадлежащіе къ одной общинѣ, приходили толпами въ Дрей-Хиль-Хуэзъ, искать утѣшенія въ обществѣ бѣлыхъ.

Въ три часа поднялся сильный вихрь. Желая знать распоряженія, сдѣланныя на корабляхъ, стоящихъ на якорѣ, я тихонько вышелъ изъ дому, и отправился къ прибрежному утесу.

Какъ моряку, мнѣ больно было видѣть непростительную безвѣчность тамошнихъ жителей; изъ двѣнадцати купеческихъ кораблей, стоявшихъ на рейдѣ, четыре только приплыли мѣры предосторожности противъ бури. Три судна стояли на одномъ якорѣ, и были скрѣплены укороченною цѣпью и съ отланной брамъ-реею. На одномъ бригѣ бомъ-брамсели и передніе паруса также были отданы. Такое небреженіе непростительно. Даже старикъ Колумбъ былъ въ этомъ отношеніи болѣе свѣдущъ: онъ быстро попялъ признаки, предшествующіе урагану въ Западной Индіи.

Такъ какъ вѣтеръ все болѣе и болѣе усиливался, то я нашелъ необходимымъ вернуться домой. Чтобы спокойнѣе пройти эту дорогу, я долженъ бы пробраться около сада, вдоль насыпи, которая могла бы защитить меня. Но не имѣя никакого понятія о силѣ урагана въ первомъ его періодѣ, я хотѣлъ пройти мимо дверей, выходящихъ на дорогу. Въ одно мгновеніе я былъ опрокинутъ ужаснымъ порывомъ вѣтра, и покатился по скату дороги, какъ будто гонимый могучею рукою великана. Я воображалъ, что мнѣ нѣтъ уже спасенія, потому-что море находилось въ той сторонѣ, куда гналъ меня вихрь. По счастью, я попалъ въ болото, поросшее кустарникомъ; я ухватился за послѣдній, и это спасло меня отъ неминуемой погребели.

Отдохнувъ немного и собравшись съ новыми силами, я кое-какъ добрался опять до Дрей-Хиль-хоуза, пользуясь малѣйшимъ кустарникомъ, малѣйшимъ холмикомъ. Оглушительное завываніе бури не прекращалась.... красивая тамаринда крутилась, рва-

лась какъ бы томимая предсмертными муками; вѣтеръ ломалъ вѣтви, обремененныя плодами, и уносилъ ихъ вдаль.... Мѣстами кружились въ воздухѣ мелкіе камышки, которыми вихрь игралъ точно песчинками....

Наконецъ мнѣ удалось войти въ домъ. Я такъ усталъ, что тотчасъ опустился на стулъ, не будучи почти съ состояніи удержаться на ногахъ. Надобно было запереть и заставить окна и двери. Женщины и дѣти сидѣли на полу; всѣ хранили молчаніе; впрочемъ и невозможно было говорить, сильный шумъ урагана заглушалъ человѣческой голосъ.

Воображеніе мое было сильно поражено бѣдственнымъ положеніемъ моей любимой тамаринды; мысль о ея мнимомъ страданіи преслѣдовала меня безпрестанно. Съ горестію слѣдилъ я, сквозь щель неплотно закрытаго окна, за бѣшенными усиліями вѣтра. Главные стволы тамаринды, существовавшіе, быть можетъ, цѣлое столѣтіе, упорно сопротивлялись натиску бури; шумъ треска, стопа ихъ мѣшался съ ужаснымъ завываніемъ вѣтра.... Нѣсколько мгновеній спустя красивая тамаринда превратилась въ жалкое, какъ бы иссохшее дерево....

Грустно, невыразимо грустно зрѣлище.

Темнота около насъ увеличивалась. Ревъ бури, постоянно усиливавшійся, оглушалъ насъ. Вдругъ раздался сильный трескъ.... Вѣтеръ поколебалъ стѣны дома. Женщины и дѣти вскочили съ ужасомъ, кричали,—но голоса не ихъ было слышно; только по движеніямъ можно было догадаться, что онѣ просили, чтобы ихъ пустили въ подвалъ. Вскорѣ мы осталось вдвоемъ съ управителемъ въ нижнемъ этажѣ, слѣдя попеременно то за барометромъ, висѣвшимъ близъ лѣтницы нашего послѣдняго убѣжища,—то за устрашительнымъ колебаніемъ дома.... Вдругъ раздался такой ужасный трескъ и грохотъ, что мы оцѣпенѣли.... кровь застыла въ нашихъ жилахъ....

Послѣ мы узнали причину этого грохота. Буря разрушила строенія кухни, хлѣва и сарая, смежныхъ съ домомъ, разнесла доски, камни и бревна, такъ что послѣ не отыскалось и слѣдовъ ихъ. Сотрясенія, менѣе сильныя, послѣдовали за этимъ трескомъ, съ ударами, подобными пушечнымъ выстрѣламъ. Огромные камни, поднятые вихремъ, кружились въ воздухѣ и стучали въ стѣны дома....

Къ совершенному нашему ужасу, упала на нашъ домъ огромная деревянная труба, съ помощью которой проводили тростниковый сокъ изъ мельницы въ чанъ, въ имѣніи, находившемся въ двухъ миляхъ къ сѣверу отъ дома моего пріятеля. — Она вон-

зилась какъ мечъ, сначала въ крышу, именно надъ той комна- той, гдѣ мы находились, потомъ въ столъ, стоявшій возлѣ насъ, и утвердилась въ полу подъ нами. Часть трубы, оставшаяся надъ крышей, была предоставлена патиску вѣтра, и дѣйствуя подобно огромному рычагу, потрясала домъ, какъ будто стѣны его были изъ картона. Вдругъ эта огромная часть трубы отломилась, и отлетѣвъ на нѣсколько шаговъ, воткнулась въ землю.

Въ это время барометръ упалъ до 28° 50. Мы почувствовали или, быть-можетъ, намъ показалось, что зданіе разрушается. Бросивъ еще одинъ послѣдній взглядъ на барометръ, мы соби- рались въ подвалъ, какъ вдругъ, къ нашему удивленію, ртуть упала на четверть дюйма. Въ недоумѣніи я схватилъ за руку управителя и сталъ кричать ему на ухо, но вой вѣтра заглушалъ мой голосъ; только знаками удалось мнѣ объяснить ему въ чемъ дѣло.

Въ ту же минуту я замѣтилъ значительную перемену....

Боже Всемогущій! вскричалъ я: что это значитъ?

Въ одно мгновеніе водворилось совершенное спокойствіе и мо- гильная тишина... явственно слышались вопли и молитвы жен- щинъ и дѣтей, сидѣвшихъ въ подвалѣ.... Первое дѣйствіе ура- гана кончилось. Невозможно описать ужаса этой минуты. Я взялъ свѣчу и вышелъ изъ дому; пламя стояло неподвижно. — Вокругъ жилища господствовали непроницаемый мракъ, могиль- ная тишина....

Но эта неподвижность была непродолжительна. Нѣсколько ми- нуть спустя, услышавъ въ далекѣ глухой шумъ, я торопливо вернулся домой и заперъ за собой двери. Тогда земля слегка покабалась.... Землетрясеніе усилило ужасъ нашего поло- женія. Ураганъ начинался снова, но въ этотъ разъ съ противо- положной стороны и разразился на насъ съ ужасающею силою. Домъ, уже покачавшійся, начиналъ колебаться; разрушеніе его казалось неминуемымъ. Мы спустились въ подвалъ, прикрѣпивъ сверху лѣстницу крѣпкимъ ремнемъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мы оставались въ тягостномъ недоумѣніи, совершенно оглушенные адскою бурей, свирѣпѣвшей надъ нашими голова- ми.... Боченки съ ромомъ и нѣсколько бутылокъ, оставшіяся въ погребу, были опрокинуты.

Въ четыре часа по-полуночи сила вѣтра замѣтно уменьшилась. Мы приступили съ большою осторожностію къ лѣстницѣ; ко- гда мы взобрались на нее, луна бросала томный свѣтъ на груп- пы черныхъ и густыхъ облаковъ, быстро мчавшихся въ воз-

душномъ пространствѣ... Надъ нашими головами вмѣсто кры- ши былъ сводъ небесный!... Вся верхняя часть дома была уне- сена вѣтромъ.

Мы съ пріятелемъ пошли къ сосѣднему пригорку, и ожидали тамъ разсвѣта. Плататоръ былъ взволнованъ и въ ужасномъ безпокойствѣ. Когда заря показалась на востокѣ, онъ сказалъ мнѣ разстроенымъ голосомъ:

— Посмотрите на мельницу, я самъ не рѣшаюсь!... Она, дол- жно быть, разрушена.... Ничто не могло устоять противъ такой буря... Я лишился всего!

Я со страхомъ обернулся въ ту сторону, гдѣ находилась мель- ница.

— Успокойтесь! вскричалъ я: строеніе на мѣстѣ; ураганъ, ка- жется, не произвелъ тамъ никакого поврежденія.

Солнце взошло яркое, свѣтлое, какъ и наканунѣ; но какое пе- ро въ состояніи описать сцену опустошенія, которую оно освѣ- тило!... Растительность, жилища, животныя, — все, все погиб- ло....

Возвращаясь въ Дрей-Хиль-Хоузъ, мы прошли черезъ коко- совую рощу; теперь въ ней остались только одинъ пни, возвы- шавшіяся на нѣсколько футовъ надъ землею....

Крѣпкая каменная стѣна съ желѣзною рѣшеткою окружала жилище.... стѣна, рѣшетка, все было снесено; нѣсколько кам- ней, вѣсомъ фунтовъ въ двѣсти были наконецъ найдены на раз- стоянніи одной мили отъ прежняго мѣста ихъ.

Наканунѣ еще мы жили среди изобилія и роскоши, а теперь обрадовались, найдя въ углу подвала старый, попортившійся окорокъ....

Вскорѣ со всѣхъ сторонъ стали приходить извѣстія объ опу- стошеніяхъ, произведенныхъ ураганомъ на всемъ протяженіи плантаціи. Мы узнали, что домъ, находившійся на бухтѣ, былъ разрушенъ бурей, и что всѣ маленькія суда были выброшены на берегъ, гораздо далѣе слѣдовъ самаго сильнаго прилива. Смотритель сахарнаго завода, негръ, объявлялъ, что тамъ так- же все было разрушено, исключая избы и большого котла, ко- торой однако претерпѣлъ нѣкоторыя поврежденія. Рукавъ по- жарной трубы былъ оторванъ, и землетрясеніе сдѣлало проломъ въ стѣнѣ.

— Не убило ли кого изъ людей? спросилъ я.

— Охъ! барина, отвѣчалъ мнѣ смотритель: трехъ негровъ не- достаетъ.

— Но убитыхъ нѣтъ никого! повторилъ я.

— Обломокъ скалы проломилъ голову бѣдной Педжи.

— Но она не умерла?

— Какъ тутъ, сударь, не умереть!... Огромный обломокъ скалы, переброшенный вѣтромъ черезъ крышу, проломилъ ей голову....

Я узналъ впоследствии, что бѣдная женщина точно была убита такъ, какъ рассказывалъ негръ. Особенное чувство безпокойства, естественное въ морякѣ, влекло меня снова къ скалѣ, откуда видна была пристань. Никогда прежде не случалось мнѣ видѣть болѣе поразительной картины. Два изъ самыхъ большихъ купеческихъ судовъ потонули со всѣмъ своимъ грузомъ; вершины ихъ большихъ мачтъ только видѣлись на поверхности воды. Мала суда были выброшены на сухое мѣсто, гораздо дальше черты самыхъ большихъ приливовъ. Однако, и къ моему великому удивленію, три изъ этихъ послѣднихъ безъ поврежденія выдержали бурю. Между прочими, одинъ бригъ стоялъ еще на якорѣ со своей отдавннй бомъ-брамселью; но вершина его форъ-стенги была искривлена и весь передній фальш оторванъ.

Бѣдный стимеръ, къ которому я принадлежалъ, много потерялъ на англійскомъ портѣ. Онъ не удержался на своихъ большихъ парусахъ, и присталъ къ набережной; но какъ вѣтеръ вдругъ перемѣнился и нельзя было отвязать множества канатовъ, которыми онъ былъ прикрѣпленъ къ берегу, то онъ оторвалъ набережную на всемъ томъ протяженіи, гдѣ были укрѣпленія....

Не смотря на всю прелесть воспоминанія подобныхъ явленій, не думаю, чтобы кто-либо добровольно согласился видѣть ихъ въ другой разъ.

СОСТАВЪ РЕДАКЦИИ ЛОНДОНСКАГО ЖУРНАЛА. За исключеніемъ, быть-можетъ, таинственныхъ областей, называемыхъ театральными кулисами, рѣшительно нѣтъ заведеній, которыхъ внутренній механизмъ былъ бы такъ мало извѣстенъ большинству публики, какъ механизмъ лондонскихъ утреннихъ журналовъ, этихъ обширныхъ складочныхъ мѣстъ политическихъ новостей, этихъ великихъ ежедневныхъ лѣтописей современной исторіи. Это совершенно особая промышленность, о которой публика почти ничего не знаетъ, — промышленность, которой производство требуетъ тѣснѣйшаго сочетанія разнороднѣйшихъ элементовъ, требуетъ большихъ капиталовъ, чрезвычайно сложнаго матеріальнаго труда, непрерывной дѣятельности, вѣрнаго сужденія, высокаго ума, готоваго на немедленное разсмотрѣніе

всякихъ вопросовъ, моральныхъ, общественныхъ, политическихъ, литературныхъ, какіе попадаютъ подъ-руку. Все это необходимыя условія, чтобъ основать или вести съ успѣхомъ большой лондонскій журналъ.

Желая разсѣять туманъ, существующій въ понятіяхъ публики касательно средствъ и производствъ, помощью которыхъ новости цѣлаго міра подаются намъ всякое утро съ чашкою кофе и сухарями, представляемъ краткое описаніе огромной умственной и вещественной машины, которая имѣетъ столь сильное влияние на движеніе общества и успѣхъ образованія.

Всѣ ежедневные лондонскіе журналы имѣютъ свои центры на той великой жилѣ сообщенія, которая соединяетъ Сити съ западными кварталами, или въ близкомъ соудѣствѣ съ нею. Нѣкоторые такіе заводы *извѣстій* выходятъ лицомъ на улицу; другіе скрываются въ темныхъ переулкахъ и закоулкахъ, словно для того, чтобъ лучше сохранить великое правило безименности, которое, справедливо или нѣтъ, считается не только силою, но самой сущностью и, такъ-сказать, душою англійской журналистики.

Многолюдный составъ редакціи лондонскаго журнала можетъ быть раздѣленъ на *шесть категорій*. Замѣтимъ однако, что это раздѣленіе не строго непреложно: нѣкоторые участники, находясь, такъ-сказать, на рубежахъ разныхъ категорій, исполняютъ иногда обязанности нѣсколько смѣшаннаго рода. Во-первыхъ, есть *типографскій* департаментъ, основа всего заведенія, состоящій человекъ изъ шестидесяти. Потомъ слѣдуетъ департаментъ *торговій*, занимающійся промышленной частью, управленіемъ матеріальной стороны дѣла, принятіемъ и развѣщеніемъ объявленій, выпускомъ журнала въ свѣтъ и общей отчетностью. Въ этомъ департаментѣ бываетъ человекъ до двѣнадцати, считая въ томъ числѣ нѣсколько лицъ, состоящихъ болѣе или менѣе въ прямой связи съ дѣломъ публикаціи. Третье мѣсто занимаетъ департаментъ *сотрудниковъ*, котораго главное отдѣленіе корнуетъ *стенографовъ при Палатахъ Парламента*, заключающій среднимъ числомъ отъ двѣнадцати до шестнадцати человекъ. Далѣе слѣдуютъ *судебные стенографы*, обязанные слѣдить за преніями судебныхъ мѣстъ: ихъ бываетъ человекъ до шести. Сюда же мы отнесемъ *постолннхъ и заявленныхъ корреспондентовъ* журнала по главнымъ провинціальнымъ городамъ и гаванямъ. Наконецъ нельзя умолчать о томъ множествѣ сотрудниковъ, безъ постоянного жалованья, безъ опредѣленной обязанности, обыкновенно называемыхъ сотрудниками *по пенни* со

строки, *pen-pu-a-liners*, которые поставляютъ журналу значительную часть ежедневныхъ столичныхъ новостей, случаевъ, убійствъ, пожаровъ и т. п., включая сюда же заведенія пещиныхъ судебныхъ мѣстъ, особенно полицейскихъ судовъ.

Четвертое мѣсто принадлежитъ важному департаменту *иностранной корреспонденціи*, департаменту, котораго стоимость и важность значительно увеличилась со времени начала нынѣшнихъ смутъ европейскаго материка. Люди, привыкшіе читать англійскіе журналы, знаютъ, что, кромѣ постоянныхъ корреспондентовъ въ главныхъ столицахъ Европы, лондонская журналистика имѣетъ представительницъ почти на всѣхъ пунктахъ, бывающихъ сценою великихъ политическихъ или военныхъ событій.

Слѣдуетъ наконецъ департаментъ собственно *редакціи*, который заключается не только отвѣтственныхъ издателей журнала, но и всѣхъ оригинальныхъ писателей, участвующихъ въ журналѣ, — тайнственныхъ авторовъ *Лондонскихъ извѣстій*, и тѣхъ, чье перо, оставляя въ сторонѣ политическіе предметы, трудится надъ разборомъ произведеній литературы, театра и изящныхъ искусствъ. Правило безыменности, какъ мы сказали; очень строго соблюдается въ большихъ журналахъ. Даже лица, которые въ другихъ отношеніяхъ довольно знакомы съ записными дѣлами редакціи, вообще остаются почти въ совершенномъ невѣдѣніи на счетъ авторовъ капитальныхъ статей. Касательно драматическихъ и музыкальныхъ критикъ, не соблюдается такой тайны; да она была бы и не возможна, потому-что половина обычныхъ посѣтителей театровъ и концертныхъ залъ знаютъ въ лицо представителей различныхъ журналовъ. Почти тоже должно сказать о литературныхъ критикахъ, въ сочиненіи которыхъ участвуютъ тѣ изъ парламентскихъ стенографовъ, которые имѣютъ наиболѣе вкуса и специальныхъ познаній. Прибавимъ, что тѣже самые стенографы часто обязаны бывають присутствовать на публичныхъ пражисстввахъ или церемоніяхъ, которыхъ описаніе требуетъ довольно опытнаго пера.

Къ этимъ главнымъ пяти категоріямъ, потребнымъ для составленія и выдачи большаго журнала, должно прибавить еще шестую, заключающую всѣхъ служителей, дневныхъ и ночныхъ разнощиковъ, комиссіонеровъ и разсылныхъ, курьеровъ для заграничныхъ поѣздокъ, вообще толпу низшихъ лицъ, которымъ обширное заведеніе такого рода доставляетъ средства существованія.

Исчисляя кратко различныя части машины, войдемъ въ нѣкоторыя ближайшія подробности о каждой частн. Въ типографіяхъ журналовъ находятся самыя смѣшленные, самыя искусныя и самыя проворныя наборщики, какіе есть въ Лондонѣ и, можетъ-быть, въ цѣломъ свѣтѣ. Нѣкоторые изъ нихъ зарабатываютъ не менѣе 3—4 фунт. стерлинговъ въ недѣлю (20—28 р. с.); но вообще ихъ жалованье можно полагать отъ 2 ф. 10 шиллинговъ до 3 ф. ст. (отъ 15 до 20 р. сер.). Работа наборщика утренняго журнала начинается съ семи или восьми часовъ вечера, и длится до-тѣхъ-поръ пока журналъ «уляжется», употребляя техническое выраженіе, что бываетъ часовъ около пяти утра. Но случается, что работа длится и долѣе. Когда ожидаютъ важнаго нарочнаго изъ-за границы, — на пр. съ индійской почтой, — наборщикъ остается въ заведеніи, готовый принимать за дѣло по первому знаку, либо приляжетъ одѣтый на постель, или у себя дома, или въ сосѣднемъ трактирѣ, чтобы немножко отдохнуть до тѣхъ-поръ, пока разсылный прибѣжитъ запылавшись сказать ему, что «Индія пришла». Къ отличительнымъ чертамъ журнальнаго наборщика принадлежитъ рѣдкая смѣтливость, съ какою онъ разбираетъ безсвязныя маранья, попадающія ему часто въ руки въ видѣ *оригинала*. Вообразите, наприимѣръ, полдюжины столбцовъ отчета какого-нибудь важнаго провинціального собранія, намараившихъ на скорую руку, карандашомъ, двумя или тремя стенографами, во время поѣзда изъ Ливерпуля или Экстера въ Лондонъ съ нарочнымъ поѣздомъ. Вообразите эту нестройную массу оригинала, полустертую, вполнину непонятную, — и она прочтывается, набирается и корректируется въ какой-нибудь частъ съ небольшимъ! И подобный подвигъ вовсе не рѣдкость въ конторахъ лондонскихъ журналовъ. Вообще читатели журналовъ болышею частью обязаны искусству наборщиковъ той скоростью, съ какою до нихъ доходятъ всѣ извѣстія.

Оставимъ въ сторонѣ промышленный департаментъ журнала, не имѣющій ничего особенно замѣчательнаго, и перейдемъ къ важному разряду сотрудниковъ-стенографовъ. Люди, на которыхъ лежитъ обязанность составлять извѣстія о парламентскихъ преніяхъ, первые заслуживаютъ вниманія.

Нечего распространяться о блестящихъ литературныхъ и судебныхъ дарованіяхъ, вышедшихъ изъ тѣсной и низкой трибуны, торчащей надъ креслами президента, въ Нижней Палатѣ. Всѣ знаютъ, что, начиная съ доктора Самуила Джонсона до нашего времени, обязанности описателей парламентскихъ преній

выполняются и выполняются разрядомъ людей, изъ среды которыхъ вышли лица, имена которыхъ известны всѣмъ, гдѣ уважаютъ англійскую литературу и англійское краснорѣчіе. Можно прибавить, что вознагражденіе за этотъ трудъ по большей части бываетъ основою дохода, который дополняется помощію связей съ разными не столь важными, но столь же привлекательными отраслями періодической и драматической литературы. Трибуна описателей преній, разумѣется, заключается людей съ весьма различными способностями, съ весьма несхожими привычками. Для нѣкоторыхъ, это ремесло составляетъ все; для другихъ, оно только путь къ высшей роли въ обществѣ. Немногіе, и только очень немногіе, не простираютъ своихъ вѣдѣній за предѣлы роли искусныхъ стенографовъ; наибольшая же часть домогаются высшаго положенія, — честолюбіе, довольно понятное въ людяхъ, которые съ преимуществами воспитанія соединяютъ умъ, изощренный самымъ свойствомъ ихъ занятій, поставляющихъ ихъ въ безпрерывное соприкосновеніе съ государственными людьми и общественными событіями. Нѣкоторые изъ нихъ уже пользуются значительной литературной или политической извѣстностью, и могутъ весьма справедливо надѣяться со временемъ сами говорить рѣчи, которыя покамѣстъ только записываютъ.

Каждый журналъ имѣетъ свой столікъ, за которымъ находится его представитель съ начала до конца засѣданія. Обыкновенно стенографы чередуются по алфавитному порядку, и время отправленія должности каждаго изъ нихъ называется «очередью». Продолжительность этихъ очередей бываетъ различна, смотря по часамъ вечера*. Часовъ до одиннадцати вечера, «очередью» бываютъ въ полчаса или въ три четверти часа. Послѣ одиннадцати часовъ, онѣ вообще не превышаютъ четверти часа или двадцати минутъ. Въ этомъ отношеніи у каждаго журнала свой порядокъ, который всегда можетъ измѣняться, по извѣстнымъ, опредѣленнымъ правиламъ, смотря по продолжительности преній въ Палатѣ Лордовъ. Какъ скоро стенографъ смѣнился, тотчасъ идетъ въ контору записать свои замѣтки. Очередь въ три четверти часа обыкновенно доставляетъ съ небольшимъ два столбца содержанія, печатаемыхъ въ компактной формѣ, какъ употребляется для парламентскихъ преній. За составленіемъ этихъ двухъ столбцовъ проводитъ сотрудникъ часа четыре. Часто

* Для ясности припомнимъ читателю, что засѣданія англійскаго парламента бываютъ по вечерамъ.

случается, особенно когда обѣ Палаты засѣдаютъ въ одно время и стенографы распределены между ними поровну, что время не позволяетъ придавать стенографическимъ замѣткамъ полное развитіе. Наступленіе вторичной очереди перѣдко принуждаетъ сотрудника пропускать цѣлые потоки краснорѣчія. Въ хлопотливые вечера бываетъ и то, что сотрудникъ долженъ отправить три очереди, то есть провести иногда въ чрезвычайно тягостномъ и утомительномъ трудѣ семь, восемь, даже девять часовъ за составленіемъ статьи. Замѣткамъ впрочемъ, что такіе случаи сравнительно рѣдки. Можно приблизительно вѣрно положить, что среднее количество каждаго засѣданія бываетъ безъ малаго столбца въ вечеръ на сотрудника. Большая часть рѣчей, произносимыхъ въ Парламентѣ, могутъ подлежать значительнымъ сокращеніямъ. Потому сотрудникъ ограничивается только разборомъ массы парламентскихъ ораторовъ, а ихъ утомительное многословіе, ихъ безпрестанныя повторенія, ихъ пошлѣяя декламациі сокращаетъ и излагаетъ грамматическимъ англійскимъ языкомъ, — трудъ часто совершенно необходимый, такъ что какія-нибудь двадцать строкъ, которыя въ журналѣ кажутся небольшою рѣчью, ясной; точной и краткой, въ дѣйствительности составляютъ основу и сущность длинной рѣчи, нескладной и безвязаной, которая доначала Палатѣ въ продолженіе получаса или даже цѣлаго часа.

Но не такъ бываетъ, когда стенографу достанется несчастіе попасть на какую-нибудь знаменитость Палаты, на министра или предводителя оппозиціи. Тогда надо записывать рѣчь почти слово въ слово. Говоримъ почти, потому что едва ли не всякій ораторъ бываетъ обязанъ журнальнымъ сотрудникамъ, то сокращеніемъ одного и того же члена фразы, повтореннаго у него дважды или трижды, то дополненіемъ періода, покинутого имъ безъ окончанія, въ пылу импровизаціи. На этотъ счетъ, на трибунѣ стенографовъ есть уложеніе ораторской критики, часто техническое и ремесленное, которое обвиняетъ ораторовъ единственно по удобствамъ, какія стиль ихъ и манера представляютъ стенографамъ. Напримѣръ, сэръ Робертъ Пиль пользуется большой благосклонностью у этихъ господъ. Онъ выражается внятно и отчетливо; всякій разъ когда дѣло идетъ о цифрахъ (а цифры приводятъ въ отчаяніе стенографовъ), рѣчь его совершенно ясна и понятна. Сверхъ того онъ понимаетъ свою каеэдру: въ важныхъ случаяхъ онъ скорѣе диктуетъ стенографамъ, нежели говорить слушателямъ. Соперникъ его, лордъ Джовъ Россель, вообще довольно медленъ на рѣчь, но не все-

гда внятнѣе, и если не одушевляется и не увлекается своимъ предметомъ, то постройка фразъ его иногда неудовлетворительна. Сэръ г. Грей чрезвычайно затруднителенъ для стенографовъ: рѣчь его слишкомъ быстра. Фраза сэра Чарльза Вуда (канцлера) вѣрѣдко запутана, и кромѣ-того онъ подверженъ занканию (*lapsus linguae*), а это можетъ имѣть важныя послѣдствія въ финансовой рѣчи. Лордъ Пальмерстонъ отличный ораторъ для стенографовъ;—онъ говоритъ медленно, и рѣчь его, искусно отгнѣваемая, прекрасно выказываетъ силу выраженія и остроту эпитаммы. Сэръ Дж. Грэмъ также ораторъ, за которымъ легко слѣдить. Нельзя сказать того же о мистрѣ Глэдстоуѣ, котораго рѣчь стремительный потокъ словъ, произносимыхъ безъ всякаго ораторскаго ударенія; онъ громоздитъ доказательство на доказательство скорѣе, чѣмъ другіе выговариваютъ простыя фразы. Мистеръ Макале который, не бывъ снова избранъ въ Эдинбургъ, повидимому отказался отъ каѳедры, былъ также ораторъ грозный для стенографовъ; рѣчь его текла такъ быстро, что слѣдить за нею стоило чрезвычайнаго труда, а выраженіе было такъ изобильно и выѣстъ такъ щеголевато, что пропускъ одного слова портилъ цѣлую фразу. Тоже самое замѣчаніе болѣею частью примѣняется къ мистеру Шейлю, который, кромѣ того, имѣетъ недостатокъ произношенія невнятнаго и крикливаго. Мистеръ д'Израэли задаетъ много хлопотъ хорошему стенографу; но вообще на трибунѣ не жалуется на него. Въ верхней палатѣ, лордъ Стенли едва ли не самый любимый ораторъ, конечно съ стенографической точки зрѣнія; онъ говоритъ удивительно хорошо и ужасно быстро. Лордъ Брумъ обыкновенно отчетливѣе, но его вводныя предложенія часто ставатъ въ тупикъ стенографовъ. Лордъ Эбердинъ, внятнѣе, твердый и отчетливый въ произношеніи, удобно записывается. Тоже должно сказать о лордѣ Линдгорстѣ. Многовѣщательныя рѣчи маркиза Лендона много выигрываютъ отъ сокращенія ихъ на добрую половину; то же, и еще больше, можно сказать о лордѣ Монтигльѣ. Графъ Грей превосходный ораторъ для стенографовъ;—мысли его ясны, выражаются лязкомъ правильнымъ и внятно. То же справедливость слѣдуетъ отнѣсти молодому герцогу Арджилу, котораго парламентскій дебютъ обѣщаетъ не мало работы стенографамъ.

Вообще трибуна стенографовъ, не смотря на тяжкій иногда трудъ въ ней, мѣсто веселое, гдѣ много смѣются и много говорятъ остро и шуткомъ всякаго рода. Обыкновенно стено-

графы держатся очень умѣренныхъ политическихъ мнѣній. Вѣроятно, они такъ пресытились разными преніями партій, что сами не принадлежатъ ни къ какой партіи. Самая серьезная рѣчь обыкновенно внушаетъ имъ забавныя толкованія, которыя часто могутъ разсѣять скорѣе политическихъ противниковъ оратора, нежели его самого. Болѣе трехъ четвертей стенографовъ, состоящихъ при лондонскихъ журналахъ, родомъ Шотландцы или Ирландцы; Англичане составляютъ меньшинство на трибунѣ журналистовъ.

О стенографахъ при судебныхъ мѣстахъ нечего сказать особеннаго. Вѣрѣдко молодые адвокаты занимаютъ этимъ дѣломъ свой досугъ, въ ожиданіи вѣрителей.

Переходимъ къ иррегулярному войску сотрудниковъ *по пенни со строки*. На лондонскихъ улицахъ найдете человѣкъ пятьдесятъ такихъ, у которыхъ нѣтъ другаго дѣла и другихъ средствъ, кромѣ поставки новостей въ журналы. Эти сотрудники, компанія довольно пестрая, отличаются едва ли не больше своей неутомимостью и смѣлостью на погонѣ за новостями, чѣмъ деликатностію и талантомъ. Многие честные лондонскіе обыватели, къ несчастію, судятъ о составѣ журнальныхъ редакцій по этимъ господамъ *пенни со строки*, которые являются вездѣ, гдѣ собралась кучка любопытныхъ, такъ-что никто не знаетъ откуда они взялись; они величаются горделиво, какъ представители журналистики, которой они вѣрѣко приносятъ честь своей наружностью и манерами. Правда, нѣсколько даровитыхъ людей начинали свое журнальное поприще съ смиренной должности сбирателей новостей; но ни одинъ талантливый человѣкъ не оставался долгое время въ этомъ разрядѣ. Какъ случайные сотрудники, они получаютъ плату только за то количество ихъ статей, которое журналъ принялъ и напечаталъ, значитъ среднимъ числомъ за какую-нибудь десятую долю того, что они доставляютъ въ журналъ. Ко всемъ утреннимъ журналамъ посылаютъ они оригиналы новостей, которыя собрали, такъ-что имѣютъ вѣроятность получить нѣсколько разъ плату за одну и ту же статью, полагая по пенни съ половиной (около 10 к. ас.), а не по пенни (около 7 к. ас.) со строки, какъ можно заключать изъ ихъ названія. Оттого случилъ «*большой пожаръ*», «*смертоубійство*» и гг. *пенни со строки* заработаютъ больше, чѣмъ постоянные сотрудники журнала. Мы знавали такихъ, которые добывали въ вѣдѣлю до 30 и 40 фунт. ст. (210 и 280 руб. сер.). Но вообще люди этого ремесла очень безнечны. Они тратятъ свои деньги столь же быстро, какъ

добываютъ, иногда и еще быстрѣе; очень рѣдко случается, что у нихъ есть что-нибудь въ запасѣ, когда настаетъ глухая пора, въ которую нѣтъ политическаго волненія, слѣдовательно, нѣтъ публичныхъ собраній, и совершеннѣйшей неурожай на приключенія и преступленія. Въ такую-то пору производится живыя новости или, такъ-называемыя *улки*. Описываются мнимыя слѣдствія надъ смертями, которыхъ никогда не бывало; рассказывается о цѣлыхъ кварталахъ, встревоженныхъ катастрофами, которыя родились въ голодѣ проголодавашагося сотрудника. *Coroner*, слѣдственный приставъ, мистеръ Уаклей, публично объявлялъ однажды, что журналы заставили его присутствовать слѣдствіяхъ на двѣнадцати, тогда какъ онъ не имѣлъ понятія ни объ одномъ. Довольно странное обстоятельство послужило поводомъ къ этому объявленію. Нѣсколько журналовъ рассказывали о самоубійствѣ обольщенной дѣвушки, покинутой съ ребенкомъ, и рассказъ сопровождался такими трогательными подробностями, съ такимъ романтическимъ интересомъ, что возбудилъ сильное любопытство и участіе въ публикѣ. Мы находились въ конторѣ одного изъ этихъ журналовъ, въ самый тотъ вечеръ, когда туда доставленъ былъ рассказъ о событіи, и какъ сейчасъ слышимъ, что редакторъ, обращая наше вниманіе на одно изъ писемъ, приведенныхъ въ рассказъ, говорить:

— Скажите, какъ это трогательно, и въ тоже время какъ вѣрно! Величайшій романистъ въ мірѣ не сочинитъ рассказа такого прекраснаго, такого простаго, такого натурального, какъ безграмотное письмо этой неученой дѣвушки.

Дня два-три спустя, оказалось, что вся исторія была сказкою. А между-тѣмъ нашъ знакомый редакторъ, вѣроятно, говорилъ правду. Весьма рѣдко случается, чтобы ложныя новости изобрѣтались тѣми, кто ихъ доставляетъ; онѣ, просто, бываютъ выписаны изъ какихъ-нибудь старыхъ забытыхъ журналовъ, или изъ какого-нибудь безвѣстнаго журнала колоній, и приспособлены къ правамъ и мѣстности столицы. Разумѣется, издатели журналовъ берутъ всѣ возможныя предосторожности противъ подобныхъ мистификацій; но не всегда успеваютъ. Съ сотрудниками *пенни со строки*, въ предупрежденіе и наказаніе обмановъ, издателямъ остается одно средство, постоянно отказываться отъ присылаемыхъ ими извѣстій. Что жъ выходитъ? Какъ скоро вповодный замѣтить, что подвергся отлученію, то уговаривается съ какими-нибудь пріятелемъ, который ссужаетъ на его статьи свое имя, либо самъ подписывается вымышлен-

ными именами, подъ которыми и скрывается до-тѣхъ поръ, пока проступокъ его забудутъ или простятъ.

Лучшее отличительное качество сотрудниковъ *пенни со строки*, неподражаемое постоянство и удивительная бодрость и отыскиваніе и проносиванье предметовъ для статей. Всюхъ-нетъ ли пожаръ? они являются среди пожарныхъ. Совершилось гдѣ важное преступленіе? они откуда ни возьмутся тамъ, ведутъ протоколъ и собираютъ всѣ подробности, могущія угодить любопытству публики. Особенно замѣчательны ихъ таланты на откритіе самоубійствъ. Приключенія на желѣзныхъ дорогахъ доставили имъ богатый рудникъ для разработки. Словомъ, не прой-детъ дня, который бы не доставилъ имъ какого-нибудь «замѣчательнаго случая», какой-нибудь «необыкновенной катастрофы». Вообще, во владѣніяхъ ея британскаго величества, быть-можетъ, нѣтъ класса людей, котораго трудъ былъ бы столь тягостенъ, существованіе столь необезпечено, а поведеніе столь безпорядочно.

Департаментъ иностранной корреспонденціи, съ нѣкотораго времени, подвергся страннымъ переменамъ. Встарину, то есть до февральской революціи, Парижъ, Мааридъ, Лиссабонъ, Аугсбургъ, были главными мѣстопробываніями иностранныхъ корреспондентовъ. Нынѣ журналъ принужденъ держать своихъ агентовъ по всей Европѣ, отъ Балтійскаго Моря до Средиземнаго, отъ Гасконскаго Залива до Азовскаго Моря. Должность корреспондента въ Парижѣ, центрѣ, которому всегда подчинялись прочіе пункты, требовала не столько тяжкаго труда, сколько бдительности. Такъ какъ вся политика европейскаго материка, такъ сказать, сходилась въ Парижѣ, то корреспондентъ обязанъ былъ немедленно пересылать, перѣдко съ курьеромъ или съ голубями, важныя извѣстія. Постоянная работа его не заключала ничего очень утомительнаго, — она состояла въ составленіи перечня ежедневныхъ новостей, въ кой-какихъ выпискахъ изъ утреннихъ журналовъ, переведенныхъ въ *Galvani Messenger*, да развѣ еще въ томъ, что онъ заходилъ въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ или внутреннихъ дѣлъ, узнать новости, либо оффиціальныя, либо экстра-оффиціальныя. Таковъ былъ заведенный порядокъ почти всякій день. Важность мѣста корреспондента заключалась болѣе всего въ строжайшей бдительности на перехватъ извѣстій; ему также принадлежало, подъ личной отвѣтственностью, судить, которая новость стоила отправки нарочнаго въ Лондонъ. Нынѣ курьеровъ замѣнили желѣзныя дороги, а голубей электрическіе телеграфы, но-крайнѣй-мѣрѣ, на часть дороги. Даже

самый поверхностный читатель замѣтитъ, что письма парижскаго корреспондента нынѣ гораздо длиннѣе прежнихъ. Изъ всѣхъ людей, проклипающихъ во Франціи февральскую революцію, никто не можетъ проклинать ее съ такими основательными причинами, какъ постоянный корреспондентъ англійскихъ журналовъ.

«Военные» сотрудники составляютъ особый классъ, порожденный смутами нашего времени. Многие изъ этихъ господъ, недавно извѣщавшихъ англійскую публику о судьбахъ и превратностяхъ войнъ въ Италіи и Венгріи, видали огонь вблизи, во время карлистскихъ походовъ въ Испаніи, и не разъ подвергались опасности быть повѣшенными или разстрѣлянными, какъ шпіоны. Не далѣе, какъ прошлымъ лѣтомъ, одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, понавішій въ горячку перваго возстанія Шлезвигъ-Голштинія, очутился, въ слѣдствіе ареста отправленнаго имъ курьера, въ очень критическомъ положеніи, и вырвался изъ него, только загнавъ на смерть нѣсколько лошадей и вскачавъ въ рыбацью лодку, помощію которой успѣлъ перѣбѣжать Малый-Бельтъ и потомъ скрыться въ Копенгагенѣ. Должность корреспондента на театрѣ войны не годится для людей, которые дорожатъ личной безопасностью и любятъ удобства жизни. Кто хочетъ порядочно исполнять такую должность, тотъ долженъ быть хорошимъ лингвистомъ, и понимать даже простонародное нарѣчіе округа, въ которомъ дѣйствуетъ. Онъ долженъ быть человѣкъ порядочнаго тона, ловкій, предприимчивый, умѣть примѣняться ко всѣмъ случайностямъ, при нуждѣ сострадать самъ-себѣ обѣдъ, и почевать подлѣ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь подлѣ деревомъ. Пуше всего, онъ долженъ писать съ легкостью, и если не съ радостью кидаться на опасности, то имѣть столько хладнокровія, чтобы спокойно составлять свои депеши, даже тогда, когда какая-нибудь шальная пуля просвѣтитъ мимо его ушей. Добримъ людямъ, которые любятъ спать на мягкой постели, вздрагиваютъ отъ пистолетнаго выстрѣла, и простужаются отъ всякаго вѣтра, нельзя братья описывать, въ качествѣ очевидцовъ, современную исторію войны.

Касательно авторовъ капитальныхъ статей, какъ сказано, наблюдается строжайшая тайна. Если эти авторы появляются иногда, въ конторахъ журналовъ, то отнюдь не оффиціально, и если отгадываешь причину ихъ прихода, то, по-крайней-мѣрѣ, якогда не добьешься причины отъ нихъ самихъ.

Распорядительная часть журнала состоитъ обыкновенно изъ

помощника издателя или *главнаго редактора*, имѣющаго у себя помощника; изъ редактора иностранныхъ извѣстій; иногда, но не всегда, изъ смотрителя служителей, котораго должность по-ловину литературная, по-ловину промышленная; наконецъ изъ *главнаго или отвѣтственнаго издателя*, который представляетъ въ своемъ лицѣ хозяевъ журнала, ведетъ общій надзоръ, и имѣетъ право полного контроля по всѣмъ частямъ предпріятія. Авторъ биржевыхъ извѣстій имѣетъ свою контору въ Сити, и каждый вечеръ посылаетъ статьи въ журналъ.

Редакторъ и его помощникъ являются въ должность къ восьми или девяти часамъ вечера, и занятія того или другаго изъ нихъ, если не обонхъ, прекращаются не ранѣе четырехъ часовъ утра. На ихъ разсмотрѣніе поступаютъ произведенія *пенни-со-строчки*, изъ которыхъ они выбираютъ то, что находятъ, по своей мысли, значущимъ или интереснымъ въ какомъ-нибудь отношеніи, сокращая притомъ или передѣлывая статьи, смотря по надобности. Они же занимаются литературной и политической корреспонденціей журнала, и дѣлаютъ для главнаго издателя выборку изъ кучи писемъ, присылаемыхъ ему каждый день съ подписью: *вашъ подписчикъ* или *вашъ усердный читатель*. Они обязаны перелистывать кучу провинціальнахъ журналовъ, и заимствовать изъ нихъ статьи, заслуживающія такой чести. Главнѣйшій редакторъ, сверхъ того, состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ типографіею, откуда его то-и-дѣло извѣщаютъ о количествѣ набраннаго оригинала, и о томъ, сколько еще остается порожняго мѣста. Во многихъ журналахъ заведено, чтобы каждая печатаемая строка проходила черезъ руки редактора; такимъ-образомъ онъ можетъ имѣть полное понятіе о ходѣ наборки журнала. Далѣе, редакторъ обязанъ надзирать за трудами стенографовъ: въ случаѣ, если какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство, напримѣръ внезапная болѣзнь, причинитъ задержку въ этой части редакціи, онъ тотчасъ входитъ въ сношеніе съ какимъ-нибудь другимъ журналомъ, чтобы поправить неудобство. Онъ принимаетъ часть дѣловыхъ посѣтителей, беретъ потребныя мѣры для добыванія отчетовъ о публичныхъ собраніяхъ, обѣдахъ и т. п.; онъ смотритъ за всѣмъ, и слѣдовательно, ведетъ жизнь чрезвычайно хлопотливую; весь поглощенъ разными трудами и заботами, которыхъ большая часть съ виду неважны, но которыя въ сложности тѣмъ не менѣе составляютъ одно изъ существенныхъ условій успѣха журнала.

Обязанность редактора иностранныхъ извѣстій явствуетъ изъ самаго названія. Онъ для иностранныхъ извѣстій тоже, что

главный редакторъ для извѣстій внутреннихъ. Онъ получаетъ корреспонденцію и иностранные журналы, разбираетъ заключающіяся въ нихъ извѣстия, и верьдко долженъ много переводить; слѣдовательно, ему необходимо хорошо знать языки.

Остается упомянуть о главномъ издателѣ. Велика его власть, велика и отвѣтственность. На его рѣшеніе представляются всѣ сомнительные вопросы. Редакторъ исправляетъ при немъ должность адъютанта, и постоянно увѣдомляетъ его о работѣ каждаго сотрудника, и о томъ, какъ кто работаетъ. Отъ времени до времени подаются ему корректуры всѣхъ статей, считаемыхъ важными. Онъ заключаетъ всѣ сделки и утверждаетъ всѣ договоры относительно корреспондентовъ, стенографовъ и т. д.; принимаетъ посѣтителей по дѣламъ важнымъ, и которыхъ онъ не можетъ адресовать къ своему помощнику, судя по ихъ званію или положенію въ свѣтѣ. Но исключительное вѣдомство главнаго издателя — капитальныя статьи. Онъ можетъ писать ихъ самъ или принимать отъ другихъ. Вообще, главному издателю есть что дѣлать и безъ сочиненія политическихъ статей. Но онъ указываетъ писателямъ, которыхъ выберетъ въ сотрудники, предметы для статей, и смыслъ, въ какомъ о нихъ писать; просматриваетъ ихъ статьи, и придаетъ цѣлой редакціи политическую окраску, назначенную невидимыми хозяевами, которыхъ лицо онъ представляетъ собою. Главный издатель обыкновенно бываетъ въ своемъ кабинетѣ по-полудни; вторично является въ него часовъ въ десять или одиннадцать вечера, и часто остается въ немъ до-тѣхъ-поръ, пока начнутъ спать журналъ со станковъ, часовъ около пяти утра.

Мы познакомили читателя съ главными колесами машины лондонскаго журнала. Теперь дадимъ ему краткое понятіе о дѣйствіи этой машины. Въ теченіе большей части дня, заведеніе стоитъ почти пусто; только въ конторѣ сидятъ нѣсколько служащихъ за перепискою и принятіемъ объявленій. Въ четыре часа приходятъ издатели, одинъ или двое; распечатываютъ и прочитываютъ корреспонденцію; новости, назначаемыя для публикаціи посылаютъ въ типографію, для того, чтобъ наборщики нашли ихъ уже тамъ, когда придутъ. Далѣе, они дѣлаютъ распоряженія на счетъ завтрашнихъ капитальныхъ статей, и передаютъ эти распоряженія обыкновеннымъ редакторамъ. Въ семь часовъ вечера начинается настоящая работа. Трое или четверо парламентскихъ стенографовъ уже сидятъ за своими столами, а конторки редакторовъ покрываются статейками сотрудниковъ *печи-со-строчки* и депешами и журналами,

присланными изъ провинцій. Мастерская наборщиковъ постепенно наполняется, и въ десять часовъ вечера работа уже въ полномъ разгарѣ. Можетъ-быть, уже готова дюжина столбовъ парламентскихъ преній; редакторы продолжаютъ приготавливать оригиналы для наборщиковъ, и нѣсколько писателей въ разныхъ частяхъ города сидятъ за сочиненіемъ капитальныхъ статей. Каждый поѣздъ, являющійся въ городъ, привозитъ письма изъ провинцій, и журналы, еще мокрые, прямо со станковъ. Депеши съ нарочными прибываютъ изъ-за границы, и по мѣрѣ прибытія поступаютъ на просмотръ редактору, исключительно завѣдывающему этимъ департаментомъ. Конторы ярко освѣщены и полны народомъ. Въ полночь является главная масса новостей. Служители уносятъ изъ кабинета редакторовъ корзины, наполненныя извѣстіями, пущенными въ ходъ; факторъ докладываетъ о количествѣ оригинала, розданаго въ наборъ; редакторъ извѣщаетъ главнаго издателя, что все обстоятъ благополучно. Стенографы все еще въ пылу работы. Быть-можетъ, засѣданіе Нижней Палаты продлится до двухъ часовъ за полночь, и стенографы смѣняются черезъ каждыя четверть часа. Въ три часа утра, факторъ начинаетъ приходить въ нервическое волненіе, и помышляетъ о первыхъ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ; сотрудники приглашаютъ доканчивать какъ-нибудь и во что-бъ ни стало ихъ статьи; дѣлаютъ послѣднюю выборку изъ того что отложить до завтра, и что совсѣмъ уничтожить. Вскорѣ послѣ трехъ часовъ, наружная половина журнала уже въ печати, потому-что машинисты нагрѣваютъ машину съ двухъ часовъ; на скоро прочитывается послѣдняя корректура капитальныхъ статей и новѣйшихъ извѣстій; наконецъ, въ половинѣ шестаго, тележки съ неостывшими еще листами скачутъ во всю прыть къ притонамъ разныхъ линій желѣзныхъ дорогъ. Оттуда эти листы должны разлетѣться по всей Великобританіи, такъ быстро, какъ только можетъ ихъ мчать паръ...

АНГЛІЙСКІЕ ГРОВОЩИКИ И МЯСНИКИ. Во всѣхъ европейскихъ столицахъ похороны обходятся дорого. Цѣны нашихъ гробовщиковъ давно вошли въ пословицу; въ Парижѣ къ нимъ нѣтъ приступа; но едва ли не всего дороже стоить умереть въ Лондонѣ, да и на всемъ пространствѣ британскихъ владѣній. Англичане очень сожалѣли о вдовствующей королевѣ Аделаидѣ, которую не такъ давно Господь отозвалъ къ праотцамъ. Она, была образцомъ всѣхъ скромныхъ добродѣтелей; но знаете ли,

чему всего больше они удивлялись въ ней. Смирению, съ какимъ она изъявила свою послѣднюю волю, и въ особенности статьѣ завѣщанія: «чтобы погребеніе ея совершенно было какъ можно проще.»

Съ той поры журнальная рать, подъ предводительствомъ газеты Times, сопровождаемой веселымъ Punch, подала сигналъ такъ называемой *тревоги* (agitation) противъ мастеровъ похороннаго дѣла. Каждый день, каждый листокъ журнала является съ какимъ-нибудь своимъ курьознымъ открытіемъ на счетъ того, какъ эти промышленники пользуются разбѣянною скорби и состояніемъ души, когда не до расчетовъ, или суетнымъ тщеславіемъ наслѣдниковъ. Довольно любопытная страничка современной исторіи правовъ!

Вотъ, на-примѣръ, душеприкащикъ, обязанный гдѣ-нибудь, въ очень небольшой мѣстности, похоронить небогатую сироту. Онъ заказываетъ въ городѣ похоронныя дроги, одну провожатую карету, двухъ плакальщиковъ (mourners), словомъ, всё принадлежности, рѣшительно необходимыя въ извѣстномъ сословіи. Ему подаютъ счетъ въ 77 фунт. ст. (около 540 руб. сер.): замѣтите, что это происходитъ на островѣ Уайтѣ, который, по указанію географовъ, имѣетъ около 9 верстъ длины и около 18 ширины, гористую почву и нѣсколько фабрикъ.

Одинъ корреспондентъ газеты Times разсуждаетъ о нѣкоторыхъ статьяхъ похороннаго счета. «На гробовщика, котораго я нанималъ, говоритъ онъ, я не могу жаловаться больше, чѣмъ на любого изъ нихъ. Я его знаю много лѣтъ, считаю его человекомъ очень почтеннымъ; но онъ, натурально, любитъ брать такъ же дорого, какъ брали его предшественники, также дорого, какъ наши отцы соглашались платить и какъ будутъ еще платить наши дѣти, если только мы не возьмемся за умъ, чтобы разомъ положить конецъ злоупотребленію.»

«Предупреждаю читателя, что домъ покойника находился около двухъ миль (шести верстъ) отъ заведенія гробовщика, а церковь менѣе мили отъ дома покойника. Въ счетѣ поставлено: за дроги въ двѣ лошади и за двѣ провожатыя кареты, также въ двѣ лошади, 4 фунта 13 шиллинговъ (независимо отъ прибавки 10 шиллинговъ слишкомъ, за право провоза и еще мелкой платы за проѣздъ черезъ заставы).»

«Не правда ли, гробовщикъ тутъ наживаетъ на свои деньги отличные проценты? Какой содержатель каретъ не будетъ больше чѣмъ доволенъ, получивъ 4 фунта 13 шиллинговъ (около 29 р. сер.) за наемъ трехъ каретъ на три или на четыре

часа? Какимъ же образомъ счетъ требуетъ еще 1 фунтъ ст. за прокатъ бархата и чахла на дроги, и 13 шиллинговъ за то же на провожатыя кареты? Платить такъ дорого за чахолъ все-равно, что платить за черную окраску дрогъ. Любопытно бы знать, что стоили первоначально бархаты и чахолы; сколько разъ они служили, то есть сколько разъ приносили по фунту стерлингу, который я заплатилъ. Тогда можно бы вѣрно вычислить прибыль господина гробовщика, сверхъ столь прибыльной платы по 4 фунта 13 шиллинговъ за наемъ каретъ.—То же можно сказать о слѣдующей статьѣ: «Трауръ самаго лучшаго бархату, 10 шиллинговъ 6 денъеровъ.» Далѣе: «Два придворника въ полномъ костюмѣ (equipped), 11 шиллинговъ.» Это, какъ видно, люди, которыхъ по-просту зовутъ *шлымы* (mutes). Если каждый изъ нихъ зарабатываетъ по 5 шиллинговъ 6 денъеровъ (около 4—50 к. с.) за двухчасовую стоянку у двери, тогда какъ поенщикъ добываетъ 10 шиллинговъ (2 р. 50 к. с.) въ недѣлю, работая въ полѣ по четырнадцати часовъ въ сутки,—согласитесь, что для нихъ плата достаточная; если же, какъ я предполагаю, часть этихъ денегъ идетъ гробовщику за прокатъ костюма, я протестую противъ этой статьи расхода.—Точно также готовъ протестовать противъ совершенно излишняго найма «восьми плащей по 12 шиллинговъ.»

«Продолжаемъ: «Шолковая повязка на шляпу для гробовщика, церковнослужителя, приходскаго писаря: 1 фунтъ 7 шиллинговъ.» Я согласенъ уважать право церковнослужителей и писарей; согласенъ также еще на расходъ въ 2 фунта 2 шиллинга за «повязку на шляпу и шарфъ для пастора»; но есть ли здравый смыслъ, что я принужденъ тратить столько же для господина гробовщика, который имѣетъ такую кучу другихъ выгодъ? Онъ скажетъ: «Я долженъ надѣть трауръ на шляпу, обычай того требуетъ.» Но я отвѣчу ему: «вы должны надѣвать также черное платье; ужъ не хотите ли, чтобы я платилъ за это платье для васъ?»—То же самое съ слѣдующими статьями: «5 шиллинговъ 8 денъеровъ за плащи кучерамъ; за трости и желыя пажамъ.—2 фунта 5 шиллинговъ 6 денъеровъ за крепкую повязку на шляпы *придверниковъ*, пажей и кучеровъ.» (Замѣтите, что это сверхъ статьи *придверниковъ въ полномъ костюмѣ*);—«79 шиллинговъ 6 денъеровъ тѣмъ же служителямъ.» Къ счастью, я заказалъ именно, чтобы повязки на шляпахъ были крепковыя, а не шолковыя; иначе, статья дошла бы Богъ вѣсть до какой цѣны! Порадуемся, что мясники покамѣстъ не вздумали по примѣру гробовщиковъ писать въ своихъ счетахъ:

столько-то за прокаты ножа, крючка, обуха, употребленных ихъ работниками.

«Слѣдуетъ статья: 1 фунтъ 12 шиллинговъ за четырехъ пажей для дрогъ и четырехъ пажей для двухъ каретъ.» Между тѣмъ я уже заплатилъ за крепъ для пухъ, за перчатки, за трости и за жезлы. Кому же пошли деньги, и зачѣмъ мнѣ вторично платить за наемъ ихъ?

«Прибавлю еще *тоже о придверникахъ*. Ихъ, увѣряю, я даже не видалъ въ глаза, и кажется, что эту службу исправляли пажи.

Счетъ заключается прекрасной статьею: *подарочки* (providen-se) или *на-водку* (refreshment) служителямъ и кучерамъ, 13 шиллинговъ.»

Другое письмо въ редакцію газеты Times приводитъ слѣдующій фактъ, случившійся на небольшой мѣстности провинціи. Одинъ путешественникъ умеръ вдали отъ рождественниковъ и наслѣдниковъ. Гробовщикъ нѣсколько знавалъ его; похоронилъ его въ кредитъ, и поступилъ по-пріятельски. Наслѣдство простиралось до 1500 р. сер.; наслѣдникамъ пришлось заплатить счетъ около 425 р. сер., въ которомъ статья *подарочковъ* служителямъ была не менѣе 3 фунт. 3 шиллинговъ.

Одинъ корреспондентъ рассказываетъ исторію сидѣлки, которая, по кончинѣ больного, предложила услуги гробовщика, прибавляя что онъ мужъ ея и что беретъ за все сходныя цѣны. Она пошла за нимъ; но какъ ей мало довѣрили, то послали слѣдить за ней, и оказалось, что она заходила къ тремъ разнымъ гробовщикамъ. Приславъ такого, который далъ ей больше процентовъ, она очень смѣло возвратилась и представила гробовщика *своего мужа*. Разумѣется, почтенную чету вытолкали за дверь.

Кромѣ тревоги противъ лихоимства черныхъ шаекъ (black guards), англійская журналистика подняла такую же тревогу противъ безсовѣтнаго упорства мясниковъ сбывать постоянно по одной цѣнѣ то же мясо, которое, уже около года, сами они покупаютъ на рынкахъ дешевле прежняго.

Всѣ голоса раздаются какъ однаго голоса, отъ кухни до лавки, отъ лавки до покоевъ, и даже подъ роскошными потолками замковъ. Ремесленникъ, слуга и служанка, мелкій торгошъ и оптовый купецъ, крестьянинъ и джентльменъ-фермеръ, капиталистъ и лордъ, всякое сословіе исполняетъ свою партію въ концертѣ жалобъ на «нашего мясника»; каждое перо хочетъ проливать чернила, чтобы прояснить вопросъ, который интересуетъ

больше чѣмъ всѣ умы, больше чѣмъ всѣ сердца, который интересуетъ всѣ желудки, и еще англійскіе желудки! Накопляются груды корреспонденцій съ описаніями продѣлокъ «нашего мясника», горы неправдъ, которыя не замедлятъ обрушиться всей тяжестью на эту пераскаивную голову.

«Я бѣдный человѣкъ, пишетъ одинъ смиренный жалобщикъ, мнѣ слишкомъ тяжело быть обираему такимъ образомъ. Мнѣ было бы пріятнѣе слышать по временамъ музыку вилокъ моего семейства на блюдѣ баранины, чѣмъ слушать цѣлый день музыку фортепьяно дочки нашего мясника.»

«Нашъ мясникъ» грубымъ и отрывистымъ тономъ опредѣляетъ по-своему бюджетъ своихъ расходовъ и доходовъ. Судите: шкуры и сало нынче такъ дешевы, что я долженъ воротить убытокъ съ потребителей ростбѣна. Къ тому же, живая скотина такъ ненадежна! Посчитавши хорошенько, я бы долженъ еще набавить цѣны; я разоряюсь, какъ честный человѣкъ горю!»

Одинъ счетчикъ беретъ счеты по дебету и кредиту и укорачиваетъ ихъ. Онъ любуе для доказываетъ, что маленькая убавка на оболочку мяса вознаграждается съ избыткомъ нынѣшней дешевой цѣною скотины, которая съ чрезвычайной легкостью доставляется на рынки со всѣхъ краевъ королевства, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, и которая, кромѣ того, въ изобиліи привозится изъ Германіи и съ французскаго берега. «Долго ли публика, говоритъ онъ въ заключеніи, будетъ еще платить прежнія дорогія цѣны, съ единственной цѣлью умножить недостатокъ «нашего мясника», дать ему мызу и способы платить за уроки фортепьянному учителю его дочери?»

На это нашъ мясникъ перемѣняетъ тонъ; рѣшается на покаяніе. «Вы отъ меня вынуждаете тяжелое признаніе; я объясню вамъ загадку: Я долженъ платить пошлину roundage, по еу съ фунта, вашей прислугѣ; иначе вы не будете моимъ покупателемъ. Значитъ, не я обираю васъ; ваша прислуга, увы! къ стыду моему, очищаетъ моею рукою ваши карманы».

При такомъ нападкѣ, вся прислуга приходитъ въ жестокое негодованіе.

«Разъ экономка одного большого дома спрашивала, можетъ-ли она по чистой совѣсти принимать roundage, который предлагали ей торговцы. Ей отвѣчали, что не можетъ, потому-что деньги, взятые въ этомъ видѣ, все-таки будутъ деньги, взятые изъ кошелька господъ. Въ исходѣ лондонскаго сезона, она пошла по торговымъ, съ уплатою счетовъ. Когда очередь дошла до мяс-

ника, котораго счетъ былъ очень-великъ, мясникъ предложилъ ей нѣсколько фунтовъ стерлинговъ въ ея пользу; она отказалась, и ушла изъ лавки. Въ тотъ же вечеръ мясникъ пришелъ къ ней, извиняясь, что поутру предлагалъ слишкомъ мало, и попросилъ ее принять въ подарокъ прекрасную золотую цѣпочку, которая стоила, по-крайней-мѣрѣ, вдвое всей суммы. Экономка снова отказалась, и на этотъ разъ объяснила ему побужденія совѣсти, не позволявшія ей принять его подарокъ. Мясникъ увѣрялъ ее, что *только одну* ее встрѣтилъ онъ съ такими строгими правилами честности.»

Прислуга оказывается не вполне оправдана; она прибѣгаетъ къ искусству лукавой служанки, отъ которой истекаетъ тонкая политика слѣдующаго письма, вѣроятно писаннаго какимъ-нибудь публичнымъ писцомъ. «Нашъ мясникъ поступаетъ какъ тѣ люди, которые, бывъ пойманы съ поличнымъ, убѣгаютъ крича: *воры!* въ надеждѣ, что схватятъ кого-нибудь другаго вмѣсто ихъ. Четырнадцать лѣтъ я служу по домамъ разныхъ сословій. Утверждаю торжественно, что въ теченіе всего этого времени до моего свѣдѣнія дошелъ *одинъ только примѣръ* су съ фунта, даннаго или взятаго служащимъ лицомъ изъ рукъ торговца, и то дѣло было съ купцами, которые старались такимъ-образомъ задобрить прислугу, чтобы поддерживать торговлю только-что открытую и невѣстную. Но даже предположивъ, что это безчестное обыкновеніе дѣйствительно общеринято, мясникъ все-таки не можетъ оправдаться отъ упрековъ, которые дѣлаются ему. Тутъ не нужно большой учености, довольно сравнить цѣну, по какой онъ покупаетъ и по какой продаетъ, и окажется, что онъ обираетъ господъ и навивается, по-крайней-мѣрѣ, 40 на сто. И это, повѣрьте, не для того что ему нужно платить по су съ фунта, а потому-что нужно шеголять по праздникамъ, держать инходца для мистера Джека, и фортепьяно для миссъ Каролины Вильгельмины.» Выходка эта, повторяемая всѣми потребителями, противъ фортепьяно дочери нашего мясника можетъ подать мысль, что фортепьяно еще остается въ Англіи отличительнымъ признакомъ извѣстныхъ сословій, и что музыкальная манія тамъ слабѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ *образованной* Европы. Если такъ, счастливицы Англичане!

Портной, сосѣдъ «нашего мясника», который, вѣроятно, сунулъ ему въ рукавъ нѣсколько бараньихъ ногъ, взялся отвѣчать на письмо поборника прислуги. «Мясникъ, говоритъ онъ, подверженъ множеству нападокъ; но я надѣюсь, что мясникъ не

пропадетъ. Служанка, которая такъ смѣло опровергаетъ истину poundage' а, взимаемаго прислугою съ торговцовъ, смотритъ странно, спиходительными глазами. Позвольте привести нѣсколько фактовъ, чтобы публика могла судить, кто правъ, мясникъ или служанка.—Я портной, и вотъ что знаю по себѣ. Портному заказываютъ нѣсколько ливрейныхъ платьевъ. Прислуга, которую ему поручили обшить, является къ нему; кучеръ, камердинеръ, лакей, грумъ въ радости потираютъ себѣ руки при этой новой оказіи обмануть господина и поновить своей собственной гардеробъ. Краснорѣчивѣйшій изъ нихъ начинаетъ рѣчь:» Утреннее платье у меня очень-хорошее. У меня полныхъ два костюма, одинъ совсѣмъ почти новый. Въместо того, что вамъ заказали, мнѣ бы лучше хотѣлось имѣть что-нибудь лишее, модное, для моего собственного употребленія, чтобы выходить по вечерамъ. «Какъ осмѣлится портной отказать? Къ нему тайкомъ приносятъ костюмъ совсѣмъ почти новый, который и возвращаетъ въ домъ въ качествѣ новаго платья. Приходитъ время, когда собственный гардеробъ прислуги такъ изобилуетъ, что часть его промѣниваютъ портному на хорошія чистыя деньги. Вотъ на какія уступки принужденъ соглашаться портной.»

Лордъ Эссексъ, который не считалъ унижительнымъ благоразумное управленіе своимъ достояніемъ, не погнушался вмѣшаться въ эту тревогу съ своей рѣчью, строгой и вмѣстѣ примирительной. Онъ также написалъ письмо въ редакцію Times, письмо изъ своей резиденціи Cassiobury, которая принадлежитъ къ числу чудесъ Великобританіи. Торговцы, говоритъ онъ, хорошо сдѣлаютъ, объявляя прямо и честно о покушеніяхъ взимать съ нихъ poundage. Для нихъ это будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ избавиться отъ подобныхъ требованій; можетъ-быть, они наживутъ врага въ слугѣ, но за то приобретутъ надежнаго друга, fast friend, въ господнѣ. Я уговаривалъ одного торговца, чтобъ онъ сказалъ мнѣ, какъ честный человѣкъ, терпѣть-ли онъ на себѣ этотъ обычай, и съ своей стороны обѣщавъ ему, что признаніе не повлечетъ для виновныхъ другихъ послѣдствій, кромѣ прекращенія злоупотребленія. Онъ увѣрялъ, что самъ не дѣлаетъ ничего подобнаго, хотя, сколько знаетъ, это вообще водится, и прибавилъ, что торговцы были бы рады хоть освободиться отъ лихоимства прислуги, но что боится потерять покупателей. Какъ бы то ни было, я увѣрьте, что есть много слугъ, неспособныхъ на такія дѣла, если только они мало-мальски уважаютъ сами себя. Но нерадивость

господь производить невѣрность слугъ.—Что касается до непомѣрныхъ цѣнъ на мясо, то у потребителей одно мнѣніе, что это дѣло чрезвычайно безсовѣтное, most dishonest, и неизвинительное. Лично я не могу жаловаться. Нѣсколько мѣсяцовъ назадъ я объявилъ своему мяснику, что буду платить за мясо только такую-то цѣну, и онъ ту же минуту согласился. Совѣтую всѣмъ сдѣлать по моему.»

Отъ жестокаго удара, нанесеннаго такъ съ высока, нашъ мясникъ сокрушенъ. Но одна мясничиха прибѣгаетъ къ изъясленію отчаянія. Мистрисъ Мері Сталль, въ свою очередь, пишетъ, что она двадцать шесть лѣтъ занимается мяснымъ торгомъ, что имѣла троихъ мужей, все мясниковъ; послѣдняго мужа лишилась полгода назадъ. Неблагодарная публика не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое жизнь мясника! У него нѣтъ минуты покоя, кромѣ воскресенья. Спрашиваю у хозяйки дома, которымъ я имѣю честь поставлять мясо, пріятно-ли бѣ имъ было, чтобы ихъ мужья ложились спать въ часть ночи, во всякую говядинную и т. п.? Пріятно-ли, чтобы мужъ вставалъ въ три часа утра, итти на рынокъ, или видѣть, что онъ убываетъ и обдираетъ до шести быковъ и до двадцати барановъ, какъ я видѣла двадцать шесть лѣтъ съ моими бѣдными мужьями; а зная, что мужъ ворочается спать къ шести часамъ, только чтобы успѣть немножко вздремнуть до открытія лавки. Ахъ, милостивый государь! Маленькая прибыль отъ мясной торговли деньги, которые очень тяжело достаются!»

Между-тѣмъ «нашъ мясникъ» во время воздыханій вдовы нѣсколько пришелъ въ память и рѣшается на послѣднее доказательство: Въ столицѣ насъ мясниковъ около двухъ тысячъ. Возможно-ли предположить, чтобы мы всѣ сговорились за-одно? Однообразіе цѣны во всѣхъ лавкахъ достаточно доказываетъ нашу добросовѣтность.»

Наконецъ сама редакция Times, являясь мстительницею, и наоситъ несчастному послѣдній смертельный ударъ длинной статью въ *Лондонскихъ извѣстіяхъ*. «Если васъ мясниковъ двѣ тысячи, говоритъ она, то насъ потребителей два миліона, и копиртъ нашихъ жалобъ составляетъ гармонію гораздо величавѣе концерта вашего оправданія.»

ПОѢЗДКА ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГѢ.—*Разсказъ Поль-де-Кока.*
— Въ такую прекрасную погоду, и еще въ воскресенье, ѣхать по желѣзной дорогѣ! Это, просто, безразсудно.... Народу будетъ бездна, будутъ толкаться, спорить за мѣста; сомнутъ мое платье и мою мантилью.... прошу тебя, другъ мой, отложимъ поѣздку!...

Такъ говорила женщина, которой было около пятидесяти лѣтъ и которая, повидимому, была въ свое время не дурна и порядочная кокетка. Красоту она потеряла, но кокетство осталось при ней. То была г. Гренѣ, жена парижскаго ювелира. Долгое время мадамъ Гренѣ блистала въ своемъ магазинѣ, между всѣми другими блестящими и блистательными вещами, которыми прекрасные глаза, чудесные зубы, хорошенькая ручка хозяйки придавали еще болѣе прелести и—цѣнности. Надобно пользоваться большою извѣстностью, чтобы рѣшиться посадить въ магазинѣ дурную собою женщину. Г. Гренѣ не раскаявался, что сочетался съ такою важною статью парижской торговли. Люди высшаго общества посѣщали его магазинъ; онъ вель свои дѣла какъ нельзя лучше: колечко, брошка, булавка продавались у него очень дорого; но хорошенькая магазинщица имѣла талантъ сопровождать продажу улыбой, которая, вѣроятно, была выше всякой цѣны—и покупатели не торговались. Наконецъ москѣ Гренѣ нажилъ себѣ порядочное состояніе.

Семейство ювелира состояло изъ семнадцатилѣтней дочери и десятилѣтняго сына, которые очень походили на—мать. Дочь была высокаго роста, стройна, свѣжа, какъ перенкъ (разумѣется свѣжій) и чрезвычайно застѣнчива. Говорили, что у нея прекрасные глаза, но—это было одно предположеніе, потому что глаза ея были всегда опущены. Адольфина была до шестнадцати лѣтъ въ пансіонѣ. Но уже годъ, какъ она живетъ у своихъ родителей, и часто, очень часто вспоминаетъ съ сожалѣніемъ о своихъ класныхъ подругахъ.

Что касается до Веньямина Гренѣ, такъ онъ былъ страшный шалуунъ, одинъ изъ тѣхъ мальчиковъ, которыхъ родители находятъ удивительно умными, потому что они немилосердно шумятъ цѣлый день, все ломаютъ, все трогаютъ, вездѣ суются и всегда голодны.

Я позабылъ вамъ сказать, что ювелиръ былъ мужчиною дороднымъ, пятидесяти-пяти лѣтъ, съ веселымъ лицомъ, въ прекрасномъ блокурномъ парикѣ, завитомъ надъ лѣвымъ глазомъ; что онъ имѣлъ страсть говорить безпрестанно о своей торговлѣ, любилъ выказывать свой умъ, и считать себя хозяиномъ

дома, хотя маленькій Веньяминъ былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ съ-тѣхъ-самыхъ-поръ, какъ ему пошелъ пятый годъ.

— Если вы никакъ не хотите ѣхать сегодня на Сень-Жерменскую желѣзную дорогу, отвѣчалъ г. Гренâ, проводя рукою по своему подбородку, такъ я и на то согласенъ. По мнѣ все равно. Я ѣхалъ, чтобъ вамъ доставить удовольствіе. А не хотите, такъ какъ хотите; я же отправлюсь къ сотоварищу, просящему моего совѣта на счетъ обдѣлки рубина, который онъ высоко цѣнитъ. Посмотрю, чтó это такое.

— Да, мнѣ гораздо пріятнѣе пойти въ Тюльери, сказала мадамъ Гренâ, бросивъ бѣглый взглядъ въ свое зеркало, которое въ прежнее время показывало ей много прекраснаго.

Адольфина вздохнула, когда услышала, что не поѣдутъ на желѣзную дорогу. Было это просто сожалѣніе о несостоявшейся прогулкѣ, или не имѣлъ ли этотъ вздохъ какой-нибудь тайной причины? Какъ бы то ни было, молодая дѣвушка обернулась къ своей матери, и не поднимая глазъ, сказала ей:

— Надобно ли мнѣ переодѣться, чтобъ итти въ Тюльери?

— Оставайтесь такъ, отвѣчала г-жа Гренâ. Въ твои лѣта не слѣдуетъ безпрестанно заниматься туалетомъ.

Дверь въ залу вдругъ открылась съ шумомъ. Мальчикъ, запачканный шоколатомъ и вареньемъ, вбѣжалъ на средину комнаты, крича:

— Чтó-жъ! Развѣ мы не ѣдемъ? Развѣ вы не готовы?... Какъ вы копаются!

Это былъ Веньяминъ Гренâ, который, позавтракавъ въ третій разъ, явился въ такомъ видѣ къ своимъ родителямъ.

— Да, мой другъ, сказала маменька, поправляя поля своей шляпки: мы идемъ въ Тюльери.

— Какъ! Въ Тюльери!... Да, я не хочу туда итти; я хочу на желѣзную дорогу. Папа мнѣ сказалъ вчера, что мы поѣдемъ сегодня на желѣзную дорогу,—и кончено дѣло, ѣдемъ! Мнѣ надоѣло ваше Тюльери, вѣчно одно и тоже. Къ тому же, ты, папа, мнѣ сказалъ, что повезешь меня на желѣзную дорогу... Нечтó ты солгалъ, папа? Ну, поздравляю!...

— Нѣтъ, мое слово вѣрно. Да чтó же, въ-самомъ-дѣлѣ, отчего бы намъ не ѣхать сегодня на желѣзную дорогу? ѣдемъ, и дѣло съ концомъ... Я, кажется, господниъ въ своемъ домѣ!

— Пожалуй, сказала мадамъ Гренâ, надѣвая мантилью: если Веньямину непременно хочется, такъ поѣдемъ...

— Найми намъ карету, сказалъ г. Гренâ своей служанкѣ. Готовы ли вы?

— Да, мой другъ. Ахъ! Боже мой! панталоны Веньямина разорваны на колѣняхъ. Какъ это удалось тебѣ, шалуны?

— Да не знаю какъ... Такъ само собой...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, если лопнуло, такъ онъ не виноватъ, замѣтилъ отецъ.

— Но нельзя же ему такъ ѣхать.

— Отчего же? возразилъ папенька, подъ сюртучкомъ не замѣтно.

— Не надѣтъ ли другія панталоны, бѣлыя...

— Но ты озябнешь, мой другъ, время не лѣтнее.

— Ничего если немножко озябу.

— Какъ онъ остроуменъ!... шепнулъ ювелиръ, женѣ.

Веньяминъ надѣлъ бѣлыя панталоны. Между тѣмъ пріѣхала наемная карета. Все семейство сошло съ лѣстницы. Адольфина не смѣла поднять глазъ, чтобъ заглянуть въ зеркало; мать такъ часто твердила ей, что молодая дѣвушка не должна быть кокеткой, что бѣдняжка по-сю-пору не знала, хороша ли она.

Стали усаживаться. Веньяминъ, веходя на подножку, поскользнулся и запачкалъ свои панталоны объ колесо.

— Какой неугомонный, вскричала г. Гренâ: ну, посмотрите, на чтó онъ похожъ!

— Я поскользнулся?

— Нѣтъ, сказалъ ювелиръ: я предполагаю, что онъ не нарочно поскользнулся. Ничего; подъ сюртучкомъ не будетъ видно.

— Всѣ стануть смѣяться надо мной; я пойду надѣну голубыя панталоны.

— Вы, сударь, заплатите мнѣ за часъ, сказалъ извозчикъ, когда милый мальчикъ пошелъ во второй разъ переодѣваться панталоны. Я уже болѣе получаса стою у вашего крыльца.

— Ладно, ладно! Тебѣ же лучше; лошади отдохнутъ.

Наконецъ Веньяминъ явился въ голубыхъ панталонахъ, и на этотъ разъ сѣлъ въ карету безъ приключеній; но въ самое то время, какъ захлопнули дверцы кареты, онъ началъ кричать:

— А Брюску!... а Брюску!... Мы забыли Брюску!

Мосьѣ Гренâ посмотрѣлъ на жену, какъ бы спрашивая ее, итти ли за Брюской; такъ звали огромную курчавую собаку, которую Веньяминъ гдѣ-то поймалъ и съ которою онъ успѣлъ уже заключить тѣсную дружбу. Мадамъ Гренâ была въ нерѣшимости, но извозчикъ, которому уже надоѣло стоять на мѣстѣ, захлопнулъ дверцы кареты, вскочилъ на козлы, стегнулъ лошадей, не обращая вниманія на крикъ мальчика, котораго уняли только тѣмъ,

что объяснили ему, что собакъ не принимаютъ на желѣзную дорогу.

Нѣсколько минутъ спустя карета остановилась въ Лондонской улицѣ, передъ станціей.

Тутъ наблюдателю представляется много любопытнаго. У дверей зданія, гдѣ берутъ билеты на отъѣздъ, вы видите почтенныхъ людей, трогательно прощающихся со своими родными; отцы цѣлуютъ дочерей; мужъ жметъ руку женѣ, у которой слезы на глазахъ, какъ будто мужъ ея отправляется въ Россію или въ Новой-Орлеанъ. Это все потому, что эти почтенные люди не свыклись еще съ дорогой, которая то идетъ на значительномъ возвышеніи, то прорѣзывается нѣдра земли... И въ Парижѣ есть еще люди, которые говорятъ:

— Кто ѣдетъ по желѣзной дорогѣ, тотъ находится на волосѣ отъ смерти!..

Г. Гренъ взялъ подъ руку жену, за руку сына, и кивнулъ головою дочери, чтобъ она не отставала отъ нихъ. Все семейство идетъ на станцію; толпа народа увлекаетъ ихъ, тѣснить со всѣхъ сторонъ; г. Гренъ блуждаетъ по длиннымъ корридорамъ, не находя кассы, гдѣ раздаютъ билеты.

— Чтѣ мы? ѣдемъ? спросилъ Веньяминъ, глядя на отца.

— Гдѣ ѣдемъ?

— По желѣзной дорогѣ! Экой ты непонятливый!

— Нѣтъ, нѣтъ еще... Цѣлымъ домомъ ѣздить нельзя, это только станція....

— Чтѣ-жъ мы тутъ дѣлаемъ?... Долго ли мы будемъ бродить взадъ и впередъ по этимъ корридорамъ?

— Онъ правъ, замѣтила мадамъ Гренъ: прогулка наша становится утомительною... Адольфина, ты не отстаешь?

— Не остаю, маменька.

— Тѣху ты пропасть! Куда это дѣвалась касса? ворчалъ г. Гренъ.

— Надо спросить у кого-нибудь; не искать же намъ до завтра.

— Спросить? А чтѣ жъ, вѣдь и въ-самомъ-дѣлѣ!... Я самъ только что думалъ....

Г. Гренъ рѣшается оставить на минуту свою жену и сына; чтобъ справиться, гдѣ касса. Ему говорятъ, что онъ уже нѣсколько разъ проходилъ мимо. Наконецъ онъ нашелъ ее.

— Пожалуйста четыре билета.

— Въ какія мѣста? спрашиваетъ кассиръ.

— Какъ, въ какія мѣста? Разумѣется, на желѣзную дорогу.

— Такъ, но какія вамъ угодно занять мѣста?

— Какія мѣста?... Не понимаю.

— Въ каретѣ или въ вагонахъ?

— А! вотъ оно чтѣ!... Дайте мнѣ самыя лучшія... самыя прочныя... Мнѣ кажется, что если рѣшился ѣхать, такъ нечего и скупиться.... Дайте мнѣ самый первый сортъ...

— А куда вы хотите ѣхать?

— Куда?... Опять не понимаю... Везите меня туда, гдѣ можно пріятнѣе провести время.

— Въ Сень-Жерменъ или въ Аньеръ?

— А! прекрасно... понимаю... теперь понимаю... а мнѣ не въ домекъ было... Везите меня... Ахъ, досада! я и не спросилъ Веньямина, куда онъ хочетъ ѣхать... въ Сень-Жерменъ или въ Аньеръ... Дайте четыре билета въ Сень-Жерменъ, дѣлать нечего!...

Ему подають четыре билета на мѣста въ каретѣ. Онъ возвращается съ самодовольнымъ видомъ къ своему семейству, крича: досталъ билеты!... четыре мѣста въ каретѣ... Первый сортъ... Скорѣе сюда; судя по общему движенію, я полагаю, что скоро побѣдутъ.

Семейство Гренъ снова заблудилось въ корридорахъ, ища желѣзной дороги, какъ вдругъ Веньяминъ вскричалъ:

— Пойдемте туда, куда всеъ идутъ!

— Благодаря этой счастливой мысли, семейство сходитъ съ большой лѣстницы, которая ведетъ къ мѣсту отъѣзда.

Чувство изумленія поражаетъ человѣка, впервые вступающаго на желѣзную дорогу... чудное изобрѣтеніе нашего вѣка...

Семейство Гренъ остолбенѣло, обомлѣло...

— Ахъ, батюшки! вскричала жена: у меня захватываетъ духъ... страшно... страшно... и она прижалась къ мужу.

— Ничего, душечка, ничего!... Пустяки! Чего тутъ бояться? Посмотри на меня... и москъ Гренъ силится улыбнуться, чтобы скрыть собственную боязнь.

— Фи, какъ дымомъ пахнетъ!... сказалъ Веньяминъ.

— Иначе быть не можетъ, другъ мой; иначе быть не можетъ! Такъ точно пахнетъ и въ гаваняхъ...

— Нѣчто ты былъ на морѣ, нана?

— Нѣтъ, но я ѣздилъ въ Сень-Клу, на пароходѣ, это почти то же.

Адольфина молчала и не переставала смотрѣть на дорогу, по которой имъ слѣдовало ѣхать. Въ первый разъ она подыала

свои прекрасные глаза: этимъ первымъ шагомъ она была объявлена желѣзной дорогѣ.

— Теперь надо узнать, гдѣ наши мѣста, сказалъ г. Гренѣ.

— Поторопитесь, папа, а не то займутъ все мѣста.

— Конечно... надо поторопиться!... Но какъ тутъ узнать? Я ничего не вижу... дымъ бѣтъ мнѣ глаза...

Къ счастью семейства ювелира, одинъ изъ кондукторовъ спрашиваетъ у г. Гренѣ, какіе у него билеты. Когда тотъ показалъ ихъ, ему открываютъ карету, въ которой уже находятся четыре пассажира. Веньяминъ первый вскакиваетъ въ карету, за нимъ мадамъ Гренѣ, потомъ дочь; наконецъ самъ глава семейства усаживается на скамью, окруженную подушками, проговоривъ съ какимъ-то отчаяніемъ:

— Теперь все кончено!... мы сидимъ... Нѣтъ дорогъ къ возвратному... Господи, да будетъ твоя воля!...

— Ахти, Господи!... проговорила мадамъ Гренѣ, осматриваясь съ ужасомъ:— уйдемъ... уйдемъ... вернемся домой!...

— Вотъ тебѣ ва!... помилуй, другъ мой!... впрочемъ, если тебѣ въ-самомъ-дѣлѣ не хорошо... если... того... такъ я приуждать тебя не стану...

Адольфина, казалось, не чувствовала страха; она съѣла возлѣ отца, и уже успѣла замѣтить, что противъ нея сидѣлъ молодой человекъ, который былъ прикащикомъ въ магазинѣ, находившемся противъ магазина г. Гренѣ; этотъ молодой человекъ часто выходилъ на порогъ съ-тѣхъ-поръ, какъ дочь ювелира вышла изъ пансіона. Изъ этого можно заключить, что молодая дѣвушка очень хорошо видятъ, что происходитъ около нихъ, не поднимая даже глазъ. Вообще женщины рѣдко бываютъ близоруки; этотъ недостатокъ свойственъ больше мужчинамъ. О природа! природа! ты все устроишь къ лучшему.

Пока москѣ и мадамъ Гренѣ разсуждали, бѣжать или не бѣжать имъ по желѣзной дорогѣ, маленькій Веньяминъ всталъ со своего мѣста, подошелъ къ дверцамъ, оставшимся открытыми, и сталъ кричать:

— Здѣсь ничего не видно!... я хочу видѣть!... Пойдемте на ту карету, которая съ печкой!... Тамъ веселѣе!...

— Другъ мой, замѣтилъ г. Гренѣ; это не печка, а машина... Понимаешь, машина?... Какъ въ тебѣ это объяснить?... Видишь ли, машина, примѣрно сказать, то же, что лошадь... То есть не то, что лошадь, а...

— Мнѣ хочется итти туда...

— Это безразсудно, дружокъ... Ты не понимаешь, что такое машина... Слушай, я растолкую тебѣ!...

— Мнѣ хочется туда итти!

И Веньяминъ проворно выскочилъ изъ кареты.

— Ахъ! Боже мой! куда онъ идетъ?... Онъ ушибется, замарается! вскричала мадамъ Гренѣ, увидя, что сынъ ея исчезъ. Бѣги за нимъ, говорила она своему мужу: останови его, приведи его скорѣй сюда, умоляю тебя!...

— Экой бѣсенокъ! сказалъ ювелиръ, выходя изъ кареты. Онъ ничего не боится; онъ весь въ меня... Пылкая, неустрашимая кровь!... Ну, куда онъ теперь удралъ?

Прошло нѣсколько минутъ: отецъ и сынъ не возвращаются. Мадамъ Гренѣ въ отчаяніи; она тоже выходитъ изъ кареты и кричитъ:

— Веньяминъ, гдѣ ты?

Веньяминъ не отвѣчаетъ на зовъ матери.

Вдругъ раздается свистъ трубы. Это знакъ отъѣзда. Пассажиры бѣгутъ со всѣхъ сторонъ; народъ толпится у рельсовъ и бросается къ каретамъ. Напрасно кондукторы стараются привести все въ порядокъ, и восклицаютъ:

— Вашъ билетъ!... ваше мѣсто не здѣсь! вы не сюда идете!... Ихъ не слушаютъ.

Кареты, вагоны, въ одну минуту все занято, все наполнено, и мадамъ Гренѣ, окруженная толпой народа, насильно увлечена въ одинъ изъ вагоновъ. Тщетно озирается она, тщетно кричитъ:

— Мое мѣсто не здѣсь!... Я хочу быть со своимъ семействомъ!... Пустите! Пустите!...

Никто не обращаетъ вниманія на жалобы бѣдной женщины; легкое сотрясеніе возбѣщаетъ, что цѣль уже спущена, и вотъ— бѣдутъ!

Мадамъ Гренѣ, которая не знаетъ, гдѣ находится, хочетъ непремѣнно открыть дверцы и выйти изъ вагона; чья-то мощная рука удерживаетъ ее и отталкиваетъ на мѣсто; между тѣмъ какъ нѣсколько голосовъ кричатъ въ одно время.

— Эхъ! сударыня! что вы дѣлаете! Теперь нельзя выйти! Мы уже въ дорогѣ!

— Все равно... я хочу выйти!... Я хочу быть въ каретѣ!... Кучеръ, остановись!... Помогите мнѣ сойти!... Пустите!... Кучеръ, стой! стой!

Громкій смѣхъ послѣдовалъ за восклицаніями ювелирши. Съ

досадою и презрѣиємъ посмотрѣла она на товарищей своего путешествія.

Мадамъ Гренà находилась въ вагонѣ, въ которомъ скамьи были безъ подушекъ. Съ лѣвой стороны сидѣли два человѣка въ синихъ блузахъ, въ шерстяныхъ колпакахъ, въ деревянныхъ башмакахъ; съ правой стороны сидѣла хорошенькая молодая женщина, углубившаяся въ разговоръ съ молодымъ человѣкомъ; двое дѣтей, кормилица. Противъ ювелирши находились трое молодыхъ людей странной, подозрительной наружности, двѣ деревенскія дѣвушки, шестидесятилѣтній франтъ и двое мастеровыхъ въ праздничныхъ платьяхъ.

Крестьянки смотрѣли съ насмѣшливымъ видомъ на ювелиршу; мастеровые также смѣялись; старый франтъ дѣлалъ ей глазки; молодые люди острились, а блузники бранились.

— У насъ одинъ лишній пассажиръ, сказалъ старый франтъ: въ этомъ вагонѣ не должно быть столько народу...

— Господа, умоляю васъ, сказала мадамъ Гренà жалобнымъ голосомъ, велите остановиться; я пойду на свое мѣсто, къ своему семейству!..

Никто не отвѣчалъ; но всѣ улыбнулись.

— Еще не такъ шибко идетъ, сказалъ одинъ изъ блузниковъ своему сосѣду.

— Сейчасъ покатишь, ты увидишь какъ! Какъ птица понется, держись только!

— Фу, какъ это страшно... такъ и щекотитъ, точно на качеляхъ! сказала одна изъ крестьянокъ.

— Славно!.. сказала другая: совѣмъ не чувствуешь, что ѣдешь.

— Это-то и пріятно сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— А какъ хотите, одинъ лишній пассажиръ есть! повторялъ старый франтъ, тараща глаза на хорошенькую даму, продолжавшую бесѣдовать со своимъ сосѣдомъ, не обращая вниманія на другихъ.

— Странно, какой стукъ, когда ѣдешь, сказалъ одинъ изъ мастеровыхъ.

— Это, знаешь, дѣйствіе, машины въ... Какъ бишь ихъ!... ну, въ штукахъ... отвѣчалъ товарищъ съ видомъ знатока.

— Неужели это дѣйствіе въ... въ штукахъ?

— Конечно!.. ты, не бось, думаешь, что я не знаю механику... я самъ бы могъ взять на себя эту работу; но опоздалъ... другіе перехватили!..

— Чу! видишь, какъ повесело!.. Катай-вайай!.. сказалъ одинъ изъ блузниковъ.

— Я не перенесу этого! сказала г. Гренà, въ отчаяніи, что на нее не обращаютъ никакого вниманія.

— А, воля ваша лишній есть! сказалъ старикъ, грызя зубочистку, какъ бы желая тѣмъ показать, что у него есть еще зубы.

— Эка старая сорока! Затверднѣла одно и то же! Самъ онъ лишній, проворчала одна изъ крестьянокъ, пожимая плечами.

— Этотъ ошипанный воробей мнѣ надоѣлъ... онъ все утыкаетъ свои глаза въ меня!

— Сдѣлай ему гримасу!

— Ахъ! Боже мой! гдѣ мы? Ничего не видно! вскричала мадамъ Гренà, когда вѣхали въ туннель.

— Замолчите, пожалуйста, сударыня, сказалъ одинъ изъ пассажировъ: вы оглушаете насъ своимъ крикомъ!

— Но я ничего не вижу...

— И я не сова! Въ потьмахъ, вѣстимо ничего не видно.

— Но это неприлично!... путешествовать съ незнакомыми людьми въ такой темнотѣ!

— Не бойтесь! матушка, никто васъ не обидитъ.

Мадамъ Гренà прикусила губы отъ досады; обиженное самодушіе переслало страхъ. Она ворчала сквозь зубы: неблаговоспитанные люди всегда грубо обходятся съ женщинами!... Но она произнесла эти слова тихо, чтобы безцеремонные сосѣди не разслышали. Наконецъ она толкнула локтемъ направо, дала пинка ногой налѣво, и не говорила больше ни слова во всю дорогу.

Въ то самое время, какъ это происходило въ вагонѣ, въ которомъ ѣхала мадамъ Гренà, бѣдный мужъ ея также подвергался разнымъ испытаніямъ. Выскочивъ изъ кареты, чтобы поймать сына, ювелиръ побѣжалъ къ другой каретѣ, въ которую входилъ мальчикъ, похитившій издали на Вешьямина. Увидѣвъ свою ошибку, онъ хотѣлъ выйти, но тутъ нахлынула толпа, его окружили и втиснули между двумя путешественниками; машина двинулась, и онъ по неволѣ долженъ былъ остаться тамъ, куда его занесъ случай.

Карета, въ которой находился мосеъ Гренà, была наполнена порядочными людьми: въ ней было одно англійское семейство, старая графиня съ племянницею, банкиръ и два адвоката. Одинъ только господинъ бросалъ тѣнь на картину; это былъ низенькій

человѣкъ, довольно неопрятный, у котораго шляпа была почти безъ полей; истертое платье, отвороты котораго походили на трутъ, панталоны такія короткія, что ихъ можно было принять за нижнее платье, не смотря на безпрестанныя усилія хозяйна стануть ихъ внизъ. Однако этотъ маленькій господинъ, казалось, понималъ самъ, что былъ не въ своей компаніи. Онъ старался забится какъ можно глубже въ уголок кареты, безпрестанно поглядывалъ на свои башмаки, и чтобы высморкаться пряталъ свою голову въ шляпу, которую парочно снialъ изъ предосторожности.

Мосѣ Гренѣ сидѣлъ между двумя Англичанами; онъ улыбнулся имъ и произнесъ вѣжливо:

— Я нечаянно попалъ сюда; я бѣжалъ за моимъ сыномъ; мнѣ показалось, что онъ вошелъ въ эту карету; я ошибся; куда же онъ запропастился? Это меня крайне беспокоитъ.

Англичане посмотрѣли на мосѣ Гренѣ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ, и не отвѣчали ему ни слова. Тогда ювелиръ обратился къ маленькому, неопрятному господину, но этотъ чихнулъ и поспѣшно спряталъ голову въ шляпу.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ все общество хранило глубокое молчаніе. Однако, при вѣздѣ въ туннель, маленькая Англичанка вскрикнула. Одинъ изъ ея спутниковъ сказалъ ей вполголоса:

— Полноте кричать, это неприлично....

Англичаночка замолчала. Но мосѣ Гренѣ, трусившій не меньше ее, вскричалъ изъ глубины души, увидя опять свѣтъ:

— А! слава Богу!... наконецъ-то выбрались. Фу, какія страсти!....

Общество продолжало молчать. Маленькій человекъ въ изношенной шляпѣ отвернулся, чтобы понюхать табаку изъ жестяной табакерки, а мосѣ Гренѣ, видя, что никто не расположенъ отвѣчать ему, поправилъ свой парикъ и спряталъ подбородокъ въ галстухъ.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Что это за люди, которые безпрестанно мелькаютъ передъ нами на краю дороги, возлѣ будки и которые поднимаютъ вверхъ руки, глядя на насъ? спросила, наконецъ, старая графиня, обращаясь къ одному изъ Англичанъ.

— Это сторожевые; они поставлены тутъ какъ сигналы.... Они даютъ намъ теперь знать, что ѣхать безопасно. Если же они поднимаютъ маленькій черный флагъ, такъ это значитъ—нельзя!

— Какъ, то есть, нельзя? спросилъ мосѣ Гренѣ.

— Нельзя, то есть, ѣхать.

— Отчего?

— Оттого, что тамъ, впереди, что-нибудь нехорошо, отвѣчалъ Англичанинъ, посмотрѣвъ на ювелира.

— А, понимаю! вскричалъ послѣдній, обрадовавшись случаю побесѣдовать: не хорошо—то есть въ Сенъ-Жерменѣ пожаръ, наводненіе, чума или тамъ какал-нибудь неприятность.... Очень хитро выдуманно, очень хитро....

Англичанинъ обернулся къ ювелиру, сердито посмотрѣлъ на него и пробормоталъ:

— Это ни мало не остроумно....

— Что не остроумно?

— Я шутить не люблю.

Мосѣ Гренѣ хотѣлъ было разсердиться, но предпочелъ промолчать.

Съ этой минуты до самаго пріѣзда къ мѣсту назначенія молчаніе прерывалось только двумя чиханіями, заглушенными въ глубинѣ шляпы.

Куда же дѣвался Венямиинъ? Убѣжавъ отъ родителей, онъ бродилъ передъ вагонами до самаго отъѣзда. Замѣтивъ, что всѣ поспѣшно усаживаются, онъ оторопѣлъ и сталъ звать отца. Его подхватилъ кондукторъ и почти насильно втолкнулъ въ вагонъ.

Венямиинъ продолжалъ плакать и кричать, а какой-то господинъ съ орденомъ и съ усамъ сказалъ ему:

— Перестань, мой милый, ревьтъ.... Ты попалъ въ вагонъ, чего жь тебѣ болѣе?...

— Я хочу къ папенькѣ и маменькѣ!

— Зачѣмъ же ты ушелъ отъ ихъ?

— Я хотѣлъ только посмотреть на большую машину, которая дымится и шипитъ.... Хочу къ папенькѣ и маменькѣ!

— Ты увидишься съ ними въ Цеккѣ.

— Здѣсь не хорошо! Гдѣ папенька тамъ лучше.... тамъ все подушки.

— Что дѣлать? Теперь выйти нельзя, мы ужъ ѣдемъ.

— А мнѣ что за дѣло! Я хочу.... хочу!....

— Штъ, смирно!

— Я хочу выдти отсюда!....

— Смирно! или я тебя проучу.... Ни слова!

Венямиинъ замолчалъ, потому-что его утѣшитель не любилъ,

повидному, шутить; онъ, какъ казалось, былъ не такъ уступчивъ какъ мосьё и мадамъ Гренâ.

Вскорѣ завязался разговоръ между сидящими въ вагонѣ. Тутъ была гризетка, нѣсколько прикащиковъ, трое военныхъ и мужчина среднихъ лѣтъ, который часто выщипалъ изъ кармана мѣдную съ позолотою табакерку, и погружалъ въ нее два пальца, на которыхъ красовались огромные перстни съ фальшивыми камнями. Онъ запускалъ пальцы въ табакерку съ такими ужимками, что сосѣдъ его съ правой стороны долженъ былъ всякій разъ пятиться назадъ, чтобы не получить толчка локтемъ въ лицо.

— Господа, сказалъ одинъ изъ прикащиковъ, глядя на путешественниковъ: надо признать, что индустрія прекрасная вещь, и предпріятіе желѣзныхъ дорогъ доставить большія выгоды и удобства путешественникамъ.

— Точно, точно, гениальное изобрѣтеніе! подтвердилъ одинъ изъ военныхъ: но оно будетъ еще гениальнѣе, когда можно будетъ помѣстить цѣлый кавалерійскій полкъ въ вагоны, потому что тогда можно будетъ прогуляться по всему свѣту, не утомляя лошадей.

— Что жъ, добьются и до этого; вѣдь развозили же городскую почту въ омнибусахъ. Человѣческая находчивость изумительна.

— Хочу къ маменькѣ! пропищалъ опять Веньяминъ.

— Молчать! Дѣти не смѣютъ пикнуть, когда говорятъ большіе.

Господинъ съ фальшивыми камнями на перстняхъ описалъ кругъ своею рукою, и проговорилъ:

— Будемъ надѣяться, что польза этого изобрѣтенія будетъ.... гм! гм!—будетъ полезна и для театровъ....

Проговоривъ эти глубокомысленныя слова, онъ сталъ напѣвать приторнымъ голосомъ, ударяя тактъ по табакеркѣ:

— Любовь, любовь.... всего сильнѣй!.... разъ, два, три.... Полше наливайте.... разъ, два, три.... Златыя чаши вина!....

— Миѣ говорили, что намъ придется ѣхать сквозь землю, сказала гризетка, между тѣмъ, какъ господинъ съ табакеркой продолжалъ напѣвать.

— Точно такъ, мадамъозель.... Мы вѣдемъ въ туннель, отвѣчалъ военный, такъ энергически утѣшавшій Веньямина: по будьте спокойны, опасности нѣтъ никакой. Ты, мальчуга, не болтай ногами, а не то я тебѣ дамъ такого толчка, что ты забудешь у меня и папенку и маменьку.... Слышишь?

— Я думаю, что въ туннелѣ, который подъ Темзой, гораздо страшнѣе, сказалъ купецъ.

— О! да, сказалъ пѣвецъ: я много слышалъ объ этой дорогѣ подъ Темзой; увѣрютъ, что тамъ также прелестно, какъ въ нашемъ пассажѣ-Панорама. Вотъ бы тамъ выстроить оперный театръ.... Злато все.... разъ, два.... мечтанье пустое, разъ, два, три.... Вы нюхаете?

— Нюхаю-съ.

— Не угодно ли? это чистый виргинскій; я другаго не употребляю.

— Вы артистъ, осмѣлюсь спросить?

— Именно. Я первый баеъ въ операхъ, и дирижирую....

— Оркестромъ?

— Нѣтъ.... хорами. Я теперь ѣду въ Перигѣ, гдѣ жалуются на дурные хоры. Я приведу все это въ порядокъ!.... Ре-е-ембо!.. разъ два.... три, четыре.... гдѣ-э-ты-ы-ы! разъ, два, три, четыре....

Поездъ вѣхалъ въ туннель. Веньяминъ, испугавшись темноты, закричалъ пуще прежняго. Сосѣдъ утѣшалъ его словами; но, видя, что это не дѣйствуетъ, ударилъ его по щекѣ, приговаривая:

— Вотъ тебѣ за упрямство.... да вотъ еще за трусость.... Запусти трусость съ молоду, такъ послѣ такая дрянь выйдетъ, что просто бѣда!

Веньяминъ никогда, во всю свою жизнь, не получалъ ни одного щелчка. Наказаніе произвело на него такое дѣйствіе, что во всю дорогу онъ не смѣлъ уже ни пикнуть, ни пошевелинуться.

Пріѣхали въ Пенкъ.

Военный самъ высадилъ своего вагоннаго приемыша, и сказалъ ласково:

— Ну, вотъ, теперь ты умница. Я зналъ, что исправлю тебя. У меня на то есть прекрасная метода. Ну, теперь ищи папашеньку и мамашеньку....

Веньяминъ не отвѣчалъ, но бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, пототучто увидѣлъ отца, благополучно отыскавшаго свою драгоценную половину. Адольфину было найти не трудно.

Кстати объ Адольфинѣ. Что было съ нею во время поѣздки? Ничего не было; она ѣхала себѣ очень спокойно, подъ покровительствомъ сосѣда, молодого прикащика.

Всѣ члены почтеннаго семейства бросились обнимать другъ друга, какъ будто бы не видались цѣлыя десять лѣтъ.

Иравоуоченіе: Нѣтъ худя безъ добра.

Мосьё Гренâ понялъ, что болтать со встрѣчнымъ и поперечнымъ не годится.

Мадамъ Гренà поняла, что не годится уже кокетничать въ ея лѣта.

Веняминъ сталъ скромнѣе, узнавъ, что не все въ мѣрѣ прїятно, а что есть и полезное.

Адольтина узнала навѣрное, что она хороша собой.

КИТАЙСКІЕ ПРАВЫ. Хотя Китайцы извѣстны своимъ малодушіемъ и чрезмѣрной трусостью, однако, не смотря на это они показываютъ во многихъ случаяхъ полное презрѣніе къ жизни, а именно когда дѣло касается самоубійства. Эта странность составляетъ замѣчательную черту въ народномъ ихъ характерѣ. Одинъ медикъ, находящійся при американской миссіи въ Нингпо, совѣтуетъ не забывать при спорахъ съ Китайцами такого презрѣнія ихъ къ жизни. Они часто сами убиваютъ себя, для избѣжанія наказанія, платежа долга, или же въ особенности, если своей смертью могутъ надѣлать непрїятностей своимъ врагамъ. Это можно назвать самопожертвованіемъ новаго рода. Одинъ юный Китаецъ, жившій по сосѣдству со мною, рассказываетъ докторъ, отправился опіумомъ единственно для того, чтобы не платить проигранныхъ денегъ, и заставить счастливаго своего противника заплатить за всѣ издержки погребенія. Очень часто малолѣтныя дѣти, получивъ отъ своихъ родителей въ чемъ-либо отказъ, угрожаютъ имъ самоубійствомъ, и бывають случаи когда эти угрозы не остаются безъ исполненія. Розга, въ такомъ случаѣ, только раздражаетъ малютку. Имѣя дѣло съ Китайцами, должно поступать съ ними какъ съ дѣтьми: съ твердостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ величайшей кротостью.

Плотникъ, работавшій у меня, продолжаетъ докторъ, — не выполнилъ всѣхъ условій, со мною заключенныхъ; я не заплатилъ ему всѣхъ денегъ. Плотникъ взбѣсился и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль докучалъ мнѣ своими криками и требованіями. Видя, что я остаюсь непреклоннымъ, онъ объявилъ рѣшительно, что если я не заплачу ему тотчасъ же всей условленной платы, то онъ немедленно кивется въ рѣку, которая текла передъ моимъ домомъ.

Зная очень хорошо, что онъ въ состояніи исполнить эту угрозу, я однакожъ нимало не обезпокоился.

— Подождите нѣсколько недѣль, сказалъ я ему, смѣясь, когда вода будетъ менѣе холодна; вы можете простудиться, кивувши сегодня въ рѣку....

Эта шутка обезоружила Китайца; онъ пристально посмотрѣлъ на меня, улыбнулся, погладилъ свои длинные усы, ушелъ, и съ тѣхъ-поръ уже не докучалъ мнѣ болѣе своими требованіями.

СТРАННЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ КАРТИНЪ. — Въ послѣднихъ числахъ августа, г. Каба, извѣстный и замѣчательный пейзажистъ, отправился прогуливаться въ лѣсу Виль-а' Аврей. Вечеромъ онъ расположился съ зонтикомъ, мольбертомъ и красками, подъ дубомъ, не далеко отъ прежняго охотничьяго павильона Людовика XIV, въ двухъ шагахъ отъ прудовъ; ему хотѣлось снять этотъ видъ въ то время, когда закатающееся солнце отражается въ водѣ и бросаетъ послѣдніе лучи на густыя группы деревьевъ. Онъ оканчивалъ уже эскизъ, какъ вдругъ за нимъ послышался легкій шорохъ. Художникъ оглянулся. Къ нему приближался человекъ высокаго роста, стройный, дюжій, обросшій волосами, довольно дурно одѣтый и съ огромной палкой въ рукѣ.

Время было вечернее. Художникъ осмотрѣлся съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Ни души не было видно по близости. Каба ободрился, и слегка приподнял шляпу, когда незнакомецъ подошелъ къ нему.

Послѣдній очень вѣжливо отвѣчалъ на поклонъ, и остановился за художникомъ,

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Что вамъ угодно? спросилъ наконецъ Каба, на котораго присутствіе бородатаго незнакомца наводило непобѣдимое безпокойство.

— А что-съ?

— Зачѣмъ вы тутъ стоите?

— Гм! вы, кажется, принимаете меня за....

— За кого?

— Договорите сами.

— Признаться сказать....

— Ну да! Я понимаю васъ. Позвольте вамъ доложить, милостивый государь, что вы ужасно ошибаетесь.

— Очень радъ.

— Да съ, ошибаетесь! Я честный человекъ.

— Съ чѣмъ честь имѣю васъ поздравить.

— Благодарю. Но признаюсь вамъ откровенно — я пламенный, страстный, отчаянный любитель картинъ! Особенно хорошихъ.

— И я тоже.

— О нѣтъ! вы еще не знаете, какой я любитель! Чтобы приобрести хорошую картину, я—на все способен!

— Ого! съ возрастающимъ безнокойствомъ проворчалъ Каба.

— Извольте видѣть: по золотой цѣпочкѣ я замѣчаю, что у васъ должны быть прекрасные и предорогіе часы; вы порядочно одѣты, слѣдовательно, я могу предположить, что у васъ съ собой не пустой кошелекъ... Но что мнѣ до этого! Я ничего не вижу, ничего—кромѣ удивительной картины, которая очаровала, обезоружила меня! Эта картина предметъ всѣхъ моихъ желаній, всѣхъ моихъ стремленій!... Подпишите ваше имя и отдайте мнѣ это прелестное, чудное произведеніе! Прошу, умоляю васъ...

Незнакомецъ говорилъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

— Помилуйте... возразилъ Каба.

Любитель картинъ наклонился къ живописцу, улыбнулся и, перемѣнивъ восторженный тонъ на насмѣшливый, сказалъ:

— Отдайте, а не то я самъ возьму.

Смеркалось. Никто не показывался.

Каба вздохнулъ и отдалъ эскизъ.

Незнакомецъ раскланялся и удалился, прося быть и впредь знакомымъ.

БѢГИ МЕНЯ.

Посвящается сочинителю музыки для романсовъ.

Бѣги меня! Ужъ нѣтъ сомнѣнья,
Что ненавиствя я тебѣ;
Забудь меня; къ моей судьбѣ
Ты не имѣешь сожалѣнья!

Бѣги меня!

Бѣги меня!—я знаю.
Мнѣ радость въ жизни не дана;
Я мучусь, плачу... я страдаю,
А ты для счастья рождена:

Бѣги меня!

Бѣги дитя!... мой другъ бѣги!
Ты испугалась страсти знойной;
Быть счастливою, ищи руки
Твоей любви, тебя достойной.

Бѣги меня!...

Бѣги! я слабъ, чтобы истребить
Души враждебное желанье,
И слишкомъ гордъ, чтобы обольстить
Тебя, невинное созданье.

Бѣги меня!

Бѣги меня!

Н. Г.

СЛУЧАЙ ВЪ ЗВѢРИНЦѢ. Вамбелъ (Wambell), который по при-
мѣру знаменитаго Титуса, возитъ по англійскимъ городамъ,
собраніе дикихъ звѣрей, находится, 11 января нынѣшняго го-
да, въ Чатамъ, и приготовлялся въ тотъ вечеръ давать пред-
ставленіе. Публика уже стекалась на зрѣище, когда дѣвушка
17-ти лѣтъ, Элливъ Брантъ, по прозванію *Львиная царица*, ко-
торую хозяинъ заставлялъ участвовать въ представленіяхъ, во-
шла въ клетку, гдѣ содержались левъ и тигръ вмѣстѣ. Она за-
ставила льва слѣзть нѣсколько штукъ; тигръ захотѣлъ вы-
шаться въ игру; она ударила его хлыстомъ, чтобы онъ лежалъ
мирно. Свирѣпый звѣрь тотчасъ кинулся на нее, схватилъ ее
за шею, и зубами и когтями нанесъ ужасныя раны. Наконецъ
его принудили покинуть несчастную, когда начали колотить
железною палкой по мордѣ. Но бѣдняжка уже упала безъ
чувствъ; кровь лилась ручьями изъ четырехъ ранъ, слѣзан-
ныхъ тигромъ на рукѣ, на нижней части лица и пуше всего
на лѣвомъ боку шеи. Судъ присяжныхъ, разсматривавшій дѣ-
ло объ этой смерти, рѣшилъ объявить чтобы подобныя зрѣян-
ща впредь не дозволялись въ Англии.

ТЕРПСИХОРА И МЕРКУРІЙ. Въ одномъ испанскомъ журналѣ
разсказанъ слѣдующій анекдотъ:

На возвратномъ пути изъ Англии въ Германію, *Фанни-Эль-
слеръ* случайно узнала въ толпѣ матросовъ одного джентльме-
на, пріятной наружности, который, во все время сезона, пре-
слѣдовалъ знаменитую танцовщицу своими взглядами, оглушалъ
вздохами, осыпалъ букетами.

Вздохатель, будучи узнавъ, бросился къ ногамъ неподражае-
мой танцовщицы, и именемъ Купиды, умолялъ ее простить
хитрость, внушенную ему пламенною, безумною страстью.

Онъ говорилъ краснорѣчиво, съ чувствомъ, съ жаромъ.

Фанни удалилась въ свою каюту. Убаюкиваемая легкой кач-
кой парохода и томными мечтаніями, она начинала засы-
пать....

К. П. — Отд. VII.

Вдругъ чья-то рука коснулась ея руки.

Фанни вздрогнула, открыла глаза. Было темно. Съ шумомъ колесъ смѣшивался тихій шопотъ, страстный, пламенный....

Танцовщица узнала голосъ вздыхателя.

Словами, исполненными благороднаго негодованія и достоинства, хотѣла она заставить дерзкаго удалиться, но въ то же мгновеніе замѣтила, что почтенный обожатель очень ловко запустилъ руку подъ подушку, гдѣ была спрятана бронзовая шкапулочка, въ которую Фанни-Эльслеръ обыкновенно прячетъ свои брилліанты, драгоценности и ассигнаціи.

Угадавъ настоящія намѣренія незнакомца, неустрашимая танцовщица быстрымъ и смѣлымъ движеніемъ высвободила свою дивную ножку изъ подъ одеяла.... И та самая ножка, которая такъ воздушна, такъ эфирна, съ такою энергіею оттолкнула коварнаго, посягавшаго на собственность красавицы, что онъ отлетѣлъ въ сторону.

На крикъ Фанни сбѣжался экипажъ. Вздыхателя схватили. Впослѣдствіи въ немъ узнали одного изъ знаменитѣйшихъ воровъ Великобританіи.

АНЕКДОТЫ. Два пріятеля возвращались домой въ нетрезвомъ видѣ, одинъ поддерживая другаго.

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе, — говорилъ одинъ, женатый, — если я вернусь поздно, такъ.... такъ не достучусь.... и не дождусь.... не дождусь огня....

— Полно.... полно торопиться.... хозяйка, вѣрно, ждетъ тебя.... тебя ждетъ.

— Что-о-о? ждетъ?... А какъ.... а какъ она смѣетъ?... Свѣчи понапрасну жечь.... Тю-тю, какая штука!... А вотъ постой!... постой, дружокъ.... свѣчи жечь.... Я тебѣ покажу дружбу....

Дошли до дому. Въ окнахъ не было ни малѣйшаго свѣту.

— Ну вотъ.... вотъ видишь, сказалъ холостой, она и не ждетъ....

— Тю-тю, какая штука!.... Не ждетъ!... Она себя спитъ.... ей тепло.... а я.... я стой на морозѣ.... жди пока отворять.... пока огня.... огня достанутъ.... А вотъ постой!... постой, дружокъ.... Мужа морозить.... я тебѣ покажу дружбу....

— Купецъ искалъ себя бухгалтера. Онъ публиковалъ въ газетахъ, что желаетъ имѣть человѣка, привыкшаго къ уединенной жизни.

Къ нему явился какой-то господинъ.

— Вы не посѣщаете ни театровъ, ни вечеровъ, ни обѣдовъ, ни баловъ?

— Семь лѣтъ не посѣщалъ.

— Не бываєте на гуляньяхъ?

— Семь лѣтъ не былъ.

— Не часто выходите изъ дому?

— Семь лѣтъ не выходилъ.

— Семь лѣтъ? Не можетъ быть!

— Ей-ей, такъ.

— Вы были больны, или....

— Никакъ нѣтъ, я просидѣлъ семь лѣтъ въ тюрьмѣ.

Извѣстный дрезденскій профессоръ В. прославился своею разсѣянностью.

Однажды, отправляясь въ театръ, онъ объявилъ слугѣ, что не вернется прежде полуночи.

Г. В. писалъ въ то время какую-то ученую диссертацію. Въ театрѣ, послѣ перваго дѣйствія, въ умъ его мелькнула счастливая мысль. Нетерпѣливо желая развить ее, В. поспѣшилъ домой.

Кое-какъ добрался онъ въ темнотѣ до своихъ дверей. Звонить. Слуга полурастворилъ дверь, не узнавъ своего господина, отвѣчалъ отрывисто:

— Господина профессора дома нѣтъ! И захлопнулъ дверь.

В. постоялъ минуту неподвижно, устремивъ глаза въ дверь.

— Какая досада! проворчалъ онъ наконецъ, и преспокойно воротился въ театръ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПЕРВАЯ ГРУЗИНСКАЯ КОМЕДІЯ. «Закавказскій Вѣстникъ» принесъ прекрасное извѣстіе, что 2 января нынѣшняго года, въ залѣ Тифлисской Гимназіи, лица высшаго грузинскаго общества разыграли въ первый разъ комедію на грузинскомъ языкѣ и въ грузинскихъ нравахъ, конечно, взятыхъ съ евро-

пейской точки зрѣнія, иначе не было бы комедіи. Это грузинское «Горе отъ ума» называется «Раздѣлъ»; грузинскій Грибоѣдовъ—князь Георгій Эристовъ, давно извѣстный въ Грузіи какъ поэтъ, но еще впервые являющійся комикомъ и авторомъ *первой* грузинской комедіи. «Пьеса такъ хороша, говоритъ «Закавказскій Вѣстникъ», такъ поразила всѣхъ своей простотой, своей оригинальностью и своимъ глубокимъ юморомъ, что мы не рѣшаемся просто хвалить ее,—мы обязаны дать нашимъ читателямъ сколько можно подробный разборъ этого поэтического созданія—или даже подарить имъ переводъ его». Чрезвычайно любопытно въ-самомъ-дѣлѣ видѣть этотъ переводъ, разумѣемъ испусканный.

ИНТЕРЕСНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ ДЛЯ ФАБРИКАНТОВЪ ПИСЧЕЙ ВУМАГИ. * — Францъ Іосифъ Бонгардъ, фабрикантъ писчей бумаги въ Летматѣ, близъ Изерлона въ Рейнской Пруссіи, пріобрѣтшій многолѣтнею практикою самыя основательныя познанія въ этомъ дѣлѣ и сдѣлавшій самъ многія усовершенствованія и полезнѣйшія открытія, намѣренъ передавать другимъ плоды долговременной и обширной опытности своей. Изложивъ письменно всѣ пріобрѣтенныя имъ по этой части теоретическія и практическія свѣдѣнія, онъ предлагаетъ желающимъ сообщать имъ копии съ его рукописи, составляющей полнѣйшее, какое быть можетъ, наставленіе въ бумажной фабрикаціи, за условленную плату.

Онъ всего охотнѣе заключилъ бы сдѣлку съ промышленнымъ обществомъ или же съ товариществомъ фабрикантовъ, съ предоставленіемъ оному общаго права пользоваться его наставленіями и открытіями въ предѣлахъ цѣлаго государства. Впрочемъ, г. Бонгардъ готовъ и на всякую другую сдѣлку, вызывавшуюся, сверхъ сообщенія рукописнаго наставленія своего, выучить теоретически и практически, на управляемой имъ значительной бумажной фабрикѣ, искусству выдѣлывать въ совершенствѣ всякаго рода писчую бумагу, и всему, относящемуся до правильнаго устройства и успѣшнаго веденія этой фабрикаціи, четырехъ молодыхъ людей, избранныхъ для того согласившимися съ нимъ лицами или товариществомъ.

* Заимствуемъ эту статью изъ № 40 Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстій, предполагая, что между нашими читателями, можетъ-быть, найдутся желающіе войти въ сношеніе съ Г. Бонгардомъ, который предлагаетъ свои услуги писче-бумажнымъ фабрикантамъ.

Условія его въ послѣднемъ случаѣ были бы въ существѣ слѣдующія:

1. За рукописное наставленіе получить ему 2,000 лупдоровъ наличными.

2) Рукопись эта предоставляется за сію цѣну въ общее пользованіе всѣхъ русскихъ бумажныхъ фабрикантовъ *.

3) Четыре воспитанника будутъ приспособлены практически къ описываемому въ наставленіи производству, на писче-бумажной фабрикѣ въ Летматѣ.

4) Особой платы за таковое ученіе не полагается, но высланнымъ сихъ учениковъ предоставляется, по окончаніи ученія отблагодарить г. Бонгарда существеннымъ образомъ, по ихъ собственному усмотрѣнію.

5) За содержаніе учениковъ требуется однако умѣренная плата. Одеждою и прочими мелкими потребностями они должны быть снабжены отъ родителей или родственниковъ.

Въ число вышепоказанной суммы 500 лупдоровъ имѣютъ быть уплачены при передачѣ рукописи, 500 другихъ въ 6 мѣсяцевъ потомъ, а остальные 1,000 въ 9 и 12 мѣсяцевъ, такъ чтобы вся уплата была совершена въ теченіе года **.

Письменное наставленіе г. Бонгарда заключаетъ въ себѣ главнѣйшіе слѣдующіе предметы: 1) Очищеніе перваго матеріала. 2) Сортированіе онаго и различеніе массъ. 3) Бученіе. 3) Размоль тряпья и приготовленіе полу-массы. 5) Бѣленіе хлоромъ въ высшей степеніи совершенства и безъ поврежденія волокна. 6) Размоль и обращеніе въ готовую массу. 7) Проклеиваніе черпальной и машинной бумаги. 8) Уничтоженіе послѣднихъ остатковъ кислоты, посредствомъ особо приготовленной углекислой извести, употребленіе коей, при обращеніи въ пользу излишней жидкости (щелока), обходится фабриканту даромъ, что одно уже составитъ въ большой фабрикѣ до 1,000 тал. въ годъ сбереженія. 9) Окрашиваніе ультрамаринномъ въ разные оттѣнки, и приготовленіе самой краски.

Не должно упустить изъ виду, что всѣ части описываемаго производства тѣсно связаны между собою, и что для полученія *плотной, крѣпкой и красивой и дешевой бумаги*, необходимо,

* Разумѣется если они всѣ примутъ участіе въ этой сдѣлкѣ, иначе токмо согласившимся.

** Цѣнность лупдоровъ очень неопредѣлена,—но полагаемъ, что испрашиваемая сумма составитъ отъ 10 до 11,000 руб. сер.

чтобы всякая отдѣльная часть была исполняема съ одинаковою точностью, стараніемъ и совершенствомъ. Ни одна не можетъ быть пренебрежна, безъ опасенія неудачи во всемъ дѣлѣ.

Испрашиваемая г. Бонгардомъ цѣна за его наставленіе, конечно, весьма значительна, но онъ проситъ принять въ уваженіе, что ему недавно еще одинъ фабрикантъ самъ предложилъ и заплатилъ впередъ 200 вильгельмсдорговъ (въ 10 гульденовъ), за одно письменное сообщеніе его способа бѣленія, и чрезъ нѣсколько дней потомъ обрадовалъ его присылкою образчиковъ самаго удачнаго бѣленія по этой методѣ.

Къ своему отзыву г. Бонгардъ приложилъ свидѣтельство, данное ему г. фонъ Герревинкомъ, владѣльцемъ писче-бумажной фабрики близъ Гаттена въ Голландіи, и образчики, какъ обѣснванной по его способу массы, такъ и разнаго рода бумаги, выдѣлываемой вышѣ на этой фабрикѣ по его наставленію, а равно и два особые образчика бумаги, выдѣланной изъ одного и того же тряпья до и послѣ новаго устройства фабрики г. Бонгардомъ.

Изъ свидѣтельства сего явствуетъ, что г. Герревинкъ пригласилъ въ 1848 году г. Бонгарда преобразовать фабрику его для выдѣлки писчей бумаги высшихъ сортовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ передать его сыну всѣ изложенныя въ рукописномъ наставленіи г. Бонгарда теоретическія и практическія свѣдѣнія; — однимъ словомъ сдѣлать его искуснымъ и опытнымъ фабрикантомъ писчей бумаги; что уже въ три мѣсяца послѣ того, какъ г. Бонгардъ началъ преобразование этой фабрики, занимаясь даже этимъ дѣломъ не постоянно, а лишь отъ времени до времени, всѣ ожиданія хозяина не только осуществлены, но и далеко превзойдены изумительнымъ образомъ; что все это достигнуто самыми незначительными средствами, и что г. Бонгардъ вовсе не ищетъ выказываться дорогими машинами и снарядами, а напротивъ того держится постоянно правила: «дѣлать все какъ можно проще, но какъ можно лучше». Онъ не только довелъ техническое производство на устроенной имъ фабрикѣ до высшей степени совершенства, такъ, что на ней выдѣлываютъ изъ туземнаго матеріала бумаги, равныя въ добротѣ и красотѣ лучшимъ англійскимъ, французскимъ и пѣмецкимъ, но и усовершенствовала значительно многія машины. Такъ напримѣръ, изъ собственнаго побужденія и не будучи къ тому обязанъ, онъ улучшилъ съ самыми малыми издержками голландеры, до того, что на нихъ выдѣлывается нынѣ гораздо болѣе лучшей массы, нежели прежде. Особенно же онъ усовершенство-

валъ бумаго-дѣлательную машину, присовокупленіемъ къ оной вентилятора (воздушнаго насоса) собственнаго изобрѣтенія, что сдѣлало эту машину настоящимъ автоматомъ. Вообще единственная цѣль усилій г. Бонгарда есть выдѣлка самой чистой, самой крѣпкой и самой красивой бумаги средствами самыми простыми, но вмѣстѣ и самыми вѣрными, — въ чемъ онъ успѣваетъ вполне чрезъ наблюдательность, вѣрный взглядъ и энергію.

Г. Герревинкъ изъясняетъ далѣе, что онъ исполняетъ лишь долгъ, свидѣтельству настоящимъ аттестатомъ своимъ, сколько онъ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что г. Бонгардъ сдѣлалъ на его фабрикѣ, а равно и искреннѣйшую свою признательность за наставленія, данныя его сыну въ писче-бумажномъ дѣлѣ.

Онъ выдалъ ему также образчики бумаги, выдѣланной на его фабрикѣ, въ вышепоказанное короткое время, по его наставленію, каждый съ фабричнымъ штемпелемъ*.

Въ заключеніе письменнаго своего отзыва, г. Бонгардъ изъясняетъ полное и несомнѣнное увѣреніе свое, что если на русскихъ бумажныхъ фабрикахъ станутъ руководствоваться его наставленіемъ, при помощи образованныхъ имъ учениковъ, или же если бы ему удалось самому устроить въ Россіи фабрику, то въ самое короткое время привозъ иностранной бумаги сдѣлался бы вовсе излишнимъ.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. Высочайшею Его Императорскаго Величества волею, нѣсколько лѣтъ назадъ положено начало сельско-хозяйственнымъ выставкамъ, которыя въ короткое время принесли уже несомнѣнную пользу.

Въ исполненіе Монаршей воли, Императорское Вольное Экономическое Общество открываетъ выставку сельскихъ произведеній въ С. Петербургѣ въ 1850 году, на что послѣдовало Высочайшее одобреніе.

Польза подобныхъ выставокъ оправдывается ихъ послѣдствіями. Выставки порождаютъ соревнованіе назначеніемъ наградъ трудолюбивымъ, поучаютъ сличеніемъ однородныхъ предметовъ между собою, выказываютъ степень развитія рѣзныхъ отраслей хозяйства, и тѣмъ даютъ возможность безошибочно судить о средствахъ и благосостояніи населенія. Кромѣ того, онѣ мо-

* Образчики эти, а равно и массу, выдѣленную по способу г. Бонгарда, можно видѣть въ Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли.

гуть указать на тѣ мѣстности, которыя изобилуютъ лучшими произведеніями сельскаго хозяйства, содержатъ превосходнѣйшія породы домашнихъ животныхъ, имѣютъ выгоднѣйшіе промыслы, или процвѣтаютъ отъ успѣшной обработки сырыхъ матеріаловъ на заводахъ и фабрикахъ.

Доставленные на выставку предметы не только могутъ объяснить степень развитія промышленности, но, безъ сомнѣнія, безъ всякихъ постороннихъ мѣръ, будутъ наводить производителей, чрезъ собственное ихъ убѣжденіе, на лучшіе способы производства, и слѣдовательно, на добываніе предметовъ высшей цѣнности. Опревленіе стоимости разнородныхъ предметовъ, сосредоточенныхъ въ болѣешемъ количествѣ на выставкѣ, подастъ вѣроятно, возможность къ выводу среднихъ цѣнъ на оныя, что всѣмъ и всегда было желаемо. Къ тому же выставка, привлекая съ одной стороны производителей, а съ другой покупателей, представляетъ способы первымъ сбывать, а послѣднимъ покупать изъ первыхъ рукъ сырые матеріалы, по образцамъ, паходящимся на выставкѣ, и тѣмъ сберегать значительные расходы, неизбежныя въ торговлѣ при содѣйствіи постороннихъ лицъ. Приобрѣтеніе первобытныхъ произведеній по дешевымъ цѣнамъ даетъ также возможность понизить цѣнность многихъ фабричныхъ произведеній, и тѣмъ усилить и упрочить сбытъ ихъ. Наконецъ, выставки сельскихъ произведеній имѣютъ то достоинство, что, обращая на разныя отрасли промышленности вниманіе публики, привлекаютъ къ сельскому хозяйству какъ капиталы, такъ и умственные способности людей, которые, безъ участія выставокъ, вѣроятно, устремились бы на другія, съ избыткомъ уже занятая попріца.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый просвѣщенный производитель почтетъ обязанностью быть участникомъ С. Петербургской выставки, и пожелаетъ присылкою своихъ произведеній содѣйствовать ожидаемой отъ выставки общей пользѣ.

На семь основаній, Комитетъ С. Петербургской выставки сельскихъ произведеній приглашаетъ всѣхъ любителей сельско-хозяйственной промышленности присылать свои произведенія на выставку, имѣющую быть въ сентябрѣ 1850 г.

Примѣчаніе. Правила выставки, учреждаемой Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, напечатаны въ № 1²⁵—136 Коммерческаго Газ. 1849 г.

Картофельная болѣзнь появилась нынѣшнею осенью и на Югѣ Россіи, именно—въ Хотинѣ. По извѣстіямъ оттуда, она обнаружилась тамъ сначала черными пятнами на кожцѣ картофеля, а потомъ и внутреннею гниlostію, вслѣдствіе которой плодъ оказался вреднымъ даже для употребленія въ пищу скоту. Половина сбора погибла такимъ образомъ; но при нынѣшнемъ достаткѣ хлѣба и обиліи въ другихъ огородныхъ растеніяхъ, потеря эта не слишкомъ чувствительна для жителей.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Начнемъ съ описанія бальныхъ нарядовъ. Бальные платья изъ легкихъ матерій, равно и изъ шелковыхъ, дѣлаются исключительно со шнипами и бертами. Тази, оканчивающіяся мыскомъ позади, въ большемъ употребленіи. Шелковыя платья отдѣляются фалбалами изъ широкихъ блондъ или кружевъ, бѣлыхъ или черныхъ, смотря по цвѣту платья.

Легкія платья многія носятъ съ тюниками, обшитыми атласными руло. Иногда тюники дѣлаются разрѣзными на бокахъ и перехваченными бантами. — Для головныхъ уборовъ гирлянды, составленныя изъ цвѣтовъ и блестящихъ ягодъ, или бѣлыхъ бусъ, съ блестящею-же зеленою, цвѣта *vers-de-gris*, почитаются самыми модными. — Браслеты постоянно въ модѣ. —

Перчатки на балахъ, носятъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ прежде. — Прическа *à la Marie-Stuarте*, т. е. волосы, приподнятые напередѣ кверху буфою, нравится многимъ изъ петербургскихъ жительницъ, и потому въ большой модѣ. Давно уже не видно было плетеныхъ косъ, которыя замѣнялись бантами изъ волосъ. Теперь же опять, начинаютъ носить косу, заплетенную втрое, которая пришивается рѣзной, черепаховой гребенкой.

Платья для утреннихъ визитовъ, или домашнія, часто дѣлаются амазонскаго фасона. Тази этихъ платьевъ, какъ извѣстно, можетъ-быть, нашимъ читательницамъ, высокія, гладкія, застегивающіяся напередѣ. Рукава длинныя, обтягивающіе руку, или же полудлинныя, расширяющіеся книзу, фасона *pagades*, равно почитаются модными. Бѣлые рукавички буфами, или обшитые кружевами, составляютъ любимое украшеніе описываемаго нами наряда. Отдѣлка платьевъ пуговицами, аграфами, кружевами, нашитыми на переднемъ полотнищѣ платья, попрежнему въ большемъ употребленіи.

Въ нынѣшнюю зиму, всего болѣе въ модѣ шляпки малиноваго цвѣта, съ отдѣлкою изъ черныхъ кружевъ, чернаго бархата или синели. Не скажемъ, однако, чтобъ этотъ цвѣтъ былъ исключительнымъ. Мы встрѣчали много изящныхъ шляпокъ и

другихъ цвѣтовъ. Напримѣръ, намъ поправилась бѣлая атласная шляпка, сборчатая, на косточкахъ, положенныхъ вдоль поля шляпки. Отдѣлка очень простая изъ той же матеріи. Много видно розовыхъ, изъ неразрѣзнаго бархата, шляпокъ, которыхъ отдѣлка состоитъ изъ атласнаго руло того же цвѣта. Подъ полями шляпокъ носятъ, преимущественно, ленты, перешитыя съ блондами и украшенныя бусами.

Покуда зима еще не прошла, скажемъ наше замѣчаніе, что шубы носятъ съ большимъ, мѣховымъ воротникомъ, безъ капишона.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ВАСИЛЬЯ ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА,

КОМИССИОНЕРА
СКАГО ВОЛЬНА-
ЧЕСКАГО ОБ-
С.—ПЕТЕРБУР-
НОМЪ ДВОРЬ,
ЛИНИИ, ПОДЪ

ПОСТУПИЛИ

ИМПЕРАТОР-
ГО ЭКОНОМИ-
ЩЕСТВА, ВЪ ГОСТИ-
НО СУХОННОЙ
№ 17-мъ.

ВЪ ПРОДАЖУ.

Съ дозволенія Военно-Топографическаго депо, вновь вышедшіе

ГЛОБУСЫ: ЗЕМНОЙ И НЕБЕСНОЙ, БОЛЬШАГО ОБЪЕМА.

И ПРИ НИХЪ ОСОБЕННОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМУ ИЗУЧЕНІЮ ГЕОГРАФІИ.—ЦѢНА, ВМѢСТѢ СЪ КНИГОЮ, ТРИ РУБ. СЕРЕБ. И СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

При настоящемъ положеніи Географіи, для нея недостаетъ самаго важнаго пособия, существенно необходимаго для всѣхъ, какъ низшихъ, среднихъ и частныхъ училищъ и пансіоновъ, такъ и для университетскаго и академическаго, курсовъ, именно—глобусовъ, облегчающихъ изученіе географіи нагляднымъ образомъ. Не оспариваемъ того, что есть превосходные глобусы, но каждому ли они доступны: дороговизна ихъ, при самомъ желаніи и существенной необходимости приобрести

ихъ, не позволяеть весьма многимъ купить для себя или для своихъ дѣтей. А между-тѣмъ глобусы, при изученіи географіи, существенно-необходимы. Съ такою мыслию обратились мы къ Г. Кротову, известному публикѣ по его *Топографическо-физическому Атласу Земляю Шара* которому цѣна два руб. сер. съ пересылкою. Трудодобивный и изобрѣтательный Г. Кротовъ выполнилъ нашу мысль съ такою отчетливостію и знаніемъ дѣла, какихъ цезовозможно желать больше; онъ составилъ два глобуса ЗЕМНОЙ и НЕБЕСНОЙ, и притомъ присовѣдннилъ къ нимъ *Руководство къ первоначальному изученію географіи*, съ чертежами, изображающими: *армилярную сферу, эклиптику, земную сѣть, параллельную сферу, солнечную систему, земные поясы, лунную систему, солнечное затмѣніе, лунное затмѣніе, времена юда и розу вѣтровъ.*

На предлагаемыхъ глобусахъ изображены всѣ пять частей Свѣта, не только съ главнѣйшими, но и почти со всѣми городами, потому что объемъ каждаго глобуса, земнаго и небснаго (имѣющихъ въ окружности до $1\frac{1}{4}$ арш.), позволилъ намъ выполнить это съ добросовѣстностію. А именно, на земномъ глобусѣ изображены: Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія, отличенныя одна отъ другой яркими красками, со всѣми раздѣленіями границъ отдѣльныхъ Государствъ и городами по новѣйшимъ руководствамъ и открытіямъ мореплавателей. Небесный же глобусъ представляетъ всѣ созвѣздія, всѣ звѣзды шестой величины и млечный путь по новѣйшимъ наблюденіямъ астрономовъ, такъ на-примѣръ, Большая и Малая Сѣверная Медвѣдица, Драконъ, Пегасъ, Чаша, Сѣкстанъ, Большой-Песъ, Летучая Рыба, Южный-Крестъ, Козерогъ, Стрѣлецъ, Гончія-Собаки, Каціона, Овенъ и проч. и проч. Кромѣ-того, въ приложенномъ-Руководствѣ включается:

1) Объясненіе, какъ должно употреблять предлагаемые глобусы, которые, по особо-устроенному механизму, доведены до такого совершенства, что каждый ученикъ можетъ положить оба глобуса съ книжкою въ сумку и нести ихъ съ собою въ классъ, можетъ тотчасъ-же развернуть ихъ въ сферу и употребить какъ настоящіе глобусы.

Изгородные могутъ выписывать глобусы въ особенномъ, для предохраненія отъ порчи, ящикѣ, безъ излишнихъ издержекъ.

2) Понятіе о наукѣ (географіи). 3) Видъ земли и ея движенія. 4) Круговыя линіи или земную сѣть. 5) Горизонтъ и страны свѣта. 6) Ось земли. 7) Экваторъ и меридіанъ. 8) Поворотные и полярные

круги. 9) Земные поясы. 10) Эклиптика и зодіакъ. 11) Параллельныя линія. 12) Солнце, планеты и спутники ихъ. 13) Звѣзды и кометы. 14) Орбита. 15) Солнечная система и затмѣнія солнца и луны. Наконецъ, 16) Описаніе земной поверхности, съ полнымъ изложеніемъ всѣхъ географическихъ терминовъ и раздѣленіемъ рода человѣческаго на пять племенъ, съ полнымъ статистическимъ, географическимъ и политическимъ описаніемъ Европы, Азии, Африки, Америки и Австраліи. —

Такимъ образомъ, изложивъ все достоинство предлагаемаго изданія и все удобство его употребленія, остается сказать, что:

1-е) Руководство, по краткости, ясности и удобопонятности изложенія, заключаетъ свѣдѣнія, самыя удовлетворительныя для изученія Географіи.

2) Самые глобусы, которыхъ нельзя найти ни въ одной учебной Географіи, по полнотѣ и строго-выполненной проэкціи, составляютъ небывалое въ Россіи изданіе, и

3-е) Дешевизна нашего изданія глобуса, при вышеназженныхъ удобствахъ употребленія и пересылки оныхъ иногороднымъ, дѣлаетъ ихъ доступными всѣмъ и каждому, родителямъ и дѣтямъ, учителямъ и воспитанникамъ; словомъ, наши глобусы составляющіе украшеніе кабинета ученаго и забаву малютокъ, изучающихъ географію, не могутъ не обратить на себя вниманія просвѣщенной публики.

Въ-заключеніе скажемъ, что настоящій Небесный и Земной Глобусы стоятъ каждый отъ 22 до 30 руб. сер., тогда-какъ предлагаемые нами глобусы, изящно-раскрашенные, Небесный и Земной, вмѣстѣ съ отдѣльною книжою «Руководствомъ» и рисунками при оной стоятъ ТРИ РУБ. СЕРЕБ. съ пересылкою—разница немаловажна.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Всѣхъ имѣющихъ какое-либо дѣло до Редакціи журнала «Сынъ Отечества» просятъ адресоваться къ *Петру Романовичу Фурману*, жительствоющему на Петербургской сторонѣ, въ Шамшевой улицѣ, въ домѣ Г-жи Гревсъ.

Рукописи, присланныя въ Редакцію, не будутъ возвращаемы.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

МАРТЪ.

ЯНВАРЬ.

I. РУССНАЯ ИСТОРИЯ.

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВЕННЫХЪ ВЪЩЕСТВІЙ Императрицы Екатерины Алексѣевны въ Ростовъ и Ярославль.

ПАТРИОТИЧЕСКІЕ ТОСТЫ, провозглашенные въ Вѣнѣ, на торжественномъ пиршествѣ, по случаю побѣдъ, одержанныхъ въ 1799 году Австрійско-Россійскими войсками. (Переводъ съ итальянскаго). П. Ф.

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія.

Извѣстія съ Кавказа.

Иностранныя извѣстія.

III. РУССНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕТРЪ Великій на водахъ Бѣлаго моря. Соч. М. Истомина.
Леночка и Оличка. Романъ, найденный въ письменной шка-
тулкѣ. Соч. М. М—ой.

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

БЕЗЪ ПРИДАНАГО. Романъ г-жи Шарль Ребо. Часть первая.

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Всемірная лингвистика.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ знаменитѣйшихъ механиковъ и строи-
телей.

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

22. Полное собраніе сочиненій Русскихъ авторовъ. Соч. Тредьяковскаго. Изд. А. Смирдина.	о пути къ спасенію, изданіе О. Дмитревскаго.
23. Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго.	27. Взглядъ на артиллерию въ тактическомъ отношеніи.
24. Объясненіе карты звѣзднаго неба, Составилъ Гр. Ракоцій.	28. Воспоминанія объ Иванѣ Никитичѣ Скобелевѣ. О. Буларина.
25. Изслѣдованія о русскомъ иконописаніи.	29. Правила и формы о производствѣ слѣдствій. Е. Колоколова.
26. Христіанскія бесѣды отца съ сыномъ объ истинномъ просвѣщеніи и	30. Основаніе (1750) Русскаго театра кадетами Перваго Кадетскаго Корпуса. А. Карабанова.